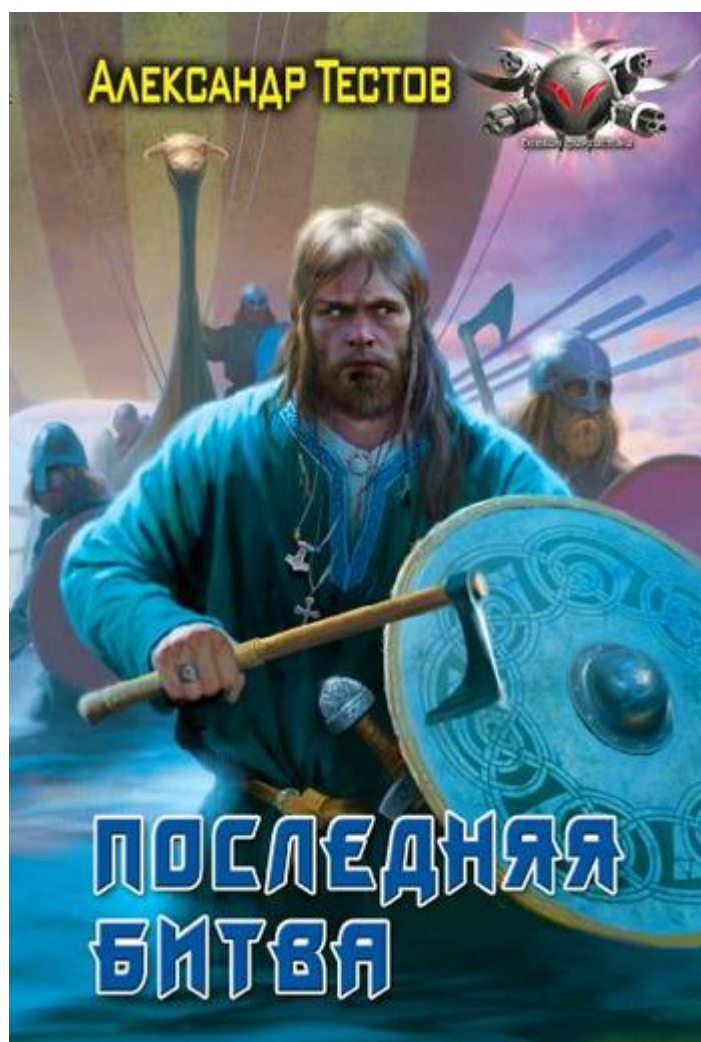

Александр Тестов Последняя битва

Варяги – 3

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
«Последняя битва»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0563-1

Аннотация

На долю трех друзей, очутившихся в девятом веке, выпало немало испытаний. Расставания и потери близких, враги явные и тайные. Этот мир, грубый и коварный, ждет их ответного шага. Дороги кружат по земле, порой пересекаясь, а порой уводя их далеко друг от друга. Но надо жить, во что бы то ни стало жить и найти дорогу назад...

Александр Тестов Последняя битва

*Мои мысли пришли ниоткуда,
Мои мысли ушли в никуда.
Так и быть, я оставлю покуда
Свою голову чистой как снег.*

*Вы в гавань войдете, увидев суда,
Что уходят куда-то отсюда,
Скажете тихо – ведь это судьба
Нас разминула навеки.
А было когда-то, когда-то все было,
Совсем все не так! Ведь было?!
И солнце вставало и медленно плыло,
И нам отдавало тепло!*

*Не надо, не порти словами, мой друг,
Того, что упало за огненный круг,
Не надо, не пачкай руками, мой враг,
Всего, что застыло меж нами.*

Пролог

...Капитан милиции, старший следователь отдела, Иванов Александр Данилович, в сопровождении двух сержантов поднялся на смотровую площадку выборгской башни Святого Олафа. Был душный августовский день. Парило нещадно, но служба есть служба...

Ржавая металлическая дверь противно скрипнула, и все трое оказались на парапете с хлипкими перилами.

– Высоко... – устало выдохнул Иванов.
– И жарко, – утирая платком пот со лба, кивнул один из сержантов.
– Так парит, не иначе дождь будет, – согласился второй.
– Ну-с, приступим к осмотру, – немного отдышавшись, предложил капитан. – Что у нас тут?

– Смотрите, – один из милиционеров указал на лестничный пролет.
– Вижу, – отозвался капитан, – перила упали, директор музея говорила об этом...
– Ржавые, – предположил второй сержант.
– Может и так, – протянул следователь, – может, сами, а может, парни помогли...
– Нет, товарищ капитан, если бы они упали, то тела бы точно обнаружили!
– А тел и не было?!
– Нет, товарищ капитан – тел обнаружено не было. Совершенно точно.
– Точно?!
– Так точно!
– И протокол осмотра составлен по всем правилам, со свидетелями, – поддержал товарища милиционер.
– Видел я ваш протокол, – кивнул капитан, а сам, присев, стал пристально изучать перила. – Свидетели-то все из замка были?
– Так точно. Фестивальщики.
– Оно и понятно. Небось, похмельные?
– Как можно, товарищ капитан, – обиженно изрек один из сержантов, – выбрали самых трезвых.

Против воли следователь улыбнулся, искривив рот, словно от кислого-прекислого лимона. – Ишь ты, самых трезвых нашли, ну-ну...

«И то правда, – чуть остыв, подумал капитан, – не все же пьют... и курят тоже не все...»

Капитан продолжил изучать место происшествия. Сержанты стояли, плотно прижавшись спинами к каменной кладке, и с опаской поглядывали вниз. Александра Даниловича высота башни не тревожила, не было у него этой фобии, но была другая – вникать в мелочи, в крупинки.

– Кровь! – почти торжественно воскликнул он, уставившись на крохотное бурое пятнышко на самом краю карниза.

– Где? – в голос спросили сержанты.

– Вот же. Ну, нет... совершенно точно это кровь!

Капитан присел, достал перочинный ножик и соскреб подозрительное пятнышко в пакет.

– Улика! – торжественно произнес он и убрал пакетик в карман, – экспертиза нам покажет...

– Как же мы во время осмотра пропустили, – посетовал один из сержантов.

– Вот-вот, – укоризненно покачал головой Иванов, – могли бы и повнимательнее присмотреться. Так, а это что?

Капитан встал и обратил свой взор на каменную кладку башни. Сержанты проследили за взглядом следователя.

– Как будто подпалина, – высказал догадку сержант.

– Так и есть! – ответил капитан, внимательно изучая подозрительный ожог на кладке.

Александр Данилович осторожно провел рукой по стене. Черный налет глубоко вьелся в камни, в раствор, словно его подвергли длительной термической обработке.

– Как думаете, товарищи, на что это похоже?

Сержанты пожали плечами.

– Может, молния?

– Так точно, товарищ капитан, – подал голос другой милиционер, – гроза была недавно, и молнии били...

– Так-так, – следователь растопыренными пальцами принялся измерять ожог на стене, – примерно двадцать на сорок сантиметров... не много...

– Точно молния, товарищ капитан, – поддержал второй сержант, – и свидетели говорят, что молнии над самой башней били. Вот одна и угодила...

– Ты еще скажи, что и парней испепелила!

– Ну...

– Так испепелила, что и следы отсутствуют?

– Ну-у-у...

– Вот тебе и ну! Сразу троих испепелила?! – капитан извлек из чехла фотоаппарат и принялся фотографировать.

Сделав пару снимков вблизи, Иванов отступил назад.

– Отойдите, дайте места, – следователь навел на стену объектив и вдруг застыл.

Руки опустили фотоаппарат.

– Интересно... – протянул Александр Данилович.

– Что?! – в один голос спросили милиционеры, видя, как следователь уставился на кладку.

– Вы ничего не видите?

– Копоть!

– Подпалины...

Капитан мгновенно вскинул фотоаппарат и сделал подряд три или четыре снимка.

– А ну-ка с моего места посмотрите!

Они поменялись местами, аккуратно разойдясь на тесном пространстве смотровой площадки.

– Восемерка! – воскликнул один из сержантов.

– Так точно, товарищ капитан, – цифра восемь.

И впрямь, на стене виднелась кривоватая, но вполне читаемая восьмерка, хотя и угадывалась она только с одного места, под углом.

– Молодцы, – похвалил Иванов, разглядывая на мониторе фотоаппарата только что сделанные кадры, – вот и я думаю... а что если изображение... хм-м... перевернуть?

Словно услышав команду, милиционеры склонили головы набок, меняя ракурс обзора.

– А если перевернуть, – повторил следователь, – получается...

– Так точно! – не дожидаясь выводов самого следователя, отчеканил бравый сержант.

– Да, – кивнул капитан, – так и есть... вот только что нам это дает?

Часть первая Осколки льда

*Не торопи меня – не надо!
Я сам устал от суеты.
Зверь в груди моей лохматый
Сидит и точит изнутри.
Он бес, он кровный враг,
Встающий по ночам.
Он ложь и черствый мрак,
Не внимлющий речам.*

Глава первая Что это было?

*Зверь в тебе...
И зверь во мне,
Сидит и гложет раны...
Ни я, ни ты
Понять не можем,
Что будет скоро с нами.*

* * *

Сигурд занял свое место в карауле, огляделся. Деревья... кусты... Все, в общем-то, было спокойно. Он глубоко вдохнул и тут же насторожился. Чье-то неловкое движение надломило сухую ветку, а затем справа затрещали кусты.

Сигурд мгновенно перевел копьё в боевое положение, и в следующую секунду из кустов проломился аркуда¹.

– Вот те на! Вот те здрастье! – вырвалось из груди юноши.

Животное застыло, принюхиваясь и приглядываясь. Насколько мог судить юноша, мишка был в меру крупный и в меру упитанный, однако это нисколько не умаляло достоинств его пасти и когтей. Медведь изучающее смотрел на человека и, судя по всему, учуял, что человек тут не один.

Сигурд и сам понимал, что хоть товарищи и находятся всего в нескольких десятках метров, они вряд ли успеют вовремя. Да и густо растущие ели надежно скрывали его от остальных. Только если крикнуть. Но кричать юноша не стал. Он выжидал, крепко сжимая древко копья.

Молчаливое противостояние зверя и человека продолжалось недолго. Лесной хозяин поднялся на задние лапы и грозно зарычал, что-то ему явно не понравилось в облике человека.

Какими приткими бывают медведи, Сигурд знал из «Мира животных», но чтобы до такой степени...

Зверь пролетел отделяющие его от человека десятков метров, как реактивный снаряд. Сигурд инстинктивно присел, выставив далеко вперед свое копьё. Лесной обитатель, широко расставив когтистые лапы, обрушился на него всей своей массой. Из пасти медведя вырвался душераздирающий рык, и юношу обдало жаром его дыхания. В следующий миг он

¹ Аркуда – медведь (древнерусский).

почувствовал, что наконечник копья вошел в тело хищника, пробив мохнатую шкуру. Сигурд надавил и услышал треск подламывающегося древка, и лапа хищника мощно саданула его по шлему. Еще секунду он стоял, уперев копьё в землю, а затем стал приседать глубже. Зверь давил что было силы, прижимая человека к земле, и, казалось, совсем не замечал, что сам насаживает себя на копьё. Все глубже и глубже...

Наконец, древко не выдержало и окончательно сломалось. Все же это было обычное боевое копьё, а не охотничья рогатина, которая и толще в древке, и имеет более длинный и широкий наконечник, да и опять же поперечная перекладина...

Медведь обрушился на Сигурда. Юноша получил еще один увесистый удар по шлему и тут же почувствовал второй удар в бок. Когти вырвали клочок кожного доспеха и достали плоть, но Сигурд в азарте боя не почувствовал боли. Он успел ухватить левой рукой за глотку медведя, тем самым не давая тому пустить в ход зубы. Держал, упирался...

И все же они упали. Хищник всем весом придавил человека, все еще пытаясь достать того лапами. Борьба длилась еще секунду, а затем свободной правой рукой Сигурд чудом извлек нож и нанес несколько коротких ударов в горло. Кровь заливала ему лицо, а он продолжал с остервенением наносить удар за ударом....

Сигурд почувствовал, что сопротивление лесного хозяина ослабевает, и тогда он нанес решающий удар, пронзив снизу челюсть хищника.

Медведь глухо прорычал, выпустив из ноздрей обжигающий пар. Он резко отстранился от жертвы, вырвав из рук человека нож. Животное приподнялось, но лишь на долю секунды...

Широко раскинув лапы и издав победный рык, зверь рухнул всей своей массой вниз, собираясь умереть, но раздавить никчемного человека.

Сигурд был не в силах увернуться от падения. Молниеносно нащупав под рукой обломок древка, он выставил его перед собой как последнюю преграду. Тело медведя рухнуло, полностью накрыв собой Сигурда...

* * *

– Вставай, чего разлегся, – услышал он над собой голос десятника Ивара.

Сигурд с трудом разлепил глаза. Уже стемнело, и лишь отблески факела немного разгоняли мглу.

– Вставай, говорю.

– А-а-а...

– Вставай.

– М-мх...

Юноша попытался сесть, боль пронзила правый бок. Инстинктивно прижав ладонь к ране, Сигурд огляделся. Рядом с десятником стоял Асбьёрн и еще один воин с факелом.

– А где медведь? – как замороженный, спросил Сигурд.

– Какой медведь, – не понял хёвдинг².

– Нет тут никого медведя, – заговорил ему Ивар, – ты чего?

Стиснув зубы, Сигурд поднялся на ноги.

– О, – воскликнул воин с факелом (Сигурд не помнил его имени), – да ты никак ранен.

Только теперь всем троим стала видна рана на боку юноши.

– Дай-ка взглянуть, – десятник наклонился и осмотрел рану, – медведь, говоришь...

– Да. Я... я его убил... кажется...

– А где туша? Ну-ка посвети.

Воин поднял факел выше.

Асбьёрн и Ивар внимательно изучили место недавнего боя.

² Хёвдинг – у скандинавов в раннем средневековье вождь, предводитель дружины, воевода.

– Ха, – скривил губы хёвдинг, – медведь и прям был. Но если ты его одолел, то не сам же он ушел.

– Не знаю, – признался Сигурд, продолжая зажимать рваный бок.

– Его надо перевязать, – заметил десятник и затем, едва заметно улыбнувшись, добавил: – а медведя надо в кустах посмотреть, может, он того... испугался нашего Сигурда и уполз в кусты помирать!

Хёвдинг не оценил юмор десятника.

– Чего оскалился? Следы есть, копьё сломано, воин ранен...

– А туша?

На этот вопрос Ивар тут же получил ответ. Из темноты донеслась ругань.

– Ох, чтоб тебя....

– Кого это там носит? – грозно спросил Асбьёрн.

Послышались шаги.

– Это я, – и на свет факела из ночи шагнул Хаук.

– Ты чего бродишь? – сдвинул брови хёвдинг.

– Так это... приспичило.

– Приспичило ему...

– А там туша лежит, кажется, медведь, – изрек Хаук, почесывая затылок.

– Вот тебе и туша, Ивар, – обернувшись к десятнику, молвил Асбьёрн.

Хаук в это время заметил раненого Сигурда.

– Уж не ты ли медведя прибил?

– Ага...

– Ивар, Хаук, давайте Сигурда к костру и перевяжите его. И наших парней зовите, надо разделать – не пропадать же добыче...

* * *

Десятник взялся лично обрабатывать рану Сигурда. Осторожно снял с него кожаный доспех, распорол рубаху.

– Ну ты везучий, – заметил Ивар, – рана не такая глубокая. Он тебя всего двумя когтями достал... вот если бы всей лапой дотянулся, было бы хуже...

– Ага, повезло, – кивнул юноша, – жить буду.

– Ну ты везучий... – повторил десятник.

Он тщательно промыл рану, а затем извлек из поясной сумки пучок сушеной травы. На удивление Сигурда, десятник отправил траву себе в рот и принялся пережевывать. Процедура продолжалась несколько минут, а затем Ивар смачно сплюнул себе на ладонь темно-зеленную массу.

– Вот, сейчас приложим, остановим кровь, а потом зашьем.

Десятник скатал из массы шарик, предварительно хорошенько размяв ее в руках. Полученной мазью, словно пластилином, он залепил рану и туго перевязал чистой тряпицей.

– Полежи до утра. Кровь уймется, а посветлу зашьем рану.

– Благодарю, – кивнул Сигурд и устало растянулся на подложенном плаще.

Ивар тут же ушел, впрочем, как и почти все воины. У костра осталось только двое, кажется Хаук и Гисли, да еще девчонка, их провожатая – сжавшись в комочек, сидела подле сосны.

Однако отсутствовали они недолго, и вскоре все дружинники вернулись, неся большие куски мяса, ну и, конечно же, снятую шкуру зверя – главный трофей.

– Если жениться надумаешь, хорошая подстилка будет! – громко обратился к Сигурду хёвдинг.

Викинги заулыбались.

– Да я вроде пока не собираюсь, – вяло ответил юноша.

– Можно и плащ сделать, если для тебя не тяжеловат будет, – заулыбался Асбьёрн. –

Тебе решать – твоя добыча.

С этими словами хёвдинг кивнул, и воины, подтащив шкуру медведя, сложили ее к ногам Сигурда.

Больше шуток в его адрес не последовало. Да и все до того произнесенные речи были скорее с нотками зависти, чем истинного сарказма. Еще бы, одолел лесного хозяина. И пусть мишка не слишком крупный оказался, но все же...

Поэтому воины с уважением поглядывали на Сигурда, и первый зажаренный на углях кусок мяса достался именно ему. Запах приготовленной пищи до того возбудил аппетит, что юноша съел мясо и не заметил. А под второй кусок пошел и мед из фляги, который оказался весьма кстати – хорошо.

Насытившись, Сигурд быстро уснул, а дружинники еще долго возились с мясом у костра и вполголоса обсуждали добытый трофей...

Во сне мысли Сигурда блуждали, как в лабиринте, кружа вокруг странного медведя. С чего это вдруг он напал? Ведь рядом находилось три десятка людей – это должно было спугнуть зверя. Ни ответа, ни слабой надежды на ответ во сне ему так и не пришло.

Что-то не так было с этим зверем. Мысль кружила, кружила... стоп! Глаза! Зеленые глаза! А у медведей бывают зеленые глаза? Такие зеленые – нет?! Или – да! Странно...

* * *

Проснувшись, Сигурд не помнил ни своего сна, ни своих вопросов, да и дело сейчас было поважнее...

Наутро, как и обещал Ивар, раны стали зашивать. Десятник извлек из сумки тонкую нить, скорее всего это была жила – из положения лежа Сигурд не очень-то и разглядел... Нет, определенно это – жила.

Десятник продел ее в костяную, слегка искривленную иголку.

– Готов? – спросил Ивар.

– Давай, – кивнул Сигурд и плотно сжал зубы.

Сняв повязку и убрав мазь, десятник приступил к операции. Одной рукой он с силой свел концы раны, а второй ловко проколол кожу. Размашистыми движениями Ивар вгонял иголку в плоть, сводя рваные концы вместе. Стегал широко, но надежно, а что до красоты шва, то про это Сигурд не думал. Главное, чтоб не разошелся в пути. А идти он был намерен с ними до конца, ну не возвращаться же, в самом деле, в борг. Считаю только что отошли.

Сигурд сжимал зубы, но не проронил ни звука. От напряжения крупные капли пота катились по лбу, заползали в глаза.

– Ну вот – готово, – наконец изрек Ивар, закончив процедуру. – Теперь закроем швы.

Сигурда осторожно усадили и туго забинтовали.

– Пойдешь с нами? – спросил подошедший хёвдинг.

– Да, – устало выдавил юноша, – с вами...

Асбьёрн Весло одобрительно качнул головой.

– До полудня остаемся на месте, – распорядился хёвдинг, – не бросать же тут столько мяса.

Дружинники одобрительно зашумели. Костер вновь жарко запылал, пережигая поленья в угли.

– Жаль бросать шкуру, – устало выдавил Сигурд.

– Что так? – изумился Ивар.

– Не уташу...

– Поможем, – одобрительно подмигнул десятник, – что ж хорошему парню да не помочь, а?

Он обернулся к дружинникам, глазами ища поддержки. Воины тут же отозвались.

– Поможем...

– Мясом нас накормил – конечно, поможем.

– А то...
– Сигурд, я клыки возьму? – вдруг спросил один из молодых.
– Бери, – лениво махнул юноша рукой.
– А когти?
– Нет, ну ты посмотри, – рассмеялся десятник, – нашему юному Магнусу ложку ко рту не подноси, оттяпает вместе с ложкой и руку.

* * *

После полудня двинулись в путь. Шли небыстро, и не только из-за раны Сигурда. Местность для заморских гостей была дикая, неизведанная. Девчушка, понуро шагавшая впереди отряда, указывала дорогу до ближайшего поселения чудинов. Сигурд слышал, как хёвдинг расспрашивал ее. Судя по всему, выходило, что, даже не спеша, к вечеру они должны были выйти к Куйвоксе, откуда родом и была их провожатая.

Сигурд шел в конце колонны. Его заботливо освободили от тяжести щита и шлема. Так что из всего оружия на поясе висели только меч и нож. Нож, кстати, извлекли из пасти убитого им медведя и вернули владельцу. Обидно было бы потерять – хороший нож. Юноша осторожно приступал на правую ногу, дабы не беспокоить рану и свеженаложенные швы. Он больше налегал на левую, и со стороны казалось, ну прихрамывает боец немного – не беда.

Темнело. Октябрьское солнце устремилось вниз. Набежали плотные тучи, и мелкий дождик стал мочить лес.

Их заметили раньше, чем они ожидали. Трое быстроногих парней вынырнули из оврага, увидели незваных гостей и, побросав лукошки, стремглав унеслись в сторону. Их тоже заметили, но погони не учинили – зачем?

– Кажется, близко, – заметил шедший рядом с Сигурдом воин.

Через несколько метров отряд вышел на широкую тропу. Сомнений не оставалось, она должна была точнехонько привести их в Куйвоксу. Держась этой дороги, примерно через полчаса дружинники ярла³ Атли Косого вышли к поселку. Куйвокса оказалась небольшой деревенькой, дворов в двадцать, не больше. Местами ветхая, покосившаяся ограда, высотой всего в человеческий рост, не производила впечатления надежной защиты, скорее могла предохранить от дикого зверя, нежели от человека. Так подумалось Сигурду, когда он увидел поселение чудинов. Три десятка крепких воинов могли запросто прорваться через эту, с позволения сказать, преграду.

Даны подошли ближе. Ворота выглядели понадежнее. Одна массивная створка была, видимо, изготовлена совсем недавно и блистала в закате желтизной свежего тёса. Викинги все приближались. Оружие не извлекали, но вот щиты сняли из-за спин – мало ли что на уме у этих чудинов, еще стрелы начнут метать. Они уже видели, как на стенах появились люди, замаячили копыя и рогатины. Они шли строем по трое, благо позволяла открытая местность перед поселением. Вепсы не стреляли и не окликали гостей – ждали.

Хёвдинг Асбьёрн Весло жестом остановил отряд на расстоянии броска копыя от стены. Вышел вперед, оглянулся на своих и, широко размахивая длинными ручищами, решительно двинулся к воротам. Сигурд вышел из своего ряда и продвинулся во главу колонны – что там?

– Кто старший? – донесся до отряда голос хёвдинга, Асбьёрн говорил на словенском.
– Чего надо? – отвечали со стен тоже по-словенски.
– Я Асбьёрн – хёвдинг ярла Атли, хозяина Альдегьюборга...
– Не знаем такого! – прервали его выкриками чудины. – Что еще за Атли? Гутрум ярлом в граде был!
– В борге теперь ярл Атли с дружиною, а Гутрума вашего и след простыл, –

³ Ярл – князь.

многозначительно ответил хёвдинг.

Короткая пауза – и тишина. Сигурд видел, что жители Куйвоксы забеспокоились.

– Чего надо? – наконец спросил твердым голосом один из чудинов.

– Ярл Атли хочет взять вас под свою руку! Гутрум вам больше не подмога! – решительно изрек Асбьёрн.

Пауза. Тишина.

– И в знак дружбы ярл Атли отдает вам девку, что мы отбили у Гутрума, – хёвдинг повернулся к дружинникам и махнул рукой.

Тут же двое воинов приподняли девчонку за локотки и, словно она ничего не весила, почти бегом направились к воротам.

– Ваша девка – забирайте!

Чудины на стене загомонили – видимо, признали девушку. Даны отпустили ее у самых ворот и также бегом вернулись в строй. Створка ворот едва приоткрылась, и несколько пар рук буквально втащили девчонку вовнутрь.

– Кто старший? – вновь задал вопрос хёвдинг и, немного обождав, добавил: – добром говорить будем, или пусть разговаривают наши мечи, – он демонстративно откинул плащ и положил руку на рукоять.

– Откроют, – уверенно заявил Ивар, стоящий рядом с Сигурдом, – куда им деваться. Нас три десятка, мы разнесем это гнездо в мгновение ока. Как твоя рана?

– Вроде хорошо, – рассеянно ответил юноша, продолжая наблюдать за ситуацией у ворот. Он и сам не верил в то, что вепсы окажут сопротивление.

Снова пауза и тишина. И вот ворота медленно, словно нехотя, поползли в сторону. Из ворот вышел высокий мужчина и подошел к хёвдингу. Они говорили тихо, так, что Сигурд не слышал, о чем шла беседа, но по жестам вепса он понял, что тот приглашает данов в Куйвоксу. Через минуту Асбьёрн, не оборачиваясь, подал сигнал, и дружинники сдвинулись с места – приглашение принято!

Глава вторая Поединок

*Я крови не боюсь!
Ее уже довольно
Я видел на своем веку...*

Переговоры Асбьёрна с вепсами или, как их называли даны на манер новгородцев, чудинами, не очень интересовали Сигурда. Как только отряд разместили по избам на постой, он тут же расстелил свой плащ на широкой лавке и почти мгновенно уснул.

Утром его разбудил Ивар.

– Давай-ка посмотрим швы, – предложил десятник, устроившись рядом на скамье. – Ну что там?

Сигурд стянул рубаху.

– Та-а-ак, – протянул Ивар, – хорошо. Парни натопили медвежьего жира, сейчас помажем, и будешь как новенький.

– Проводника нашли, дальше идти? – спросил юноша, когда перевязка была окончена.

– Конечно. Чудины оказались сговорчивые. Так что и проводника дадут до следующего места, и выход⁴ в борг по снегу пошлют.

– Куда мы дальше?

– Не знаю, – пожал плечами десятник, – больно уж странные у них названия... Руявакса... Рояшмакса, тьфу ты... да не все ли равно.

⁴ Выход – дань.

– Да уж...

– Швы у тебя в порядке. Вставай, собирайся, скоро выступаем.

Дождь, шептавший всю ночь по крыше, к утру истощился. Сквозь рваные тучи проглянуло октябрьское солнышко. Дружинники, поминая богов, что даровали хорошую погоду, быстро собрались в путь. По первому требованию Асбьёрна чудины снабдили их провизией в дорогу.

В провожатые им дали молодого паренька, который беззаботно вышагивал впереди отряда. До следующего поселения оказалось не так уж и далеко. Сразу после полудня, отшагав по прикидкам Сигурда верст двадцать, даны вышли к следующему поселению. На сей раз их встретили широко распахнутые ворота – видимо, чудины из Куйвоксы успели предупредить соседей. Сам старейшина Руйволлы – так называлось это поселение – вышел навстречу гостям. Совсем седой старик в меховом темно-синем плаще поприветствовал посланцев ярла Атли. Вместе с ним из ворот вышли с десятков добротнo одетых мужчин, по всему видно – лучшие мужи.

– В граде, на Альдайоки теперь князь Атли сидит? Верно ли это? – неспешно, растягивая слова, спросил старик.

– Верно, как и то, что мы стоим здесь, перед тобой, – ответил хёвдинг, жестом указывая на свой отряд.

– И князь Гутрум убит?

– Нет. Его трупa никто не видел, но вся дружина его вознеслась в Вальхаллу.

Старик задумчиво покачал головой, а затем изрек:

– Заходите, будьте гостями на нашей свадьбе, а о делах поговорим завтра.

– О! – воскликнул Асбьёрн, – так у вас праздник?

– Свадьба, – повторил старейшина, – мой старший внук женится.

– Ну что ж, это похвально. Мы будем рады присутствовать на вашей свадьбе.

Этот разговор слышал весь отряд. Глаза многих заблестели, а рты растянулись в довольной улыбке. Еще бы – гуляй воинство. Пей да веселись. Сигурд повернул голову. Рядом стояли Хаук и Гисли – ну до чего противные рожи, тьфу. И опять скалятся как-то нехорошо, противно как-то...

* * *

Сигурд пропустил почти всю церемонию. Хотелось полежать, отдохнуть, да и швы опять же...

К вечеру, когда уже совсем стемнело, в самом большом доме собрался торжественный пир. Вот к столу Сигурд и вышел. Оголодал, что поделать? Хотя, честно признать, не очень по сердцу сейчас были ему эти шумные застолья. Твердо решив, что поест и сразу же уйдет, юноша вошел в просторный зал. Столы, расставленные большой буквой П, как и положено, ломились от яств и обилия питья. В битком набитом зале веселилось никак не меньше полусотни народу.

Приметив своих сослуживцев, Сигурд подсел к ним.

– О! Ты где пропадал? – легонько хлопнул его по плечу Ивар, – все проспал бы, лежебока.

– А я вижу, вы тут время даром не теряли, – кивнул юноша на пустые сосуды.

– Да брось ты... сейчас еще принесут, и тебе достанется.

– Мы им твоей медвежатины поднесли в подарок, – ухмыляясь, изрек Асбьёрн, – не возражаешь?

Сигурд махнул рукой и обвел стол долгим взглядом. Данов за столом собралось десятка два.

– А где остальные? – спросил юноша.

– Караулы никто не отменял, – подмигнул ему хёвдинг, – мы же в походе...

– Ага... только в походе пьют ли хмельное, – возразил на это Сигурд.

– Да брось ты, – вмешался десятник, – свадьба же...

– Оно конечно...

Сигурд был слишком голоден для дальнейших препирательств и решил отдать должное праздничному столу. Ближе всего к нему оказался массивный пирог с луком и грибами – хорошо. А также паштет... тертые яйца с сыром, что ли... с луком и какой-то зеленью – вкусно.

Уплетая угощение, Сигурд осматривал гостей и новобрачных. Ну все гости нарядно одеты, а невеста, как в песне поется, всех краше была... И действительно хороша. В ярко-красном платье с золотыми вышивками. В косы вплетены красные и синие ленты, у лица покачиваются височные серьги. Нет, вряд ли золотые, но блестят – бронза?

А вот жених-то подкачал. Даже сидючи он был на голову ниже своей будущей жены. Лицо нечистое, не то в щербинах, не то в прыщах, Сигурд со своего места не очень-то разглядел. Ну, да ведь не с лица воды пить...

Молодые вели себя скромно, тихо. Принимали поздравления, кивали, благодарили и выпивали со всеми, вернее, делали вид, так, полглоточка...

Заметил юноша и Хаука с Гисли. Эти всегда неразлучны, как два брата близнеца. Хотя, конечно, никакими братьями они не были, дружили, в общем. И были даже чем-то похожи... рожами. Они озорно подмигивали проносящимся мимо девушкам, которые с ног сбивались, чтобы разнести всем угощения и наполнить быстро опустошавшиеся емкости. Вот – Гисли, схватил одну девушку и силой усадил себе на колени. Та, понятное дело, сопротивлялась, но уж как-то не очень... что ты – такое внимание со стороны суровых воинов...

Меж тем, откуда не возьмись, перед Сигурдом нарисовалась объемистая, до краев наполненная деревянная кружка...

– У них знатное пиво тут варят, – заметил Асбьёрн, – надо будет шепнуть ярлу, пусть он с них пивом выход берет, а?

– Надо, – поддакнул Ивар, – отведай, Сигурд, хорошее пиво!

– Да не хочу я...

– Э-э-э, – протянул хёвдинг, – ты воин или девка?

«Ну вот, началось, – подумал юноша. – «Ты меня уважаешь?» Вон оно откуда повелось...»

– Да не хочу я, – повторил Сигурд.

– А вот и медвежatina! – хмельно прокричал Асбьёрн Весло.

– Давай под медвежатину, – подначил Ивар.

Тут хёвдинг поднялся и продекларировал:

– К праздничному столу – трофей нашего воина. Вот он – Сигурд! Это он один убил зверя! Вот такие, – Асбьёрн хлопнул юношу по плечу, – у нашего ярла храбрые воины. Помните это! Сигурд, подымись – покажись народу!

«И тут Остапа понесло...», – Сигурду стало немного не по себе от этих похвал. Он повел плечами, скидывая с себя руку.

– Скромный... скромность украшает не только женщин, но и мужчин... Я пью, – торжественно продолжил хёвдинг, – за нашу дружбу!

Хёвдинг стоя осушил свою кружку до дна. Гости последовали его примеру.

– За тебя же выпили, – шумно плюхнулся на место Весло, – Сигурд – пей!

Ну, надо так надо, от них ведь не отвяжешься... А пиво действительно оказалось на высоте. Ой, да под медвежатинку...

О ране сразу забылось, словно швы прямо тут, не отходя от стола, мгновенно рассосались. А вторая кружка и вовсе пробудила восторг и усиленный аппетит. Пир набирал обороты. Люди, перебивая друг друга, выкрикивали тосты, здравницы и что-то еще... Сигурд поначалу прислушивался, но потом, когда хмельные гости стали нести разную малоосмысленную чушь, почти полностью отключил слух.

Но глаза видели, смотрели, как народ гулял и шумел. Вот самый нестойкий сполз со скамьи под стол и, кажется, захрапел, или его там тошнило, собственно, какая разница...

Видя, что пир стоит горой, старейшина Руйволлы, тот старик, который встретил их у ворот, жестом указал молодым, что, мол, пора уходить в опочивальню. Молодые встали. И теперь Сигурд убедился, что жених и вовсе ниже своей избранницы на целых две головы.

Молодожены учтиво поклонились гостям и что-то тихо пробормотали, но вот что? Сигурд не расслышал из-за всеобщего гама. Они ушли, а вслед им неслись напутствия и пожелания на брачную ночь. Сигурд понимал, что так принято, такой обычай – провожать молодых с улыбочками да прибауточками... И действительно, а мало ли чего, вдруг молодые не знают, что им там, в опочивальне делать.

Парень глянул в сторону. Ряды пирующих данов поредели, не хватало только Хаука и Гисли...

* * *

Мирное течение свадебного пира внезапно нарушил дикий крик. В залу вбежала растрепанная женщина и, вырывая с головы волосы, принялась истошно кричать и размахивать руками. Гости некоторое время не могли прийти в себя от столь стремительного натиска криков и жестов. Женщина промчалась через весь зал и, брызжа слюной, уставилась на Асбьёрна, пытаясь что-то ему объяснить. Разъяренная женщина, понятное дело, изъяснялась на вепском, но от злости глотала слова так, что хёвдинг, даже если бы и знал вепский, то все равно не понял бы ни слова. А она старалась, как могла...

– Да в чем дело? – хватанул Асбьёрн ладонью по столу.

Женщина внезапно умолкла. Ей на глаза попался старейшина. Она мгновенно подскочила к нему и, тыча пальцем в данов, принялась кричать ему о своем горе. На удивление старик понял ее быстро. Он повелительно вскинул вверх правую руку, заставив женщину умолкнуть. Судя по всему, некоторые, не очень пьяные вепсы тоже поняли, о чем речь. Сигурд видел, как изменились их лица, как зло заблестели глаза. Руки мужчин инстинктивно потянулись к поясам, но нет, не было на них ножей. Во время праздника не по обычаю садиться за стол при оружии. Но на столе имелись небольшие ножики для разрезания мяса, вот за ними-то и потянулись руки.

– Стойте! – громко, чтобы все слышали, изрек старик.

Вепсы застыли. Старейшина прошел к Асбьёрну и словно выплюнул ему в лицо:

– Твои люди устроили насилие в нашем доме!

У Сигурда екнуло сердце, он догадался сразу.

– Кто? – грозно спросил хёвдинг.

Через секунду ответ пришел сам. Вернее, ответа было два – Гисли и Хаук. В широкие двери их не ввели, их внесли. На каждой руке викинга висело по дюжему вепсу – не рыпнешься. А позади с самым воинственным видом шли еще пятеро с короткими копьями. Левая щека Гисли была рассечена, нос прокушен, а у Хаука под правым глазом уже оплыл здоровенный синяк. Видать, парней брали с боем, ибо и у некоторых вепсов последствия борьбы были налицо.

Следом ввели опозоренную девушку. Сигурд узнал ее – это была та самая девушка, что прислуживала гостям за столом. Ее растрепанные черные волосы с запутанными в них пучками сена ниспадали на плечи и отчасти прикрывали порванные рукава платья. Девушка, плача, прижимала руки к низу живота, где на зеленой ткани виднелись маленькие бурые пятнышки. Все было понятно без слов.

Хмель моментально улетучился и хёвдинг данов в несколько прыжков оказался рядом с девушкой. Его скулы ходили ходуном.

– Они? – спросил он по-словенски.

Девушка кивнула головой.

– Она сама захотела, – первым начал оборону Гисли.

– По согласию она... – подключился Хаук.

Асбьёрн нахмурил брови и строго глянул на провинившихся, затем снова задал вопрос:

– Это правда?
– Не-е-ет, – прохныкала пострадавшая.
– Клянусь Одним, она лжет!
– Хаук! – хёвдинг вплотную подступил к говорившему. – Хаук!
– Клянусь Одним, – повторил тот.
– Она сама... – поддакнул Гисли.
– Мы... – начал было старейшина, но Асбьёрн перебил его.
– Мы заплатим виру. Скажи, старик, сколько, и мы заплатим!
Старейшина отрицательно покачал головой.
– Твои воины не признают вины!
– Они признают! Гисли, Хаук!
– Хёвдинг, – твердо изрек Гисли, – мы не виноваты...
– Мы требуем решить спор мечом! – вступился Хаук.
– Вы ополоумели! – взревел хёвдинг. – Старик, я повторяю, мы заплатим виру!
– Нет, – решительно ответил вепс, – они не признают своей вины.
– О боги. Что же ты хочешь?
– Вы немедленно уходите, а эти, – сухим пальцем он указал на преступников, – эти останутся.

– Нет, – изрек Весло, – или вира, или меч!
Сигурд, как и все, стоя наблюдал за развязкой. Он прекрасно понимал, что хёвдинг не может оставить своих воинов на растерзание обиженным вепсам. Его не поняли бы ни ярл, ни дружинники. Викинги не бросают своих, что бы ни произошло. Оставь он их, что скажут в борге, когда он вернется? Это равносильно позору, а позора Асбьёрн допустить никак не мог.

– Хорошо, – тут же согласился старейшина рода и, повернувшись к хёвдингу данов, добавил: – раз твои воины не признают вины, пусть будет меч!

Сигурд видел, как рожи Гисли и Хаука расплылись в довольных улыбках. Еще бы. Что им эти неопытные в ратном деле чудины – мужики! Было явно заметно, что эти двое рады такому повороту событий. И пусть это нечестно, зато справедливо по местным законам. Но ведь нечестно...

Сигурд начал движение вперед...

– Назначай бойцов, – предложил Асбьёрн, немного остыв.

Старейшина обвел присутствующих сородичей долгим взглядом. Присматривался – выбирал. Но как ни сильна была жажда вепсов отомстить, почти все, с кем встречался взглядом старик, либо отводили глаза, либо и вовсе отступали за спину соседа. Месть мостью, но никто не хотел умирать на клинках северян.

– Я пойду, – выступил вперед высокий молодой парень. Крепкий, широкоплечий, среди чудинов такого еще поискать....

Старик молча кивнул, соглашаясь. Гисли и Хаук презрительно оглядели парня с головы до ног, мол, куда ты лезешь...

– Я, Сигурд, сын Бьерна, – юноша на ходу придумал себе отчество, – обвиняю Гисли и Хаука в насилии и в неуважении к хозяевам этого дома.

Все присутствующие разом обернулись на его голос. А Сигурд уже стоял подле старейшины.

Первым отреагировал хёвдинг. Он подскочил к Сигурду и, ухватив его за локоть, увлек немного в сторону.

– Ты спятил! – шепнул Асбьёрн на ухо юноше. – Против своих будешь биться? Это несправедливо!

– А справедливо выгораживать насильников? – тоже на ухо ответил Сигурд. – Где у чудинов воины, чтобы совладать с этими... – секунду он подбирал подходящее выражение и, не найдя ничего лучше, добавил: – с этими козлами.

Хёвдинг понял его не так, ну почти не так... Козлы весьма уважаемые животные у

скандинавов, сильные, благородные...

Асбьёрн ответил:

– Они опытные воины, это так, но это дело чудинов...

Сигурд резко вырвал свой локоть из руки хёвдинга и громко подтвердил:

– Я сказал!

Асбьёрн Весло обреченно развел руками.

* * *

А ведь как все хорошо начиналось. Свадебный пир, море угощения... но ведь нет, надо было такому случиться. И почему-то Сигурд не очень этому удивился. Ни Хаук, ни Гисли не понравились ему с первого взгляда еще там, в Альдегьюборге. Кислые, обветренно-красные их рожи вызывали... нет, не страх, скорее отвращение, тьфу!

Они совершили худшее, что могли совершить гости в доме хозяев – насильничали над девушкой. Это было серьезное обвинение, но эти двое напрочь отвергали все притязания, упрямо твердя, что девка, мол, сама напросилась. Сама...

– Я принимаю заступничество этого воина, – спокойно ответил старейшина Руйволлы, оглядывая Сигурда, – пусть он вступится за нашу честь.

– Слышал?! – Сигурд подмигнул хёвдингу, – дело решенное – я буду сражаться с ними. Хаук и Гисли быстро спрятали улыбки.

– Будь по-вашему, – махнул рукой хёвдинг. – Ивар, делай круг!

Десятник мгновенно сорвался с места, вслед за ним во двор последовали и все даны.

– Да отпустите их, – попросил Асбьёрн, – поединок назначен! Куда они денутся...

Чудины нехотя освободили руки насильников.

– Пошли! – подтолкнул их хёвдинг.

Вепсы расступились, Хаук и Гисли, потирая руки, последовали за хёвдингом во двор. Ивар управился быстро. Даны и чудины выстроились кругом с зажженными факелами, которые ярко освещали все пространство.

– Твои раны...

Асбьёрн не успел договорить. Сигурд рассеянно махнул рукой:

– Пустое. Один на моей стороне.

И он тут же, наверное, впервые в жизни, мысленно обратился к Водителю Дружин. Он не умел молиться, но сейчас...

– Победа будет за нами!

– Что ты сказал? – Асбьёрн резко обернулся.

– Ничего, – ответил Сигурд, понимая, что оплошал, заговорив по-москальски.

Хёвдинг хмыкнул и отошел. Он прошествовал в центр круга, оглядел пространство для поединка. В это время с одной стороны круга появились безоружные обвиняемые, напротив них с мечом и щитом вышел Сигурд. Он решительно отстранил вызвавшегося на поединок вепса, решив первым принять бой. Вепс расправил плечи, отчего стал казаться еще шире. «Горяч дюже», – подумал Сигурд, глядя ему в глаза. Вепс пытался настаивать, что честь выступить первым должна принадлежать ему. Сигурд отрицательно покачал головой. Вепс что-то прорычал, но тут вмешался старейшина. Он так неожиданно врезал широкоплечему посохом по спине, что тот аж подпрыгнул.

– Изыйди, Маклош, – грозно сдвинув брови, приказал старик.

На удивление – подействовало. Маклош смирил гордыню и отошел, уступая место чужаку.

– Кто вначале?! – громко спросил хёвдинг, обращаясь к Сигурду.

– Мне все равно! Пусть сами решают.

Первым вперед рванул Хаук.

– Быть посему! Дайте ему меч и щит! – скомандовал Весло.

Хауку тут же подали оружие, а Гисли оттеснили в сторону, за круг.

Асбьёрн внимательно оглядел обоих поединщиков и, удостоверившись, что никто из них не припрятал запасного оружия, дал знак сходитьсь. Как только он взмахнул рукой и встал в общее оцепление, Хаук начал схождение. По обычаю священного поединка – хольмганга – поединщики не имели доспехов. На них были только кожаные рубахи.

Хаук сближался не торопясь. Сигурд ждал. Он не спешил, экономил силы. Встреча с медведем была не из приятных, раны еще побаливали, и он решил, не тратя понапрасну силы, выждать момент для решительного удара. И то правда, какой резон колотить друг друга по щитам.

Хаук согнул ноги, сжался, полностью прикрывшись щитом. Он шел вперед медленно, зигзагообразно меняя направление. Сигурд подтянул щит к груди, а меч отвел чуть в сторону. Когда до противника оставалось не больше двух метров, Хаук стрелой прыгнул вперед. Он намеревался щитом накрыть Сигурда, а мечом рубануть в бок. Сигурд же с силой выбросил свой щит навстречу дану, а сам сделал шаг вправо, потом еще полшага...

Брошенный щит с треском ударился в щит Хаука, на миг перекрыв ему обзор. Он рубанул наугад, но разрубил лишь воздух. Сигурд был уже сзади. Его меч врезался в тело дана у самого основания головы и прошелся вдоль хребта, как тяжелый плуг. Легко разрезав одежду и кожу, лезвие вспорол мышцы. Хаук дернулся и инстинктивно развернулся. Когда глаза поединщиков встретились, дан издал дикий рев и попытался еще раз перейти в атаку. Сигурд легко уклонился, а затем и вовсе отбежал к самому краю круга. Хаук, изрыгая проклятия, медленно шел к нему. Из его левой руки выпал щит, а другая, с мечом, повисла вдоль туловища так, что концом клинка он бороздил землю.словно оживший мертвец, дан, еле переставляя ноги, упрямо шел вперед. Его глаза уперлись в Сигурда, а губы шептали проклятья. Он не дошел до своего обидчика всего трех метров. Хаук внезапно остановился, замер. Его тело дрогнуло, качнулось... и он упал лицом вниз.

– Один!!! – вскрикнул кто-то из викингов.

– Один! Один! – воскликнули даны, провожая своего товарища.

Товарищ их оказался виновен – обвинение подтвердилось на поединке волей Одина. Сомнений быть не могло.

Четверо викингов вышли из круга и под продолжающиеся возгласы утащили поверженное тело за пределы круга.

Сигурд поднял свой щит и вышел на исходную.

– Гисли! – громко позвал хёвдинг. – Твой черед!

Гисли молча кивнул, и ему подали щит и меч. Второй обвиняемый вышел в центр, но атаковать не спешил. Слишком быстрой оказалась смерть его друга. Быстрой и позорной, от удара в спину... позорной...

Но и стоять на месте Гисли не мог. Он воин – не трус! Он начал забираться влево, заходя по кругу. Сигурд внимательно следил за его движениями, поворачиваясь к нему лицом, вернее, щитом. Гисли несколько минут кружил по ристалищу, не решаясь первым нанести удар. Наконец Сигурду надоела эта бессмысленная игра в «блуждающего мальчика» и он сам пошел на сближение. В его голове уже созрел план, вернее, удар, которым он закончит дело. Ведь не зря говорил тренер – поединок ведется не только оружием, но и головой, а бой может решиться одним точным ударом.

Сигурд высоко поднял меч, делая вид, что сейчас обрушит на голову противника могучий удар. Это было опасно. Задумай сейчас Гисли атаковать, то Сигурду пришлось бы возвращать меч вниз, а это секунды – чудовищно большой отрезок времени в бою. Но Гисли не решился на контратаку, он согнулся, выставив щит для отражения меча. Рука Сигурда стремительно пошла вниз, но неумовимо для взгляда изменила направление и пошла по косой. Меч полетел в бок. Воинский опыт и хорошая реакция спасли дана. Он дернулся и, понимая, что щитом уже не успеть, выставил меч. Несколько сантиметров ему все же не хватило, и меч Сигурда, соскочив с гарды, полоснул по руке противника. Гисли отдернул пораненную руку и тут же сменил позицию, но поздно. Сигурд ошарашил его ударом щита еще и еще раз...

Лишь на миг Гисли открылся и Сигурд нанес решающий удар. В противовес всем азам тогдашней боевой науки вонзил свой меч в горло противника. Закругленное окончание скандинавского меча не очень располагало к колющим ударам. Мечами и не кололи, разве что... Вот это и был тот подходящий случай. И ничем не прикрытое горло Гисли с глухим чавканьем приняло сталь. Сигурд поглубже вогнал лезвие, чуть провернул и резко выдернул назад. Он тут же сделал два шага назад и все же фонтан крови достал его.

– Один!!!

– Один!!!

Викинги ликовали. Суд свершился. Один не ошибся, он прав! Один всегда прав!

– Один!!!

Десятки глоток надрывались, словно это и не смерть их товарищей в кругу была причиной, а какой-то праздник, веселый и озорной...

– Один!!!

Чудины косились на данов и улыбались, но по иной причине. Этот воин северян – Сигурд – отстоял честь, не допустил порухи. Гисли и Хаук были виновны в насилии, это подтвердили боги, даровавшие молодому воину победу в поединке.

– Юмал!!!

Чудины вспомнились окончательно и стали выкрикивать имя своего верховного бога.

– Юмал!!

Наконец крики стали стихать, а тело последнего поверженного было убрано из круга. К победителю подошел Асбьёрн.

– Один любит тебя, Сигурд! – сказал он, – ты убил двоих воинов, а сам, я гляжу, – он осмотрел Сигурда, – не получил ни царапины.

– Боги любят меня, – улыбнулся в ответ юноша, – повезло...

– Везет храбрым...

– Ага...

– Да-а, – протянул хёвдинг, – свадьба превратилась в тризну.

– Они сами виноваты.

– Да-да, ты доказал это.

Их разговор прервал подошедший старейшина. Старик вплотную приблизился к Сигурду и мягко изрек:

– Мы благодарим тебя, храбрый воин.

– Боги...

Старик прервал речь юноши.

– Склони голову...

Сигурд пожал плечами, но голову опустил. Старейшина Руйволлы надел на шею победителю гривну. Скрамную, не слишком толстую, но серебряную.

– Благодарю, – ответил Сигурд.

– Твои боги велики, твою смелость будут помнить в нашем роде.

– Ага... – Сигурд отрешенно кивнул.

* * *

Свадебный пир прекратился сам собой из-за трагических событий. И хотя все обвинения подтвердились в хольмганге, чудины под строгим взглядом старших стали расходиться. Многие не скрывали радости, что поединок принес смерть обоим обидчикам, но и не спешили поздравлять Сигурда.

Больше к нему никто из чудинов не подходил и не благодарил, как будто все произошедшее свершилось само собой, по-щучьему велению, и он, Сигурд, совершенно не причастен к этому делу. Но чудинов понять можно. Смерть насильников произошла по воле богов, а меч воина, пронзивший их тела – меч божественного правосудия. Именно так рассудил Сигурд, глядя на сдержанно улыбающиеся лица вепсов: «Божественное

правосудие... божественное, м-м-да... тьфу ты, какой пафос! Хотя...». Хотя Сигурд верил в скандинавских богов. Один – великий ас⁵! Это – истина! И эта истина дурманила и затягивала, как пучина...

Северянам отвели место для ночлега, но о сне никто не помышлял. Асбьёрн велел убрать трупы поверженных товарищей и, несмотря на ночь, даны отправились на окраину леса, подальше от чужих глаз. Быстро собрав дрова для поминального костра, тела Гисли и Хаука уложили на бревна, и хёвдинг сказал пару прощальных слов. Сигурд стоял чуть в стороне и пропустил слова Асбьёрна мимо ушей. Его мысли были далеко от происходящего.

Вот один из воинов поднес факел, и костер нехотя стал разгораться. Пламя лениво, словно его что-то держало, принялось подниматься вверх. Прошел еще добрый десяток минут, прежде чем огонь лизнул трупы. Полное безветрие мешало ему, или Великий Один не торопился забрать тела в Вальхаллу...

Сигурду и вовсе надоело ждать. Он зло сплюнул и уже хотел было повернуться и уйти, как боги услышали его нетерпение. Легкий порыв ветра – и огонь как по волшебству взметнулся ввысь. Теперь это был огромный костер, жар которого заставил всех присутствующих отступить на несколько шагов. «Давно бы так», – подумал Сигурд, глядя, как дым взбирается все выше и выше, унося души павших далеко в Вальхаллу...

Глава третья Ветерок

*Наступит час – придут они,
И будет все не так, как прежде...*

Они ушли из поселка на следующее утро. Ушли рано, едва солнце забрезжило на горизонте. Уходили как-то поспешно, словно их гнало вперед очень важное дело, а на душе оставался осадок. Сигурд заставил себя не думать о минувшем происшествии. Он шел последним, замыкая колонну, и напоследок обернулся, бросив короткий прощальный взгляд на поселок. Они уходили...

За ночь напало немного снега, и ветер, налетавший короткими порывами, подметал белую порошу. Асбьёрн еще поутру подробно расспросил местных чудинов про дорогу и теперь вышагивал впереди отряда, держа четкий курс на соседнее селение. Похрустывая снежком, топали не меньше двух часов, сначала по полю, а затем вошли в лес. Тут снега почти совсем не было. Ветвистые ели приняли на себя первый снежный удар. Дорожка и вовсе сузилась и стала не шире одной телеги. Лес был тих и мирен, вот только... Сигурд остановился на полушаге. Замер. Прислушался, а затем, не зная почему, втянул воздух – принялся. Откуда взялось чувство опасности, юноша объяснить не мог, и его рука резко метнулась к рукоятке. Меч беззвучно покинул кожаные ножны, и тут над головой Сигурда вихрем пронеслась мутно-серая тень. Он инстинктивно пригнулся и наугад рубанул мечом – мимо! Тень с фантастической скоростью метнулась вслед удаляющимся викингам, и через секунду юноша увидел, как замыкающий колонну боец взмыл в воздух. Его оторвало от земли на три-четыре метра, и невидимая сила швырнула тело в ближайшее дерево. С хрустом проломив сухие ветви, тело ударилось о ствол и мешком упало на землю.

– Берегись! – что было сил прокричал Сигурд и ринулся вперед.

Повторять не пришлось. Дружинники среагировали мгновенно, и почти три десятка воинов оценились копьями и мечами. Они крутили головами в надежде узреть виновника внезапного нападения.

Тень мелькнула где-то среди деревьев. Потом еще одна...

– Что за... – различив ее очертания, пробормотал Сигурд, и в следующую секунду

⁵ Асы – в германо-скандинавской мифологии высшие боги.

вихрь закрутился вновь. Даже не вихрь, а вихри...

На сей раз мелькало повсюду, а ветер поднялся такой, что срывал шапки. Воины заработали мечами наугад, стараясь поразить невидимого врага. Сигурд и сам пару раз взмахнул мечом и тут же понял всю бесполезность затеи. Вихри хватали людей и с чудовищной силой расшвыривали по лесу. Викинги, охваченные паникой, орали и матерились, поминая своих богов.

– Стоять! – перекрикивая завывания ветра, орал хёвдинг. – Стоять! Скьяльборг⁶!!!

Те, кто мог в этом хаосе услышать его призыв, прикрываясь щитами, стали сжиматься в плотное кольцо. Викинги били, рубили, кололи безумный ветер.

– Один! Один! – голоса тонули, захлебывались...

Очередное тело, вырванное из строя, зацепило Сигурда и, больно толкнув в плечо, повалило наземь.

– Стоять...

Серый, едва различимый среди деревьев силуэт, дернулся и пошел вправо. Сигурд заметил его из положения лежа. Он перевернулся, вскочил и кинулся в сторону. Очередной смертельный поток пробушевал мимо, развернулся и пошел на следующий заход.

– Вот привязался, – процедил Сигурд сквозь зубы.

Вихрь шел прямо на него. Сигурду даже показалось, что он видит полупрозрачные руки, которые тянутся к его шее. Вот они близко, рядом... Сигурд оттолкнулся и спиной отпрыгнул назад. Проломив ветви, он ушел под защиту деревьев. Странно, но вихрь уткнулся в ветки, словно в преграду, и резко пошел ввысь. Поняв, что преследовать его не будут, Сигурд кинулся в сторону, где еще секунду назад он приметил серую фигуру. Над головой раздался крик, и мимо сначала пролетел щит, а следом его обладатель. Сигурд поднял глаза – Свен?! Свен пролетел еще пару метров и застрял, безжизненно повиснув на ветвях.

«Если так пойдет и дальше – амба!» – подумал юноша и быстро отыскал взглядом объект.

Он не знал, не был уверен на все сто, но похоже, что это был человек. Вот он! Да, он двигался как-то странно, но это определенно был человек. Из крови и плоти. Уж не он ли руководит нападением?! Мысли с быстротой молний мелькали в сознании, делая выводы, правильные выводы...

– Стоять!!! – доносился с дороги едва различимый крик Асбьёрна.

И если это человек, то его можно было попробовать убить. Обязательно можно было...

Сигурд кинулся в погоню. Силуэт ловко маневрировал среди густо растущих елей и, казалось, совершенно не замечал ветвей. Он двигался легко, играючи, как будто просачивался сквозь них.

– Скьяльборг!!! – голос почти совсем утонул в хаосе.

Сигурду было трудно и следить за быстро перемещающимся объектом, и продираться сквозь ветки, которые, в особенности нижние, сухие, так и норовили выколоть глаза.

Фигура уходила, и Сигурд прибавил ходу.

– Проклятые ветки!

Но те, как по волшебству, внезапно кончились. Крохотная, совсем крохотная полянка открылась его взору. Тонкая полоса нетронутого снега, и худая серая фигура всего нескольких шагах, стоит лицом к нему. Ну как лицом... Лицо надежно закрывал капюшон, ничего не разглядишь. Только длинного посоха ему не хватало, получился бы вылитый колдун, маг или как их там?

– Стой! – испытывая легкую нервозность от погони, прокричал Сигурд. Причем совершенно неосознанно прокричал на словенском.

Юноша чуть приподнял меч, приняв боевую стойку.

⁶ Скьяльборг – тактическое построение, когда строй плотно прикрывается щитами.

– Стою, – спокойно ответил «серый» абсолютно осознанно и тоже по-словенски. И в этот миг Сигурду показалось, что голос исходил не от фигуры. А откуда-то сбоку, справа... нет, слева... нет, сверху.

– Так я стою, – повторил незнакомец, и Сигурд понял, что голос был отовсюду. Негромкий, но четкий.

Юноша неловко дернул шеей.

– Твоих рук дело? – он кивнул назад, за спину, где еще раздавались завывания вихря и викингов.

– Нет.

– Что нет?

– Не моих рук.

– Врешь?! – Сигурд сделал шаг вперед.

– Нет.

– Врешь! – еще шаг.

– Стой где стоишь.

Еще шаг...

– Стой где стоишь, – повторил объект более резко.

– А то что? – еще полшага к цели.

– Замри!

И Сигурд замер как столп. Нет, мозг работал, глаза крутились, а вот тело... Ну ни в какую, как ни старался юноша собрать все усилия воли и пошевелиться. Нет, ни на миллиметр не сдвинуться.

– Ты кто? – забавно, но говорить он мог, – откуда взялся?

«Серый», не отвечая, приблизился. Почти проплыл над землей, совершенно не оставляя следов на снегу. Даже сейчас, глядя почти в упор, Сигурд не видел его лица... лишь темная пустота под капюшоном.

– Ты кто? – не удержался юноша от повторного вопроса.

– А ты?

– Я...

– Молчи! Не надо!

Сигурд искривил губы в парализованной улыбке. Объект пропорхал вокруг, видимо, присматриваясь, изучая.

– Я бы мог убить тебя прямо сейчас, северянин.

– Давай – попробуй, – Сигурд дернулся.

Напрасно, тело не слушалось. «Гипнотизер хренов! – он попытался еще раз пошевелить рукой с мечом. – Сволочь!».

– Не стоит, – ответил незнакомец. – Не сейчас... потом...

Он больше не произнес ни слова, резко развернулся и поплыл прочь. Его силуэт пересек полянку и быстро скрылся в лесу.

– Ух, – облегченно выдохнул Сигурд.

Его немного отпустило, и тело, словно потеряв опору, предательски дрогнуло. Ноги подкосились, и Сигурд припал на одно колено, мечом упершись в землю.

– Фу, – отпустило, наконец, тело опустилось на пятую точку, полностью расслабившись. – Потом? Хм... потом...

* * *

Когда он вернулся к своим, своих осталось мало. Уцелело всего с десятков воинов во главе с хёвдингом. Асбьёрн Весло стоял понурый и разглядывал труп десятника Ивара. Десятник лежал на самом краю тропы в кривой и странноватой позе. Руки и ноги причудливо заплелись в дикий узор, а лицо... Сигурд бы ни за что не признал его, разве что по одежде. Кожу и мясо с костей как будто содрали, и кровь... повсюду кровь. На тропе он

приметил еще пару трупов.

Сигурд оглядел оставшихся в живых – вид у них был растерянный, и было отчего. Юноша и сам не желал бы увидеть себя сейчас со стороны. Сражаться в строю, лицом к лицу с противником – это было привычно, почти обыденно, но чтобы вот так. Когда нападают исподтишка, да еще невесть кто и невесть какой силой!

– Хороший ветерок, – протянул Сигурд, разглядывая хаос на поле битвы.

Тонкие стволы деревьев не выдержали и валялись прямо на тропе, перегородив ее напрочь. Там же, на взъерошенном снегу темнели безжизненные тела викингов. Повсюду валялось оружие, порванные заплечные калиты⁷ и рассыпанная провизия. Воины стояли молча, хотя кое-кто уже пришел в себя и принялся собирать раскиданное добро.

– Кусок мяса... Кто видел большой кусок вареного мяса? – молодой викинг Магнус кружил вокруг хёвдинга. – Асбьёрн, где наш кусок мяса? Что? А? Никто не видел? Сигурд?!

– Да иди ты! – Сигурд оттолкнул любителя мяса и подошел к хёвдингу.

Асбьёрн заговорил первым:

– Надо всех собрать, – его голос прозвучал как-то отрешенно, без малейшей эмоции.

– Я в лесу видел странного человека...

– И что?

– Это его рук дело!

– Уверен?

– А кто еще ...

Хёвдинг обреченно махнул рукой:

– Надо похоронить наших.

– Ты вообще слышишь меня?! Асбьёрн! Я говорю – нас ждали! – Сигурд схватил хёвдинга за плечо и стал трясти, пытаясь вдолбить в его мозг свою догадку. – Слышишь! Нас тут ждали!

Его крик привлек внимание остальных. Всех, за исключением молодого бойца, который продолжал искать кусок мяса.

– Нет, ну куда он мог подеваться....

Весло поднял голову, оторвавшись наконец от созерцания останков десятника Ивара, и глянул на Сигурда остекленевшими глазами. Несколько секунд он смотрел на него, словно пытаясь вспомнить, кто перед ним. Напряжение на его лице говорило о недюжинной активности мозга. Брови ходили ходуном – то съезжались, то разъезжались, а скулы играли желваками.

– Хёвдинг, ты в порядке?!

И вот память сошлась в точке воспоминания, и Асбьёрн внезапно ожил.

– Ты чего орешь?! – он скинул трясущие его руки и шагнул в сторону. – Чего застыли, рты пораззявили?! Эту битву мы проиграли – собрать убитых!

Асбьёрн прибавил для пущей убедительности еще пару крепких северных выражений. И о чудо! Подействовало. Дружинники пришли в себя, как будто только этого и ждали. Словно надеялись на командира, словно соскучились по его голосу и матюгам.

– Вперед!

И они рванули в лес, произвольно разбившись по парам, чтобы было удобнее таскать трупы.

– Что ты сказал? – хёвдинг резко повернулся к Сигурду.

– Ждали нас, – спокойно ответил юноша. Ну почти спокойно...

– Кто?

– Не знаю. Лица не видел. Тощий... длинный, на башке капюшон. Странный какой-то...

– Что?

⁷ Калита – походная сумка из грубой ткани.

– Следов после себя не оставляет...
– Как это может быть?
– А молча! Нет следов – и все тут.
– Не может того статья, – хёвдинг почесал бороду.
– Еще как может, я своими глазами видел, клянусь Одином!
– Колдун?
– Наверное. Это явно он вызвал бурю. Больше некому. Ты же не вызывал?
– Нет, – мгновенно ответил Весло.
– И я нет, и наши парни тоже не могли, – Сигурд кивнул в сторону леса, откуда уже появилась первая пара с трупом.
– Да-а-а, – озадаченно протянул Асбьёрн и, заметив дружинников, крикнул: – Сюда несите... вот сюда... сюда... да.
– Что еще? – машинально продолжил хёвдинг.
– Говорит по-словенски.
– А ты?
– Немного тоже.
– Что он сказал?
Сигурд пожал плечами.
– Сказал, что убьет меня... потом...
– Вот ведь, а? – озадачился хёвдинг. – А чего же потом?
– А ты хотел бы пораньше?
Асбьёрн посмотрел прямо в глаза юноше и слегка улыбнулся.
– Ладно, поживем еще немного.
– Поживем, – согласился Сигурд. – Будем сжигать? – он указал на стаскиваемые трупы, которых уже набралось с десяток.
– Будем.
– Тогда я пошел за хворостом...

* * *

Ровнехонько семнадцать буйных головушек из далеких северных фьордов упокоились в землях чудинских. Дров натаскали знатно, чтоб на всех хватило. Подбирали дрова посуше, дабы жаркий огонь поскорее унес воинов в чертоги, вожделенные для каждого викинга – чертоги Одина... Мечта... песня для героя. Песня!

Сигурд не знал ни слов, ни мотива, а посему скромно стоял в стороне и молча созерцал огонь. Хищное пламя охватило сушины и принялось жадно лизать тела павших. Сначала схватилась одежда, а потом быстро полопавшаяся кожа обнажила плоть. Нос пришлось заткнуть – воняло пренеприятно. А воины продолжали грустно петь, провожая товарищей. Пели не очень стройно, сказывалось волнение, но от души... И порой Сигурду казалось, что он и сам сейчас вот-вот затянет вместе с ними. Однако он сдержал свой душевный порыв.

Поминальный костер горел долго, невероятно долго. Уже и песни кончились, перепели все, что могли, а он все горел. А когда огонь наконец погас, уже робко темнело, и Сигурд первым рванул к огромной куче пепла.

– Что, тут и зароем? – спросил он у хёвдинга.

Асбьёрн молча кивнул. Топорами и копьями расковыряли отогретую костром землю. Расковыряли добротнo – глубоко. Викинги щитами принялись сталкивать пепел... нет, прах в яму. Поместилось почти все. Затем дружинники заботливо присыпали захоронение землей и разровняли.

– Давай камень, – распорядился хёвдинг, и трое крепких парней водрузили найденный в лесу камень на могилу товарищей.

– Все, – тихо вырвалось у кого-то, и тут поминальную тишину разорвал дикий крик радости.

– Нашел!!! Асбьёрн – я нашел наше мясо!!!

* * *

Парень явно поехал мозгами на нервяках. «Старики» окружили его и как могли принялись успокаивать. А Магнус обхватил перепачканный кусок мяса и нянчил его как младенца. Он дико озирался, слушал, что ему говорят и даже что-то отвечал.

– Куда теперь? – спросил Сигурд, отрывая взгляд от сумасшедшего.

– Думаю, надо поворачивать назад, – ответил хёвдинг, – в борг.

– Нас осталось одиннадцать, вместе с Магнусом...

Хёвдинг не дал ему договорить:

– Да, не повезло парню, – и, кинув взгляд на дурашливо улыбающегося Магнуса, попытожил: – десятеро.

– Если тот колдун не надумает вернуться...

– Я не знаю, Сигурд, чем мы ему насолили.

– А тут гадай, не гадай...

– Постой, – хёвдинг недобро глянул на юношу, – ты говорил, что он...

– Я даже его не знаю, и не видел никогда раньше...

– Но он про тебя ...

– Отстань! Сказал – не знаю.

– Так это ты! – глаза Асбьёрна округлились до невозможности, – колдун... он тебя искал!

– Ты чего? Совсем одурел на ветру?! – Сигурд искренне был удивлен таким поворотом событий. – Мозги тебе просквозило?!

– Я понял! – хлопнул себя по лбу хёвдинг. – Это все ты! Тебя в яме нашли, ярл тебя в дружину принял, а ты беду на нас навлек!

Разговор уже услышали другие викинги и подтянулись поближе, внимая с ярко выраженным любопытством.

– Ты проклят! Колдун приходил за тобой, а наши парни из-за тебя погибли, – не унимался Асбьёрн, рыча с высоты своего немалого роста.

Его аж прямо затрясло от злости. «Как же, – подумал Сигурд, – нашел козла отпущения». А ехидный голосок внутри пропел: «Беги!».

– С чего ты взял, что из-за меня? И потом, если б он хотел – сразу бы меня прикончил, – совладав с предательской мыслью, парировал Сигурд нападки командира, – к чему весь этот балаган?!

– Парни! – Весло оборотился к дружинникам, – это он! – его палец, как приговор, уткнулся в сторону юноши, – клянусь Вальхаллой – это он навлек на нас зло.

«Ну конечно, больше некому», – мысленно пожал плечами Сигурд и незаметно переместил руку на рукоять меча.

– Верно, – кто-то подал голос в поддержку хёвдинга, – он чужой нам!

– Он!

– Точно он!

– Он вышел на поединок с Хауком и Гисли... против своих вышел! – вмешался седой, Кари, кажется.

– Точно! – поддакнул кто-то.

– Ага...

Недовольное бубнение нарастало.

– А как он Торира в борге срубил?! Ему сам Локи⁸ помогает! – не унимался Кари.

Общественное мнение без колебаний и диспутов резко приняло сторону хёвдинга. А

⁸ Локи – бог коварства и лукавства в древнескандинавской мифологии.

какие были варианты? Сигурд особо ни на что и не надеялся. Кашу он с ними хлебал из одного котла всего с месяц или и того меньше...

Юноша в отчаянии всплеснул руками и хлопнул себя по бокам:

– Вы смотрите, как вам мозги ветерком просквозило... совсем ориентацию потеряли!

Чужое, неведомое слово – ориентация, вызвало бурю дополнительных эмоций.

– Гнать его! – вскинув руку вверх, вскипел седовласый Кари. – Проклятый!

– К дереву привязать!

– Пускай помучается....

– Пусть Одноглазый решает его судьбу!

– Да! Гнать...

– Пока еще беды на нас не накликал!

«Будут бить, – ехидная мыслишка промелькнула в мозгу, как вспышка, и потухла в недрах разгоряченного сознания. – Ну, это мы еще посмотрим...»

– А ну хватит! – вслух прорычал Сигурд – вся эта история начинала выводить его из себя. – Совсем охренели! Других вариантов не нашли?!

– ТЫ чужак! – выплюнул ему в лицо кто-то из викингов.

– Мы все чужие на этой земле! – парировал Сигурд, а сам уже было вновь потянулся к мечу.

Заметив это движение, воины принялись обступать его, беря в кольцо. Сигурд отступил на шаг. Бежать он не собирался, хотя и понимал, что совладать с целым десятком бойцов вряд ли удастся.

– Стоять! – неожиданно для всех скомандовал хёвдинг.

Дружинники замерли.

– Пусть уходит! – отчетливо изрек Асбьёрн, – ему не место среди нас... Если боги прогневались на него – пусть он и отвечает.

Сигурд не возражал, тем более ему самому страсть как хотелось найти виновника этого ветерка. К его удивлению дружинники промолчали, хотя и продолжали недовольно бурчать себе под нос. А хёвдинг повторил:

– Уходи, Сигурд! Нам не по пути...

Юноша убрал руки с рукояти и посмотрел прямо в глаза Асбьёрну.

– Я найду его – обещаю. А ярлу скажите...

– Я скажу Атли, – прервал его Асбьёрн, – скажу как надо...

Сигурд ответил легким кивком головы, не спеша повернулся и зашагал прочь от места гибели его недавних сослуживцев. Он сразу же выбрал нужное направление – туда, где повстречал незнакомца и где тот исчез. Он спиной чувствовал тяжелые взгляды викингов, что провожали его. Может быть, именно сейчас, в эту минуту он умер для них. Умер как товарищ, как человек...

В сущности Сигурду было плевать, правда, и немного обидно. Он не знал за собой вины. А этот чужак, кто бы он ни был, или ошибся, или полный дурак...

Хотя и не убил – отпустил. Ну, не совсем дурак! Он же пообещал – потом... Так когда это еще будет?! К тому же Сигурд был абсолютно уверен, что он доберется до этого незнакомца первым. Уж тогда и спросит с него за все. О возможности летального исхода лично для себя юноша старался не думать, ровно как и не вспоминал о своей беспомощности при встрече в лесу.

– Колдун, гипнотизер хренов! – бубнил себе под нос Сигурд и уверенно шагал вперед.

Про себя он решил жестко – больше не поддаваться на провокации гипнотического характера – ни за что! Силу воли в кулак, и этим кулаком по морде колдуну, по морде, чтоб до кровавых соплей. Нет, ну ты погляди... Ишь, вас тут развелось, гарри поттеров!

Глава четвертая

Ночной гость

*Для храбрых неприлично
При смерти унывать.*

Можно было только угадывать направление пути. Хотя и оно вполне могло быть ошибочным. Но идти нужно... хоть куда-то. Беспроигрышного плана в голове у Сигурда не было. Да и откуда ему взяться? И что это был за таинственный субъект? И еще ветерок... ничего себе ветерок – отправивший на тот свет больше десятка викингов. Им-то что? Они уже радуются в Вальхалле, а тут иди-топай неведомо куда....

Да и темнеть уже начало... снежок ласково похрустывал под ногами – хрусть... хрусть... шмяк... Елочки, сосенки, кустики, березки... Напряжение дня перетрясло все внутренности, хотелось остановиться, упасть – уснуть. А лучше костерок сообразить, и пожрать бы не мешало.

Сигурд поправил сползающую с плеча походную калиту. Ну точно – там должен быть кусок пирога, луковица и что-то там еще... очень кстати подвернулся удобный пенек, аккуратно так стоявший между двух сосен. Юноша сел, огляделся и, удостоверившись, что никто не подглядывает, раскрыл калиту. Пирог с рыбой вприкуску с луком – мечта для голодного чрева. Посторонних мыслей не было, почти совсем... Только мучил вопрос, нудный, но очень нужный – где искать колдуна? Похрустывая луком, Сигурд машинально пролистывал в памяти все, что там было касательно волхвов, шаманов и прочих иже с ними...

С окончанием перекуса, перелистывание оборвалось, и юноша встал, прикидывая, где бы переночевать. Идти еще можно было, стемнело не до предела, и он решил...

Елочки, сосенки, кустики, березки... ручеек! Маленький, метра два в ширину... Разбег, толчок и два двенадцать...

– Это уже пройденный этап, – вслух dokonчил Сигурд, после прыжка.

Приземлился почти ровно, руками ухватившись за куст. Жесткие, как веник, ветки с трудом пропустили его вперед. Он сделал шаг и замер...

Догадаться, что это избушка, много ума не требовалось, но вот то, что она стояла на курьих ножках.... Ну, так говорится – на курьих... Сигурд, осторожно ступая, подошел поближе. Крохотная полянка в дебрях леса – странновато... Вблизи ножки оказались четырьмя массивными бревнами, что служили опорой строению. Сруб низенький, с пологой крышей, а на ней растительность в виде травы... нет, ну точно – трава, припорошенная снегом.

Юноша подкрался еще ближе, соблюдая полную маскировку и боясь нарушить тишину – мало ли что... Опоры всего около полутора метров в высоту, сбоку лесенка и дверь со скобой, и тишина... Ни скотины, ни собак, ни человека... Сигурд на всякий случай глянул вверх. Парочка звезд уже отчетливо прорисовалась, остальные что-то запаздывали. Он покрутил головой – чисто. Не дай боги, еще кто в ступе прилетит! Сигурд ухмыльнулся своим мыслям и продолжил наблюдение. Где-то он уже видел подобные строения. Нет, не в сказках... хотя сказка была, а в ней... Стоп. Ну точно – такие избы строили чудины. И не избы это вовсе, а кладовые на опорах, чтобы грызунам ходу не было. Так. Если это кладовая, то где сам дом-жилище? Не может же склад посреди леса без присмотра стоять. Люди должны быть где-то рядом...

Как партизан на задании, Сигурд обошел всю полянку по кругу, оставаясь под прикрытием деревьев. Прокрался что надо – ни одна веточка не хрустнула под ногами. Рекогносцировка на местности не дала никаких дополнительных сведений. За исключением одного – чуть в стороне стояла небольшая поленница дров. Белая кора едва отражалась в сгущающейся темноте.

«Так-так, – размышлял следопыт, – если тут есть дрова, значит, топят. Если топят, стало быть, живут! Но не баня же это?! Если живут, то где жильцы?» Как ни вглядывался Сигурд, но следов на выпавшем снеге не наблюдалось. М-да, вопросы...

Ответов не было, а время работало не в его пользу. Становилось все прохладнее, чай не

месяц май. Особенно манили дрова... почему-то. Вот бы их в печечку покидать, тепло и, главное, сухо. Последнее было сейчас актуально, как никогда – обувка-то поднамокла.

Выждав еще какое-то время, юноша решил действовать. Сначала он стрелой метнулся к поленнице. Затаился, еще раз огляделся и в один прием добежал до избушки – прислушался. Убедившись в отсутствии посторонних звуков, вступил на первую ступеньку лестницы, и тут...

Дверь резко распахнулась, мелькнул неясный силуэт, а затем целый ушат воды обрушился на голову партизана. Он поднырнул под дом и услышал над головой стук плотно прикрываемой двери.

– Ё-о-о, – сквозь зубы вырвался стон.

Одежда надежно промокла. Даже сквозь шапку вода просочилась, порядочно намочив волосы. Сигурд отер лицо руками и только тут ощутил неприятный запах. Водичка была явно не первой свежести. Да что там... почти помой.

– Вот вам и здрастье, – сердце так и рвануло из груди от злости и обиды.

Первым желанием было ворваться в избушку и разнести там все к чертовой бабушке вместе с бабушкой, ежели она там присутствует. Рука уже дернулась к мечу, как тут дверь вновь отворилась, выпуская наружу тоненький отблеск света.

– Чего таишься? – раздалось сверху по-словенски. – Заходи!

Голос был мужской, и, кажется, Сигурд уже слышал этот голос... там, днем в лесу...

Секундное колебание – и юноша выпрыгнул из-под избы, как черт из табакерки... Как мокрый черт.

Незнакомец стоял на крохотной площадке перед дверью, шириной в две доски.

– Ты кто такой? – сходу спросил Сигурд, сжимая рукоять меча.

– Ты смотри, какой грозный! Напугался, что ли?

– Еще не хватало! Отвечай!

– Ты сам-то кто такой? Пришел, раскудахтался тут.... Тебя вообще-то сюда не звали!

Рука дернула клинок вверх.

– Ладно-ладно, – затараторил мужик, поглаживая кончик бороды, – отвечу, коли добром просишь... Меня Изечем кличут. Бортник я.

– Здесь и живешь? – спросил Сигурд.

«А про себя подивился – и что за имечко такое? Опять же, голос... нет, не похож, видать, обознался...».

– Здесь, не здесь, тебе что за милость? Ты имя мое спрашивал – я ответил. Теперь мой черед спрашивать.

– Сигурд, – коротко ответил юноша.

– О, – подивился Изеч, – варяг?

– Ага... типа того.

– Смотри-ка, а по-нашему складно баешь.

– Ну...

– Понятно-понятно... там стоять будешь или в избу войдешь.

– Войду, коли пустишь.

– А отчего не пустить? Ты железку-то свою спрячь от греха да заходи...

Сигурд вернул оружие в ножны и сделал шаг вперед.

– Токмо ты это... верхнее-то сними, – улыбнувшись, посоветовал мужик, – а то натечет с мехов твоих... да выжми... Ну вот, теперь давай... гостем будешь.

Юноша с отжатой одеждой под мышкой вступил на лестницу, поднялся. Хозяин первым пропустил его в дом.

– Заходи-заходи, гостем будешь.

* * *

В избе было тепло. На печке и на столе стояло по лучине, так что света для меленького

пространства вполне хватало. Избенка была едва четыре на четыре метра, а то и меньше. Сигурд сразу внимательно огляделся – печь-каменка, плохонько обмазанная глиной, трубы нет, да и стены в копоти, по-черному, видать, топят. Стол, рядом лавка, табурет и постель у дальней стены, хотя постель это громко сказано – так, широкая лавка, с прицелом только на одного человека.

Хозяин указал на веревку в углу, у печки, и Сигурд развесил на ней свой короткий плащ и меховой жилет с длинными рукавами. Шапку бросил прямо на печь. Отжимал ведь, а все равно закапало. Изеч сделал вид, что не заметил.

– Обувку тоже сгидай, – заметив нерешительность гостя, посоветовал он, – ставь, пушай сохнет.

– Ага... – послушал совета Сигурд, и в итоге остался в портах да рубахе.

В сущности, хозяин избенки мужиком оказался неплохим, во всяком случае, хотелось бы в это верить. Невысок, но крепок. Русые до плеч волосы, местами уже с сединой, неровная борода и усы, чуть темнее, чем волосы – навскидку лет тридцать-тридцать пять. А вообще у Сигурда были вечные трудности с определением возраста у местных жителей. Как-то все по-другому... Но оно и понятно, жили меньше, спали реже, ели не сладко, опять же без квалифицированной медицинской помощи обходились. Ни тебе аспиричика, ни корвалольчика, даже укол приличный и то поставить нет возможности... История, одним словом, преданье старины глубокой...

Хозяин усадил нежданного гостя за стол и угостил кашей, еще теплой.

– Ну вот... чем богаты...

– Благодарствуй.

Сигурд взял предложенную деревянную ложку и, не мешкая, приступил к трапезе.

– А ты один тут живешь? – спросил юноша, жадно поедая кашу.

– Пошто живу... не живу. Тут у меня пригляд за бортами⁹. А живу я вона, – он неопределенно махнул рукой, – в веси.

– И что, у тебя борта тут?

– Тут, как не тут... пчелы места сами знают. Здесь дягиль¹⁰ душистый, а они это дело шибко понимают.

– Ну, раз так... – кивнул, соглашаясь, Сигурд, – А большая ли весь-то?

– А ты от себя спрашиваешь, или зазор какой есть? – хитро прищурился мужик. – Ты уж, паря, не из града ли варяжского будешь?

– И что с того?

– Так охотно мне знать... сказывают, в граде вашем новый князь сел?

– Верно, сел, – продолжая орудовать ложкой, ответил Сигурд.

– И кто же теперя там?

– Ярл Атли, по прозвищу Косой.

– О как? Пошто косой-то?

– Глаза у него одного нет, в битве потерял.

– Ну это, однако, немудрено... в битве-то... А ты, стало быть, его вой?

– Ага... хороша каша-то, хозяин.

– Так ты ешь, ешь, не сомневайся...

– Угу...

Мужик пододвинул табурет поближе к столу, сложил руки, словно ученик начальных классов.

– Атли, значит...

– Он самый.

⁹ Борт – дерево с дуплом, где гнездится пчелиный рой.

¹⁰ Дягиль – лекарственное растение, хороший медонос.

- Ну и чего ваш князь? Как брат будет?
- А как прежде было?
- Ну-у-у-у, – протянул Изеч, – раньше по-разному бывало...
- Вдвое меньше прежнего ярл обещался брат...
- Да ну, – не поверил мужик.
- Точно. Спасибо, – Сигурд отодвинул горшок, – наелся.
- Вот и ладно, вот и хорошо, – хозяин взял горшок, понес к печи.

Юноша утер рот, отпил из кружки квасу.

- Так большая у вас весь тут?
- Да не шибко, – от печи, поворотясь ответил мужик, – дворов с два десятка.
- Ты, хозяин, не журишь. Я заблудился немного... своих потерял в лесу.
- Ну... – Изеч вернулся на свое место, – и как?
- Да было тут одно дело...
- Ой, паря, – опять этот хитрый прищур, – вижу, что случилось у тебя что-то...

Сигурд испытующе глянул на хозяина. «Надо взять и спросить в лоб, – подумал он, – чего тянуть. Может, мужик чего знает, слышал...».

– Есть одно дело, – повторил Сигурд, – у нас встреча была сегодня днем... с ветерком...

* * *

– Ну, паря, какие страсти ты говоришь, – искренне удивился Изеч, выслушав рассказ Сигурда – я про такое с роду слыхом не слыхивал. И человека такого я тоже не упомяну в здешних местах.

– А может, кто из стариков? – с надеждой спросил юноша.

– Да что ты, – замахал руками мужик, – если бы знали, давно бы растрепали... да вот даже бабам нашим. У-у-у-у, а те бы разнесли, что и в Новгороде бы аукалось. В том не сомневайся даже...

– М-да...

– Нет. Точно тебе говорю – не было у нас таких кудес испокон веков.

– Да уж... и где мне теперь его искать, – озадаченно изрек Сигурд, – ума не приложу...

– Тут я тебе, паря, не пособник.

– Ладно. На нет и суда нет, – только сейчас Сигурд заметил, как взгляд хозяина скользнул по его серебряной гривне.

– Ты квасок-то пей... хороший у меня нынче вышел квасок...

– Это точно, – подтвердил Сигурд и одним махом прикончил объемистую кружку.

– Вот и гоже, – Изеч медленно моргнул.

Потом еще раз... более медленно. Сигурду показалось, что он вообще какой-то нереально медленный, неспешный. Лицо хозяина расплылось в умильной улыбке, он что-то сказал, но слова расплылись в непонятные звуки. Сигурд не поверил своим ушам, мотнул головой, словно пытаясь выбить пробки – не помогло. Картинка перед взором затуманилась, поплыла... мягкая дымка заполняла пространство... голова закружилась, и юноша, устало прикрыв глаза, повалился на бок. Тело соскользнуло со скамьи и распласталось на дощатом полу. Еще через секунду он храпел, как барсук.

Изеч поднялся со своего места, широким жестом отодвинул кружку и заглянул через стол.

– Эх, хорош у меня квасок...

Убедившись, что гость изволит почивать, мужик нагнулся и ловко снял с шеи спящего серебряную гривну.

– Вот и ладно... Эх, хорошо квасок...

Затем Изеч взял с печи лучину и вышел за дверь, плотно притворив ее за собой. Стоял он недолго, маячив догорающей лучиной.

– Пришел? – неожиданно спросил голос из темноты.
– Где ты? – завертел головой мужик, – ты всегда так подкрадываешься...
– Изеч – дело говори.
– Да, пришел он... куды б он делся...
– Хорошо!
Хозяин избушки поднял огарок повыше, но света было недостаточно.
– Давай в избу, – приказал голос, и Изеч уловил негромкий скрип лестницы.
– Ах, вот ты где, – мужик наконец узрел своего ожиданца. – Мертвяк, я же просил тебя не подкрадываться, или ты...
– Хватит лясы точить, – оборвал его ночной гость, – пошли внутрь.
Войдя в избу, гость скинул серый капюшон и недоверчивым взглядом обвел жилище.
– Запали еще лучину, – сказал он. – А этот где?
– Ты что, Мертвяк, не чуешь? Эва, под столом глянь, – отозвался Изеч, зажигая лучину.
– Я просил тебя не называть меня так... сколько раз тебе говорить! Мстибогом зови!
– Ну, звиняй, Мстибог, – мужик вставил лучину в светец¹¹ и водрузил на стол, – не серчай.
– Смотри, – пригрозил Мертвяк-Мстибог, – обращу в жабу, будешь скакать по болотам... жабу-царевну себе наквакивать!
Изеч крикнул в кулак, но смолчал, а Мстибог уже склонился над спящим телом. Широкие рукава его серого одеяния распластались на полстола.
– Кажись он, – изрек кудесник¹².
– Да больше некому, – вставил Изеч, – он последний, что ли?
– Последний...
– А остальные?
– Остальные в овраге беличьим угомонились...
– А-а-а, – понимающе закивал мужик, – туда им и дорога, супостатам.

* * *

Сквозь полупрозрачную пелену Сигурд расслышал обрывки последних фраз. Сознание, пусть еще нечеткое, неокрепшее, проснулось не до конца, но он чувствовал, что разговаривают двое. Глаза он решил не открывать – выждать. Выждать, когда силы окончательно вернуться в мышцы, а заодно прислушаться повнимательнее. Лежать на дощатом полу было ох как неудобно, но – надо.

– Что будешь с ним делать, Мертв... Мстибог? Убьешь?
– Нет! Хочу расспросить кое о чем... – и вот этот голос Сигурд точно узнал – внушающий уважение голос...

Он осязал всей кожей, как к нему склонилось тело, он слышал дыхание... Его разглядывали, как в музее – ну, смотри, смотри... сволочь... тать...

– Варя-яг... – нараспев позвал голос.
Секундная пауза, а затем юноша ощутил легкий пинок.
– Варяг!
– Да говорю же тебе, спит он... хороший ныне вышел квасок, – раздался сдержанный смехок...

Второй, тот знакомый из леса голос, не ответил. Сигурд почувствовал, как сорвали шнурок с его шеи, и он остался без молота Тора. «Ждать, – приказал себе юноша, – ждать...»
– Оберег? – спросил Изеч.

¹¹ Светец – держатель для лучины.

¹² Кудесник – маг, волшебник, волхв. От слова кудеса – волшебство.

– Да. Варяжский оберег... О! – почти воскликнул Мстибог, – все на месте, хм...

– Покажи...

– Убери свои лапы! Это варяг мне нуж...

Сигурд не дал ему договорить. Он решил, что пора! Согнув ноги, из положения лежа, юноша, что было сил, врубил по ножкам стола. Деревянная конструкция отлетела в сторону и перевернулась, зацепив одного из присутствующих. Послышался мат-перемат, но это не слишком заботило Сигурда. Он вскочил и рванул меч из ножен – вот дураки, они и не подумали его обезоружить! А уж при мече Сигурд всегда чувствовал себя превосходно.

Упавшая со стола лучина потухла, но другая, стоявшая на печи, давала довольно света. Довольно, чтобы Сигурд видел их и мог нанести точный удар. Ближе всего к нему оказался Изеч. Увидав меч в руке варяга, мужик взмахнул руками, словно хотел остановить ими полет клинка – чудак! Сигурд вложил в удар столько злобы, что клинок разом рубанул обе так неудачно подставленные конечности. Одну кисть он отрубил напрочь, и она шлепнулась на пол кровавой котлетой. А другая рука повисла на выбитом локтевом суставе. Кровь...

Не испытывая ни малейшей жалости к своему негостеприимному хозяину, молодой викинг добавил ему еще раз, в шею. Все – конец...

Сигурд стрельнул по избе глазами, в надежде быстро расправиться и со вторым, главным персонажем. Но искомый объект уже был у двери. Всего два шага до него, но сейчас расстояние казалось таким далеким.

– Ты ловок, северянин... – бросил «серый» через плечо.

«Молчать, только не отвечать», – уговаривал себя Сигурд.

Прыжок! Но кудесник вспорхнул по лестнице, аки птица. Его лицо... Сигурд увидел его лицо, старческое, в морщинах, а вот рыжая борода почти не знала седин.

И уже снизу чародей добавил:

– Ловок и удачлив... Прощай. Может, боги сведут наши дороги, и мы вскоре встретимся!

Сигурд спрыгнул вниз, налету взмахнув мечом, но оружие разрубило пустоту. Чародей исчез.

– Мстибог! – проорал Сигурд на весь лес, – я запомнил тебя! Мы встретимся. Слышишь? Обязательно встретимся...

Ветерок качнул рыжие кудри юноши и прошептал на самое ухо: «Я буду ждать...».

* * *

За спиной что-то треснуло, и тут же заплескали маячки света. Сигурд резко обернулся.

– Ну, етить!

Изба горела... Горела как-то оптом, вся сразу. Юноша отскочил в сторону метров на десять. Изба, охваченная огнем, полыхала жарко, даже с этого расстояния было тепленько... очень. И что весьма расстраивало – не было ни малейшей возможности вернуться. А ведь там осталось все самое ценное. Только сейчас Сигурд оценил утрату. Шапка, плащ, меховой жилет, обувь, наконец... Все это добро сейчас заходило ярким пламенем.

– Чтoб тебя... – в сердцах сплюнул Сигурд.

На нем остались рубаха и, слава богам, порты, ну и главное – меч с поясом. А снежок под голыми пятками уже щекотал, однако... Юноша почесал затылок, посмотрел в сторону леса, туда, где предположительно скрылся злодей.

– Да черт с ним, – махнул он рукой, – не голышом же его догонять...

Сигурд вспомнил о поленнице с дровами. Костер надо было поддерживать, изба же не вечно будет гореть. А с хорошим костерком – не пропадешь. Случалось ему уже замой в лесу ночевать....

Строение полыхало, вот-вот должна осесть крыша. Надо срочно решать с обувкой! Узрев чурбан, юноша перенес его поближе к теплу, уселся. Ага... еще пару полешек под ноги, чтоб не на снегу стоять. Сходил – принес, теперь все – хорошо сидим. Он еще раз

учинил беглый осмотр уцелевшего имущества. Вспомнился и подарок чудинов – шейная гривна, которая тоже пропала.

– Хорошо хоть поесть успел, – изрек Сигурд вслух и рукой нащупал...

Ножны!

– Так-так... Ножны – хорошо.

Ножны, к слову, у него были простецкие, из кожи. Совершенно никаких деревянных вкладок, металлических украшений. Сложенная полоска нетолстой кожи – как раз то, что надо. Маленький нож тоже имелся на поясе, куда же без него, незаменимая в хозяйстве вещь. Перво-наперво ножны были разрезаны по шву. Сигурд развернул кожу и, положив ее на землю, примерил. Две ступни аккуратно поместились в длину, ширины хватало еле-еле. Отмерил точно, и нож довершил дело – стельки были готовы. Оставалось только придумать, как их закрепить на ноге.

Пришлось еще раз пробежаться по снегу вокруг избы. Крыша прогорела и рухнула. Тысячи искорок взметнулись и закружились, уносясь в звездное небо. Глупо было тут что-то искать, однако... Опять поленница, опять дрова... Ну – вот! Эврика! Кусок грубой ткани был заткнут между поленьями – видать руки вытирали. М-да, грязновата тряпица, ну да сейчас не до брезгливости. Сигурд вернулся на свое сиденье и принялся разрывать тряпку на лоскутки. Проколов кожаные стельки, он протиснул в них импровизированные шнурки – затянул. Не бог весть что получилось, но хоть что-то... Встал, попробовал походить. Итог был слабо утешителен. От долгого стояния на снегу кожа стелек холодила, и это если учесть, что верх стопы все равно был обнажен. Ага... пониже спустить порты, чтоб немного набежали и прикрыли...

– Ладно, – хмыкнул юноша, – продолжаем греться.

Он зашвырнул в огонь сразу охапку березовых поленьев.

– Гори-гори ясно, чтоб... чтоб его...

Не только огонь, но и работа согревает – известный факт. Решив так, Сигурд принялся перетаскивать дрова из поленницы поближе к своему очагу. Потом занялся сооружением домика. Смешно сказать, а что делать? Мастерил долго, даже вспотел, но в итоге он получил маленькое убежище, где можно было сесть и прислонить спину. Закидав в пожарище сразу дюжину охапок дров, Сигурд уселся в свою берлогу. Спереди грел огонь, сверху грели мысли, а по сторонам только надежда...

Он не заметил, как уснул, согретый этим окружением, только с одним желанием – скорей бы рассвет.

Глава пятая

Погоня за смертью

*Ты страх свой – береги,
Он для тебя как память...*

Утро... морозное...

Солнечный свет пробился сквозь мрак ночи и принялся рассеивать наваждения. Сигурд мгновенно проснулся, дернулся. Изба догорала... Куриные ножки подогнулись, объединенные огнем и все строение теперь лежало на земле, растопив в округе снег. Нижние венцы тлели, испуская редкие искры и последнее тепло.

Юноша вскочил и раз-два-три-четыре... пять... бег на месте и... медленно переходим на шаг... Стой! Раз-два-три! Затем подбросил в костер дров, в надежде согреться перед длинной дистанцией. Он твердо решил, что надо отправляться искать деревню... ту ведь, про которую говорил покойный Изеч. Может она и существует, если, конечно, эта скотина не солгала. Во всяком случае, Сигурду хотелось верить, что он не солгал. Надо было приодеться, накормиться и порасспросить местных...

Пришлось немного обождать, прежде чем угасающий «зверь» накинется на новую

приманку. Ветерок прошелся по пожарищу, и вот огонь лизнул дровишки... Грелся Сигурд не долго. Солнце полноправно выкатилось на небо, и даже начало чуточку пригревать.

Юноша давно сбился со счета, да он как-то и не стремился вести счет дням, но по прикидкам получалось где-то в районе ноября. Примерно...

– Ну, побежали...

Выбрав направление наудачу, Сигурд припустил легкой трусцой. Так и веселее, и теплее. Вот только снег начал попадать на полуоткрытый верх ступни. Ну, да не беда. В таком темпе он двигался почти час. На удивление долго, но и лес был словно за него. Широкий сосновый бор с редкой можжевельной порослью гостеприимно уступал ему дорогу. В общем, простору хватало. Куда хуже был бы ельник.

Утомившись, Сигурд перешел на шаг. А глаза уже искали, чего бы съесть. Но как не вертел он головой, на зуб ничего не годилось. Ни тебе ягод, ни грибов, ни даже шишек, а кору есть как-то не хотелось... только снежок да упавшие веточки...

Зачерпнув пригоршню снега, решил подкрепиться, но тут, как назло, под руку загавкали. Сигурд напрягся, потянул из-за пояса меч. Лай приближался, вот-вот...

Он появился слева. Пес размером с лайку, да и похож чем-то, вылетел прямо на юношу.

– Хорошая собачка... – изрек Сигурд, – хорошая.

Пес оглядел незнакомца и вновь залаял. Тревожно, призывно.

– Ну, что ты разошелся? Хорошая псинка... хорошая...

Тот, кому пес подавал сигнал, вышел с другой стороны. Да как ведь подкрался незаметно...

– Заблудился, паря? – раздался хриловатый голос из-за спины.

Сигурд обернулся, выставив вперед меч. Он быстро оценил мужика взглядом. Похож на охотника. Одет по-зимнему, в меховую накидку, лук с колчаном за спиной, на поясе широкий нож, в руке две сулицы¹³.

– Заблудился, говорю? – все также по-словенски повторил вопрос охотник, поправив волчью шапку.

– Ага... заблудился я.

– Давно плутаешь?

– Со вчерашнего...

– А чего ж в исподнем?

– Сгорело все, – честно признался Сигурд.

– Да ну...

– Точно... у бортника Изеча заимка погорела...

– Да ну...

Пес подавал голос, явно намереваясь принять участие в разговоре.

– Ко мне, Жарко! – скомандовал мужик, и пес, не сводя глаз с чужака, обошел его стороной и приблизился к хозяину. Занял место у левой ноги.

– Так говоришь, заимка Изеча сгорела?

– Ну да. А ты его знаешь?

– Знать-то знаю, но вот то, что он бортник – только от тебя и слышу! – мужик улыбнулся в бороду.

– Я догадался, что липа... – буркнул Сигурд.

– А сам-то Изеч где?

– Так там, на заимке и остался...

– Ну?

– В виде пепла...

– Ого!

– Полыхнуло враз... я вот тока и выскочил в чем был...

¹³ Сулица – короткое метательное копьё.

– Повезло тебе, паря! – охотник еще раз оглядел Сигурда с ног до головы.
– Повезет еще больше, коли ты меня до веси сопроводишь. Мне бы одежкой обзавестись...

Сказав это, Сигурд уловил взгляд охотника. Тот разглядывал меч в руках юноши и пояс с ножом. Поняв его недоверие, Сигурд поспешил убрать оружие, заткнув его за пояс.

– Ну так как? Подсобишь?

– Отчего же не проводить хорошего человека. Вижу, ты хороший человек, паря! Звать-то тебя как?

– Сигурд, – машинально ответил юноша и тут же пожалел о содеянном.

Мужик ловко перевел сулицу в положение для броска.

– Варяг?

Сигурд сглотнул.

– И что с того?

– Отстегивай пояс! – приказал охотник. – Жарко!

Пес, услышав команду, вскочил, осканился, приняв боевую стойку перед нападением.

– Ты чего... Я ж к тебе по-хорошему, а ты?

– Отстегай пояс, кому говорю, – охотник выставил левую ногу чуть вперед и сместил вес, явно готовый применить сулицу по назначению.

– А-а-а, чтоб тебя, дядя! – сплюнул Сигурд и стал неторопливо снимать ремень.

Смысла в драке он не видел, ну не убивать же каждого встречного-поперечного, в самом деле... Звякнула пряжка, ослабляя затяжку, и меч сам повалился в снег.

– Кидай! – приказал охотник.

Сигурд повиновался – он швырнул пояс с ножом почти под самые ноги мужику. Пес продолжал негромко, но устрашающе погавкивать....

– Так оно лучше, – изрек охотник, наклоняясь за поясом, – теперь отойди от меча.

И эту настойчивую просьбу юноша выполнил. Когда меч переключался за пояс к незнакомцу, он спросил:

– Ну? Теперь отведешь в деревню?

– Руки заломил за спину и оборотись!

– Да ты наглец, охотник! – воскликнул Сигурд, а пес отреагировал первым.

Жарко прыгнул вперед и разошелся так, что пена стала вырываться из его пасти вместе с грозным – гхав-гхав!!! Того и гляди наскочит, стервец, да в пах вцепится!

– Да уйми ты псину! На, – юноша обернулся и закинул руки за спину, – вяжи!

– Жарко, амолчь! Подь сюда!

Мужик ловко зацепил петлю на руках варяга и затянул.

– Вот теперь – пошли!

– Далеко ли шагать?

– Пошли-пошли... недалече...

Он подтолкнул Сигурда древком сулицы, а сам пристроился позади, как заправский конвоир. Пса он пустил вперед, и тот, повиная серым хвостом, устремился на разведку.

* * *

Дойти до деревни им не дали... Троица с конвоируемым варягом только вышла из леса на вспаханное и усыпанное снегом поле, а пес обрадовано закрутил хвостом, почуяв дом, как за их спинами раздался повелительный голос:

– А ну стой!

Собака даже не дернулась, продолжая прыгать среди поля. Там впереди уже виднелись дома, струился дымок из печей...

Первым обернулся охотник, сулица в его руке заметно дернулась.

– Не надо, – произнес незнакомец, – ни к чему это.

Сигурд тоже оборотился, он узнал его сразу.

– Отдай яшника¹⁴. Добром прошу.

Странно, но сейчас Сигурду его голос не казался всеобъемлющим, льющим со всех сторон... не то, что там, в лесу...

– С чего бы это вдруг? – удивился мужик и приподнял сулицу повыше.

– Ты что привязался? – тут же возмутился пленник.

Солнце светило ярко, но чужак предпочитал оставаться под тенью деревьев, и все же было достаточно хорошо видно его длиннополое, серое одеяние, смахивающее на рясу с капюшоном. Который, кстати, был надвинут так, что и лица не видно, как не силился рассмотреть Сигурд.

– Отдай яшника, – повторил незнакомец.

– Этого яшника покуда я спроваживаю до старосты. Варяг он, а с варягами у нас не мир ныне, – вымолвил, наконец, охотник. – Ты бы шел своей дорогой...

– Мстибог? Так, кажется? – пленник сделал шаг навстречу, – тебе чего от меня надо?

Варяг смотрел прямо в центр капюшона. Где-то там должны были быть его глаза...

– О! – через плечо обронил мужик. – А я гляжу, ты его знаешь...

– Ага... – хмыкнул Сигурд, – и он, похоже, меня тоже... Слышь! Чего застыл в деревьях? Поди сюда да и расскажи мне – что у тебя за интерес, меня касательный?

– Так не отдашь яшника? – капюшон чуть дрогнул.

– Не отдам! – твердо заявил охотник.

– А ты чего меня совсем не слушаешь? – озлобился Сигурд, видя, что на его слова не обращают внимания. – А ну, охотник, развяжи-ка мне руки, и меч отдай... сейчас я с этим гадом поговорю по-свойски...

Мужик недоверчиво покосился на пленника, потом на фигуру в капюшоне.

– Развязывай, тебе говорю, – перейдя на шепот, произнес юноша. – Я видел этого в деле, он сейчас в драку полезет...

Но охотник, видимо, сомневался. Вместо того чтобы развязать варяга, он громко позвал своего пса.

– Жарко! Ко мне!

Звук только коснулся тонких собачьих ушей, а рясоподобный уже стремительно плыл вперед. Охотничий инстинкт сработал мгновенно. Мужик вскинул сулицу и с силой метнул навстречу незваному гостю. Кудесник не мог не видеть броска, но он не свернул, не пригнулся... Копье пролетело всего пару метров и пронзило тело надвигающегося человека насквозь.

– Мать честная... – только и успел выдавить из себя охотник, узрев, как его сулица легко прошив рясу, пролетела дальше и уткнулась в землю.

– Мстибог! – зарычал Сигурд, кидаясь на выручку охотнику. Хотя, что он мог сделать со связанными за спиной руками?

А Мстибог уже схватил охотника за горло. Тело Сигурдова конвоира оторвалось от земли. Мужик пытался сопротивляться, пробуя руками разжать смертельную хватку. Еще секунда – и он будет мертв... Сигурд наклонил голову вперед и, словно разъяренный бык, с мычанием и храпом врезался в нападавшего. Мимо! Юноша потерял равновесие, проскочив мимо цели, вернее, сквозь нее, и повалился на снег.

Пес пролетел с полсотни метров за считанные секунды и с разгону прыгнул на обидчика, пытаясь помочь хозяину. Но и его атака окончилась с тем же результатом. Жарко, однако, в отличие от Сигурда, на ногах устоял. Он резко развернулся, готовый повторить атаку, но тут тело охотника отпустили...

Мужик хлопнулся на снег, широко раскинув руки. Пес злобно зарычал и вдруг завилял хвостом, умолк, лег на брюхо и пополз вперед, к телу своего убитого хозяина.

Только сейчас Сигурд увидел, как рука кудесника выводит какие-то знаки в воздухе

¹⁴ Яшник – пленник.

над головой осиротевшего пса.

– Ах ты сука, – ругнулся юноша, уже почти сумевший подняться после падения, – ну, погоди!

– Смерти ищешь? – внезапным вопросом остановил его нападение Мстибог. – Жить надоело?

– Это ты мне надоел, дядя! – вскинув голову вверх, сквозь зубы процедил Сигурд. – Ты что же, по-честному биться совсем не можешь? Все норовишь хитростью!

– Когда-то мог, – спокойно ответил кудесник, – сейчас, увы, не могу.

– Вот то-то, я и гляжу, что ты какой-то...

– Мертвый... – за него dokonчил чужак, – меня так и кличут некоторые – Мертвяком, но я этого сильно не люблю. Так что давай договоримся, ты будешь называть меня – Мстибог.

– Мстибог, – медленно повторил Сигурд, – значит, я не ошибся... там на заимке...

– Ты верно расслышал, – кивнул капюшоном Мертвяк-Мстибог.

Пес нервно поскуливал, ползая кругами вокруг трупа, и всякий раз проползая возле головы, норовил лизнуть хозяина в нос.

– Хм... Мстибог... За чьих богов мстишь? – задал вопрос Сигурд, быстро разложив на составляющие это чисто славянское имя.

– За своих, – коротко отвечивал кудесник.

– А кому?

– Всем!

Кудесник приблизился вплотную. Сигурду показалось, что его опять изучают невидимые глаза.

– Ты капюшон когда-нибудь снимаешь? – дерзко спросил варяг. – Или спишь в нем?

– Я не сплю...

– И не ешь – понятно. Ну, покажи рожу-то, Мстибог! А то я тебя на заимке худо разглядел... Уж если я не могу сразиться с тобой на мечях, так хоть в рожу плюну!

Ему не ответили. Мстибог резко развернул парня спиной к себе... Сигурд почувствовал легкое прикосновение и в следующую секунду ощутил свободу рук.

– Можешь попробовать... – предложил кудесник, когда, разминая затекшие кисти, Сигурд медленно повернулся к нему лицом, – можешь попробовать плюнуть или ударить... Результат будет одинаков.

– Да ну?

– Да.

* * *

Боги его знают, откуда Сигурда озарила эта догадка, но он вдруг сделал шаг вперед и одновременно вскинул руки. Он проделал это так быстро, что кудесник не успел ничего предпринять. Юноша резко скинул капюшон, обнажив лицо Мстибога.

Юный варяг мог представить себе все что угодно – голый череп, лицо, изъеденное тленом – к этому он был даже готов, но... Лицо кудесника было всего лишь лицом старого человека, с глубокими морщинами, с рыжей бородой и усами. Впрочем, бороду его он уже видел...

И тут на Сигурда словно черти напали. Он сложил кулак и въехал старику под дых. Надо же – получилось! Рот Мстибога искривился, он жадно хватил воздуха... Сигурд добавил еще раз в грудь, и еще... и еще в живот. А когда колдун начал падать приложил его от всей души ногой в бок. Тело упало...

Не теряя ни секунды, юноша метнулся к трупу охотника и выдернул у него из-за пояса свой меч.

– Так ты во плоти, оказывается! – плюнул на рясу Сигурд. – А ну вставай, маг хренов!

Отвлечись, Сигурд пропустил подсечку. Старик как-то больно ловко из положения

лежа подсек парню ноги. Уже падая, Сигурд машинально выставил вперед клинок...

Сталь аккуратно вошла кудеснику в грудь. Он дернулся было, но Сигурд нажал на рукоять, вгоняя меч глубже.

– Доигрался, твою мать! – варяг потянул оружие на себя, извлекая его из плоти.

Из освободившейся раны пошла кровь, обильно намочив рясу. Пятно медленно расплывалось...

Старик лежал с открытыми глазами, шевелил губами, силясь что-то сказать.

– Что? – не расслышал Сигурд. – Что ты там лопочешь?

Он склонился ухом, почти вплотную прижавшись к губам старика, послушал всего пару секунд, а потом резко отдернул голову.

– Откуда ты знаешь мое имя? – брови парня выгнулись дугой. – Что?

Он вновь припал ухом к губам умирающего.

– Сигурд... помни... не люби!

– Ты сбрендил, старик?! Кого не любить-то?

– Иди... в борг...

– В борг? Так куда мне деваться... А кого не любить-то?

– В борг... только... не люби...

– Вот тебя я точно не люблю!

Веки кудесника дрогнули и закрылись, из груди с протяжным стоном вырвался последний выдох.

– Усё! Як кажут у нас на хуторе – помре! – тихо произнес Сигурд.

Какое-то злобное чувство цинизма охватило нутро и жгло, жгло... Остервенелый комок сжался в груди и стучал в самое сердце. Ни жалости, ни сострадания... ничего. Пустота и безразличие.

* * *

Все равно это не укладывалось в голову. Ну, никак...

Сигурд замерз. В одних портах и рубашке с самого утра пробегал, а про обувь и говорить не хотелось. Он посмотрел на лежащего охотника. Добротная зимняя одежда, обувь опять же...

Разные мысли лезли в голову, кружились в танце, пока Сигурд снимал одежду с мертвого мужика и спешно облачался сам. Озябшие ноги, приятно втиснутые в меховую обувь, начали оттаивать – до чего же хорошо. Опять и руки обрадовались добротным меховым рукавицам. Затянув ремень и устроив на место меч, варяг посмотрел на кудесника. Нет, ничего – ответов все равно нет и не будет. Он уже ничего не скажет, а было бы интересно... «Эх, поторопился ты, братец», – запоздало пожурил себя Сигурд. И все равно последние слова Мстибога запали в память – иди в борг! Это было понятно и очевидно – а куда еще было идти?! Но при чем тут любовь, вернее, не любовь? Бр-р... Бред! Кого не любить, когда не любить и главное – почему? Сигурд перекатывал слова и так, и эдак, но вывода так и не сделал. Пустота и непонимание. В общем, глупость какая-то неосознанная. Бредил старик перед смертью – вот весь вывод!

Пес жалобно взвыл, высоко задрал морду. Вой был настолько протяжный, что вскоре все собаки деревни затянули похоронный плач. Эта печаль напомнила Сигурду о близости деревни. Нет, туда ему идти нельзя. Убитый охотник, труп незнакомца, а он при мече, поди потом объясни им, что к чему. Эту мысль ускорило появление на поле нескольких фигур. Они явно спешили к месту недавнего поединка, да к тому же, как успел разглядеть юноша, были при оружии. «Пора уходить», – подтолкнул себя Сигурд. Он подобрал с земли лук и колчан со стрелами, секунду подумал и взял сулицу. А деревенские, уже приметив его на краю леса, ускорили шаг. Сигурд последний раз бегло оглядел место боя, развернулся на пятках и кинулся к деревьям. Войдя в лес, он тут же изменил направление и стал забирать вправо. По крикам за спиной он определил, что деревенские мужики достигли нужного

места и, узрев трупы, кажется, решились-таки на погоню. Ну, еще бы! Кому охота платить дикую виру¹⁵? Целых два трупа на общинной земле – это вам не шуточки...

Сигурд еще раз сменил направление. Но снег, предательский снег сохранял следы. Оставалось только надеяться на собственную выносливость и скорость бега. Хотя оставались сомнения, если мужики окажутся опытными охотниками, то могут преследовать долго. Как голодные волки, они будут идти по следу, покуда не загонят, не зажмут добычу...

Сигурд разбежался как следует и резко отпрыгнул в сторону метра на три. Потом еще раз в сторону, а затем вновь изменил направление. Он петлял как заяц, то бросаясь из стороны в сторону, то делая могучие прыжки.

Вдруг он замер, но лишь на мгновение – прислушался. Похоже, собак у преследователей нет, что не могло не радовать. Глубокий вдох, выдох, и он снова рванул вперед. Больше всего мешал бежать лук, закинутый за спину. Он постоянно норовил зацепиться за ветки, того и гляди рванет тетиву. Да и сулица в руке немного стесняла, хорошо хоть была не так велика, наверное, всего с метр. Он попытался еще ускориться, но на беду встретил целую стену раскидистого можжевельника. Раздумывать было некогда, и он с ходу ворвался в хвойные заросли.

– Ух ты...

Сигурд не решился на сквозное преодоление можжевельника. Он повернулся и стал продираться вдоль этих зарослей, в надежде хоть немного сбить преследователей со следа. Но можжевельниковые кусты быстро закончились, и беглец неожиданно для себя оказался на краю оврага. Тоненькая струйка ручейка на дне, как ни странно, не замерзла... Варяг быстро осилил небольшой спуск, перепрыгнул через водное препятствие, прислушался. Погони было не слышно, но Сигурд чувствовал, что они идут по следу. Взлетев наверх, он остановился.

– Да надоело! – в сердцах выпалил Сигурд и стянул со спины лук.

Проверив колчан, он обнаружил десять стрел, причем только три из них имели железное жало, остальные же наконечники были костяными. Выбора не было.

– Будем довольствоваться тем, что есть, – он выбрал стрелу с металлическим наконечником, приладил ее на тетиву.

Совсем нехоти организовалась еще одна небольшая проблемка. Тетива на морозе задубела, и несколько капелек замерзшей воды свисали с нее крохотными сосульками. Решение пришло мгновенно. Сигурд спешно скинул тетиву и засунул себе за пазуху. Он надеялся, что еще есть время в запасе, ну хоть немного...

Минуты тянулись чудовищно медленно. Сигурд весь обратился в слух, ожидая появления противника в любой момент.

Оттаявшая тетива наконец была готова к бою. Он извлек ее, тщательно оттер досуха об одежду и приладил к луку. Все сходилось как нельзя лучше. В это время он услышал приглушенные голоса, а еще через несколько секунд до него донесся звук продающих сквозь можжевельник людей. Сигурд занял позицию за деревом, решив открыть бой только тогда, когда преследователи начнут подъем вверх по оврагу. Ждать пришлось недолго....

Их было шестеро. Похожие, как братья близнецы. В одинаковых меховых куртках, бородатые и злые... Вот только шапки у них были разные, у кого волчья, у кого лисья... А у того, что поднимался первым еще и плащ из неокрашенного сукна. Сигурд решил начать именно с него. Легкий свист, и стрела глубоко вошла в живот.

– Вот он!

Его уже заметили, но не беда. До него им было еще метров двадцать, да в горку.

– Сука!

– Стерво!

¹⁵ Дикая вира – коллективная ответственность, штраф в пользу князя, взимаемый за убийство на общинной земле, когда виновный не установлен.

Не обращая внимания на ругань, варяг приладил еще одну стрелу и спустил ее с привязи. Не очень удачно – в плечо. Мужик дернулся, поискал глазами, куда бы спрятаться, но место было выбрано беглецом удачно – укрыться негде. Двое упали на землю, а двое других кинулись в атаку. Сигурд заметил у них в руках по сулице. Замах – бросок. Юноша отступил за дерево. Одно копьё прошуршало рядом, а второе вонзилось в ствол сосны. Сигурд выскочил из своего укрытия и выстрелил почти в упор. Мужик ухватился за грудь, из которой торчала стрела. Его падения беглец не видел. Две стрелы пропели рядом с ухом. Оказалось, что те двое, залегшие на земле, имели луки. Из положения лежа они изготовили оружие и теперь, когда показалась цель, вскочили и метнули стрелы.

– Пора отходить... – вслух подумал Сигурд.

Он покинул свое укрытие и что было мочи припустил до соседнего дерева, на ходу пытаясь извлечь из колчана очередную стрелу. Почти с разворота, не целясь, он спустил тетиву – мимо! Первый охотник, выбравшись из оврага, удачно избежал попадания. Он выдернул торчащую сулицу из дерева.

– Тут он! – прокричал мужик своим.

«Ага, – подумал Сигурд, – сейчас они поднимутся и попрячутся за деревьями, да еще с луками...»

Достав пятую стрелу, Сигурд высунулся из-за дерева. Вот они оба с луками показались.

– А-А-А-А!!!! – заорал варяг, выпрыгнув из укрытия.

Успел среагировать только мужик с сулицей. Он с силой бросил копьё и... Сигурд отпустил стрелу. Сулица прошла пустоту, а вот стрела беглеца достигла цели. Мужик ойкнул и отступил обратно за дерево. Куда он попал, Сигурду оставалось только догадываться. Теперь нападавших должно было остаться двое... нет, вот показался еще один, со стрелой в плече. Мужик извлек широкий нож и, не раздумывая, кинулся в атаку. Высовываться было опасно, и все же юноша рискнул. Он присел на колени и выстрелил. Костяной наконечник угодил охотнику в другое плечо. Мужик по инерции прошел еще пару метров и упал.

Однако маневр беглеца заметили лучники, и две стрелы разом впились в край ствола.

– Ну что ты будешь делать... – сплюнул Сигурд.

У него оставались последние четыре снаряда, а сколько у этих... Мысли скакали, ища выход. Попробовать перебежкой?..

– А-А-А-А!!!! – он чуть высунулся – и сразу назад.

Обман удался – охотники, среагировали на крик и, не целясь, метнули стрелы. Сигурд использовал удобный момент для смены позиции. Ему посчастливилось пробежать с добрый десяток метров, прежде чем еще две стрелы пропели рядом, а следом еще две...

Выждав пару секунд, Сигурд выстрелил наугад и вновь метнулся в сторону, меняя положение. На этот раз стрелы противника его не преследовали. Парень ощупал колчан.

– Три...

Наложив стрелу, Сигурд решил выждать. «Если мужики не дураки, они попробует меня обойти, – прислушиваясь, размышлял беглец. – Справа? Слева?» Тихий скрип справа... Сигурд увидел его всего в десяти метрах – вот ведь подкрался! Они выстрели одновременно и оба попали.

– Черт, – дернулся беглец.

Стрела охотника, ободрав левую щеку, проскочила дальше, оставив на лице кровавый след. Сигурд ощупал рану – шрам обещался быть на славу, длинный и глубокий! Радость была только в том, что его стрела пробила мужику горло, и тот теперь лежал неподвижно подле можжевельного куста. А второй? Сигурд почувствовал его спиной. Вот сейчас прилетит смерть – и поминай как звали... Но охотник медлил. Юноша отбросил лук и резко развернулся, вытягивая меч. Перед ним стоял мужик без шапки, с пустым колчаном за спиной. В руках он сжимал увесистую дубину с железными перьями – такой первобытный пернач. Все это мгновенно промелькнуло в голове Сигурда, и он первым перешел в наступление. Он не учел лишь одного, что охотник воспользуется перначом не совсем по

назначению. Варяг успел сократить расстояние до половины, как мужик бросил пернач навстречу врагу. Опа! Точный и сильный удар остановил нападение. Пернач больно ударил в левую ключицу и поверг Сигурда наземь. В том, что его будут однозначно добивать, парень не сомневался. Превозмогая боль, он перевернулся в сторону как раз в тот момент, когда охотник готовился было добить врага ножом. Сигурд успел подняться на одно колено и зло, с оттягом рубанул наискось. Мужик отпрыгнул, и все же клинок распорол меховую куртку.

– Ах ты мзгря!

Разъяренный охотник прыгнул в сторону, не спуская глаз с меча. Сигурд решил сыграть. Он сделал ложный замах, делая вид, что промазал, и сам немного провалил тело вперед. Этим тут же не преминул воспользоваться мужик. Он ловко подскочил, с размаху нанес удар, метя прямо в горло. Сигурд рассчитал все точно. Он чуть подался назад и рубанул снизу вверх. Клинок угодил прямо по руке. Но вот беда! Юноша заметил, что удар пришелся не заточенным местом, а глухим¹⁶, той частью, что ближе к гарде¹⁷. И все равно рука нападавшего дрогнула, пальцы разжались и выпустили нож. Сигурд моментально исправил ошибку, на взлете остановил меч и обрушил сверху вниз. Только неудобная позиция на одном колене не позволила ему дотянуться до головы. Клинок разрубил одежду – достал до плоти. Охотник отшатнулся, меч ударил еще раз, угодив почти в то же место. Но мужик продолжал стоять, отчаянно выпучив глаза. Сигурд рывком поднялся и, взяв оружие двумя руками, опустил его на голову врага.

– Кхе!

На этот раз он упал. Сигурд посмотрел на расколотый череп, на видневшиеся мозги...

– Фу, приморили, суки... – он не сел, почти рухнул.

Ужасно ныло левое плечо, ключица, а из распоротой, опять же левой щеки обильно текла кровь, залив половину лица.

Он только перевел дух, как под чьей-то ногой неаккуратно хрустнула ветка. Повернув голову на звук, Сигурд лицезрел еще одного противника. Мужик шел медленно, опираясь на сулицу, а в правом боку торчало обломанное древко копья.

– Да сколько можно! – взмолился варяг и начал подниматься.

Охотник увидел его, прищурил глаза и попытался вскинуть копьё... Он почти перевел его в положение для броска, как вдруг его качнуло и сулица неуклюже уткнулась в снег – мужик упал и затих. Сигурд подошел, осмотрел тело и, удостоверившись, что противник не подает признаков жизни, цинично уселся на него верхом.

– Приморили... какая несправедливость... вшестером на одного....

Глава шестая Возвращение

*Что это за демон
Стоит перед домом?
Он не предлагает
Страннику приюта!*

Под вечер пошел снег. Сначала неспеша, а потом повалил в полную силу. Эту ночь Сигурду пришлось заночевать прямо в лесу. Он выбрал самую раскидистую и пушистую елку. Нарвал лапника – устелил под ней землю. Нижние ветки он нагнул до земли и закрепил рогатками. Затем, как сумел, прикидал свой импровизированный шалаш снегом – готово.

¹⁶ Клинок меча затачивается на 2/3 – так называемая «рабочая, боевая» часть. Именно этой частью наносят рубящие удары. 1/3 клинка, та что ближе к гарде, с обеих сторон не имеет заточки – в случае необходимости именно этой частью принимают удары для отражения.

¹⁷ Гарда – крестовина.

Расстраивала только рваная рана на щеке. Ему удалось остановить кровь и оттереть кровь снегом, но рану жгло. Хотя голодный желудок несколько приглушил эту боль. Про левое плечо, куда пришелся весьма неприятный удар дубиной, он право забыл. Голодный желудок... порой казалось, что он урчит слишком громко. А снег продолжал укутывать землю... Юноша не заметил, как уснул под звуки собственно чрева...

Утром картинка заснеженного леса была просто сказочной. За ночь снег изрядно присыпал землю. Сигурд выбрался из своего укрытия и на память выбрал направление. Если она ему не изменяла, то где-то там должно было быть поселение чудинов – Куйвокса...

Снега набухало по середину голени, так что идти споро не получалось. Лишь к вечеру Сигурд смог достичь Куйвоксы. «Люди должны помнить добро», – размышлял юноша, подходя к воротам.

Он не ошибся. Люди помнили...

* * *

Люди помнили его поединок с Хауком и Гисли, в котором он отстоял, вернее, подтвердил волю богов. Вепсы приняли его весьма радушно. Напоили, накормили, обогрели и уложили в теплую постель. А затем, уже на следующее утро, приступили к самому главному – принялись врачевать его увечья. Чудинский нойда¹⁸ очень долго возился с его лицом. Обработывал мазями и притирками... Наконец, дошло дело и до иголки. Длинная изогнутая костяная игла почти неслышно уколола кожу и принялась осторожно стягивать рану тонкой, в чем-то выпаренной жилой. Неприятных ощущений почти не наблюдалось. Щека Сигурда до того был натерта травами, и он, словно под наркозом, удобно откинулся на подложенную под голову шкуру и ждал. Ждал, когда нойда закончит... «...Процедуру омолаживания, – раненый ухмыльнулся в душе своим мыслям, – наверняка буду неотразим! Красавец!»

Минуты тянулись, а старик продолжал зашивать рану. Работал он неспешно, усердно. Сигурд и не просил, чтобы шов был ровным, тонким... Шрамы украшают мужчин, так что юноша не придавал этому особого значения. Главное, чтоб зажило. А нойда шил...

Когда у Сигурда от долго врачевания уже подзатекли члены, шаман, наконец, обрезал остаток жилы и оторвался от лица раненого.

– Все, – буднично заявил старик и принялся убирать инструменты.

– Благодарю, – чуть дернув головой, ответил Сигурд.

– Лежи еще...

Убрав лишнее в сумку, нойда извлек оттуда плотную материю и наложил повязку на щеку, плотно прикрыв свежий шов.

– Вот теперь – добро.

– Ага... – Сигурд едва открыл глаза, устало полностью овладела его телом, и он уже почти спал, – благодарю тебя, отец...

* * *

Сигурд пробыл в селении вепсов два дня, а наутро третьего, хорошо выспавшийся и отдохнувший, с новыми силами и на новеньких лыжах продолжил свой путь. Ровно в том направлении, куда рукой указал старейшина чудинов из Куйвоксы. Махнул и коротко сказал:

– Тебе туда...

А Сигурд и не спорил. Он поблагодарил гостеприимных хозяев и поспешил.

Калита, плотно набитая провизией, грела душу, а раны, успокоившись под толстым слоем жирной мази, перестали докучать нервным зудом.

¹⁸ Нойда – вепсский шаман.

Направление на запад. Да, Сигурд и сам помнил, что он с викингами пришел вон оттуда, из-за того леска.

В любом случае до Альдегьюборга было не так уж и далеко. Вот только... опять пошел снег.

На лыжах было куда удобнее идти, нежели на своих двоих. Да что там идти – бежать и то приятно. Широкие, но короткие охотничьи снегоступы чудинов как нельзя лучше подходили для путешествия. И хотя Сигурд не имел большого опыта, но освоился довольно легко. Идя по полю, конечно, иногда проваливался, а вот когда свернул в лес, то тут уже пошло совсем хорошо. В лесу и снега поменьше, и как-то веселей...

Запели лесные пернатые, радуясь выглянувшему солнцу. Снег меж тем иссяк...

Сигурд пересек небольшой ручей, взобрался на холмик, обильно поросший малинником, однако сухие прутья затормозили дальнейшее продвижение. Тревожно гаркнул ворон. Юноша покрутил головой, но заметить хищника не смог. Впрочем, ворон мог быть и не в воздухе, а вполне мог играть в прятки на елках или соснах. Сигурд знал, что эта хищная птица чуть ли не единственная в здешних лесах способна бить добычу не только в полете, но и с земли.

Ворон повторил свой призывный крик, и сердце Сигурда внезапно ёкнуло. Юноша пригнулся и притих. Сулица, до этого используемая в качестве лыжной палки, замерла, готовая к броску. Тихо. Тихо... Нет. Вот оно. Еще не отчетливый, далекий отголосок... Сигурд напряг слух до крайности. Крик! Это был, несомненно, человеческий голос. Отчаянный и безнадежный. Сигурд прикинул расстояние, уловил направление...

Энергично прорвавшись сквозь сухой малинник, он устремился на крик. Бежал, быстро переставляя лыжи, аж вспотел. Крики нарастали, и отчего-то юноше показался до боли знакомым этот шум... звон боя. Кто-то взвизгнул от боли, и тут Сигурд увидел их. Четыре меховых комка яростно атаковали двух мужиков возле саней. Сигурд остановился, бегло окинул взглядом мизансцену. Дорога. Нет, скорее узкая тропа среди редколесья... в стороне от саней еще один очаг борьбы. Там три меховых комка... Да нет – это люди. Определенно люди в разношерстных меховых накидках серого и черного оттенков, звериные шапки с торчащими ушами... хвостами... Эти трое на глазах Сигурда прикончили копьями обороняющегося и кинулись к саням, своим на подмогу. Так – эти справа от саней. А что слева? Чисто! Похоже, два мужика, отбивающиеся у саней, последние – мысли пробежали, оценив ситуацию. Резко заржала лошадь... Один из меховых, схватил ее под уздцы, перекинул повод. Животное дернулось, за ним сани, и обороняющийся мужик не устоял, повалился в снег. Тут же раздался победный вой нападавших, и Сигурд именно в этот миг решил действовать. Лук! Первая стрела, звонко отыграв от тетивы, впилась в меховой комок, что держал лошадь. Пораженный дрогнул, удивленно пялясь на торчащее из груди оперение. Действительно, а откуда?! Он сначала осел, а затем, завалившись на бок, упал. Но повод из рук не выпустил. На созерцание сего момента у Сигурда ушла секунда. Вторую стрелу он точно послал в другой меховой комок, который только-только заскочил на сани. Боги сегодня были за варяга. Не один из нападавших пока не заметил его. Юноша сделал несколько шагов вперед, поближе, на ходу извлекая стрелу. Выстрел. Сигурд выругался по-взрослому, он промазал. Еще два шага вперед. Четвертая стрела принесла смерть еще одному врагу. Сигурд на радостях выпустил еще один снаряд и огорчился – мимо. И вот тут пришло подлинное разочарование – стрел больше не имелось. Всего пятью стрелами он разжился в Куйвоксе – больше не дали, как ни просил. Ну и на том спасибо, ох как выручили стрелы, почти уполовинив нападающих.

Еще шаг, ближе. Ну вот – заметили! Меховой комок обернулся. Заросшее шерстью лицо... Да это же маска! Гадать времени не было, и Сигурд с силой метнул сулицу. Прицел оказался неточен, и копьё угодило в ногу противнику, но и этого оказалось достаточно. Вражина взвыл, а Сигурд был уже рядом. Вылетевший из ножен меч вспорхнул и рассек маску пополам. Сигурд не стал добивать врага. Он быстро скинул лыжи и помчался дальше, а боец с развороченным лицом упал на окровавленный снег.

Юноша громко свистнул, привлекая к себе внимание. Трое оставшихся бандитов разом обернулись. И только тут варяг увидел, что они за секунду до его призыва прикончили последнего обороняющегося мужика.

– Опа! – Сигурд решил атаковать первым.

Он стремительно метнулся в сторону саней. Один меховой комок попытался преградить путь. Юноша уклонился от взмаха топора и вскочил на сани. Его обступили. Наконечник копья прошел совсем рядом, и тут же Сигурд пнул одного в лицо, а следом прошуршал меч. Времени оценить результат попадания не было. Юноша спиной назад прыгнул на снег. Сразу два противника в меховых масках запрыгнули на сани – дураки! Взмах – и клинок подрубил одному голень. Добить раненого не дали. Копье на этот раз ткнуло в плечо. Сигурд инстинктивно отдернулся, а меховой уже спрыгивал вниз с занесенным для решающего удара копьем. Сигурд поймал его в прыжке. Наконечник копья и меч разошлись в полете и одновременно достигли цели.

– Сволота! – уже в падении Сигурд выронил меч.

Копье повторно угодило в левое плечо, аккуратно в первую рану. В азарте юноша выхватил нож и на коленях подполз к обидчику. Тот лежал с перерубленной рукой и орал на весь лес. Сигурд остервенело вогнал лезвие в тело врага, еще раз, еще раз, еще... Он колот до тех пор, пока теплая кровь не забрызгала ему все руки, а меховая накидка противника не превратилась в лоскуты.

– Сволота! – сквозь зубы процедил Сигурд, но осматривать собственную рану повременил.

От нервного напряжения он с трудом поднялся, чувствуя, как правая нога предательски подрагивает. Хорошо хоть левая ничего – стоит твердо. Ковыляя, он обошел сани.

– Ара! – крик был настолько громким, что лошадь напряглась и рванула вместе с санями, увлекая за собой и тело убитого, пальцы которого мертвой хваткой держали повод.

– Ара! – раненый меховой комок двумя руками зажал топор и вознес его над головой. – Ар-ра-а-а!

Сигурд перехватил нож за лезвие и метнул, целя в голову. Нож перекувырнулся несколько раз и рукояткой вошел в глазницу. Нападавший сделал последний шаг... Маски на нем уже не было, а единственный глаз часто-часто хлопал, как крыло стрекозы. Топор упал за спину, а руки потянулись к ножу.

– А-ар-р-а-а! – разбойник вырвал нож из глазницы.

– Вот зомби проклятуший! – Сигурд замахнулся и от души приложил мужика в челюсть. Тот пошатнулся, но устоял. Только второй полновесный апперкот поверг его назамь.

– Отдай! – Сигурд склонился к поверженному и вырвал у него из рук свой нож. Затем юный варяг придавил тело коленом и с невероятным удовольствием перерезал врагу горло.

– Ну все, Арра – угомонился?! – вопрос повис без ответа.

Хотя нет. Ответ последовал, но чуть со стороны – слабый стон. С мыслью об очередном недобитом, варяг вернулся назад и поднял свой меч. Походя он ощупал левое плечо – кровь, уже намочив одежду, обильно текла по руке. Изготовив меч, Сигурд пошел на стон. Приблизившись, он заметил, что стонущий не являлся меховым комком. Мужик лежал на боку, держась руками за низ живота. Сигурд тяжело опустился рядом на колени.

– Ну, ты как, мужик? – спросил он по-словенски и осторожно перевернул раненого.

Зрелище было не из приятных. Живот был распорот, а мужик все карябал себя, пытаясь запихнуть обратно внутренности. Он так усердствовал, что умудрился затолкать в рану часть порванной одежды. Надо было отдать ему должное, при таком страшном ранении он держался мужественно, лишь изредка глухо постанывая.

– Кончаюсь... – тихо выдавил мужик по-словенски. – Юмал...

И дальше он что-то зашептал, но уже по-чудински. Сигурд не понял. Юноша повел носом – воняло отходами человеческой жизнедеятельности, по всему видать у мужика здорово кишки разворотило.

– Кто? – коротко спросил Сигурд.
Мужик сжал кулаки и уткнулся лицом в снег.
– Кто это был? – повторил юноша.
– Меря... – выдавил чужин вместе с кровью.
– Меря? – Сигурд моментально припомнил это название одного из финно-угорских племен. – Ты-то из какого рода?

Но раненый уже не ответил. Он умер, а его остекленевшие глаза смотрели в небо.

– Ну вот, – грустно подвел итог Сигурд, – карачун¹⁹.

И тут пришла боль. Острая и занудная. Юноша еще раз окинул взором поле битвы и, окончательно удостоверившись, что неожиданных сюрпризов в спину больше не будет, принялся стягивать с себя одежду. Рана оказалась глубокой, и ее следовало бы зашить. Но сначала...

– Фляга, – Сигурд заметил на поясе одного из убитых кожаную емкость.

Зубами он открыл пробку – левая рука начала неметь. Принюхался. Пахло травами и медом. Он отпил несколько глотков, окончательно убедившись в качестве содержимого. Затем обильно полил рану, промыв ее.

Достав из походной калиты чистую рубаху из некрашеного льна (опять же спасибо куйвокшанам), он, как сумел, потуже перевязал рану.

– Во попал, – вслух изрек юноша, размышляя, а нет ли поблизости еще этих меховых... этих меря.

Он с трудом поднялся и, пошатываясь, двинулся в сторону леса, подальше от проезжей тропы.

* * *

Продолжать движение стало совсем неважноту. Рука вконец онемела. Рана в плече не унималась, постоянно кровоточила. Повязка промокла насквозь. Сигурд чертыхнулся уже в который раз и остановился. От разорванной запасной рубахи оставался еще приличный кусок – самое время сделать перевязку. Только он подыскал глазами уютное деревце, что завалилось поперек движения, как услышал призывное ржание. Любопытство заставило быстро закончить перевязку и направиться на звуки. Тем более что они повторялись неоднократно. «Странно, – подумалось скитальцу, – откуда тут кони?» И это было действительно странно. С той злополучной тропы, где ему пришлось схлестнуться с меря, он сошел уже довольно давно и теперь пробирался на запад все леском, леском... Да и следов никаких он не приметил. Однако его любопытство вскоре удовлетворилось.

Это была самая настоящая лошадь, причем с санями. Сигурд признал и коня, и сани. Сомнений быть не могло – они самые!

– Эк тебя угораздило, – вздохнул юноша, оглядывая место происшествия.

Коняга, по всей видимости, так испуганно-ретиво неслась по редколесью, что в азарте оторвала одну оглоблю. И это импровизированное копье прочно застряло промеж сдвоенной сосны. Впридачу сами сани причудливо выгнулись, лишив животное ходу. Лошадь дергалась, пытаясь вырваться на свободу, но тщетно...

Увидев человека, кобыла весело заржала в радостной надежде на избавление.

– Тпру! Угомонись... – Сигурд положил руку на холку, – спокойно. Я уже здесь.

Несколько успокоив животное, странник внимательно осмотрел застрявшую оглоблю. Первой гуманной мыслью было освободить лошадь от ненужного груза в виде саней, но затем... возобладал холодный расчет.

Оглоблю несложно пристроить на место и продолжить дальнейшее путешествие с ветерком. Вот если бы не плечо... Сигурд ощутил легкое головокружение, его качнуло, он

¹⁹ Карачун – славянское божество, злой дух, здесь смерть, конец.

уперся рукой о сани. Как хорошо пахло сено на дне... в висках застучало, а потом в глазах все перевернулось, и он уткнулся в мягкое сено.

– Тпр... тр-р...

* * *

Сколько длилась эта вынужденная отключка, Сигурд мог только догадываться. Он очнулся, резко открыл глаза. Начинало темнеть. Лошадь стояла на месте, она успела даже обглодать низко свисающую ветку сосны...

– Тпр-ру, родная... я сейчас...

Сигурд с трудом оторвался от саней, но острая боль, завладев телом, не давала двинуться дальше. Навалилась слабость, видимо сказывалась большая потеря крови.

– Я сейчас... сейчас, – уговаривал он и себя, и кобылу.

Лошадь повернула голову и понимающе глянула на человека.

– Ага... уже...

Усталость... слабость... Черт возьми, ну не помирать же в этом лесу! Юноша дернул головой, пытаясь привести себя в чувство. Тело показалось каким-то чужим. Уды²⁰ не слушались, не повиновались командам мозга. «Так. Волю в кулак», – Сигурд силился подняться, но тщетно. Язва²¹ саднила и жгла огнем.

– О боги...

Туман напал на глаза, мешая и раздражая.

– О воин, ты нашел что искал? – тихий голос пропел совсем рядом... женский голос.

– Что? – скиталец попытался повернуться, но не смог, руки безжизненно повисли вдоль тела. – Кто ты?

Сквозь молочную пелену он видел лишь нечеткий силуэт.

– Ты нашел себе славу? – повторил сладкий голос.

– Чего надо? Кто ты? Я тебя не знаю!

– Ой ли... – удивился голос.

Рядом с Сигурдом зашуршали одежды, он почувствовал легкий аромат.

– Смотри, как ты носом заводил, – послышался легкий смешок, – не иначе воню²² мою признал?

– Болото... – выдавил из себя Сигурд, он действительно признал этот запах, как ни признать, ведь...

– Ха-ха, – она звонко рассмеялась. – Так, Сигурд, так... вдыхай. Меня нельзя забывать.

Силуэт приблизился, последние сомнения улетучились.

– Ты!

– Я, воин, я... – и она опять рассмеялась.

– Я тебя почти не вижу...

Ответом ему был поцелуй – быстрый, но от этого не менее жаркий. Боль тут же забылась, и он широко открыл глаза.

– Теперь видишь?

– О да... – протянул юноша, ощущая во рту привкус морской капусты.

Молодая красивая женщина с пухлыми губками, в светло-зеленом наряде, стояла рядом и манила к себе ароматами цветущего луга.

– Хороша как прежде? – игриво спросила она.

²⁰ Уды – члены – руки, ноги.

²¹ Язва – рана.

²² Воня – запах, аромат.

– Хороша, – спокойно отвечал Сигурд, – но я видел тебя и другой...
– Пустое... – кикимора отмахнулась. – Ты разве не помнишь?
– Что?
– Изменчивость – это сущность людей, – философски изрекла девушка. – В этом залог успеха.

«Да-да, слышал, кажется», – мысленно припомнил Сигурд.
– И я вижу, ты изменился, – продолжила философствовать кикимора. – Теперь ты воин... настоящий воин!
– Хм-м, – Сигурд грустно ухмыльнулся.
Девушка сделала полшага вперед. Их тела соприкоснулись.
– Твоя слава еще впереди, воин, – жар ее дыхания обдал юношу страстью. – Она ждет тебя.

Он хотел было что-то возразить, но она опередила его. Их губы слились в долгом поцелуе. Сигурд и подумал бы оторваться, да не смог или не хотел... Не хотел! Было легко и свободно в этом поцелуе, и радостно оттого, что тело вновь начало повиноваться. Ушла тяжесть, забылась боль...

Наконец она отстранилась от него и посмотрела прямо в глаза. Сигурд застыл как вкопанный, не в силах пошевелиться, а она все смотрела, и ему казалось, что блеск ее болотного цвета глаз пронзает его насквозь.

– Я...
Красавица опять прервала его жестом. Она кокетливо улыбнулась и, протянув изящную ручку к его лицу, игриво ухватила за мочку уха.

– Ты не забудь, – прошептала она, – поцелуй Кикиморы нельзя забывать.
– Ага...
Он стоял, как и тогда, в первый раз... в первую с ней встречу... эх. Стоял, находясь под впечатлением долгого поцелуя, а она вдруг запрокинула голову и рассмеялась.

– Твоя слава... – сквозь слезы смеха пропела девушка, – кровавая, мой воин... и кровь эта не только твоих врагов, но и друзей... аха-ха-ха....

Ух, как весело и звонко смеялась она. Смеялась над ним. А он не мог ничего поделать с этим. Его мозг был занят последней ее фразой. «Кровь... твоих врагов, но и друзей», – как пчелы жужжали слова и кружили, кружили...

А она смеялась. До тех пор пока ее смех не перешел в пронзительный и болезненный для человеческих перепонок писк.

– Хватит!!! – Сигурд выстрелил как из пушки, и громкоголосое эхо порвало лесную тишину, а испуганная кобыла поднялась на дыбы.
– Хватит!

Кикимора оборвала свое веселье, всплеснула руками, закрывая широкими рукавами лицо. Миг – и Сигурд вновь увидел ее старческие морщины, пахло сыростью и болотом.

– Прощай, мой воин! – сказала она. – Мне будет жаль, если ты умрешь. Постарайся продержаться подольше...

– Ах ты, старая... – Сигурд потянулся за мечом, но болотно-зеленый силуэт так быстро замелькал среди деревьев, что помышлять о погоне было уже бессмысленно.

– Нет, ну ты погляди, – устало изрек юноша, посмотрев на кобылу, – какова подлюка! Тьфу ты, болотная тина!

* * *

Как не негодовал Сигурд на эту вторую встречу, но он должен был признать, что поцелуй кикиморы вернул ему силы. Смешно сказать – вернул силы...

Сил хватило, чтобы высвободить оглоблю и должным образом закрепить оную. Он вывел кобылу на ровное место и уверенно забрался в сани.

– Но, милая – пошла!

Милая пошла робко, не спеша. Да и, собственно, разогнаться было негде. Лес хоть и редок, но все же не дорога. Плутая зигзагами и тщательно выбирая маршрут, дабы не застрять, Сигурд управлял кобылкой в глубокой задумчивости. Скоро уже совсем стемнеет, а он неизвестно где. Послевкусие от поцелуя кикиморы полностью прошло, и боль стала возвращаться. Сначала робко, а затем все настойчивее...

Махнув рукой, молодой скиталец отпустил вожжи, предоставив кобыле самой выбирать дорогу. И она, почуяв слабинку возницы, радостно рванула вперед, как будто только этого и ждала.

Вскоре, в самых последних отголосках дня, кобыла вывезла Сигурда на поле. По опыту он прекрасно представлял себе, что если есть поле, то его кто-то да обрабатывает. Люди! Юноша испытал восхитительное чувство радости – люди! Силы были на исходе, вновь кружилась голова... навалилась слабость – люди! «Уж не то ли это поле, – мелькнула в голове робкая догадка, – где меня словили».

Кобыла огласила поле голодным ржанием с отголоском душевной боли. И рванула что было сил...

Сигурда пару раз хорошенько мотнуло, и он спиной назад повалился на дно саней – люди...

Глава седьмая Альдегьюборг

*Хоть и тяжело страдать —
Не дерзай восставать
Против Урд²³ суровой решенья.
(Старшая Эдда)*

– Ох, а... ап... Апч-хи!

«Не, ну бред же...»

...Назойливо-корявые мысли лезли в голову и устраивали настоящий переполох в сознании.

Все шло кувырком. Полный кавардак мыслей осложнялся еще и тем, что правую ноздрю наглухо заложило. Основательно и прочно. Дышать было неловко, да что там неловко, просто затруднительно. Все попытки пробить нос не давали должного результата, сиречь не приводили к облегчению, а напротив, гулко и болезненно отдавались в мозг. Что и говорить, это было крайне неприятно. Просто отвратительно. Отвратительно чувствовать себя заболевшим.

«Насморк, что ли... Будь оно трижды неладно!»

– Апчхи!!!

«Будь здоров! Ну бред же...»

Хотя нет. Внезапная вспышка молнией обожгла сознание и ярко ослепила... Нечеткие вначале очертания вдруг резко проступили в памяти, и он увидел высокую башню. До боли знакомую башню. Память мгновенно нашла сходство, и картинка обрисовалась полностью – выборгская башня Святого Олафа! Она?! Нет, ну точно она! Мощная и неприступная... Мрачно и сыро – ливень, по-летнему теплый, интенсивный... вспышка – и миг безвозвратного падения вниз, в пропасть. Туда, откуда нет пути назад – из бездны прошлого...

Выборгская башня?! Андрей-Сигурд дернулся. Неприятное ощущение в животе в то мгновение полета нахлынуло вновь, и он до боли сжал кулаки. Выборгская башня – с тебя все и началось!

²³ Урд – норна, одна из трех дев, живущих в Чертогах Одина, определяющая людям срок жизни.

Он попытался подняться, но что-то тяжелое давило сверху, мешая пошевелиться. И запах, странный и почти знакомый запах... запах крови, запах смерти...

Нестерпимо болело плечо. Тысячи невидимых иголок пронзали тело, причиняя зуд и прочие неудобства. Глаза будто склеились и, как он не старался, не могли открыться. Он чувствовал боль, постоянно...

Вот иголки измельчали, их укусы стали слабее, а затем резко прекратились. Наступила полная тишина. Ни звуков, ни ощущений... ни боли. Тишина. До чего же хорошо и спокойно. Лишь бы это длилось подольше...

* * *

Сигурд очнулся. Открыл глаза. Медленно, очень медленно приоткрывались веки, словно пудовые гири держали их. Он увидел свет!

– Ну что? Очухался? – хриловато пробасили рядом по-варяжски.

Люди?! Кто?

– Где я? – пытаюсь навести четкость во взоре, спросил Сигурд.

– Во! Каков? – ответил все тот же хриплый бас.

– Ты в борге, Сигурд – все хорошо, – подал голос другой человек.

– В каком борге?

– Во...

– Да обожди ты, Гунар.

Басистый крикнул и отошел.

– Ты меня видишь? – спросил воин.

– Теперь – да.

– Хорошо. Я – Олаф. Узнаешь меня?

– Ты Олаф, – моргнул юноша, – ты из десятка Гисли...

– Точно! Молодец...

– Так я в...

– Мы нашли тебя в санях, – продолжил Олаф, – лошадь притащила тебя чуть ли не под самые ворота.

– Угу... И давно?

– Так уже седмицу²⁴ тому...

– Во...

– Гунар!

– Олаф – дай сказать! – пробасил дружинник и навис над ложем. – Ты, Сигурд, поправляйся... рану твою мы зашили...

– Хм...

– Хорошо зашили. Что, совсем не помнишь?

– Гунар, ты чего привязался? – Олаф хлопнул басистого по бедру. – Сказал, а теперь проваливай!

– Во...

– Иди уже!

Гунар пожал плечами и вышел.

– Не обращай внимания, – махнул рукой Олаф в сторону уходящего, – он немного того... туговат на голову. Ему при штурме борга крепко по голове заехали, – и Олаф широко улыбнулся в густую рыжую бороду.

Сигурд чуть приподнял голову, потянулся к левому плечу, ощупал тугую повязку.

– Заштопали жилами – не переживай! – викинг подмигнул раненому. – Здорово тебя помяли, однако...

²⁴ Седмица – неделя.

Нервы дернули левую щеку, и рука сама потянулась проверить.

– Шрамы украшают воинов.

«Вот оно откуда повелось», – про себя ухмыльнулся молодой варяг, а вслух добавил:

– А шрам и впрямь знатный.

Шрам, аккурат посередине щеки, отчетливой бороздой тянулся почти до самого уха. И, слава богам, наложенные чудиным нойдой швы выдержали испытание и не разошлись во время боя.

– Мы тебе сняли швы с лица. Кто это тебя заштопал?

– В пути к чудинам заходил – постарались...

Олаф понимающе качнул головой.

– Ярл после вас еще два отряда снарядил по местным.

– И как?

– С одним и я ходил, – викинг гордо расправил плечи. – А куда им деваться, этим чудинам? Все приняли Атли. Теперь ждем выход²⁵.

– Ну и у нас тоже были кое-какие успехи...

– Есть хочешь? – спросил Олаф.

Желудок ответил сам, затянув унылую и протяжную песню. Олаф понимающе кивнул и отошел к столу. Раненый, полностью овладев зрением, осмотрелся. Небольшая изба... стоп – тут же его и скальд врачевал после побега.

– Что, знакомые стены? – заметив его взгляд, изрек викинг. – Лежи, сейчас мяса отрежу... На!

Свободной рукой Сигурд взял поданный кусок.

– А хлеба нет, – с досадой заметил Олаф, – муки нет, сухарей нет. Атли обещал с чудинов зерна стрясти... так что посмотрим – должен стрясти!

– А хёвдинг вернулся? – с набитым ртом спросил Сигурд.

Олаф сел подле ложа на скамью, отер бороду.

– Нет.

– А кто-нибудь возвращался?

– Ты чего глаза-то пялишь? Говорю – ни Асбьёрн, ни кто другой в борг не возвращались. Вот только ты.

– Жаль... – протянул Сигурд и тут же вспомнил слова Мстибога про овраг беличий...

«Неужели не солгал колдун хренов?! И впрямь, что ли, всех угробил...» – юноша прикрыл глаза в думах.

– Значит, только я...

– Это ты ярлу рассказывай. А то он уже два раза про тебя спрашивал. Так что тебе и ответ держать! – Олаф сделался вдруг серьезным. – Мы тут уже все передумали, перегадали...

– Расскажу ярлу – не поверит...

Олаф поднялся.

– Ну, мне пора. Сказать ярлу, что ты можешь говорить?

– Скажи.

– А мне можешь сказать...

– Что?

– Что с парнями нашими... с Асбьёрном и остальными...

Сигурд не ответил.

– Живы?

Сигурд закрыл глаза.

Олаф, не дожидаясь ответа, хлопнув дверью, вышел из избы.

²⁵ Выход – дань.

* * *

Сигурда, на его удивление, не вызывали к ярлу ни в этот день, ни в следующий, ни в следующий за ним...

Однако он не особо огорчился – было время выспаться и отдохнуть. Рана понемногу успокаивалась. Менять повязку несколько раз приходила какая-то старуха. Сигурд не смог вытянуть из нее ни слова. Бабка мычала и тыкала пальцем себе в рот – немая. Вот ведь...

Но дело свое она знала. Повязки меняла ловко, наносила мази, поила медом – в общем все как положено.

Кормили хорошо... да, славно кормили. Почти через день мясо. Каша с луком, горох с чесноком. Был один раз даже наваристый бульон из жирного кура²⁶. Все было, кроме хлеба. Бабка на этот вопрос безнадежно развела руками, мол, нету хлебушка и когда ждать не известно.

Черт возьми, как же хотелось пирогов с рыбой и луком... да нет, просто хлебушка, не овсяного, не гречишного, а ржаного, черного. С хрустящей корочкой... горячую корочку с маслом или просто с молоком... Сигурд закрыл глаза, и память унесла его далеко-далеко, туда, где пахло горячим хлебом...

– Вставай, – раненый ощутил крепкое потрясывание. – Сигурд, вставай! Ярл ждет!

Юноша резко открыл глаза. Перед ним возвышался уже знакомый ему Олаф и, продолжая теребить за руку, настаивал:

– Давай-давай. Велел срочно!

– Уже...

Вставать он уже пробовал, еще вчера. Ноги держали крепко.

– Умыться-то дай...

– Давай-давай.

Студеная вода спросонья быстро привела в чувство. Сигурд утерся и принялся одеваться.

– Что там? – он кивнул на дверь. – Снег?

– Снег, – рассеянно подтвердил Олаф, – поторапливайся.

– Снег – это хорошо. Люблю снег...

* * *

Не было ни приветствий, ни осведомлений насчет язвы, ни пожеланий доброго здоровья. Лишь короткий кивок головой – и сразу к делу.

– Где Асбьёрн и остальные? – серьезно спросил ярл Атли.

– Убиты, – коротко ответил Сигурд, продолжая стоять. Сесть ему не предложили.

– Кто?

– Колдун.

Атли, прозванный в народе Косым, нахмурился, а его единственный глаз нервно дернулся.

– Какой еще колдун?!

– Самый обыкновенный, – пожал плечами юноша, словно он этих колдунов в своей жизни видал-перевидел.

– Да он хворый, – раздался из-за спины твердый голос.

Сигурд обернулся и увидел статного дружинника с короткой рудой²⁷ бородой. Юноша напряг память, но тщетно – раньше он в дружине ярла его не видел.

²⁶ Кур – петух.

²⁷ Рудый – рыжий.

– Язва его точит и голову дурит, – подойдя ближе, продолжил вошедший. – Какие колдуны?

– Сядь, Асмунд, – приказал ярл. – И ты садись, Сигурд, рассказывай.

Оба сели на короткую лавку.

– Ну? – поторопил Атли.

Сигурд по-деловому кратко поведал ярлу историю о вихре, что разметал дружину, о том, как он встретил колдуна на заимке, а потом преследовал его и, наконец, убил, неприминув посетовать, что дело сие вышло не из легких. Рассказал и о том, как его преследовали охотники, и что ему пришлось принять бой. О хольмганге в чудинском поселении и о своей ссоре с хёвдингом Асбьёрном юноша умолчал, ровно как и о том, что был практически изгнан из отряда.

– Шестеро, значит, их было? – спросил Атли, поправляя повязку на глазу.

– Да. У меня от них памятка осталась, – ответил юноша и, как в подтверждение, левая щека со шрамом непроизвольно дернулась.

– Храбрец... – сдержанно похвалил ярл.

– Так у меня лук со стрелами был, – вымолвил Сигурд с таким видом, будто его ответ многое объяснял.

Атли в ответ понимающе качнул головой, мол, оно конечно, раз лук был...

– Значит, сам колдун сказал тебе, что все наши убиты? – переспросил ярл.

– Да, – кивнул Сигурд. – И еще я потом со странными людьми в лесу столкнулся.

– Кто? – коротко, как выстрел спросил хозяин борга.

– Кажется, меря... они на обоз напали, ну я и помог немного...

Ярл сдвинул брови.

– Слышал я про них. Род сей чудинский на службе у хольмгардцев.

Сигурд шумно втянул ноздрями воздух.

– Ну, коли так...

– Сколько их было?

– Семеро.

– Малый отряд... – размышлял вслух ярл, – загонщики, стало быть... А ты что, всех семерых положил?

– Так у меня лук со стрелами был... – повторил Сигурд.

– Да он издевается над нами! Кто он такой, чтобы ему была вера?! – вдруг прогремел Асмунд. Он встал с места и подошел к ярлу. – Он в дружине меньше малого! Не верь ему, ярл! Какие охотники? Какие меря? Какие шесть... тьфу ты... семь воинов? Чтобы он один с ними...

– У меня был лук! – втянув живот, гордо изрек юноша, в душе чувствуя, что ох зря это рыжий начал...

– Да хоть два лука! – чуть не сплюнул Асмунд, – Да что там меря... Он сбежал, бросив наших парней на смерть! И не было никаких колдунов!

– Что скажешь? – прищутив единственный глаз, спросил Атли.

– Я сказал правду, – твердо изрек Сигурд, – клянусь Вальхаллой! Колдун убил наших воинов, мне удалось убить колдуна, а порукой тому мои раны! И если ты, – юноша ткнул пальцем в рыжего, – еще раз назовешь меня трусом, то я затолкаю твой поганый язык тебе в жопу!

Асмунд от удивления выпучил глаза.

– Что?! – проревел он, как лось в брачный период, и, выхватив меч, ринулся на Сигурда.

– Стоять!!! – тут же попытался вмешаться ярл, ринувшись следом. – Стоять!

Но Асмунд не услышал ярла, а тот не успел преградить нападавшему путь. Собственно, Сигурд и не наделся, что дружинник образумится. Юноша отвел забинтованную левую руку на перевязи в сторону и резким движением извлек меч. В долю секунды взбешенный Асмунд оказался рядом. Сигурд ожидал его внешне абсолютно спокойно, но сердце уже стучало и

рвалось из груди. Быстрый шаг в сторону, и он встретил атаку увесистым ударом ноги в живот. Викинг уже с занесенным мечом чуть согнулся, и Сигурд тут же, не раздумывая, полоснул по руке.

– Стоять! – ярл в последний раз попытался пресечь кровопролитие, он был уже рядом, но Сигурд, намеренно сделав полуоборот спиной, отсек Атли от поединка.

Раненый викинг на миг потерял противника из виду. Он неуклюже развернулся и рубанул наотмашь. Сигурд присел и направил свой меч ему в бок. Клинок вспорол кожаную рубаху и рванул плоть. Юноша рывком поднялся, и в этот момент ярл бесцеремонно и сильно толкнул его в спину. Сигурд потерял равновесие и налетел на противника. Дружинник, увидев перед собой глаза обидчика, произвел короткий замах и воспользовался своей головой в качестве решающего аргумента. В последнюю секунду Сигурд успел поднять лицо, и бычий череп врага ударил в грудь. Юноша пошатнулся, но ярл своим телом подпер его, не дав упасть.

– Хватит! – вконец вскипел Атли, и в схватку ринулся третий меч.

Удар ярла пришелся впустую. Меч Сигурда пропел последнюю песню и сокрушил шею Асмунда. Кровь ударила в лицо ярлу, но он не отпрянул. Словно заговоренный, Атли стоял и смотрел, как у его воина медленно подкашиваются ноги...

– Ты убил моего хёвдинга, – сквозь зубы процедил Атли, когда тело убитого грохнулось к его ногам, – второго моего хёвдинга...

– Если ты имеешь в виду еще и Асбьёрна, то я его не убивал, – тяжело дыша, ответил Сигурд, вытирая клинок о повязку на левой руке. – А этот сам напросился. Ты видел – я защищался...

– У-у-у, – завыл Атли от злости, – да, я видел... ты защищался!

Ярл убрал меч в ножны и вернулся на прежнее место.

– Ты защищался, – повторил ярл более сдержанно, – а сейчас ступай... я позову, когда надо.

Чуть склонив голову, мол, понял, Сигурд вышел во двор. Нервы дернули левую руку, и повязка стала быстро намокать.

– Черт... Эй, – он позвал сторожу²⁸, – ярл просил зайти... прибраться...

* * *

Курорт продолжался долго. Даже слишком. Он уж не знал, радоваться этому или огорчаться. С одной стороны зажили все язвы, синяки и царапины – тело отдохнуло и отъелось. А с другой... скука да и только. Уже почти две седмицы Сигурд маялся практически в одиночестве. Одно развлечение – помахать мечом на дворе, и то эта забава стала только несколько дней как по силам. А так, какие развлечения? Гостей почти не было, кроме бабки, что меняла повязки да еду приносила. Ну, пару раз все тот же Олаф заглядывал, но тот скорее ради порядка, чем от чистого сердца. Да и что толку, что заходил? Дежурные фразы о здоровье, о погоде, о муке, которую наконец раздобыли у прижимистых чудинов. И оттого весь борг, насидевшийся без хлеба, теперь страстно отъедался пирогами. Сказать по правде, Сигурд уже и сам успел насладиться мучным. Его заботливая старуха испекла и принесла выздоравливающему отменный рыбник. Вот на этом, собственно, и все новости – скука...

– Дров поколоть, что ли... – вслух рассуждал Сигурд, сидя за столом. – Как думаешь, бабка?

Старуха, убирая со стола посуду, вдруг замерла и активно замахала головой, мол, конечно, милоч – пойди, поколи!

– Вот и я думаю – пойду, – сдержанно улыбнувшись, согласился с ней юноша.

²⁸ Сторожа – охрана.

Выйдя на двор, Сигурд с огромным удовольствием полной грудью втянул свежий морозный воздух.

– Хорошо...

Солнце светило ярко, даже пришлось ладонь прислонить ко лбу, чтобы оглядеться по сторонам.

– Хорошо... – и колоть дрова резко расхотелось.

– Сигурд!

Молодой варяг обернулся.

– Как твои раны, Сигурд? – спросил подошедший викинг.

– Хвала Одину, заживают. А я тебя знаю?

– Я Хрольв, сын Олафа, – воин протянул руку.

– Олафа? – Сигурд пожал протянутую руку.

– Да. Отец навещал тебя...

– А, – догадался Сигурд, – этот Олаф... я не знал, что у него есть сын.

– Трое. Я и еще два брата – Оттар и Трюгви.

– Ясно, – кивнул Сигурд, – чего хотел?

Парень сверкнул зубами.

– А правду говорят, что ты сразил в бою семерых врагов?

Сигурд улыбнулся.

– Тебе сколько лет, воин?

– Семнадцать...

– Давно в дружине?

– С прошлой зимы... так ты не ответил.

– Правда, – кивнул Сигурд, – но у меня был лук...

– О-о-о, – парень весь засветился, как новогодняя елка, – ты великий воин, Сигурд! О тебе сложат песню скальды.

– Ну, – отмахнулся Сигурд, – думаю, до этого еще далеко.

– Нет-нет, я верно тебе говорю. Сегодня Йоль²⁹ и...

– Сегодня?

– Ну да – сегодня ночью ярл устраивает пир в большом доме. Ты что, не слышал?

– Я это... что-то потерялся.

– Понятно, – парень затряс головой. – Так вот, на Йоль, говорят, скальда пригласили... ну того, что в борге был, когда мы его взяли.

Юный викинг сделал крепкое ударение на слово МЫ. И гордый вид сделал, что тоже был в битве, а стало быть, причастен к победе. Сигурд вновь улыбнулся.

– Вемунд...

– Точно – Вемунд. Ярл приказал сыскать скальда. Не мог же он далеко уйти.

– Ясно. А ты-то чего от меня хотел? Или только узнать про семерых?

– Я это... отец говорил, что ярл после пира войну объявит...

– Это еще кому? Хольмгардцам? Так с ними и так не мир.

– Не-е-е, – парень быстро махнул рукой, – вроде как Атли на мера собрался, на чудинов этих...

– Ага...

– Ну вот, отец рассказывает, что ярл хочет тебя послать с дружиной и что херсиром³⁰ тебя выберут.

– Да брехня.

²⁹ Йоль – день зимнего солнцестояния. Скандинавский Новый Год.

³⁰ Херсир – военный вождь, в данном случае предводитель отдельного отряда. Херсир рангом чуть ниже хевдинга.

– Нет, точно тебе говорю. Отец сам слышал, как ярл говорил... Ты же Асмунда-хёвдинга убил....

– Это был честный бой. Я защищался.

– Отец говорил... но...

– Что но?

– Многие дружинники не верят, что ты в том походе... Ну, вообще, ты же один вернулся, и никто твоих слов подтвердить не может.

– Ага, вот Асмунд и не поверил...

– Ладно, – юный викинг глянул в сторону, – мне пора, вон братья скамьи понесли для пира.

– Бывай, Хрольв, сын Олафа, еще увидимся.

– На пиру и увидимся, – почти на ходу бросил парень, спеша на помощь родственникам.

– Так меня не приглашали...

– Так всех приглашают. Отец?!

Хрольв с разгону чуть не сбил отца с ног.

– Ты чего тут прохлаждаешься? – грозно спросил дружинник. – А ну бегом к братьям в подмогу!

– Олаф, рад тебя видеть, – еще на подходе, первым приветствовал гостя Сигурд.

– И тебе здоровья. Как твоя язва?

– Уже лучше.

– Вот и хорошо. Сегодня пир ярл устраивает в честь Йоля...

– Да, я уже знаю.

– А-а-а, – понимающе кивнул Олаф, – принесла сорока на хвосте, – он посмотрел в сторону удаляющегося сына. – Тем лучше. Так что собирайся, я вот тут тебе принес...

С этими словами Олаф перекинул за спину калиту и, распахнув ее, извлек оттуда новую рубаху и порты.

– Ну спасибо, – Сигурд растянулся в благодарной улыбке, принимая подарок.

– Да то не меня, а ярла благодари. Его подношение.

– Не премину...

– Ну, ты примеряй, а мне надо идти. Пир – дел полно.

Сигурд понимающе кивнул и проводил Олафа взглядом. Только теперь он оглядел внутренний двор борга. И как он не заметил? Кругом царила деловая суета. Народ был весь при деле. Кто-то стаскивал скамьи и столы в большой дом, кто-то катил бочки из погреба, а кто-то большими охапками сносил дрова, дабы очаги исправно протопили помещение. Тут же во дворе Сигурд узрел распыляющиеся костры, возле которых уже устраивали жаровни и треноги с вертелами. Заметил Сигурд и большой чан, в котором, по всей видимости, будут варить сбитень.

Жалобно заблеяли овцы, и варяг повернул голову на звук. Почти у самой стены был сделан загон, в котором пара викингов устроила скотобойню. Сигурд решил прогуляться, размять чресла. Он поплотнее закутался в плащ, поправил шапку и двинулся на обозрение. Подойдя ближе к загону, юноша увидел новый для себя способ умерщвления овец. Дружинник крепко зажимал голову овцы между ног, в то время как другой придерживал скотину за спину. Взмах острого клевца, и викинг без труда пробивал череп животного. Овца умирала мгновенно, и главное – никакой крови и дерганий. Кровь, конечно, будет, но уже позже...

Дальше убиенную животину подвешивали на крюк, вбитый в столб, и начинали разделывать. Вначале вспарывали брюхо и убирали внутренности, причем ливер, легкие и сердце клали отдельно. Затем воин брал тонкий нож и аккуратно принимался отделять шкуру от мяса. Получалось у них очень ловко. Сигурд не насчитал и двух минут, как шкура уже была снята. И, наконец, готовую тушу разделывали на большие куски, как смекнул юноша, скорее всего для варки. Хотя мясники оставили несколько туш целыми, эти, видно, пойдут

на вертел.

Легкий ветерок донес ароматы кухни, и желудок забеспокоился. И еще, как назло, набежали облака, перекрыв солнце. Сигурд зябко передернул плечами и повернул к своей избе...

Когда он переступил порог, в сердце отчего-то легонько кольнуло.

– Вемунд...

Сигурд вошел, плотно закрыв за собой дверь.

Глава восьмая Последняя просьба

Ты снова рожден...

А значит, ты снова в пути...

О чем поют скальды, когда им одиноко? А бывает ли скальду одиноко? Ведь при них всегда свобода и великие саги, великая память о прошлом... Бессмертные саги, которые поют по всему Митгарду³¹. Передают из уст в уста, от отца к сыну, от скальда к скальду. Так было и так есть и, если будет угодно богам, так и останется впредь, пока не наступит Великая битва³². Но мир возродится, и все начнется сначала. Мир?!

Что есть весь мир, как не путь песни отсюда – туда, ввысь, в Асгард³³. Вся жизнь твоя – песнь. Да услышат ее боги.

Так о чем поют скальды, когда им одиноко?..

Вемунд по прозвищу Сказитель стоял на берегу застывшего озера. Бескрайние, куда хватало взора, льды, припорошенные снегом, отражали яркие лучи небесного огня. День был чуден. В меру морозен и ярок. На небе ни малейшего облачка...

Скальд развернул толстую войлочную подложку, расстелил ее на плоском камне – сел. Дышалось легко и свободно.

Уже много дней он не встречал людей, уже много ночей он не грелся у очага и не пел гостеприимным хозяевам свои песни. Сказитель устал. Цель? Да, у него была цель, одна на двоих. Цель найти одного человека, чтобы помочь другому обрести друга. Но каждый новый день не укорачивал путь, а лишь запутывал. В сущности, скальд ничего не знал про этого человека – только имя. Славянское имя...

Губы Вемунда едва заметно шевельнулись, и пар изо рта унес имя вверх...

А потом скальд запел, тихо, только для себя. Он пел о последней битве, что наступит когда-то для всех. О последней битве, что для каждого будет своя...

* * *

Скальд, опираясь на посох, медленно шел по полю, устланному белым ковром. Озеро осталось позади, и теперь Сказитель держал путь на юг. Зима в этом году выдалась не очень снежной, идти было не тяжело, хотя местами ноги и проваливались по щиколотку. Солнце светило ярко, одаривая землю робким теплом. Снег легонько поскрипывал под ногами, нарушая умиротворяющую тишину. Не было слышно даже пения птиц в близком лесу.

Потрескавшиеся губы Сказителя чуть шевелились. Казалось, он что-то нашептывает себе под нос.

³¹ Митгард – мир людей.

³² Рагнарек – последняя битва, Великая битва, после которой Мир погибнет и возродится вновь.

³³ Асгард – мир богов.

Внезапно едва заметный ветерок пропел совсем рядом и поднял полы давно изношенного плаща. Холод пробился сквозь одежду и морозом пробежал по старческому телу, отдаваясь в костях.

– Куда путь держишь? – голос раздался так неожиданно, что старик вздрогнул и завертел головой.

Позади стоял человек в сером длиннополом одеянии с накинутым на голову капюшоном. Старик остановился, оперся о посох и внимательно оглядел незнакомца.

– Кто ты? – удивленно спросил он.

Незнакомец плавно, будто не касаясь земли, подошел к путнику и медленно откинул капюшон.

– Меня сложно узнать, скальд Вемунд?

Старик прищурился от яркого света, он даже приложил руку ко лбу – смотрел и не узнавал.

– Нет, – качнул головой Вемунд, – не помню тебя.

– Эх, Сказитель... – вздохнул человек, – хотя верно, прошло много времени...

Голова скальда склонилась на бок, по его глазам было видно, что отменная память на вирши тут не выручила его. Он не мог вспомнить незнакомца.

– А ведь ты спас меня когда-то, – продолжил человек, – и я тебе очень благодарен. Я искал тебя...

Брови скальда сдвинулись еще больше, лоб, и без того весь в морщинах, стал похож на скомканную тряпицу.

– Не-е-ет, – безнадежно протянул старик, – не сердчай, незнакомец, но моя память не сохранила твой лик.

– Я и не сержусь, что ты... Ты видел меня молодым... а сейчас посмотри, что сделало со мной время...

– Все в руках богов, – философски ответил скальд, разглядывая собеседника.

Перед ним стоял такой же старик, как и он сам. Наверное, он не уступит ему ни в годах, ни в седине. Лишь его рыжая борода почти не имела проседи.

– Да-да, – сокрушаясь, покачал головой незнакомец, – все в их руках... однако они часто забывают про людей.

– Тебя обидели боги или люди? – вдруг спросил Вемунд.

– Ха! В точку, старик, в самое сердце! – человек ухмыльнулся. – Так ты и впрямь не можешь меня признать? А ведь ты видел меня совсем недавно... правда молодым и крепким.

– Где?

– В Альдегьюборге!

Скальд опять напрягся. Он перелистывал свою память... а ведь он мог ею гордиться – там хранилось множество саг, и своих, и чужих...

Незнакомец выждал еще несколько секунд, давая возможность Сказителю перерыть свое подсознание, а потом спросил:

– Ну как там раны моего молодого тела? Ты же лечил меня... а побег мой помнишь, скальд? Я бежал из борга, но меня поймали...

Как молотом Тора ударило скальда. Посох дрогнул в его руках, а глаза округлились. От неожиданной догадки скальд выпрямил спину, вытянувшись в струну.

– Сиг...

– Не надо! – грубо прервал его человек. – Этого имени больше не существует. Можешь называть меня Мертвяк.

– Но как? Мертвяк... это по-словенски...

– Мертвый! – закончил за него Сигурд.

Ноги Сказителя задрожали, и он начал медленно оседать. Мертвяк подхватил его в последний момент и придержал. Затем он скинул с себя набитую чем-то калиту и положил на снег. Только теперь Мертвяк позволил старику мягко опуститься и сесть.

– Не может быть... – рассеянно выдавил из себя Вемунд, – этого не может быть...

боги... Великий Один...

- Не надо поминать богов всуе, добрый скальд, – Мертвяк присел рядом прямо на снег.
- Так ты мертвый, – скорее утвердил, чем спросил Сказитель, – тебя нет...
- Ты поразительно догадлив, скальд.
- Но как?

– Я и сам не ведаю до конца, по чьей воле так вышло... Или это было угодно богам, или порождения Хель³⁴ сотворили со мной такое. Я не знаю, но хотел бы узнать... – он сделал паузу. – Впрочем, сейчас это уже неважно. То, что ты еще видишь меня, большая удача. Хотя, можно сказать, я пришел по твоему зову.

- Я не звал тебя... – растерялся скальд, вконец выведенный из равновесия.
- Ну, не напрямую... Чье имя ты произнес недавно?
- Имя твоего друга – Вадима.

– Вот видишь, старик, а говоришь – не звал! Вадим связан со мной, он тоже, как и я, из другого мира.

– Я хотел найти его, – скальд дернул плечом, – для тебя... для Сигурда. Я думал... мне казалось, что Вадим жив, что вы просто потеряли друг друга...

- Да, скальд. Ты на удивление прав. Вадим – жив!
- Да?!
- Точно! Вернее и быть не может. Во всяком случае, в этом, настоящем времени...
- Слава богам... И вы встретитесь?
- Тебе-то зачем это знать?
- Но...

– Не надо, скальд, не надо... А то еще твой старый череп лопнет от впечатлений.

– У меня уже болит голова от твоих сказок.

– Вот видишь! Так что лучше молчи и послушай меня.

Сказитель закашлялся, но продолжал глядеть на собеседника, почти не моргая.

– Я вернулся сюда, как видишь, немного в другом облиии. Я долго искал свое тело и нашел...

– Сигурда?

– Да, скальд. Я нашел его. Но Сигурд, тот молодой и уверенный в себе парень, убил меня, ха, – Мертвяк сдержанно рассмеялся. – Ха, я умер дважды, от своей собственной руки. Слышишь – дважды! Может, я избранный?! Ха-ха... Чудо! Не смотри так на меня...

– Но ты же во плоти... я чувствую твои прикосновения...

– Это всего лишь миг – и скоро я улечусь, как видение. А может, скальд, я всего лишь привиделся тебе? Ха...Знаю, в это трудно поверить, я и сам не могу понять и объяснить всего, что происходит со мной... происходило... Но сейчас ты должен просто поверить мне, ведь однажды ты, скальд, уже поверил моей сказке...

– О твоём мире... – выдавил Вемунд.

– О моём мире... ха, это в прошлом. Да и признаться честно, этот... ваш мир мнеглянулся больше. Да...

– Сигурд, прости, но если ты мертв, то как же ты... то есть, тот Сигурд...

– Я не могу тебе рассказать всего, – жестом прервал Мертвяк. – Это все очень долго и трудно. Мне нужна помощь, скальд, последняя услуга... после чего я смогу уйти и, надеюсь, навсегда.

– Чем могу...

– Можешь, дружище, можешь. Ты должен отправиться назад, в борг и найти меня... Сигурда и передать ему, чтобы он не трогал девушку.

– Какую девушку?

– Нельзя называть имен. Впрочем, это неважно... просто передай дословно то, что

³⁴ Хель – в скандинавской мифологии повелительница загробного мира, ада.

прошу – и все!

– Я не понимаю...

– Прошу! – взмолился Мертвяк. – Передай! Он поймет... должен понять, если он не последний дурак...

– Не понимаю, – отрешенно мотнул головой Сказитель, – боги... если ты ходишь, дышишь, говоришь со мной... почему ты сам не отправишься в борг и не передашь это... хм... самому себе?

– Нельзя. Не могу. Я же говорю тебе, скальд, я встречался с самим собой, и тот Сигурд убил этого Сигурда.

– О-о-о, – Вемунд схватился за виски, – это непостижимо... Один, Тор, Фрея – заклинаю вас...

– Перестань, дружище, это лишнее. У меня очень мало времени. Меня ждут чертоги Вальхаллы, – Мертвяк грустно улыбнулся, – или вечный мрак Хель. Ты выполнишь мою просьбу? Мне больше некого просить.

– Это непостижимо... Хорошо, – Сказитель резко убрал руки от головы, выпрямился и твердо повторил, – хорошо, я исполню то, что ты просишь, если это так важно.

– Очень... ты даже не представляешь, насколько... может быть, ты спасешь меня... ну, то есть, Сигурда... может, все пойдет по-иному... Для него, и для меня... И не будет глупостей... Пора.

Мертвяк вдруг поднялся.

– Мне пора, – он огляделся, – слышишь, скальд, меня уже зовут.

Вемунд тяжело поднялся следом и с опаской огляделся.

– Меня зовут... – Мертвяк тут же перестал озиаться и крепко ухватил Сказителя за плечо. – Помни, ты обещал.

– Да-да...

– Мне пора...

– Уходишь?

– Да, скальд. Посмотри, какое сегодня прекрасное небо.

Вемунд, прищурившись от яркого света, проследил за рукой Мертвяка и посмотрел на голубой небосклон, где высоко-высоко плыли одинокие облака. Их, полупрозрачных, легко гнал ветер, а огненное колесо солнца, казалось, начинает пригревать...

– Да, прекрасный... Мертв... Сигурд? – скальд обернулся, но вокруг никого уже не было. – Сигурд?! – Сказитель сделал полный оборот, но никого не обнаружил. Мертвяк исчез, испарился, словно видение.

Скальд затряс головой, словно его поразил нервный тик. Он верил в причуды богов, он верил, что им подвластно многое, почти все на этой земле, но... Сигурд? Это понять было не просто. Как боги могли позволить ему странствовать из мира мертвых в Митгард – мир живых существ?

Легкий ветерок вспугнул снежную порошу и прошелестел в полах одежды. Вемунд еще раз быстро глянул на небо, а затем, опираясь на посох, уверенно зашагал на юг, в сторону Альдегьюборга.

Глава девятая **Йоль – Длинная ночь**

*Во мраке светлого знаменья
Ты обретишь счастливую печаль...*

Большой зал вместил не всех, но многих. Столы, плотно сдвинутые, образовали огромную букву П. Викинги собрали все столы, которые нашлись в борге, и оттого они, разные по высоте, стояли теперь несколько неровно. Но сей факт мало кого тревожил, главное, чтоб стояли устойчиво и не ломились под тяжестью пирогов. Сигурд, как вошел, так

и припал взглядом к этим гигантским пирогам. Раньше он таких еще не видывал. Прямоугольные, румяные, еще отдающие парком...

Народ рассаживался, толкался, самые ретивые поспешали занять лучшие места. Старшие одергивали молодежь, мол, куда прешь поперек батьки... Скамьи разных размеров и по длине, и по высоте, стояли вдоль стен, и те, кто был пониже росточком так и норовили усестись на скамьи повыше. Во главе, на высоком резном стуле восседал сам хозяин борга, и его единственный глаз сверкал, а щеки расплылись в довольной улыбке. Атли наблюдал, как его дружина занимает места, весело и шумно. Странно, но Сигурд заметил, что места справа и слева от ярла пустовали. И несколько седовласых мужей усаживались рядом, оставляя эти места пустыми. Сигурд успел протиснуться почти до середины одного из крыла и, не желая продвигаться дальше, плюхнулся на свободное место. Присел он очень удачно, ибо секунду спустя вся скамья была уже занята.

– Сигурд, привет! – его легонько хлопнули по плечу.

– Хрольв? – удивился Сигурд.

– Я... а вот мои братья, – молодой викинг протянул руку, указывая на крепких парней.

– Оттар, – представился тот, что постарше.

– Сигурд, – последовало рукопожатие.

– Трюгви, – этот чуть моложе, лет, наверное, двадцати.

– Сигурд, – у парня была твердая рука.

– Ну, вот и познакомились, – Хрольв завертел головой.

– А где ваш отец?

– Да должен быть... Ну, куда прешь?! – Хрольв оттолкнул такого же зеленого молодца, как он сам, – не видишь, занято!

– Я...

– Иди-иди, во-он там есть место... быстрее давай, быстрее! Эх, не успел! Не повезло тебе, Снорри!

И вся троица братьев прыснула дружным смехом, видя, как молодому Снорри не повезло с местом – его опередил широкоплечий блондин с каменным лицом.

– А ну, Снорри, подыми Бьярни! Чего это он поперек тебя жопу прижал! – громко подначил паренька старший Олафссон.

– Бьярни! – окрикнул средний. – Ну как тебе не стыдно – обидел сироту!

Теперь ржали почти все, кто был рядом и слышал разговор.

– Да я и не хотел... – сквозь перекаты смеха вставил смущенный Снорри.

Конец потехе положил сам Бьярни. Он мощно шевельнул корпусом, раздвигая соседей.

– Садись рядом, парень! – громогласно изъяснил Бьярни и почти силком усадил того рядом с собой.

– А что, Снорри сирота? – спросил Сигурд, склонившись к Хрольву.

– Теперь – да. Его отца убил хольмгардский воин в битве на реке, у борга.

Сигурд понимающе кивнул.

– А вот и отец! – изрек Оттар, приметив Олафа.

– Олаф, иди к нам! – счастливого отца трех сыновей пытались заманить к себе другие дружинники.

– Иди к нам, Олаф! Будет тебе пестовать своих парней!

Но Олаф лишь отмахивался и продолжал пробираться вперед.

– Чую знатный будет пир, – садясь и протягивая руку Сигурду, изрек Олаф.

– Вот и у меня желудок то же самое думает, – улыбнулся в ответ Сигурд.

– Ночь теней!

– Длинная ночь...

– Йоль!

Воины шумели, устраиваясь на скамьях и оглядывая угощения в виде пирогов.

– А почему на столах только пироги? – удивленно спросил Сигурд.

– Сейчас принесут пиво, – ответил Олаф и указал рукой на ярла.

А Атли как будто только этого и ждал. Он встал и поднял вверх правую руку, призывая собравшихся к тишине. Как только многоголосье стихло, ярлу подали объемную братину, которую он принял обеими руками.

– Хирдманы!³⁵ Сегодня длинная ночь – Мать всех ночей! Этот праздник мы посвящаем дисам³⁶. Пусть славные дисы оберегают наш очаг от троллей и злобных йотунов! Пусть эта ночь станет началом нашей славы на этой земле! За дисов! За Одина! За Тора!

– Скрёль!!!³⁷ – проревела дружина, и Атли под эти возгласы, отпив из братины, пустил ее по кругу.

Увесистая емкость, постепенно пустея, переходила от воина к воину, и каждый произносил хвалебные речи. Кто во что был горазд, кто говорил длинно, кто коротко, и вот, когда братина достигла Сигурда, он принял ее – встал. Однако ярл не дал ему и рта раскрыть. Атли поднялся и вновь поднял руку, провозглашая тишину.

– Хирдманы! – начал ярл, – вот стоит перед нами храбрый Сигурд, сын Бьерна, который сразил немало врагов, который один в схватке прикончил семерых! Он в честном поединке одолел Торира и хёвдинга Асмунда!

Дружинники одобрительно зашумели, а Сигурд стоял и не понимал, куда клонит ярл.

– Хирдманы! – вновь воззвал Атли, и его единственный глаз сверкнул как молния, – Один уже принял двоих наших хёвдингов, и будем помнить их отвагу! Но скажите мне, разве Сигурд не храбрейший из мужей? Разве он не достоин быть нашим херсиром?

– Да!

– Сигурд – херсир!

– Молод еще...

– Сигурд!

– Пусть будет!

– Херсиром его, верно ярл говорит!

– Чужой он нам...

– Херсир Сигурд!

Атли обвел зал взглядом и довольно кивнул – судя по всему, большинство было не против.

– Наш борг окружен врагами! – продолжил Атли. – Чудины непокорны, особенно мера, что кормятся с ладони хольмгардцев! Но мы пришли сюда навсегда! В том воля Одина!

– Скрёль!!!

– Да-а-а!!!!

– Мы должны сталью порушить все их козни! МЫ должны разрушить это осиное гнездо! И начнем мы с мера! С нами Один и могучий Тор!

– У-У! А-А!!

– Скрёль!!!

– Да-а-а!!!!

– Один!!!

– Тор!!!

– Хирдманы! – ярл махнул рукой, – этот поход возглавит новый херсир! Скажите – быть ли Сигурду херсиром?!

Больше половины присутствующих воинов вскочили со своих мест и, заколотив кулаками по столу, принялись радостно выкрикивать имя Сигурда. Некоторые же остались сидеть, и Сигурд понял, что это явная оппозиция, не желающая видеть его новым херсиром.

³⁵ Хирдманы – дружинники, от хирд – дружина, семья.

³⁶ Дисы – женские божества родовспоможения и судьбы.

³⁷ Скрёль! – Будем! – короткий скандинавский тост.

– Сигурд – херсир!

– Скрёль!!!

Ярл поднял руку. Хирдманы не сразу, но угомонились. Сотни пар глаз уставились на Сигурда, ожидая от него ответного слова.

– Благодарю вас, други, – начал Сигурд, – поход так поход, я всегда был не прочь подрататься!

– Вот это дело! – взревело несколько глоток!

– Скрёль! – зычно изрек Сигурд и приложился к братине.

Отпив пива, Сигурд передал емкость дальше, а сам опустился на скамью.

– Я же тебе говорил... – склонился к нему сияющий Хрольв, – повезло тебе, Сигурд. Ты возглавишь поход!

– Поздравляю, – тут же протянул руку Олаф.

– Ага...

Тут же Сигурда потянулись лично поздравлять и два старших Олафссона, а затем и другие дружинники, кто был рядом, говорили что-то об удаче, везении, славе...

Когда братина сделала полный круг, ярл подал знак, и тут началось... Слуги принялись метать на столы заготовленные яства, под дикие окрики дружины. На столах мгновенно вырастали большие блюда с гречневой кашей, от которой исходил приятный дурман обжаренных куриных потрошков. Следом появились деревянные тарелки с соленьями – с грибами, огурцами, с квашеной капустой, приправленной клюквой. В глубоких тарелках внесли нарезанный лук, обильно политый маслом и присыпанный мелкорублеными кореньями. Возникли посуды, доверху набитые вареными яйцами. Еды было много, очень много... а ее все продолжали выносить. Вдоволь было и сметанных соусов – с луком, с чесноком, с травами, с орехами...

И главное – мясо! Тяжелые подносы несли по двое и шумно водружали на столы. Мясо вареное, жареное, копченое, на кости и вырезкой... И пиком всеобщего ликования стало появление...

Обе створки дверей широко распахнулись, и в зал одну за другой внесли три дымящиеся, с румяной корочкой овечьих туши. Воины внесли их прямо на вертелах и прошествовали с ними к ярлу.

Тут же на столы громыхнулись объемные кружки, доверху наполненные пенным напитком. Викинги оживились не в меру. Кружки тут же сдвинулись, выплескивая пену на стол и одежды...

– Скрёль!!!

– Давай, Атли, отрежь нам мяса!

– Давай, Атли!

– Смотри не промахнись, га-га-га...

Атли вышел из-за стола, ему подали секиру, а первую тушу уложили на широкий чурбан.

– Руби ее, Атли!

– Во славу богов!

– Руби...

Ярл обвел зал взглядом, замахнулся и с единого удара перебил туше хребет. Затем Атли отделил окорок и во всеуслышание огласил:

– Это новому херсиру! Пусть набирается силы перед походом! – ярл широко улыбнулся, а зал содрогнулся от дружного хохота.

Окорок, передаваемый по рядам, быстро оказался перед Сигурдом.

– Если я сожру его весь, то задавлю всех чудинов своим пузом! – быстро нашелся Сигурд, держа окорок в руке.

Воины громыхнули так, что чуть кружки не полетели на пол.

– Молодец, Сигурд – хорошо сказал!

– Клянусь Одноглазым, хорош будет у нас херсир!!!

– Скрёль!!!

– Я верю тебе, Сигурд! – ответил Атли и, махнув рукой новоиспеченному херсиру, продолжил разделять мясо.

Тем временем воины ловко переворачивали куски туши, а ярл рубил, измельчал, да с умом, так, чтобы досталось всем. Отделенные куски тут же раздавали пирующим под нескончаемый гомон одобрения.

Когда ярл разрубил все три туши, хирдманы уже успели пропустить по две, а кто и про три кружки, и дабы Атли не отстал от них, ему подали полный ковш пива. Ярл не замедлил опустошить его до дна, и в подтверждение тому перевернул емкость.

– Пусто!

– Ай да ярл!

– Ай да Атли!

Меж тем хозяин Альдегьюборга занял свое прежнее место, и только теперь пир начал настоящий разгон. Некоторое время не было слышно речей, утихли пререкания, хирдманы утоляли голод и жажду, активно ворочая челюстями.

* * *

По прикидкам Сигурда, пир продолжался уже более двух часов. Все успели наесться и немного захмелеть. Пиво быстро кончилось, и его заменила медовая брага. Многие уже откинулись, распустили ремни и громко переговаривались с соседями. Воины вспоминали былые походы и сражения, добычу, взятую на меч. А пуще всего похвалялись своими ратными подвигами, не забывая добавлять красок в описание. Много славных героев сегодня собралось за столом хозяина борга – послушать их, то каждый сразил не менее дюжины врагов, при этом не получив и царапины. Послушать их, то... И Сигурд слушал, смотрел – это было то небольшое развлечение на пиру, которое хоть как-то разгоняло сытую тоску... усталость от всего съеденного и выпитого. Но тоска мгновенно улетучилась, когда речь зашла о будущем походе на чудинов. Хмель придал азарта, и Сигурд подключился к разговору, который активно вели Олаф и его сыновья, бурно обсуждая предстоящий поход на меря. Все желали участвовать, никто не хотел сидеть без дела в борге. Больше всех рвался молодой Хрольв, который уже успел изрядно захмелеть.

– Меня возьми, херсир, – бил он себя в грудь, – не пожалеешь, клянусь Асгардом! Я метко бью из лука, ик... ик... Скажи, отец!

– Верно! – тут же подтвердил Олаф. – Не сомневайся, Сигурд, мой Хрольв белке в глаз кладет...

– Верю! – Сигурд обнял обоих. – Верю!

Народ ликовал. Дружинники продолжали хвалить поваров и хвалили друг друга, особенно тех, кто стоял с вертелом у костров – мясо вышло на славу!

– Когда выступаем?! – врезал по столу кулаком старший Олафссон.

– Да хоть сейчас! – натянув хмельную улыбку, ответил молодой херсир. – Хоть завтра, Оттар, выступаем... если ярл не будет против...

– Да мы его уговорим, – вставил средний Трюгви. – Не желаю больше сиднем сидеть в борге. Пора на волю!

– Верно, сыны – пора погулять... кости размять. Ха! Клянусь Молотом Тора! – Олаф высоко поднял кружку, при этом изрядно пролив на стол. – За поход!

– За поход!!! – тут же подхватили викинги.

– На меря!!!

– Сожри их Гарм...

Все, кто услышал эти возгласы в общем потоке шумного праздника, поддержали идею, выпив за успех начинания.

– О тебе, Сигурд, скоро скальды начнут слагать саги...

– Да брось ты, Олаф, – перебил викинга Сигурд, – что, кроме меня больше не о ком?

Полно славных мужей, а в чем моя слава?

– Лукавишь, херсир, ох, лукавишь...

– Нет, ну правда... Вот про Атли не грех и сагу сложить... Он храбрый и умелый ярл. Пришел в чужую землю, взял ее на меч вместе с крепким боргом. С ходу взял!

– Две битвы в один день... – вставил Хрольв.

– Опять же, – подмигнул ему Сигурд, – две битвы выиграл – это вам не пуп чесать!

– Точно, – кивнул Хрольв.

– И дружине добыча и слава, и ему почет и уважение. Вот о ком надо песни петь!

– А вот скажи, Сигурд, – водрузив кружку на стол, спросил средний Олафссон, – ты у нас в дружине почитай три месяца как, а мы не знаем твоего рода?

Сигурд оттер усы после браги:

– Никому не говорил... а тебе, Трюггви, так и быть расскажу, – херсир лукаво улыбнулся. – Родом я из здешних мест...

– О как! – поразился Оттар, тоже прислушиваясь к разговору.

– Да, друзья мои! Отец мой – Бьерн, пришел в эти края вместе с ярлом Гутрумом.

– Да ну?

– Вот те и ну! – Сигурд пригубил браги. – Правду говорю!

– Это здешний Гутрум, что ли?

– Он самый! По прозвищу Тур.

– Пообломали мы этому туру рога-то! – заржал в голос Оттар.

– А сам он так и не сыскался, – Олаф сжал кулаки. – Мы у него борг отобрали и земли его... дружина его вся тут легла, а он даже не явился на бой! Трус он! – Викинг сплюнул в сторону. – Трус, а не воин!

– А может, он сгинул? – предположил юный Хрольв, и его слегка качнуло на скамье.

– Да брось ты гадать! – отрубил Трюггви. – Мы не бабы и не гадалки...

– Так вот, – продолжил херсир, – мой отец Бьерн долго служил у ярла Гутрума в дружине, был во многих битвах и никогда не показывал врагам спину...

Олафссоны одобрительно загудели, мол, хороший воин твой отец.

– А потом моему отцу приглянулась словенка Видана, – продолжал на ходу сочинять Сигурд. – И он ей глянулся.... Полюбили они друг друга, стало быть, поженились – и меня народили!

– Так ты хольмгардец?! – отрывнув, спросил Оттар.

– Мой отец викинг и я викинг! – с хмельной яростью бахнул Сигурд кулаком по столу.

– Оно конечно, – тут же унялся Оттар.

– А чего ты это... ик... в погребке сидел? – Хрольв выпучил глаза, остекленевшие от выпитого.

Сигурд рукой прикрыл рот, провел по рыжей бороде.

– Ссора у меня вышла с ярлом Гутрумом. Вот он и велел меня под запор посадить...

– Собака! Сожри его Ёрмунганд³⁸, – Трюггви мотнул головой и отпустил в адрес бывшего владельца Альдегьюборга еще парочку крепких северных выражений. – Он недостойн быть ярлом! Посадить воина в погреб, как треля³⁹, вместо того чтобы дать ему право на поединок!

Младший Олафссон пытался было узнать причину ссоры, но Сигурд жестом остановил расспросы.

– А чего стало с Бьерном? – неожиданно поинтересовался Олаф.

– Погиб он как воин, с мечом в руке, в битве с чудинами, – херсир соврал, не моргнув и

³⁸ Ёрмунганд – в скандинавской мифологии чудовищный змей, живущий в глубинах Океана, который омывает землю.

³⁹ Трель – раб.

глазом.

– О! Выпьем за Бьерна! – предложил Трюггви. – Он достоин пировать у Одина!

– Водитель дружин всегда рад видеть в своих... ик... Чертогах храбрецов! – с пафосом заявил Хрольв и его вновь качнуло.

– Однако мы в его Чертоги пока спешить не будем! – отрезал Сигурд. – У нас еще здесь полно дел! На меря!

– На чудинов!

– Скрёль!!!

Кружки сдвинулись и разом опустели.

– Скрёль!!!

* * *

Не сразу во всеобщем шуме многоголосого веселья пирующие заметили, как ярл вскочил со своего места. Он вскинул обе руки, призывая воинов к тишине. Атли потребовалось несколько минут, пока, наконец, все заметили его жест и притихли.

Взор ярла был направлен к входу, он явно заметил там кого-то. Неожиданно для всех хозяин Альдегьюборга заговорил стихами:

– Дающим привет!
Гость появился!
Где место найдет он?
Торопится тот,
Кто хотел бы скорей
У огня отогреться.

Многие узнали эти слова и с любопытством повернули головы к дверям. Там стоял старик в изношенном одеянии, припорошенном снегом, с посохом в руках и худой калитой на плече.

– Дорог огонь
Тому, кто с дороги,
Чьи застыли колени;
В еде и одежде
Нуждается странник

В этих краях, – ответил вошедший, делая несколько шагов вперед, к очагу.

Ярл кивнул кому-то в сторону и продекламировал:

– Гостю вода
Нужна и рушник,
Приглашение учтивое,
Надо приветливо
Речь повести
И выслушать гостя⁴⁰.

Гостю тут же подали умыться.

– Я рад видеть тебя, Вемунд Сказитель! – во всеуслышание объявил Атли. – Мы ждали

⁴⁰ Речи Высокого.

тебя!

Скальд утерся поданным рушником и ответил:

– Твой гонец, ярл, нашел меня.

– Рад! Поди сюда, Сказитель, сядь подле меня! Мои хирдманы будут счастливы услышать твои песни!

Вемунд неспешно двинулся вдоль столов.

– Но сперва, – продолжил Атли, – испей меда и отведай угощенья.

– Благодарю, добрый хозяин, – скальд поклонился и сел на указанное место, слева подле ярла.

Хозяин борга хлопнул в ладоши, и слуги мигом поставили перед Сказителем полную кружку и тарелку с вареным мясом, обильно посыпанным луком.

– За радость у нашего очага! За скальда Вемунда! Пусть его память не истощится, пока тьма не опустится на Мидгард и не наступит день Рагнарёк! – торжественно произнес Атли и поднял кружку.

– Скрёль!

– За Вемунда!

– Слава скальду!!!

Дружина разом опрокинула кружки. Выпил и Сигурд. Он сразу узнал своего врачевателя, да и как же было забыть его. Он первый, кому Сигурд-варяг смог довериться и рассказать правду...

Мысли молодого херсира прервал оклик ярла:

– Эй, херсир! Довольно твои друзья наслушались твоих сказок! Иди сюда! Отныне твое место подле ярла!

Хирдманы ободряюще заулюлюкали, мол, давай, иди!

– Ступай! – хлопнул херсира по плечу Олаф, хлопнул, словно благословил. – Давай, парень!

Сигурд поднялся и, прихватив с собой кружку, направился к ярлу.

– Садись! Вот твое место! – Атли сверкнул своим одиноким глазом и указал на стул с резной спинкой, справа от себя.

* * *

Пирующим пришлось ждать довольно долго, прежде чем скальд утолит жажду и голод. Он ел не спеша, явно смакуя блюда, ибо в последнее время его желудок отвык от подобных изысков. Вемунд отведал мяса, попробовал каши с куриными потрохами и выпил совсем немного меда. Гости ждали...

Наконец, Сказитель повернулся к ярлу и, поблагодарив за угощение, изрек:

– Славные воины Альдегьюборга! Я вкусил от вашего стола и теперь готов усладить ваш слух песней.

Это были слова, которых все ждали. Тут же со всех сторон стали сыпаться пожелания и заказы.

– Про дисов давай!

– Сагу про Торира Босоногого!

– Про йотунов⁴¹!

– Да!

– Давай про великанов! Пусть про йотунов расскажет!

– Уваж, скальд, расскажи про йотунов!

– Как их обхитрил Тор!

Вемунд поднялся и воздел руки к потолку. Практически тут же смолкли голоса – гости

⁴¹ Йотуны – или турсы, в скандинавской мифологии великаны, враждующие с богами.

притихли. И скальд начал:

Встал Тор-метатель,
глянул, взъярился:
где, мол, мой молот
запропастился;
брадою метет,
власами трясет
сын матери – Йорд —
всюду искал.
И первым делом
тогда он молвил:
«Слушай-ка, Локи,
тебе открою,
о чем не знает
никто ни на небе,
ни на земли:
асов молот украли!»

Тут кто-то не выдержал и произнес:

– Вот пакостники!

На нарушителя тишины разом цыкнули соседи, и тот умолк.

Скальд набрал в легкие побольше воздуха и повел свой сказ дальше:

Вошли они к Фрейе
в дом распрекрасный,
и первым словом
тогда он молвил:
«Дашь ли мне, Фрейя,
наряд пернатый?
Авось мой молот
сыщу где-нибудь».

Фрейя сказала:

«Дам, даже будь он
золототканый,
ссужу, даже будь он
из серебра».

Локи взлетел —
перья запели —
и в путь пустился
из мира богов,
а опустился
в земле великанов.

Трюм на пригорке,
йотун-владыка
ошейники псам
из золота плел
и сам расчесывал

гривы коням.

Трюм сказал:

«Что слышно у асов?
Что слышно у альвов?
Зачем ты явился
к нам в Йотунхейм?»
«Худо у асов!
Худо у альвов!
У Хлорриди молот
не ты ли украл?»

«Я Хлорриди молот
украл и укрыл —
на восемь поприщ
в землю вкопал, —
никто не достанет
оттуда его,
покуда не станет мне
Фрейя женой».

— Нет, ну ты погляди...

Звонкая оплеуха скинула горлопана со скамьи.

— Ах ты... Меня бить?!

Трое викингов оказались рядом с нарушителем, и его быстро скрутили.

— Отнесите его! — грозно скомандовал Атли. — Напировался — хватит, пусть проспится!
Дружина загудела, мол, конечно, правильно, нечего мешать. Нарушителя выдворили из зала, и Вемунд продолжил:

Локи взлетел —
перья запели —
и в путь пустился
из земли великанов,
а опустился
в мире богов;
Тор поджидал его
в мире богов
и первым словом
тогда он молвил:

«Какие вести?
Удача есть ли?
Скажи мне сразу,
прежде чем сесть,
ибо сидящий
все забывает,
ибо лежащий
врать горазд».

«Удача есть
и добрая весть:

у турса-владыки,
у Трюма твой молот,
никто не добудет
оттуда его,
покуда не будет
женой ему Фрейя».

Вошли они к Фрейе
в дом распрекрасный,
и первым словом
тогда он молвил:
«Покров невестий
надень-ка, Фрейя, —
мы вместе поедем
с тобой в Йотунхейм».

Взъярилась Фрейя,
так расфырчалась,
аж закачались
асов дома,
и гривну Брисингов
бросила на пол:
«Меня же ославят
бабой распутной,
коли поеду
с тобой в Йотунхейм!»

Сходились тут боги
все для совета,
сходились богини
все для сужденья,
судили-рядили
могучие асы,
как бы им Хлорриди
молот вернуть.

Тут молвил Хеймдалль,
светлейший из асов,
а был он провидцем
таким же, как ваны:
«Наденем на Тора
покров невестий
и Брисингов гривну
на шею повесим;

бренчала бы сбоку
связка отмычек,
под бабьим подолом
упрятать бы ноги,
на грудь нацепить бы
камней драгоценных,
а на макушку —

приличный убор».

Хирдманы содрогнули стены зала молодецким смехом. Сказитель остановился и переждал, пока страсти улягутся.

– Выпей, скальд, – протянул ему кружку ярл, широко улыбаясь, – клянусь мечом, давно я так не веселился.

– Благодарю, – степенно молвил скальд.

Он отпил из кружки и повел свою историю дальше:

Тор промолвил,
сильнейший из асов:
«Меня же асы
бабой окличут,
коль я надену
невестий убор!»

Вторая волна смеха накрыла гостей, да так, что лучины задули на столах. Сигурд наравне со всеми смеялся до слез. Викингов было не унять. Вемунд выждал немного и вновь начал, не дожидаясь, когда смолкнут последние смешки:

Локи промолвил,
сын Лаувейи:
«Тор! Не стоит
молоть пустое,
коль йотуны скоро
Асгард захватят,
коль скоро твой молот
мы не вернем».

Надели на Тора
покров невестий,
на шею повесили
Брисингов гривну,
сбоку бренчала
связка отмычек,
под бабьим подолом
упрятались ноги,
на грудь нацепили
камней драгоценных,
а на макушку —
приличный убор.

Локи промолвил,
сын Лаувейи:
«А я при невесте
буду подружкой,
поедем-ка вместе
мы в Йотунхейм».

Скальд на секунду застыл, обводя зал взглядом. Воины насилу сдерживали смех...

– Ой, постой, скальд! – хохоча, не выдержал Атли. – Постой ради богов! Дай передохнуть!

Как по отмашке дружина прыснула слезами радости. Поднялся басистый переполох. Воины принялись шумно обсуждать отрывок и смеялись, смеялись...
– Давай дальше, скальд! – махнул рукой Атли и зычно добавил: – Всем тихо!
Сказитель прикрыл глаза...

Домой немедля
козлов пригнали,
впрягли в упряжку —
резвые скачут,
падают горы,
земля горит,
к йотунам едет
Одинов сын.

Трюм промолвил,
йотун-владыка:
«Йотуны! Встаньте,
лавки поставьте!
Едет ко мне она,
Фрейя-жена,
Ньёрдова дочка
из Ноатуна.

Много у Трюма
коров златорогих
и черных быков
и всего в преизбытке:
именье имею,
каменья имею,
одной только Фрейи
еще не имел!»

К вечеру дело,
йотуны сели,
пиво пили,
гостей угощали:
быка и восемь
пожрал лососей,
и все гостинцы,
что были для женщин,
и меду три бочки
выпил муж Сив.
Трюм промолвил,
йотун-владыка:
«Можно ль невесте
так много есть?
Кто из невест
столько наест
и меду напьет
за один присест!»

Очередной приступ бурной радости разорвал тишину. Скальд дал им время. Он отпил

из кружки и сел на место.

– От... Отведай копп... копченного сига, скальд, – заикаясь от смеха, предложил ярл. – Сигурд, подай старику сига.

– Ага... – херсир пододвинул на край стола большое блюдо с копченой рыбой. – Угощайся, Вемунд. Ты нас здорово веселишь!

Скальд отведал сигов, совсем немного, больше из уважения. Вытер руки и уже с места продолжил:

А при невесте —
подружка премудрая,
тут же сказала
йотуну слово:
«Фрейя не ела
восемь ночей —
вот как хотела
попасть в Йотунхейм!»

Покров он приподнял
для поцелуя,
да тут же отпрянул,
прочь отпрыгнул;
«Чтой-то у Фрейи
очи пылают,
очи горят,
будто огонь?»

А при невесте —
подружка премудрая,
тут же сказала
йотуну слово:
«Она не дремала
восемь ночей —
вот как хотела
попасть в Йотунхейм!»

Явилась бедная
сестрица йотуна —
она от невестки
подарка ждала:
«С твоей бы ручки
обручье красное!
Подай, коли хочешь
любви моей,
любви моей
да помочи».

Трюм промолвил,
йотун-владыка:
«Несите-ка молот!
Совершим обручение:
пусть Мьёлльнир невеста
на колени возложит,

пусть Вар десница
наш союз осенит!»

Тут скальд повысил голос, ему пришлось встать, настолько эмоционально вдруг зазвучало его повествование:

У Хлорриди сердце
в груди взыграло,
когда крепкохрабрый
схватился за молот:
Трюм пал первым,
йотун-владыка,
за ним же сгинул
весь йотунский род.

Убил и старуху,
сестрицу йотуна,
что у невестки
подарка просила:
удар получила
заместо дара,
могучим молотом
заместо золота.⁴²

Вемунд умолк, сделав многозначительную паузу. И гости молчали, ожидая финальной точки.

– Так Одинов сын молот вернул, – отчетливо изрек Сказитель и опустил с глубоким вздохом.

– Вот так Тор!

– А Локки тоже хорош...

– Вот плуты! Обвели йотунов!

– Ха-ха-ха-га!

– За Тора!

– За Локи!

– За Мьёлльнир Тора!

Дружинники выпили и принялись шумно обсуждать сагу. Кто ее слышал впервой, а кто уже и не раз, но те и другие спорили до хрипоты, стараясь точно воспроизвести услышанные строки. Обсуждали сагу так активно, что через несколько минут пришлось вкатить еще четыре бочки с брагой, дабы промочить горло.

* * *

В разгар безудержного веселья скальд улучил момент и подошел с Сигурду. Херсир заметил его не сразу, хмель уже крепко захватил мозг и властвовал во всем теле.

– Сигурд, – тихо позвал Сказитель и тронул молодого воина за плечо.

– А-а-а, – херсир обернулся, – это ты, скальд. Садись тут.

Сказитель пристроился на опустевшей скамье – минутой назад сидевшие на ней двое седых мужей отправились прогуляться. Скальд и сейчас видел, как они с трудом пробираются к выходу, вот споткнулись – упали... слышался смех...

⁴² *Сага о Трюме.*

– Сигурд, я должен тебе сказать...
– Хм... ну должен – так говори... чего там, – его рука бесцельно взлетела.
– Я хочу предупредить...
– О! Да! Я слышан, скальд! – херсир повернулся и приблизил свое лицо почти вплотную к Сказителю, обдав того тяжелым перегаром. – Все только и судачат в борге... хм, о том, как ты напрогножил Атли... хм, встречу с воином... и что про меня... в смысле меня вытащил из погребов...

Вемунд промолчал. Он прикрыл глаза и медленно отвернулся.
– Разве не так, скальд? Что за странные позывы? Что за... хм, за воин... кто такой?
– Не об этом я хотел... – Вемунд открыл глаза, – не об этом.
– А я об этом! – Сигурд с треском опустил локоть на стол, но немного не рассчитал, и локоть, задев край стола, соскользнул вниз. Голова херсира мотнулась так, что едва не угодила по столу.

От этого он разозлился еще больше.
– Черт! Ёпр... – и дальше последовали москальские выражения, непонятные в этом мире.

Сказитель прищурился, он нутром понимал, что ругань херсира лишь пьяный дурман.
– Ёх... трита-та...
– Сигурд! – скальд впервые повысил голос и, сам удивившись своему выкрику, даже обернулся по сторонам, но во всеобщем геме пира на это никто не обратил внимания.

Однако на херсира это возымело действие. Сигурд прервал поток ругательств и уставился на Сказителя одурманенным взглядом.

– Чего?
– Я обещал передать тебе...
– Кому обещал? – перебил его херсир.
– Возможно, ты знаешь...
– Перестань! – Сигурд махнул сразу двумя руками. – Хватит этой чуши! Говори дело!
– Я обещал передать тебе, чтобы ты не трогал девицу! Любовь к ней погубит тебя!
– Аха-ха! – херсир запрокинул голову и заржал в голос, даже рядом сидящий ярл, до того и не смотревший в их сторону, обернулся на эти звуки.
– Что там у вас за веселье?! А ну-ка и нам расскажите!
А Сигурда было не удержать. Он заливался смехом...

* * *

– Сигурд, – скальд затормошил юношу за плечо, – Сигурд, перестань...
– А ну?! – еще громче воззвал ярл. – Что там скальд вещает?! Давай-давай, Сказитель, и нам поведать.

Старик посмотрел на Атли и понял, что отвертеться не получится. Тем более что Сигурд будто сошел с ума. Он схватился руками за живот и продолжал смеяться, не в силах совладать с приступом радости.

– Давай, скальд – рассказывай! – ярл призывно протянул руку. – А то я смотрю, ха, наш херсир в восторге. Он сейчас... Ну вот – упал!

Все, кто заметил падение херсира, утопили его смех в своем веселье.

– Ты смотри, как его...

– Чтоб ты, Сигурд, тока от смеха падал, а не от вражьего удара!

– Ха-ха...

– Гы-гы...

– Ай, молодец!

– Он не остановится!

– Молодец, скальд – развеселил.

– Да идите вы... Ха-ха... о-ой! – Сигурд, упав со стула, закатился под стол и там

продолжал предаваться буйному восторгу, со слезами на глазах. – О-о-о! Не могу больше... Не люби... не любить... ха... девицу, ой уморили...

Его бессмысленное бормотание из-под стола уже никто не слушал, все обратили взоры на скальда.

Вемунд тем временем подошел к ярлу.

– Ну и чем ты там развеселил нашего херсира?!

– Я не знаю, смеяться надо или плакать...

– Что-то не пойму я тебя, скальд, – Косой перестал улыбаться.

– Я много дней провел на завоеванной тобой земле и видел...

– Что ты видел, старик?

Сказитель обвел взором пирующих, а затем гордо расправил плечи, вскинул голову и отвечал такими речами:

– Не гневайся, Атли, на смелую речь,
То скальда совет откровенный:
Он благо вещает для чести твоей,
Любовью к тебе вдохновенный.
Не знаю, правдивы ль речи селян,
Что нет им в законах защиты,
Что клятвы святыя присяги твоей
Тобою же ярл позабыты.
Какие соблазны, увлекши тебя,
Твой долг забывать заставляли?
Ты пробуешь в гордой отваге своей
Опасное лезвие стали.
Кто любит покорность в подвластной стране,
Присягу дает ей правдиво,
Тебе ли, о Атли, бесстрашный в боях,
Срамить себя ложью трусливой?
И кто подустил тебя грабить народ,
И край предавать разоренью?...⁴³

Пока скальд вещал, по залу неоднократно пробежал тревожный ропот. Ярл сидел насупившись, и с каждой новой строкой его лицо все больше наливалось краской. Единственный глаз пылал яростью. Казалось, еще секунда, и он сорвется с места, выхватит меч и изрубит сочинителя на куски. Но нет, Атли продолжал сидеть, сдерживая свой порыв. Хотя видно было, как ему непросто совладать со своими чувствами.

К середине виршей из-под стола вылез пыхтящий Сигурд. Он взобрался на свое прежнее сидище и, когда вник в суть происходящего, едва не обомлел. Ему тут же захотелось вскочить, подхватить скальда и унести куда-нибудь... хоть к чертям, лишь бы подальше от ярла. Но херсир опоздал...

Когда Сказитель громко, с ярким ударением окончил декларировать, в наступившем оцепенении раздался раздраженный голос Косого:

– Не думал я, что ты, скальд, так глуп! – ярл сжал резные ручки стула.

Сказитель смело глянул в глаза правителю:

– Я сказал правду. Лишь то, что видели мои глаза.

Атли схватил кружку, быстро отпил и в ярости отшвырнул емкость в угол.

– Пошел прочь! – гневно выплюнул хозяин Альдегьюборга. – Прочь! Чтоб глаз мой тебя больше не видел!

⁴³ Из саги о Магнусе.

Вемунд еще секунду помедлил, а затем перевел взор на Сигурда:

– Ты, – его перст взлетел вверх, – помни мои слова!

Сигурд от изумления открыл было рот для ответа, но пивная отрыжка подступила к горлу, и он не смог выдать ни звука. Вемунд же, больше не глядя ни на кого, повернулся и не спеша направился к дверям под недовольные выкрики викингов.

Глава десятая Поход

*Не вечны милые друзья,
Могила сыщет и тебя...*

В земли племени меря дружина, ведомая херсиром Сигурдом, вторглась к исходу января. Большой частью передвигались, где это было возможно, по руслам замерших рек и речушек.

Вначале день они продвигались на юг, по реке, что хольмгардцы величают Волховом. После чего повернули на восток и шли четыре дня по безлюдным местам.

В распоряжении молодого военначальника находилось десять верховых и сотня пеших викингов. Кроме того, чудины, принявшие руку нового владельца Альдегьюборга, прислали чуть больше сотни своих воинов, и хотя Сигурд был не в восторге от этой чудинской рати, деваться было некуда. Одно слово – ополченцы. Неудовольствие Сигурда с первого взгляда вызвало вооружение чудинов. Почти все они поголовно не имели никаких защитных комплексов. Ни шлемов, ни кожаных доспехов, не говоря уже о кольчугах... Щит был только у каждого второго, у каждого третьего широкий и длинный нож. Сигурд не приглядывался, но это чудинокое изобретение было чем-то сродни скрамасаксу, которыми были оборужены и многие викинги. В основной своей массе чудины из оружия имели рогатины, топоры, луки и сулицы. Ополчение... То ли близлежащие к боргу поселения были так бедны, что не смогли прислать хорошо экипированных бойцов, то ли старейшины чудинов посмеялись над ярлом Атли. Впрочем, затевать ссору накануне похода Косой не стал, а принял рать союзников как должное. Лишь в кругу своих хирдманов он позволил себе нелестные высказывания в адрес ополченцев. Ну а Сигурду вообще выбирать не приходилось. Дадена рать – поди, изволь побеждать...

На их пути лежало первое поселение меря. От союзников-чудинов стало известно название – Уйболла. К своему безмерному удивлению Сигурд узнал от дозорных, что она Уйболла совершенно пуста.

– Ни скотины, ни людей... избы стоят пустые, а печи холодные – люди давно ушли, – доложили херсиру вернувшиеся вершники⁴⁴.

– Все хорошо проверили?

– Хорошо. Ни души!

– Ну, то, что они нас давно заприметили, это ясно. Не идиоты же они... – размышлял вслух Сигурд, поглядывая на Кятлу. – Ты что скажешь?

Кятла – выборник от чудинов, которому совет старейшин поручил вести ополчение – крякнул в кулак.

– Коли с бабами да детьми подались, то за два дня могли до соседей податься, – изрек он по-словенски.

– Следы есть? – спросил херсир у дозорных.

– Есть! – ответил воин. – Оставили... хоть и заматали лапником.

– Ну? Так чего?

Парень мотнул головой:

⁴⁴ Вершники – всадники.

– Сани точно были, и несколько. Но сколько прошло, трудно распознать...
– Все в одном направлении?
– Да.
– Так, точно к соседям подались, – закивал Кятла.
– Далеко это?
– До Патры-то ихней? Так ежели споро идти, то за день доберемся.
– Точно за день?
Чудин пожал плечами:
– Да кто ж его знает? У нас с меря да-авно не мир, мы к ним в гости не хаживали...
– Так чего же ты, остолоп, говоришь, что день пути до них, коли сам толком не ведаешь? – разозлился Сигурд.
– Так купцы новгородские сказывали, – насупившись, отвечивал Кятла. – Они и к ним, и к нам хаживают. Вот и получается, что от Уйболлы до Пятры день, если споро пойдем. А там еще и Буйра будет на полдня пешего ходу, а коли свернуть и идти по реке Сохе, то еще через три-четыре дня будет Тротва, их самая большая ограда...
– Ограда?! Град?! – переспросил херсир.
– Ну я и говорю – ограда!
– Тьфу! – в сердцах сплюнул молодой военначальник и шенкелями сжал бока лошади. – Пошла! – он взмахнул рукой и громко скомандовал: – Занимаем поселок!

* * *

Уйболла – небольшое поселение в десяток низеньких изб, крыши которых крыты дерном. Но теперь их занесло снегом, и дома казались огромными сугробами. В Уйболле не было никакого четкого плана застройки, да и это было бы смешно. Строения стояли хаотично, видимо, меря не особенно заботились о четкой планировке. Сигурд одним из первых въехал через одностворчатые ворота и с высоты седла оглядел кривые улочки. Снег еще не успел закидать заботливо почищенные хозяевами тропки, что вились меж домов и хозяйственных построек. Поселение имело низкую ограду из заостренных бревен, высотой по плечи воину. Так что в случае нападения можно было обороняться, стоя в родном дворе...

Херсир в уме прикинул, сколько здесь проживало людей и сколько могло быть мужчин. Мужчины его интересовали прежде всего, ибо каждый из них мог быть потенциальным врагом. Все подсчеты привели его к единому результату: поселение из десятка домов располагало лишь двумя-тремя десятками воинов. «Для нас это пустяк, – думал херсир, не спеша двигаясь к центру Уйболлы, где заметил самый, на его взгляд, богатый дом, – перед нами должно находиться еще много таких поселений, следовательно, они будут отходить, пока не соберут все силы в кулак. А тогда они упрутся и...»

– Наверное, это дом их хёвдинга? – к Сигурду подъехал Олаф.
– Вот я его и займу, и ты со мной. Распорядись, чтобы парни размещались по избам!
– На всех не хватит... – резонно заметил Олаф, – на чудинов так точно!
– Чудины пускай бани и риги⁴⁵ берут.

Олаф, избранный херсиром себе в помощники, улыбнулся и, повернув коня, двинулся исполнять поручение.

* * *

В эту ночь Сигурд спал тревожно, часто ворочался... Нечеткие очертания сна обрывками проносились в дремавшем мозгу. Вначале привиделось лицо скальда, когда тот обреченно покидал борг, а потом дружинники, которые после ухода Сказителя еще долго

⁴⁵ Рига – хозяйственная постройка для хранения и молотбы зерна.

обсуждали сказанное им ярлу. И хотя Сигурд пропустил половину саги, ему хватило и услышанного... После того Атли не вспоминал о старике, а вот херсир в последнее время призадумывался о его словах. Девушка? И память нащупала облик кикиморы. Она? Тьфу... Вот ее-то юноша и не собирался любить. Кикимора... в нос ударил запах болота, и херсир дернулся во сне и вновь перевернулся на другой бок. Кикимора... «Все изменяется, и даже ты», – ее слова занозой вторглись в душу и кололи противно и нудно. Херсир попытался управлять своими видениями, но сон не сдавался и упрямо показывал только ему нужные картинки. Вот промелькнуло лицо ярла, перекошенное злобой... сверкнула сталь, и чья-то голова упала на землю... нет, на снег, где цепочкой краснели капли крови. Юноша опять, в который раз сменил позу, лег на живот. Туман, плотный, как молоко, закрыл ночное зрение и долго не желал расступаться. Наконец, пелена рассеялась, и проступило знакомое лицо. Вадим?! Павел?! Они оба восседали верхом на вороных конях, а позади них вздымались копыта. Потом Сигурд увидел, как друзья подъезжают к большому боргу с высокими бревенчатыми стенами... И все! Лишь миг – и они пропали, растворились... Опять набежала белая ткань...

Ах, вот! Этот странный колдун. Мертвяк-Мстибог! И опять это пророчество, в которое херсир не желал верить, ибо чушь и бред... Слишком много в последнее время стало баб! Не люби... хм...

Сигурду еще раз захотелось сменить положение. Он оторвал голову от скатки плаща и тут резкий звук вторгся в его уши. Херсир мгновенно открыл глаза, порывисто вскочил с ложа. Возглас... затем приглушенный крик повторился, и Сигурд быстро надел шлем.

– Подъем! – он толкнул кого-то ногой. – Подъем! Олаф! Трюгви!

Херсир в темноте, на ощупь отыскивал свой пояс с ножнами, благо он лежал рядом.

– Ну, Олаф, живее! – Сигурд затянул пояс и несколько раз подпрыгнул на месте, расправляя кольчугу.

Воины, разбуженные криками, просыпались.

– Что?!

– А-а-а...

– Оттар! Хрольв! Быстро! – скомандовал Сигурд и, подхватив свой щит, первым выскочил в дверь.

Во дворе уже собирались викинги, озабоченные ночным шумом не менее херсира, но готовые отразить нападение.

– Сторожа! Что там? – громогласно спросил Сигурд.

Но первым ему ответил язык пламени, что взметнулся над строением у ворот. И тут же во двор ворвался запыхавшийся воин.

– Нападение! – заметив херсира, возбужденно доложил викинг. – Чудинов бьют!

От ворот уже стали доноситься яростные вопли атаки и звуки разгорающейся битвы.

– Ар-ра-а-а! – и Сигурд мог поклясться, что уже слышал этот боевой клич.

– Меря! – херсир обернулся. – Олаф – труби!

Викинг выхватил из-за пояса рог, и Уйболлу оглушил тяжелый и протяжный вой, призывающий дружину собраться в едином месте. Сигурд выскочил со двора.

– Олаф – еще!

Со вторым и третьим сигналом к херсиру с разных сторон стали стягиваться дружинники. Сигурд успел обратить внимание, что некоторые из них уже успели вступить в бой, но, заслышав сигнал, покинули битву и теперь спешили собраться в кулак.

– Меря у ворот! – завидев херсира, выкрикивали викинги.

– С севера тоже напали!

– И вот там...

– Наших чудинов бьют!

– Меря! С лохматыми рожами...

Сигурд огляделся. Он быстро оказался в окружении почти всей варяжской дружины. Оставались еще союзники – чудины, но их сигнал рога не касался, и сейчас они принимали

удар меря. Уж так распорядились боги... Так распорядился херсир, что размещенные на ночлег в хозяйственных постройках союзники оказались первыми на линии огня, ибо их ночлежки очутились ближе всего к частоколу.

– Щиты! – короткий приказ, и херсир уже забрался на подставленные щиты.

Воины подняли своего вождя, и тот с высоты человеческого роста смог обозреть поле битвы.

Его мозг стремительно анализировал ситуацию: «Так-так... меря – интересно, сколько их? Бьют, суки, чудинов! Как бы те вообще не дернули бежать... С трех сторон приступили... ага... а чего же не окружили полностью? Оставили место для отхода?! Или...».

– Олаф! – с высоты позвал херсир.

Викинг тут же протиснулся сквозь строй товарищей.

– Щиты ему! – и когда помощник оказался рядом, тоже поднятый на щитах, Сигурд продолжил: – Олаф, видишь, они оставили одну сторону без внимания?!

– Да, – викинг кивнул.

– Сейчас мы ударим к воротам. Как только пробьемся, бери три десятка и обойди ту часть частокола. Сдается мне, там нас ждут. Все понял?

– Понял! – улыбнувшись лишь краем губ, ответил Олаф.

Он понял, куда клонит херсир. Ведь если в том месте действительно засада, ждущая в надежде, что обороняющиеся воспользуются лазейкой и начнут в панике покидать селение, то их тут же уничтожат. И если херсир прав, то устроившие засаду меря сами окажутся в западне.

– Опускай! – и щит дернулся...

Оказавшись на земле, Сигурд зычно скомандовал:

– За мной!

Дружина пришла в движение. Ширина между строениями позволяла идти по пять человек в ряд...

Навстречу бежали испуганные вепсы и что-то в панике голосили, поминая своего Юмала. «Плохо дело, если все побегут», – подумал херсир и почти сразу же перешел на бег. Воины последовали его примеру. Сигурд бежал впереди всех, а когда до места схватки оставалось не более трех десятков метров, он выхватил меч и крикнул:

– Скьяльборг!

Большие круглые щиты с грохотом сомкнулись, и монолитная стена из почти сотни воинов неотвратимо двинулась на врага. В этом месте, где Сигурд наметил удар, оказалось довольно много воинов меря. Они, в лохматых шубах и с масками на лицах, уже практически полностью уничтожили робко сопротивляющихся вепсов. Было видно, что союзников застигли врасплох. Трупы вепсов, в одном исподнем, валялись повсюду, видимо их порубили, пока они выскакивали из построек. Утоптаный снег окрасился кровью...

Уже несколько строений жарко горели, объятые пламенем, а огненные стрелы все продолжали перелетать через частокол...

Сквозь строй своей дружины Сигурд видел, как мало осталось защитников. Те немногие уцелевшие чудины, самые отчаянные парни, продолжали отбиваться от численно превосходящего противника.

– Один! – прогремел голос херсира.

– Один!!! – подхватила клич сотня глоток.

И стена щитов ворвалась в ряды противника, как огромный кит в стаю тюльки.

– Один!!!

Викинги почти не работали оружием. Они навалились на противника всем строем. Лишь изредка из второго ряда взлетали двуручные секиры, чтобы расколоть вражеский череп. Викинги дружно давили, до тех пор, пока нападавшие не оказались приперты к частоколу. Только теперь щиты немного опустились и из-за них полетели стрелы и сулицы, которые мгновенно собрали обильный урожай.

– Один! – воззвал Сигурд к могучему богу, тем самым давая очередную команду. Он сам одним из первых приблизился к врагу и удалым взмахом рассек мохнатую маску.

– Тоирит! Нат тви...

– Пога!!!

– Ара-а-а!

Крики меря слились в единый поток с возгласами и руганью северян. А викинги рубили, кололи, усердно, зло...

Сигурд с разбега врезал щитом очередному меря, угодив тому краем прямо в висок. Воин рухнул, словно подкошенный стебель.

– Олаф! – херсир на секунду остановился. – Олаф!

Удостоверившись, что помощник расслышал все правильно, Сигурд махнул ему мечом:

– Давай!

Олаф стремительно развернулся и, увлекая за собой три десятка викингов, бегом направился к воротам.

– Один!!! – продолжала греметь альдегьюборгская рать, добивая последних, кто еще осмелился сопротивляться.

Херсир уже заметил, что многие лохматые маски не выдержали удара варяжского кулака, и теперь, шустро перелезая через частокол, спасались бегством.

– Не преследовать! Стоять! – надрывая связки, проорал Сигурд, останавливая разгоряченных бойцов, которые готовы были гнать трусов аж до холодного моря. – Стоять! – повторил херсир, а сам уже осматривал выстраивающихся дружинников, на глаз оценивая потери.

На радость молодого военачальника, потерь практически не было. На кровавом снегу он заметил всего четыре варяжских трупа. Конечно, были и раненые, но, пока битва не закончена, никто из них не покажет виду...

– В строй! – Сигурд терпеливо дождался, когда викинги займут свои места в строю и вновь образуют монолитную стену. – Поворачиваем! – херсир покрутил мечом над головой и им же указал направление движения.

Дружина повернула по знаку херсира.

– Пошли!

У западной стены ярко горели почти все постройки, и даже часть частокола. Именно туда и направил Сигурд дружину ускоренным шагом. Навстречу им то и дело выбегали небольшие группы противника, но, увидев стройную массу викингов, мгновенно поворачивали назад.

– Лучники! – выкрикнул херсир. – А ну-ка поддайте им прыти!

Лучники извлекали стрелы и на ходу пускали в близкого противника. Несколько меря уткнулись в снег. На одном из огородов, возле горевшего дома, их встретил организованный отпор.

– Ар-ра-а!!! – меря вскинули оружие и, не раздумывая, атаковали варягов.

– Скьяльборг! – Сигурда тут же оттеснили внутрь кольца обороны.

– Один!!! – северяне дружно приняли нападавших на копья и секиры.

– Ар-ра-а!!!

– Один!!!

– Хрольв! – херсир подозвал младшего из Олафссонов. – Ты чего с отцом не пошел?!

– Замешкался... – виновато ответил парень.

– Ладно, – Сигурд махнул рукой и, заметив у юноши лук, добавил: – Ты ведь у нас стрелок знатный? Хорошо! Бери лучников, выходите из строя и... во-он туда! Только бегом! Займите позицию и...

– Я понял!

– Молодец! Давай!

Полтора десятка лучников, быстро собравшись, покинули скьяльборг, выйдя позади

строя. Они отбежали в указанном херсиром направлении и, оттуда, во фланг, осыпали меря стрелами. Сигурд видел, как его лучники заметно проредили ряды нападавших, но тут случилось то, что должно было... Меря заметили лучников! Они, моментально ослабив натиск на основном направлении, устремились на лучников.

– Вперед! – грозно прорычал херсир, и стена щитов пришла в движение.

– Один!!!

Шаг, еще шаг, быстрее... Сотня тел набрала разгон и врезалась в толпу вражеских воинов. Лучники успели отбежать на безопасное расстояние и оттуда вновь принялись истреблять меря.

– Один!!!

– Ар... – боевой клич ночных «гостей» оборвался и потонул в лязге метала.

Сигурд оказался в четвертом ряду, и ему в этот раз не досталось ни одного противника...

Не нарушая строя, викинги прижали врага к горящему частоколу и перебили почти всех.

– Этих живьем брать! – крикнул херсир, подпрыгивая на месте, чтобы через головы товарищей видеть общую картину. – Живьем!

Несколько дружинников покинули строй и принялись зажимать трех последних уцелевших меря.

– Хрольв! Хрольв! – Сигурд растолкал воинов и протиснулся вперед. – Хрольв!

– Здесь, – парень перевел дух, отдышался.

– Молодец! Хорошо поработал! Потери есть?

– Бьярни стрелой...

Херсир понимающе кивнул.

– Есть еще работенка, – Сигурд хлопнул юношу по плечу. – Твой отец вон там... за той стеной. Пойдешь к нему – поможешь!

– Понял! – парень тут же развернулся и вместе с лучниками кинулся в указанном направлении.

– За мной! – зычно скомандовал Сигурд, вновь разворачивая строй.

Пламя вовсю бушевало, охватив постройки, света хватало, чтобы молодой военначальник смог верно оценить ситуацию. Темные тени мельтешили у дальней стены... Сигурд бегло оглядел место схватки и остался доволен, его потери вновь оказались единичны.

– Хирдманы! У нас осталось последнее направление! За мной!

Сотня разом выдохнула, и под обувью опять захрустел снег. Кто-то наступил в кровь, поскользнулся, и по строю пролетело крепкое словцо...

До противника было не более ста метров. Херсир еще на подходе приметил, что воинов меря осталось совсем чуть-чуть, на пару взмахов секир... Немного сбоку он увидел группу союзников, что отбивалась от нескольких десятков меря.

– Ульф! – позвал херсир.

Десятник явился на зов.

– Ульф! Смотри, там чудинов сейчас совсем прижмут!

– Ну...

– Бери своих и вон еще десяток Магнуса и дуй туда – прикроешь нас с фланга и этим по шеям надавай!

– Сделаем... – мрачно улыбнулся десятник и тут же исчез в общем строю.

– Бегом! – скомандовал херсир всем остальным, и северяне припустили.

Сигурд сам нарушил строй, ускорившись, он вырвался вперед...

Первым упал боец, который неосторожно открылся, отведя щит далеко в сторону. Сигурд с разбегу припечатал его своим щитом и рубанул...

– Один! – вскипел херсир, ощутив на губах привкус крови.

Викинги вмиг разлетелись, сломали строй и с упоением рубили врагов. Сигурд налетел

сразу на двоих. Одного сшиб щитом, второго попытался достать мечом, и тут он получил сам...

Дубина с костяными вставками соскочила со шлема и больно ударила в правое плечо. Херсир отпрянул, но второй меря уже очухался от удара щитом и тоже перешел в контратаку.

– Ар-ра-а!

– Один! – Сигурд прыгнул вперед.

С его руки сорвался щит и ребром полетел навстречу врагу – удачно. Бац! И воин в мохнатой маске, получив ребром в шею, скрючился и упал. На второго херсир напал с одним мечом. Он завертел клинком так стремительно, что враг попятился. Но добить его Сигурду не дали. Сбоку налетели викинги и просто втоптали этого меря в снег.

– Один!!!

Вмиг бой закружил и пронесся мимо. Херсир, кривясь от боли, остался один. Ни врагов, которых можно убить, ни своих... Северяне унеслись вперед, истребляя всех на своем пути.

Меря не выдержали напора альдегьюборцев и кинулись бежать.

– Один!!! – Сигурд повел правым плечом. – Нормально... заживет... Куда?! А ну стоять!

Уже в который раз за сегодняшний бой он пытался остановить разгоряченных парней. Им только дай волю...

– Не преследовать! Пусть бегут! Торир, чтоб ты штаны порвал! Ну куда тебя понесло?! Стоять! – ему потребовалось приложить немало усилий, чтобы успокоить разгоряченных дружинников.

Сигурд прекрасно понимал, что увлекаться погоней нельзя – опасно. Сколько их могло таиться в темном лесу – боги их ведают...

– Стоять! – в последний раз, с заметной хрипотцой выкрикнул Сигурд. – А вот этого ловить! Вон он, сука!

Херсир приметил тень, метавшуюся меж горящей баней и домом. Меря!

– А вон еще один!

– Держи их...

– Торир!

– Я сам...

– Так-так. Хорошо...

– Брыкается, гаденыш...

Сигурд посмотрел на небо. Звезды начали меркнуть, а значит, скоро наступит рассвет. Херсир бросил щит на снег, уселся.

– Славно поработали...

Некоторые постройки уже догорали, однако пара изб все же уцелела, в том числе и центральный, самый большой дом, где ночевал херсир, и это радовало. Сигурд довольно хмыкнул.

– Десятники! – скомандовал херсир. – По десяткам! И прочешите тут все... чтоб никого... – Он увидел пятерых пленных. – Яшников больше не брать!

* * *

Первый солнечный луч бросил на землю неяркий отблеск. Уйболла, затянутая легкой дымкой от затухающих пожарищ, была полна трупов. Всеведущее воронье уже расселось по ближайшим деревьям и теперь с надеждой оглашало округу жадным карканьем. Сотни вороньих глаз зорко следили за живыми, ведь именно от этих людей будет зависеть – куда они отнесут трупы.

Северяне тщательно прошерстили всю Уйболлу, добив всех раненых врагов и собрав своих погибших.

– Ну, наконец-то, – обрадовался херсир, завидев Олафа и Хрольва.

Оба викинга были в крови, и на их угрюмых лицах читалась беда.

– Чт... Кто? – Сигурд поднялся со щита.

Отец и сын молча отступили в сторону, пропуская вперед Трюггви, который нес на плечах тело.

– Оттар... – негромко произнес Олаф.

Сигурд подошел к Трюггви, взял голову убитого, приподнял.

– Оттар... Гордись, Олаф! – херсир выпустил голову старшего сына Олафссона. – Твой сын погиб в бою, с мечом в руках! Ты хороший отец! У тебя славные сыновья!

– Благодарю, – ответил Олаф с поклоном.

– Неси туда, – указал Сигурд Трюггви, – там все наши... Олаф, еще есть потери?

Но ответ уже был не нужен. Херсир увидел и других дружинников, что шли следом за Трюггви и тоже несли своих павших товарищей.

– Всех туда...

В стороне образовался ряд из убитых в сече викингов. Они лежали на щитах, устремив в небо закрытые глаза. Их было немного, всего девятнадцать...

– Олаф, – вновь позвал молодой вождь похода. – Что там у вас было?

– Ты был прав. Они устроили засаду. Ждали, что мы словно мыши полезем через оставленную щель!

– Я надеюсь, никто не ускользнул от твоей руки?

– Никто...

– Хорошо! А-а, вот и наш славный Кятла! – глаза херсира вспыхнули недобрым огнем.

Выборник союзников, в изодранной одежде, с закопченным лицом, приблизился с понурой головой. Следом за ним шли остатки чудиной рати.

– У тебя, Кятла, самые храбрые воины из всех, которых я знал! Они так храбро поворачивались спинами к врагу, что еще бы немного – и моим парням не было бы работы! – откуда именно сейчас у него сложилась подобная речь, Сигурд не смог бы объяснить. Но сердце жгло наглое слабодушие чудинов. Союзнички...

– Не все... – грустно ответил выборник, – не все бежали!

– Это слабое утешение вашим отцам! – рявкнул херсир. – Сколько людей ты потерял?

– Это все, – Кятла кивнул за спину, – кто остался...

Сигурд быстро по головам пересчитал чудинов – пятьдесят три... пятьдесят четыре, если вместе с выборником.

– Э-э-э, да! Славно! Ты потерял больше половины... о, боги! – херсир от злости сжал зубы, а левая щека со шрамом нервно задергалась. – Ёханный бабай, чтоб вас...

Последнюю фразу он произнес на непонятном окружающим языке и, обреченно махнув рукой, отошел от чудинов.

– Олаф! Распорядись, чтобы забрали все оружие – оно нам еще пригодится. И посмотрите, что там с нашими лошадьми.

Олаф кинул взгляд на трупы дружинников, где среди прочих уже лежал и его старший сын.

– Это после... – уловив его взгляд, изрек херсир. – Иди!

Олаф, кликнув Трюггви и Хрольва, ушел выполнять поручение.

– Ульф! – позвал Сигурд, проводив Олафа взглядом. – Ульф, бери своих и еще лучников прихвати. И еще... Кятла! Выделишь Ульфу своих с десятка!

Кятла молча кивнул.

– Хорошо, – продолжил сыпать распоряжения вождь похода. – Так, Ульф, внимательно прочеши всю округу – чтоб никаких посторонних глаз не было! Так... Соберешь оружие, и посмотри следы... узнай, куда эти огрызки отступили.

– Сделаем, – Ульф тут же отошел, громко выкрикивая имена товарищей, которых намеревался взять с собой.

Сигурд вернулся на свое прежнее место и устало опустил на щит. Кто-то из

хирдманов подал вождю кожаную флягу, и тот с большим удовольствием отпил меду.

– Так, что там у нас еще... а?! Давайте сюда яшников! Кятла, куда собрался?! Поди сюда!

Кто-то из чудинов подсуетился и расстелил рядом с херсиром шкуру – выборник сел.

– Ну, кто такие? – спросил херсир пленников по-словенски, в надежде, что те владеют языком хольмгардцев.

– Мякиса не пога! Тви мянь... – молодой меря затрясся всем телом и рухнул на колени.

– Ты чего молчишь? – ткнул Сигурд выборника локтем в бок. – Переводи!

– Просит пощадить... не убивать...

– Так, с этим все понятно! – херсир сделал резкое движение рукой, и парня тут же подхватили двое викингов. Они оттащили его на десяток метров и прямо там прикончили.

– Следующий! – огласил вождь похода.

Пред ним предстал темноволосый, с заметной сединой воин.

– Кто ваш князь? Кто руководил нападением?

– Тьфу! – меря смачно плюнул, но не попал.

– Следующий...

Этого упрянца постигла участь предыдущего мерянского воина...

Только последний, пятый по счету пленник заговорил сам, без всяких вопросов.

– Нимоякка... Нимоякка, князь Тротвы... это он собрал дружину... – затараторил пленник по-словенски.

– Откуда были воины?

– Уйболла, Ришта, Буйра... Пятра... много из Тротвы, с других селений по реке... по Сохе...

Сигурд вопрошающе посмотрел на Кятлу. Тот утвердительно кивнул, мол, есть такие поселения.

– Сколько вас было?

Меря задумался на несколько секунд. Его глаза закатились к небу, а губы едва шевелились, видимо, вычислительный процесс давался ему непросто.

– Ну?! Говори! – поторопил его херсир.

– Да-да, князь, сейчас... три десятка... четыре... сотня еще два десятка... Две сотни... нет! Две с половиной...

– Ты смотри, сколько народу собрали! – Сигурд хлопнул себя по ноге. – Ждали, стало быть?

– Ждали, князь... ждали...

– И давно?

– От самого града вашего...

– Эх, хороши у нас следопыты! – херсир вскочил и нарочно громко изрек: – За нами следили от самого борга, а дозорные ни ухом, ни рылом! Куда должны отступить остальные? – вновь задал вопрос Сигурд.

– Не знаю...

– Э-э-э, – пальцем пригрозил ему херсир.

– Клянусь Юмалом! Пощади, храбрый князь!

– Убрать!

Двое викингов сделали шаг...

– Нет-нет... не убивай, храбрый князь!

– Куда они отступили?

– В Буйру!

– В Буйру?!

– Туда-туда, славный князь... клянусь духами очага!

– Ай, молодец! – скривился в улыбке Сигурд. – Ведь можешь, когда надо!

– Пощади...

– Убрать!

Мерянский воин попытался схватить херсира за ногу, но тот брезгливо отдернул конечность.

– Умри достойно, как мужчина... хотя какой ты мужчина... Убрать!

Дружинники сграбастали пленника и уволокли в сторону.

– Нат эю.... Нем ерк... Юмал! – пленник еще молил о пощаде, когда над его головой заносили секиру...

Глава одиннадцатая Совет в Уйболле

Мне ваш совет как воздух нужен...

К полудню обстановка немного успокоилась, но караулы решено было усилить – от греха подальше.

Дружинники разошлись по уцелевшим домам и теперь готовили на кострах кашу. После бессонной ночи... после ночного боя желудки вскипали и требовали свое. Херсир распорядился отложить погребение павших в сече до вечера, требовалось срочно прояснить текущую обстановку. Посланный на рекогносцировку отряд как раз возвратился к полудню.

Сигурд и сам уже порядком изголодался, а посему собрал всех десятников у себя в большом доме. Предстояло решить судьбу похода, но сперва требовалось подкрепиться.

Поели быстро, на скорую руку – сухари, лук, вяленое мясо и не хмельной мед...

Закончив прием пищи, Сигурд вытер бороду и оглядел присутствующих. Олаф – он сам выбрал его себе в помощники – сидел рядом, справа. Дальше, по эту же сторону стола – Ульф, Магнус, Эйнар, Ингвальд, Стейн – десятники. По другую сторону стола, слева от херсира – два Свейна, тоже десятники и удивительно похожие друг на друга, крепкие, статные, примерно одного возраста, и при этом не родня, даже не дальняя... И Трюггви, сын Олафа, который только что получил десяток, вместо убитого Бьерна. Пригласили и Кятлу, хотя Сигурд все еще злился на выборника, который в критический момент атаки не сумел организовать должного отпора. Впрочем...

– Итак... – херсир положил локти на стол, – Ульф, ты все проверил?

– Да, Сигурд, они ушли на юг. Следов много... – десятник почесал бровь, – не меньше сотни...

Херсир кивнул.

– Олаф, сколько вражеских трупов набралось?

– Шестнадцать десятков.

– Хорошо. Значит, около сотни их подалось на юг. Кятла?

– Буйра как раз на юге отсюда, – подтвердил чудинский выборник.

– Думаешь, яшник не соврал?

– Да, Сигурд, думаю, не соврал.

– Так... – херсир призадумался, – это что ж получается... У нас осталось девяносто бойцов... ну со мной девяносто один. У тебя, Кятла, сколько точно?

– Со мной пятьдесят четыре.

– Ага... это на круг нас сто сорок пять человек. Так-так... И это если все смогут держать оружие в руках...

– Тяжелых только двое, – грустно добавил Олаф, – думаю, к утру умрут...

– Остальные? – спросил херсир.

– Пустое... царапины, – ответил помощник.

– Надо срочно выступать, – подал голос Магнус, – догоним и перерубим оставшихся.

– Дело! – поддержал товарища вспыльчивый Эйнар. – Чего тут сиднем сидеть?!

– Точно! Упустим их... – поддакнул седовласый Ингвальд.

– А кто знает, сколько их там соберется? – холодно изрек многоопытный Стейн.

– Да не все ли равно? Всех изрубим, – горячился Эйнар. – Не пристало викингу считать

врагов...

– Дурак ты! – искренне заявил Олаф. – Молодой и глупый!

Эйнар попытался было вскочить.

– А ну сидеть! – рявкнул херсир. – Или закон забыли? Не след в походе ссоры затевать! Вот управимся с меря, потом сколько угодно – хоть глотки друг другу за пряники порвите!

– Верно херсир говорит. Нечего глотки рвать! – вмешались чуть не хором оба Свейна.

– Если дать Нимоякке время, то он все роды поднимет, – вставил Кятла, – я тоже за то, чтобы идти сейчас на Буйру и ударить, пока они не собрались в кулак.

– А сколько воинов может собрать этот Нимоякке? И за сколько дней?

– Ну-у-у, – протянул выборник, – если он успеет оповестить все роды и по Сохе, и по Ловти, и по другим рекам, то не меньше пяти сотен...

– Это все земли подвластные ему?

– Да, Сигурд – это его земли. Он – князь.

– Ясно... – Сигурд сложил пальцы в замок и хрустнул костяшками. – Странно одно – если они вели нас от самого борга, то у них было полно времени изготовиться и собраться воедино. Отчего же на нас напали только две с половиной сотни. Где остальные?

– Так, может, не успели...

– Еще подойдут...

– Да, точно!

– А я вот думаю, дорогие мои десятники, что нету больше у этого Нимоякке воинов.

– Как так?

– С чего бы?

– Ну...

– Тихо-тихо! – херсир поднял руку, прерывая гвалт. – Все просто. Его бояре... кхм, хёвдинги, что сидят по своим селениям, за свои шкуры и усадьбы дрожат больше, чем за княжеские выгоды. Вот и думается мне, что собрал этот Нимаякке только половину от ожидаемого.

– Ну...

– Оно конечно, но...

– Нет, вы послушайте, – Сигурд встал и принялся неспешно прогуливаться вдоль стола. – Он собрал две с половиной сотни – сила немалая, коли ею с умом обойтись. И он решил с нами одним ударом покончить. Тем более что они точно знали о нашей численности – что им мешало пересчитать нас на походе? И, чтобы вернее нас прикончить, выбрал ночное нападение. Я и сам бы так поступил!

– Может, оно и так, а может, и нет, – в задумчивости произнес Трюгви, остальные десятники пока молчали.

– Но и это еще не все! – изрек херсир, продолжая рассказывать. – Есть у меня еще одна думка. Кятля, сколько отсюда до Торотвы?

– Ну, три-четыре дня...

– По реке?

– Да, по Сохе ежели...

– И большой, говоришь, град?

– Большая ограда... купцы сказывали...

– Ага. Вот! – Сигурд остановился и многозначительно поднял палец. – Если борг у этого Нимоякке большой, то что?

– Казна? – вспыхнули глаза Эйнара, и почти все присутствующие согласно закивали головами.

– А еще – семья! – сделав усиленное ударение, уточнил херсир. – Кятля, у князя мерянского есть в Тротве семья?

– Как не быть – есть. Жена, дочь и трое сыновей, – отвечивал чудинский выборник, так купцы сказывали...

– Ну вот! – Сигурд, наконец, вернулся на место, перестав маячить за спинами

собрания. – И казна, и семья требуют большой охраны, да и сам борг, если велик, то там в любом случае надо держать дружину. Следовательно, даже если Нимоякка и собрал все свои силы, то ему их все равно пришлось бы разделить. Половина была здесь, и участвовала в нападении на Уйболлу, а половина должна сидеть в Тротве.

Сигурд был доволен своей, как ему казалось, безукоризненной логикой. Этот вывод ему подсказывали знания, полученные в его, двадцать первом веке – не зря же он и реконструкцией занимался, и по библиотекам сживал, ох, не зря...

– Так мыслю, – закончил он свое выступление. – Теперь хочу услышать ваши думы. И особенно, что нам предпринять дальше?

– Ну-у-у, – пробасил дородный телом Магнус, – если ты, херсир, все верно рассудил, хм... то нам сподручнее их все же нагнать и прихлопнуть, – его тяжелая длань гроыхнула о стол.

– И я вот смекаю, – прищурился Ингвальд, – надо выступать, и, пока они не очухались от наших оплеух, прикончить всех!

– Атаковать! – решительно изрек Эйнар. – Одним ударом изрубим всех. А там уже и до борга ихнего доберемся.

– Что их там осталось-то? Чуть больше сотни, да еще и пораненные есть... – вроде как, рассуждая вслух, молвил Ульф.

– Так ведь и у нас есть раненые, – резонно заметил Олаф, – немного, правда...

– Вот то-то, что немного, – Эйнар подмигнул обоим Свейнам, мол, чего молчите, давайте!

– Мои воины пали духом, – честно признался чудин, – нам нужна победа, и быстрая, иначе... Словом – я за атаку!

Трюггви испытующе посмотрел на отца, а потом произнес:

– Я тоже – за. Надо идти и добивать врага.

Сигурд внимательно выслушивал каждого, лишь хитро улыбаясь одними глазами.

– Ну, у кого еще какие думы?

– Да уж, а чего тянуть то? – вопросом на вопрос ответил один из Свейнов. – Идем и все!

– Один с нами! – поддержал второй Свейн.

– А что нам скажет наш Стейн? – херсир обратился к седовласому десятнику. – Ты у нас тут самый опытный. Что думаешь?

– Вот пятый десяток зим я разменял, а таких дурней, как вы, – Стейн обвел пальцем присутствующих, – не видывал.

Десятники, да, признаться, и сам херсир, аж обомлели, но смолчали. Ждали, что скажет старик.

– Да неужели этот ваш Нимошмякка такой дурак, что будет сиднем сидеть и поджидать нас, покуда мы не явимся и не намнем ему бока?! Бузина⁴⁶ все это. Тут его родные края, он тут каждую кочку, каждое дерево знает, а мы прем, как кабан, напролом. Разве ж это дело? А может, у него еще воины есть? А может, у него давно по соседям клич кинут? Тогда что?

– Так нам-то что теперь – поворачивать? – вскипел Эйнар, у которого, казалось, добычу уводят прямо из-под носа.

– Вот я и говорю, вы – дурни, – не изменяя тона, продолжил Стейн.

– Ты давай не бранись, – повысил голос Олаф, – а дело говори, если знаешь!

– Да, Стейн, дело говори, чего кита за ус тянешь! – пробасил Магнус.

– А я и говорю. Прежде чем мечом махать, надо выслать дозорных да посмотреть все хорошенько. Следы высмотреть, а лучше лагерь их найти да ночью по кострам сосчитать врагов.

– Викинги никогда врагов не считали! – нервно бросил Эйнар.

⁴⁶ Бузина – здесь пустое место.

– Вот оттого, Эйнар, что ты не думаешь, а сперва серишь, а потом уж смотришь, куда! Десятники дружно прыснули на шутку Стейна.

– Га-га... точно, клянусь Асгардом... – заливался смехом Ульф, – он в прошлую зиму в нору насрал... ха-ха, а оттуда змея...

– И в мошонку его цапнула, – ржа как конь, продолжил один из Свейнов.

– Замолчите! – покраснев как рак, стрелял глазами Эйнар.

– Ага-га... ему еще повезло... га... что это был уж... га-га... – вставил второй Свейн.

– А то... а то... – Трюгви от смеха не мог выговорить, – а то бы прощай Эйнар ма... ма-ма... маленький...

– И большой! Ха-ха... ха... – бас Магнуса содрогнул кружки на столе.

– Ладно, будет вам... – херсир пытался остановить веселье, но это у него вышло не сразу.

Он и сам смеялся от души, но сердцем понимал, что хватит, пора к делу.

– Все... все – уgomонились!

– Стейн верно говорит, – первым начал Олаф, – надо бы дозор послать, поглядеть...

– Так, все высказались? – подвел черту Сигурд. – Хорошо. Теперь послушайте, что я вам скажу. Нимоякке этому мы всыпали хорошо, бежал так, что пятки сверкали.

Викинги довольно заулыбались, мол – да, мы могём.

– То, что пощупать их надо, это тоже верно. Ты уж, Олаф, не серчай, но я уже распорядился и отослал твоего Хрольва в дозор. Посему обождем его возвращения и примем решение, как быть дальше. А сейчас – за дело. Кятла, а ты останься.

– Слушаю тебя... – изрек выборник, когда они с херсиром остались наедине.

– Давно хотел тебя спросить... ты род медведя знаешь?

– О-о-о, – протянул Кятла, – это далеко от нас... на север.

– Ну, понятно, – Сигурд махнул рукой. – А ты что про них вообще знаешь?

– Знаю, что они руку князя Гостомысла держат, а мы, стало быть...

– Я понял. Так в Новгороде же Боровой князем был...

– Так погиб Боровой, в битве на реке у борга вашего, вот теперь его сын на столе новгородском сидит.

– Он оно чё... И кто же его?

– Так ваши же... воины Атли... А ты не знал?

– Дык, я как-то... закрутился. И потом, нам Атли про то ничего не говорил.

– Да может и так... Мы сами-то только седмицу назад прознали, может, и князь ваш тоже недавно узнал, вот и не успел вам обсказать.

– Может и так... Хорошо. Спасибо, ступай.

* * *

Остаток дня прошел в рабочей суете. По настоянию херсира все, что еще тлело, было растащено и потушено во избежание дальнейшего несанкционированного возгорания. Кроме того, Сигурд велел срочно приступить к восстановлению порушенного и пожженного частокола. Десятники поначалу пытались отговорить его от этой затеи, мол, зачем надрываться, когда все равно вперед двигать. Но херсир настоял на своем, сказав, что враг рядом и что можно от него ожидать чего угодно. Викинги и чудины, повинаясь приказам начальства, приступили к починке частокола. Однако Сигурд строго-настрого приказал в лес не выходить, а производить ремонт за счет имеющихся построек. Посему нижние, не облизанные огнем венцы изб и риг тут же пошли в дело.

Сигурд лично, пешком обошел всю Уйболлу, присматривал, руководил... Собранные трофейное оружие снесли и свалили прямо во дворе большого дома. Херсир осмотрел его и велел, выбрав, что еще годится к применению, раздать союзникам. Как ни крути, а молодого военначальника удручала не только никудышная выучка чудинов, но и их слабое вооружение. Ночной бой только усилил тревогу херсира.

Но главным вопросом на вечер оставалось погребение павших товарищей. Хотя и от трупов врагов следовало тоже избавиться. И пусть зима, холод, но обилие в поселении трупов удручало взор. Херсир решил предать огню убитых викингов вместе с чудиными воинами, а врагов вынести за частокол и сжечь там. Как только он принял решение, исполнение оно же возложил на Олафа, а тот в свою очередь привлек к работе и своих, и союзников.

Солнце медленно, но верно приближалось к крайней черте, и было готово вот-вот скрыться из виду. Восстановление частокола почти завершили, оставалось решить вопрос с воротами, которые во время штурма были практически уничтожены. Однако это неудобство тоже вскоре устранили. В одном из уцелевших сараев нашлись две поврежденные телеги, ими-то и перегородили вход, присовокупив к ним бревна и несколько обнаруженных больших бочек. Бочки утяжелили, наполнив водой.

Небо потемнело, и Уйболла озарилась светом десятков факелов и костров. Первым полыхнул неаккуратно сложенный костер для убитых врагов. Сейчас их тела, объятые пламенем, издавали зловонный запах горелого мяса и шкур, в которые те были облачены при жизни. Этот погребальный костер, чадающий за пределами поселения, не имел зрителей, за исключением двух чудинов, приставленных следить за огнем и вовремя кормить его дровами.

Другой костер, заботливо подготовленный викингами и их союзниками на пепелище одного из домов, только-только начинал возгораться. По одну сторону, в ряд, стояла вся дружина альдегьюборцев во главе с херсиром. А по другую разместились чудины с выборником Кятлой.

Когда языки пламени завладели телами полностью, вся дружина северян в один момент ударила оружием по щитам.

– Один!!!

Звук нарастал. Они колотили все громче и громче...

– Один!!!

Сигурд стоял перед строем, чуть впереди всех и тоже выколачивал мечом о щит монотонный ритм.

– Один!!!

Но и чудины не остались в долгу. Они провожали своих павших товарищей громкими выкриками:

– Юмал!!!

Огонь взобрался на самый верх пирамиды из трупов и вдруг вздрогнул и выпустил из своего ярко-желтого чрева тысячи искр. Большие и маленькие звездочки вспорхнули вверх и, кружась, унеслись в темное небо.

– Один!!!

– Юмал!!!

Воины провожали погибших, и глаза их были полны радости.

– Один!!!

– Юмал!!!

Две союзные дружины стояли друг против друга, и казалось, соревновались даже в искусстве громогласия.

– Один!!! – и удары почти сотен мечей, топоров и копий слились в один резкий, мощный призыв к Одноглазому Водителю небесных дружин.

– Юмал!!! – и возгласы чудинов, от чистого сердца, от души, просто не могли не достичь ушей Великого Громовержца.

Они стояли долго, пока поминальный костер не начал затухать. Только херсир подал сигнал расходиться, как пошел снег. Мелкие белоснежные мухи стали плавно опускаться на землю. И викинги, и чудины радостно загомонили, они увидели в том хороший знак – боги приняли души погибших.

Еще минута, и Сигурд повторил команду. Строй дрогнул и начал рассыпаться.

– Олаф, – подозвал херсир помощника, – усилить дозоры.

Снег в эту ночь продолжал усыпать землю, замечая людские кровавые следы... И лишь под утро, когда вся округа была белее белого, кто-то там, наверху, решил, что хватит...

* * *

Утром, когда солнце уже стремилось к зениту, вернулся из дозора юный Хрольв с лучниками. Не теряя ни минуты, он проследовал в большой дом. На пороге он столкнулся с отцом, и Олаф по глазам сына понял, что тот принес важные вести. Помощник херсира тут же проводил его в дом.

– О! – воскликнул Сигурд, заметив входивших. – Вот и наш славный Хрольв явился. Ну, садись скорее. Дайте ему меду.

Младший Олафссон жадно выпил из поданной фляги, утер рот и шумно выдохнул.

– Ну! – весь в нетерпении спросил херсир. – Что там?

– Они в селении... ну как там говорил Кятла?

– Буйра!

– Точно. Оно. По дороге больше нет поселений... только это – Буйра.

– Ну? Хотя подожди. Олаф, кликни всех!

Викинг понимающе кивнул и вышел за дверь. Даже здесь, в помещении был слышен его голос. Олаф давал кому-то из воинов поручение срочно позвать всех десятников к херсиру на совет.

– Ты обожди – отдышись, – скорее больше себя, чем Хрольва успокаивал херсир.

Сигурду ой как не терпелось узнать принесенные парнем новости. «Прав я или не прав?» – гадал про себя молодой военначальник.

– Выпей еще меду, – предложил Сигурд. – Кятла говорил туда день пути.

– Не-е, – отставляя фляжку в сторону, ответил Хрольв, – меньше... но мы споро шли...

– И никого не встретили?

– Был один их дозор, примерно посеред пути. Но мы их по-тихому сняли...

– Ай, молодцы! – от души похвалил херсир.

Ждать, однако, довелось недолго. Десятники один за одним подтягивались на совет. Последним явился старик Стейн.

– Так. Все в сборе. Хрольв – продолжай, – херсир дал отмашку, и юноша продолжил.

– Значит, вот... сняли мы их дозорных и подобрались к боргу...

– К Буйре?

– Да, Кятла, к ней. Затаились. Как раз ночь уже... Лежим – ждем. И думается мне, а как мы узнаем, сколько там врагов. Костров через стену не видать, да и по избам они могут разместиться... Ну я решил пробраться к ним в борг... – тут Хрольв уловил на себе испытующий взгляд отца. Олаф хмыкнул в усы, но промолчал. – Испросил я подмоги у хитреца Локки, нашел местечко пониже – и через частокол...

– Высок ли частокол? – ерзая на скамье, спросил Эйнар.

– Чуть выше головы... но у ворот выше... так вот, перебрался, смотрю – тихо, ни души. Ну, думаю, вымерли, что ли? Просидел я, правда, недолго...

– Ты суть говори! – не стерпел Олаф. – Тебе бы скальдом... говорила мать...

– Отец, так я суть говорю...

– В самом деле, Хрольв, – поддержал Стейн, – что узнал-то?

– Одним словом, там терем ярла ихнего за частоколом отдельным посеред всего поселка стоит. Там они все и хоронятся.

– Сколько? – уже не вытерпел херсир.

– Сотня... может, чуть больше...

– Может, чуть больше, – передразнил Эйнар, – что, точнее нельзя было?

– Вот сам бы и шел тогда, – огрызнулся юный следопыт.

– Все, – прихлопнул ладонью по столу Сигурд, – и то для нас великая подмога, что

Хрольв незаметно у них в борге побывал. Сотня или около того – это то, что мы и думали...

– Постой, Сигурд, – перебил его Хрольв, – я как выбрался, сразу назад думал, но потом решил утра дожждаться. А поутру к ним еще один отряд прибыл...

– Да что ты сразу-то не...

– Обожди, Олаф! – херсир вскинул руку, – сколько их?

– Полсотни! Они с обозом пришли, и среди них хольмгардцы...

– Купцы?

– Ну?

– Может, и купцы, но все при оружии.

– Если купцы, то как они меж нас проскочили? – пробасил Магнус.

– Кятла! – воззвал Ингвальд. – Есть еще пути?

– Нет. Эти могли только если из Тротвы прийти.

– А-а-а, – протянул Ульф, – подмога!

– К ним еще могут подойти...

– Нечего тянуть!

– Надо вдарить прямо сейчас!

– С нами Один!

– Да!

– Чтоб их...

Десятники выкрикивали наперебой, но сводилось к одному – дружина рвалась в бой! Сигурд это прекрасно понимал. Понимал, что враги могут накопить силы и сами перейти к решительным действиям. А они сидеть в Уйболле долго не могут – провизии с собой был крайний минимум. Весь расчет был на добычу... И вот. Он понимал – надо атаковать, но что-то его останавливало.

– Турнем чудинов из борга!

– Точно, Эйнар!

– Нет, ну ты смотри, как все...

– Стоп! Хватит! – и в довершение херсир аж присвистнул.

Десятники не в раз, но уgomонились.

– Мыслю так – если обоз пришел из Тротвы, всего с полусотней воинов, то значит, больше выделить они не смогли. Конечно, есть еще веси на этой земле, но яшник сказал, что ярл Нимоякке собрал воинов со всех окружных родов. Значит, пока подойдут из дальних селений у нас есть время.

– Точно!

– Вдарим сейчас!

– Обождите! – херсир поднял правую руку. – Я еще не все сказал... Нимоякке думает, что мы будем с ним тут тягаться. Думает, что мы ударим в лоб, оттого и подмога к нему именно в Буйру пришла. Так?

– Ну... – за всех ответил старик Стейн.

– А зачем нам идти в лоб?

– Ну, херсир, ты даешь...

– А куда же нам?

– Куда?

– Тихо! – Сигурд хитро прищурил глаза. – Спокойно. Не след нам действовать, как того ждет враг. Мы не будем атаковать Буйру! Мы пойдем сразу на Тротву!

Десятники в полном непонимании переглянулись, пожали плечами и дружно уставились на херсира.

– Они нас ждут в Буйре, а мы пойдем на их главный борг. А чтобы Нимоякке ничего не заподозрил, мы оставим в Уйболле небольшой отряд...

– Это верная смерть, – возразил Ингвальд.

– С каких это пор викинги боятся смерти?!

– Сигурд! Я не боюсь смерти, – тут же парировал десятник, – но я хочу знать, зачем?

– Умирать совсем не обязательно, – херсир подпер подбородок рукой. – Принять бой, может быть, и придется, но...

– Херсир дело говорит, – неожиданно для всех высказался Стейн.

Сигурд поблагодарил старика кивком головы и продолжил:

Десятники вновь зашумели, яростно обсуждая затею Сигурда.

– Да тихо вы, – принялся успокаивать их херсир, – я еще не все сказал. Слушайте... Завтра мы всей дружиной выступим по направлению к Буйре и встанем лагерем под стенами. Пусть чудины думают, что собираемся их штурмовать. Начнем заготовку для лестниц и тарана... провозимся до темноты... в лагере запалим побольше костров, а ночью я уйду с основной дружиной в сторону Тротвы. Те, кто останется, подождут до утра, тоже снимутся и отступят обратно в Уйболлу. Там им предстоит ждать от нас вестей и держать оборону, если Нимоякке вдруг отважится напасть.

Десятники призадумались, обмозговывая план херсира, не выдержал только Эйнар.

– Это глупость! Они поймут, что нас мало и обязательно нападут! Сколько ты намерен оставить воинов в Уйболле?

– С полсотни – не больше!

– И кто же останется за старшего? – спросил Олаф.

– А вот ты, Олаф, и останешься, и еще Стейн.

Стейн тут же ответил:

– Я останусь! Твой план достоин богов, херсир.

– Спасибо, – коротко поблагодарил Сигурд, – ну, у кого еще вопросы?

– Это может получиться... – подал голос Трюгви, – пока чудины буду гадать, ты успеешь добраться до Тротвы...

– Ее еще надо взять, – засомневался один из Свейнов.

– Возьмем! – уверенно изрек Ульф.

– Неизвестно сколько нам придется тут сидеть, – поглаживая бороду, сказал Олаф, – может статься неделю... у тебя, херсир, тоже дело выйдет непростое... в пути всякое случается... опять Тротва... мы не знаем, сколько там врагов...

– К чему ты это? – херсир, склонившись, навис над столом. – Думаю, если мы явимся неожиданно, то их боргу не устоять...

– Точно – не сдобровать, – с улыбкой на лице пробасил Магнус.

– Я к тому, что у нас мало припасов, – продолжил Олаф, – сухарей дня на три хватит, мяса почти вышло, крупы дня на два...

– Мы оставим вам всех коней, – твердо заверил Сигурд.

Олаф хотел было открыть рот и что-то еще возразить, но его опередил Стейн.

– Конина... м-м-м, – причмокнул губами старый воин, – люблю конину. Десять коней – этого хватит больше чем на неделю, – и тут Стейн плотоядно улыбнулся.

– Кто останется? Мои или ваши? – спросил молчавший досель Кятла.

– Твои воины рвутся в бой? Хорошо! Они пойдут со мной! – Сигурд оборотился к выборнику и более жестко добавил: – но если они еще раз подведут в бою, я лично зарублю тебя!

– Мы не подведем...

– Это несправедливо, – подал голос второй Свейн, – половина наших парней должна остаться, а они, – он кивнул на Кятлу, – пойдут на добычу.

– Верно!

– Пусть они тоже останутся...

– Половина...

Десятники хором запротестовали.

– Хорошо! Ваша правда! – херсир встал. – Половина воинов Кятлы останется в борге, половина пойдет со мной!

Десятники умолкли и согласно закивали, мол, вот теперь по справедливости...

Сигурд осознавал, что его план весьма рискован, но в случае успеха мог привести к

решающей победе. А херсир ох как хотел завершить эту первую в своей жизни кампанию победой!

Глава двенадцатая Эх, дороги...

И след твой по тебе заплачет...

На следующее утро, чуть солнце осветило макушки деревьев, вся союзная рать выступила по направлению к Буйре. Сигурд на всякий случай решил обезопасить свой тыл и оставил в Уйболле два десятка воинов под командованием одного из Свейинов. Один десяток был северян, а второй вепсский... И все же херсир был не до конца уверен, а посему, почти в тайне от всех, отослал юного Хрольва назад в Альдегьюборг, известить ярла Атли о происходящем. Об отбытии Хрольва, естественно, знали его отец и брат.

– Помни, – напутствовал херсир юношу, – скачи как можно быстрее. Испроси у ярла четыре, а лучше пять десятков. Приведешь их в Уйболлу, тут твоему отцу придется туго.

Олаф коротко простился с сыном, а Трюггви, положив руку на плечо брата, сказал:

– Увидимся.

Проводив гонца, все трое вскочили в седло и пустились догонять удаляющуюся дружину.

Отряд продвигался медленно, со всевозможной осторожностью. Херсир небезосновательно полагал, что меря должны были выставить по ходу их движения крепкие дозоры. В том, что Сигурд был прав, они вскорости убедились. Незадолго до полудня, высланные вперед лучники под командой Ульфа обнаружили и сходу атаковали вражеский дозор. Бой был скоротечен, однако не обошлось без потерь. Меря оказали яростное сопротивление, им удалось сразить двоих викингов, но и сами нападавшие полностью уничтожили врагов, коих оказалось одиннадцать человек. После первого столкновения Сигурд усилил свой авангард до трех десятков, наказав им осмотреть дорогу до самой Буйры.

В полдень дружина встала на короткий привал. Костров не разводили, обойдясь сухим пайком. Сразу же после приема скромной пищи херсир приказал выступать.

Авангард справился с поставленной задачей как нельзя лучше – им удалось снять еще один дозор противника, уничтожив при этом пятерых воинов Нимоякке. Ульфу посчастливилось захватить и одного пленника...

Однако самый ближний к боргу мерянский дозор все же узрел викингов и, не приняв боя, спешно отступил. Ульф приблизился к Буйре и занял наблюдательные позиции под прикрытием деревьев. Меря не предпринимали попыток произвести разведку боем и, наглухо закрыв ворота поселения, ожидали дальнейших действий от северян.

Союзная дружина достигла Буйры только затемно. И, как не сожалел херсир, устраивать лагерь пришлось впотьмах. Сигурд распорядился сразу же зажечь костры и факелы. Причем костров развели заведомо больше, чем было необходимо, так что почти все небольшое поле перед Буйрой осветилось отблесками огня.

Сам лагерь херсир решил устроить с хитрецей. Часть имеющихся у викингов походных палаток он установил на самом краю леса, чтобы у осажденных сложилось впечатление, что лагерь простирается не только в поле, но и уходит в глубину, в лес. У Сигурда оставалось еще одно подозрение. «Если они следили за нами от самого Альдегьюборга, то не исключено, что могли нас пересчитать, плюс еще ночной бой...» И тут у него возникла идея, даже не идея, а так... память вернула давно забытое... когда-то виденное им кино... Впрочем столь ли это было важно, но вот идея...

– Ульф, – херсир удачно заметил пробежавшего мимо десятника, – где яшник?

– Так тут.

– Давай-ка его сюда!

– Олаф!
– Ну?
– Ты решил уже, кого берешь с собой?
– Если ты оставляешь со мной Стейна, то кроме него... пусть останется десяток Трюгви...
Сигурд понимающе кивнул, мол, куда ж без сына-то.
– ...и хватит, – закончил Олаф.
– Хорошо. Остальные пусть будут чудины – к тому десятку, что остался со Свейном в Уйболле добавим еще два. Хватит?
– Хватит и одного, – запротестовал Олаф, – нам за стенами сидеть, а тебе на стены лезть. Хватит мне и двух чудинских десятков...
– Будь по-твоему. Полсотни воинов тебе оставляю, сам иду с девяносто пятью...
– Угу...
– Теперь вот что...

* * *

Пленник шел по лагерю в сопровождении Ульфа и не верил в свое счастье – его отпускали. Князь варягов оказался милостив, позволил уйти... А поручение? Он готов был его выполнить, почти с радостью. Варяжский князь попросил передать князю Нимоякке, чтобы тот сдавался. Глупый варяг! Князь меря ни за что не уступит! Пленник был доволен, он почти улыбался, шагая вдоль костров, вокруг которых сидело множество врагов. Но...

Пленник достаточно хорошо знал язык новгородцев, он слышал, что говорят воины у костров, но почему они говорят по-словенски? Пленник внимательно вглядывался в лица...

– Собаки...
– Что ты сказал? – с жутким северным акцентом спросил Ульф.
– Ничего...
Отпущенный на волю чуть не сплюнул при виде бепся. Вот почему и северяне, и эти проклятые изменники бепся говорят по-словенски – общаются...
Они шли медленно, Ульф не торопил, не подгонял, а пленник весь обратился в слух...
– Слышь, варяг...
– Ну?
– Ваш хер... херпсер...
– Херсир! Тупая твоя башка!
– Я и говорю... херпсер, он того, молодец! Ждет дружину из града...
– Ага, – подхватил другой голос, – с самим ярлом.
– А чего, и Атли придет?
– А чего не прийти-то? Добыча вон она – тока руку протяни.
– Да ну...
– Говорят, что ярл две сотни приведет!
– Угу.
– А ваши чего же?
– Так наши из рода серой утки тоже в поход собирались да не успели за нами...
– Ха-ха, тетёры!
– Сам ты...
– Но-но!
– Их почитай с сотню будет, может, дня через два подойдут!
– У-у-у-у...
– Прижмем мы этого Нимоякке!
– Точно!
– Ату его!
– Га-га-га...

Ульф обернулся.

– Ну, ты чего встал?

– Иду-иду, – и пленник прибавил шагу...

* * *

Приготовив на кострах кашу, воины сытно отужинали и устроились на ночлег. Викинги разместились по палаткам, а вепсы в устроенных шалашах. Крепкие караулы стерегли ночной сон, но меря не предпринимали никаких действий...

Сигурд дал отдохнуть дружине почти до рассвета. Еще небо было черно, когда херсир подал знак к выступлению. Воины, соблюдая тишину, дабы не переполошить чуткого врага, собрались и без завтрака выступили из лагеря. Их путь лежал на юг, к реке Сохе.

– Помни, Олаф, – напутствовал херсир своего помощника перед уходом, – стойте тут, в лагере весь день и следующую ночь. Шумите побольше, деревья валите... Отпущенный пленник обязательно донесет Нимоякке то, что услышал, так что они побоятся выйти за стены...

– Понял, – в который раз уже кивнул Олаф. – Иди спокойно – все сделаю как надо.

– Да-да. Снимайтесь следующей ночью и отходите в Уйболлу, – не унимался Сигурд.

– Иди. Сделаю.

Они простились и херсир, круто развернувшись, припустил бегом следом за уходящим отрядом.

* * *

Всех лошадей они оставили Олафу, и теперь Сигурд, вышагивал во главе дружины, еще раз просчитывая в уме все возможные комбинации: «Так... У меня тридцать четыре вепса и шестьдесят один викинг... ну это вместе со мной... так-так... всего почти сотня...» Ему хотелось бы верить, что этого хватит на Тротву, тем более он не собирался лезть напролом. В голове уже давно созрел хитрый план, правда, он мог быть скорректирован на месте, ведь стен этой Тротвы он еще не видел. Лишь слова... лишь слухи...

– Не числом, а умением... – шептал себе под нос вождь похода, – не числом, а умением...

Память переворачивала все чердаки подсознания, выискивая все исторические сведения, все упоминания... все, что могло, так или иначе, пригодиться в предстоящей битве.

Они шли быстро. Насколько это позволял снег... Сигурд торопил, ему хотелось поскорее добраться до реки. А уж там по льду...

Далеко вперед ушел сводный дозор из вепсов и викингов под началом Ульфа. Больше всего херсира тревожило наличие на реке поселений. Их просто не могло не быть. Все нормальные люди селятся вдоль берегов. Жечь нельзя – дым виден далеко. А заметят – прощай скрытность, и грош цена тогда всему предприятию. Признаться откровенно, Сигурд тогда на совете не очень думал... да что там, совсем не думал об этом. И вот теперь придется на ходу искать решение. Внезапно напасть – это, конечно, может получиться. Но куда девать пленников? Отпускать – нельзя, брать с собой – глупо... это какой тормоз в движении, да и кормить надо, а где столько еды взять? Перебить всех! Мать их... Так там могут быть дети, старики, бабы... А с этой категорией Сигурд воевать был не намерен. С бабами только если в постели... Да тьфу ты! Хотя потом пойдешь останови воинов. Бабы – законный трофей, как ни крути! Тьфу ты еще раз...

К вечеру появились первые отставшие, и херсир впервые пожалел, что не взял с собой хотя бы одну лошадь с санями. Отставшие были из числа вепсов – немного, человек десять. Сказывалась усталость. За все время Сигурд позволил сделать только два коротких привала, на перекус. И они шли дальше, а вожаком реки все не наблюдалось...

Лишь к сумеркам первого дня похода они, наконец, достигли Сохи. Река оказалась немаленькой, почитай метров сто в ширину. Дружина споро спустилась по пологому берегу и продолжила путь уже по льду.

Не прошли они по льду и версты, как прибежал дозорный и сообщил, что сразу за поворотом, на правом берегу стоит селение в дюжину домов. Херсир подал знак остановиться.

– Где Ульф?

– Остался там, – разведчик махнул рукой.

– Возвращайся и скажи – пусть ждет. Скоро будем.

Сигурд пытался придумать, как поступить с поселением меря, но ответ неожиданно пришел с небес. Крупные хлопья снега обрушились на землю, и через несколько минут поток белых крупинок только усилился.

– Ну вот, – ухмыльнулся в усы херсир, – с нам боги!

Он наказал всем при ходьбе следить, чтобы ничего не звякало, не бренчало. Сигурд прижал дружину к левому берегу, и они, крадучись, словно ночные тати, миновали селение. Херсиру хотелось верить, что за ночь снег надежно укроет их следы. И, судя по обильному снегопаду, все к тому и шло...

Пройдя во мраке ночи еще две или три версты, вождь похода, наконец, дал команду к ночевке...

* * *

Итак, решение нашлось только одно: селения по реке брать! Перво-наперво дружине нужна была провизия, а где ее взять, если не у врага? Однако Сигурд хотел избежать ненужного насилия. Впрочем, к его немалому удивлению, в первом же взятом на щит поселении не оказалось ни одного мужика призывного возраста. Старики, дети, бабы... Воинов союзной рати несказанно обрадовали три имеющиеся коровы, две из которых херсир незамедлительно приказал забить. С помощью Кятлы был учинен беглый допрос, давший ответ на главный вопрос. Все мужчины ушли по зову князя Нимоякке.

– Оно и к лучшему, – Сигурд с удовольствием съел кусок жареной говядины.

Еще два небольших, с десятков изб, селений по реке, были подвергнуты осмотру на предмет съестного. И тут все прошло тихо и гладко. Из мужиков обнаружили только подростки, которые, однако, не посмели оказать вооруженного сопротивления. Во избежание недоразумения, парней забрали с собой. Их руки опутали веревками. Оставить их было нельзя – парни могли встать на лыжи и, обойдя дружину, известить Тротву о надвигающейся угрозе. Забрав также съестные припасы и пару саней, союзная рать поспешила дальше. Поначалу шли бодро. Отставших теперь не было. Всех, кто выбивался из сил, тут же размещали на санях, где везли и припасы. Но, пленники понукаемы. Шагавшие вначале споро, они вскоре выбились из сил и начали тормозить общее продвижение.

– Стой! – скомандовал Сигурд.

Он прошел вдоль колонны и стал изучать взглядом отставших.

– Не, в санях же их везти, – пробасил над самым ухом десятник Магнус.

– Верно, – согласился Сигурд, – Эй, Ингвальд, а ну раздевай их!

С пленников живо скинули верхнее, оставив их в одних рубахах.

– Обувь скидать? – спросил Ингвальд.

– Нет! Все – пускай идут!

Как только веревки упали с рук, пленники непонимающе уставились на викингов.

– Идите! – махнул им рукой Ингвальд. – Чего встали? Проваливайте!

Наконец, до них дошло, и с десятков парней с места рванули назад, к своему селению.

– Пока добегут – отогреются... если им даже взбредет в голову пробираться в Тротву, мы будем уже там, – размышлял вслух херсир.

Стоявшие рядом Магнус и Ингвальд, понимающее кивнули.

Четвертое по счету поселение насторожило херсира. Это, в отличие от всех предыдущих, имело ограду в виде низкого частокола. Ульф донес, что в селении не меньше двух десятков домов и, кроме того, имеются мужики, хотя и в малом числе. Сигурд дал добро на штурм.

Дозор появился у ворот внезапно и с ходу атаковал селение. С громкими криками и улюлюканьем викинги прорвались за частокол, сея панику среди защитников. Таковых оказалось не больше дюжины, да и те не успели толком вооружиться. Через полчаса все поселение было в полном кольце, а сопротивлявшиеся мужики обезоружены почти без потерь. Только одному, самому прыткому и молодому мерянскому воину пришлось срубить голову, когда тот, размахивая двуручной секирой, попытался атаковать викингов. В целом херсир был весьма доволен, за частокол никто из меря выскочить не успел.

Учиненный обыск кладовых и изб привел союзников в полный восторг. Обнаружилась масса припасов, и мука, и конопляное масло, и вяленая рыба, и копченое мясо, и соленое сало... И, что больше всего поразило самого херсира, в просторной кузнице на краю села нашлись готовые мечи и шлемы и несколько кожаных доспехов, усиленных металлическими накладками.

Кузнец оказался новгородцем. Его удалось захватить без проблем – кузнец был пьян!

– Давай его сюда, – распорядился херсир, узнав эту новость.

Пред ним предстал крепкий, коренастый мужик с темными обожженными бровями и такими же, не менее обожженными, бородой и усами.

– Как звать? – спросил херсир у нетрезвого кузнеца.

– А ты-то сам кто такой?

У стоявшего рядом десятника Эйнара рука дернулась к мечу. Но Сигурд остановил его жестом.

– Новгородец?

– Новгородец! – ответил кузнец, дерзко вскинув голову.

– Кому куешь брони? Нимоякке?

– Ага...

– Еще есть?

– Все, что было, вы уже забрали... а было бы еще, так не сказал бы!

– Уймись! – Сигурд в последний момент краем глаза заметил, как Эйнар выхватил меч.

– Дай я зарублю эту скотину!

– Уймись, Эйнар! Пойди лучше перетряхни его кузницу, сдастся мне, у него есть что припрятать!

Перебранка заняла несколько секунд, и тут случилось то, чего никто не мог ожидать от пьяного кузнеца. Он быстро откинул свой кожаный фартук, и в руке у него оказался нож. И, поскольку его никто не держал, он стремительно кинулся на херсира.

– Олят! – раздался сбоку душераздирающий женский визг.

Сигурд среагировал мгновенно. Он ушел в сторону, легко увернувшись от грузного кузнеца.

– Олят!!

В следующую секунду херсир увидел отблеск стали, и меч Эйнара рванул бок нападавшего. Еще взмах, и кровавая борозда прошла вдоль хребта. Кузнец застыл, затем пошатнулся...

– Олят! – еще молодая, с растрепанными черными волосами, женщина, с разбегу кинулась к кузнецу и обняла его немеющее тело.

Они так и рухнули оба на орошенный кровью снег.

– Олят... – навзрыд произнесла она его имя, запрокинув голову к небесам, – Олятушка...

– Поторопился ты, Эйнар, – сжав губы, процедил Сигурд, – поторопился...

– Он первый напал! – отгрызнулся десятник, вытирая меч о тряпицу.

Все верно, все так... ничего не изменишь. Херсир недовольно глянул на Эйнара, а

потом на рвущую на себе волосы женщину.

– Да уберите вы ее отсюда! – в сердцах рывкнул херсир и, отвернувшись, направился к кузнице.

В кузнице нашлось целое богатство – две полностью оконченные кольчуги. Они были заботливо обернуты в промасленную тряпицу и спрятаны в деревянной колоде. При виде кольчуг у десятников загорелись глаза. Еще бы... До того момента во всей дружине кольчугой мог похвастаться только сам Сигурд. Херсир немного замялся, вопрос был не прост, даже, можно сказать, щекотливый... У него под рукой было пять десятников, а кольчуги только две.

– Так! – громко огласил херсир. – Кольчугу получит тот, чей десяток первым войдет за стены Тротвы!

– А вторая? – хищно зыркнул глазами Эйнар.

– Вторую получит тот... кто захватит княжеский терем! – ему отчего-то показалось, что именно так должен поступить настоящий отец-командир.

«Ну должен же быть в Тротве княжеский терем... типа столица, – про себя подумал Сигурд и вслух продолжил»:

– Все – ночуем здесь. Магнус – займись дозорами!

Здоровяк чмокнул губами, огляделся и, окликнув кого-то из своего десятка, ушел выполнять приказ.

Глава тринадцатая Штурм Тротвы

*Пусть сталь решает между нами,
Кто будет говорить с богами!*

– Вот она – Тротва... – вполголоса произнес Ульф, разглядывая укрепления княжеского града вместе с херсиром.

Сигурд и десятник Ульф залегли прямо в снег на кромке леса. Отсюда до града по открытой местности оставалось не более четырехсот метров.

Херсир был несколько удивлен. Он ожидал, что это будет поистине град... а оказалась, так, крепостишка районного масштаба. Конечно, Тротва превосходила размерами Альдегьюборг, хотя... навскидку град меря занимал по площади хорошее футбольное поле. Стены в основном частокोल, а вот одна сторона, там, где находились ворота, была рубленая. Справа от ворот, на углу возвышалось некое подобие башни. Хотя своим видом она скорее походила на неказистую каланчу. Высота метров шесть, и, как заметил Сигурд, сделана из тонких бревен. «Черт с ней», – мысленно махнул рукой херсир и принялся пристально изучать ворота.

Он отметил их ширину, метра четыре, не меньше, двухстворчатые. Причем сейчас была открыта только одна створка, и народец все сновал туда-сюда по хозяйственным делам. Домов на посаде было немного, и только с двух сторон града. А с двух других сторон град плавно огибала река Соха, образуя естественное препятствие для нападавших.

Наезженная санями дорога уходила вокруг посада и терялась где-то в полях, на севере от Тротвы.

Сигурд, еще на подходе к граду, свернул дружину с реки и повел ее лесом. Теперь союзная рать замерла под прикрытием деревьев, в ожидании решения херсира.

– Вон там у них княжеский терем, – сощурился глазами, приметил херсир, указав на большую крышу, видневшуюся над стеной, – похоже, он огорожен...

Ульф молча кивнул.

– Ползать вокруг града не будем, – негромко произнес Сигурд.

– А чего там смотреть, – поддакнул десятник, – надо брать.

– Ишь ты, приткий какой... такой град точно не меньше сотни воинов стережет.

- У ворот должна быть крепкая сторожа, – в тон ответил Ульф.
– Так-так... все, хватит паяться – пошли.

* * *

Становилось прохладно. Солнце неудержимо забегало на кромку горизонта, и воротная сторожа, пропустив в град последнего огнищанина с гусем под мышкой, принялась неспешно закрывать створку ворот.

– Эй! – раздался призывный возглас, и сторожа, прервав свои труды, уставилась на появившийся обоз.

Трое саней спешили по полю напрямик к воротам. Вот один из возничих встал и, работая вожжами, закричал по-чудински:

– Подожди! Не закрывай!

– Кто такие?! – проорал один из охранников, когда до саней оставалось не больше пятидесяти метров. – А ну стой!

Сани пробежали еще с десятков метров и встали.

– Свои! – прогорланил возничий. – Мы из Уйболлы! Полон ведем!

Только теперь сторожа разглядела в сгущающихся сумерках, что за тремя санями, далеко приотстав, тянется цепочка связанных людей.

– То варяги! Нимоякке снарядил нас с полоном!

Мерянские воины поначалу насторожились, но потом, приободрившись, почти все вывалили из ворот, поглядеть на диво дивное – пленных варягов.

– Давай, – махнул рукой старший.

Когда сани замерли рядом с воинами, старший подошел к передним саням.

– А чего привезли-то?

– Так, брони, оружие, у варягов захваченное...

– О-о-о! – и почти все охранники тут же обступили обозников, требуя показать трофеи.

Возничие прыгнули на снег и, охотно откинув рогожи, демонстрировали землякам захваченную добычу.

– Ты смотри, Ватка, мечи...

– У-у-у, какие длинные... о, смотри, брони!

– Шеломы!

– Ага...

– Чего они там тащатся? – строго поинтересовался старший. Он пристально всматривался вперед. Три десятка пленников, связанных меж собой веревкой, оборванные и грязные, шагали с понурыми головами в окружении дюжины мерянских воинов.

– А чего мало-то? – спросил кто-то из сторожей.

– Ну, земляк, ты даешь? Это ж не капуста – сколько посеял, столько и собрал! – хлопнув парня по плечу, ответил возничий и засмеялся в голос.

Шутку тут же оценили и другие воины, заржав во все глотки.

– Тебя вот, Прикке, не взял с собой князь... ха-ха... а поди взял бы, так ты бы один сотню варягов наловил, га-га-ху...

За общим весельем цепочка пленников незаметно оказалась рядом с санями.

– Ну и рожи!

– Смотри, Ватка, а это какой рыжий!

– Га... и конопатый, га-га...

– Что, надрал вам наш Нимоякке жопу?!

– Умылись!

– Ха-ха-ха...

– Смотри, какой бородатый! Прям лемби⁴⁷ лесной!

⁴⁷ Лемби – нечисть.

– Будет теперь у нас, кому отхожие ямы копать!

– Ага...

– Ха-ха...

Один из сторожей, явно намереваясь отличиться в глазах своих товарищей, подошел к одному из пленников и, громко хохоча, ногой пнул того под зад.

– Получил, варяжская стер...

Договорить ему не дали. Пленник ловко выпутал руки из веревки, стремительно извлек откуда-то нож и всадил его прямо в открытый рот издевателю.

– Захлопни свое хлебало! – рявкнул пленник по-варяжски, сильнее надавливая на рукоять ножа.

Секунда, всего секунда тревожного замешательства – и все пленники оказались свободными от пут и с ножами в руках. Их охрана вскинула сулицы, враз пригвоздив троих воротных сторожей. Вознижие, ловко схватив мечи с саней и изрубив старшего охранника, мгновенно кинулись к воротам. Двое оставшихся мерянских воина попытались было закрыть створку, но две умело пущенные стрелы пресекли их попытку.

– Вперед! – прикрикнул Сигурд. – Кятла, ты молодец! Давай сигнал нашим! Ну, живо, живо... пошли! Все к воротам!

Кятла нацепил на копье рогожу и принялся ею размахивать. В довершение условленного сигнала он издал громкий и протяжный свист. Свист был настолько оглушительный, что все кобели и суки Тротвы переполошились и поддержали его залиvistым лаем.

Пять десятков воинов союзной рати, покинув свое лесное укрытие, устремились на штурм.

Сигурд одним из первых проскочил ворота и тут же остановил Ульфа и Свейна.

– Ульф! Давай направо! Свейн, налево! Держим ворота и эту часть стены. Наши подойдут, пойдем катком! – скороговоркой распорядился херсир.

– Чем?

– Дружно, говорю, ударим. Пошли! Ждите сигнала!

Ожидание длилось лишь с десятков минут. Именно этого времени оказалось достаточно, чтобы пешие добежали до ворот. Сигурд нервно сжимал рукоять меча. Пока все шло по плану. Контратаки на ворота не последовало, а Ульф и Свейн уже успели очистить стены от одиноких караульных.

Вепсы и викинги, тяжело дыша от бега, втянулись за ворота. Херсир дал им еще две минуты перевести дыхание, а затем громко скомандовал:

– Все! Пошли! Вперед! – и союзная рать мощным кулаком устремилась вперед.

Узенькие улочки, или что-то наподобие оных, все же несколько нарушили общий строй дружины, но Сигурд не особенно этим озаботился. Главное – они продвигались вперед, не встречая сопротивления.

Некоторые жители выбегали из домов, но, увидев темные силуэты, тут же спешили убраться обратно. Конечно, были и горячие головы, которые выбегали со двора с деревянными вилами, с ножами, с рогатинами, со всем, что подворачивалось под руку... Но это были редкие храбрецы... или глупцы, которых без труда успокаивали мечи и стрелы.

Впереди показалось большое строение в два этажа. Терем был обнесен частоколом высотой в человеческий рост. Оттуда доносились встревоженные голоса, ругань, а вскоре пропели стрелы, и отряд Сигурда понес первые потери.

Херсир покрутил головой, но ворот не обнаружил. Да это было и не нужно. Викинги уже подступили к частоколу. Ловко образовав лестницу из собственных тел и щитов, воины пошли на штурм.

– Магнус! Ну куда ты прешь?! – одернул десятника Сигурд, видя, как его могучее тело взобралось на щиты, и вся живая лестница тут же заходила ходуном. – Магнус! – десятник

нехотя слез. – Ты давай-ка тут не прыгай, а бери людей и обходи этот частокол справа.

– Угу, – запыхавшись, пробасил десятник.

– Кятла! – херсир увидел выборника чудинов. – Давай со своими посолунь⁴⁸ обходи и найди мне ворота!

Детинец⁴⁹ оказался невелик, и вскоре он был полностью окружен и атакован со всех сторон. Союзникам удалось быстро перебраться через стену. Во дворе разгорелся жаркий бой. Вскоре Сигурд услышал, как слева раздаются глухие буханья. Он тут же поспешил туда с десятком викингов, правильно оценив, что Кятла, обнаружив ворота, принялся их выносить.

Сигурд во главе с двумя десятками подоспел как раз вовремя. Ворота поддались, и одна створка, сорванная с петли, неуклюже провисла, приоткрыв проход. Но радость оказалась преждевременной. Как только первые чудины сунулись вперед, их встретил мощный залп. Стальные жала уложили чуть не с десятков воинов Кятлы. А следом за стрелами из ворот вылетели меря, решившиеся на контратаку. Они ударили дружно и яростно.

– Ар-ра-а-а!!!

– Скьяльборг! – Сигурд мгновенно отреагировал, решив принять врага на щиты.

Многие союзные чудины, правильно поняв ситуацию, тоже примкнули к викингам, заняв место в строю.

– Ара!!!

– Один!

– Ар-ра-а-а!!!

Противники обменялись несколькими сулицами, и две массы сошлись вплотную.

– Стоять! – проревел Сигурд, ощущая, как мерянские воины, набрав инерцию при разгоне, несколько потеснили строй северян. – Стоять!

Первый напор меря спал. Викинги охладили их двуручными секирами. Херсир с высоты своего роста узрел, как через ворота просачивается небольшая группа людей. Они вынырнули из воротного проема и, тут же свернув в сторону, устремились прочь от кровавой бойни. Догадка прошила мозг, словно стрела, и Сигурд сам перешел в контратаку.

– Один! – воззвал херсир. – Пошли!

Дружина надавила щитами, активно заработав мечами. Сигурд, стоя в первом ряду, личным примером воодушевлял воинов, хотя и без того рвения им было не занимать. Небольшой, но монолитный кулак союзников выдавил противника обратно к воротам, где те и были уничтожены полностью.

– Ингвальд! – херсир подозвал десятника. – Давай вперед! Занимайте детинец! Эйнар, возьми двоих – и за мной!

Последний отблеск упавшего солнца, зацепив верхушку терема, погас. Ночь погрузила Тротву во тьму.

Сигурд кинулся в погоню. Уж очень явно это было. Меря атаковали от ворот. Отчаянно... с обреченной необходимостью. Кого они спасали? Сигурд не сомневался. Это могла быть только семья князя Нимоякке.

– Эйнар! Вон они! – Сигурд отшвырнул щит, чтобы не мешал.

Молодой десятник, совершенно не задавая вопросов, ускорился так, что, вырвавшись вперед, опередил своих товарищей и первым напал на беглецов. Группа мгновенно разделилась, трое развернулись и приняли бой. Четверо других, насколько успел заметить Сигурд, продолжили бег. И среди них был маленький силуэт. Ребенок? Точно! Кто-то нагнулся и вскинул дитя на плечо. Вот они метнулись за сарай.

Херсир обогнул место схватки, где Эйнар и двое викингов схлестнулись с мерянскими

⁴⁸ Посолунь – по солнцу.

⁴⁹ Детинец – внутреннее укрепление в средневековом славянском городе.

воинами, и забежал за угол строения, где его неожиданно атаковал противник. Херсир едва успел пригнуться, когда вражеский меч просвистел и вскользь задел шлем. Как разъяренный бык, херсир плечом ударил мерянского воина в живот и сбил того с ног. Сигурд оседлал врага и врезал ему кулаком с зажатой в нем рукоятью меча. Раз... два, а затем он извлек левой рукой нож и, не задумываясь, всадил его в грудь поверженного. Меря дернулся, Сигурд надавил всем весом, вгоня сталь глубже, глубже... Наконец, хлебнув широко раскрытым ртом воздух, меря затих. Херсир тут же вскочил. И кинулся наверстывать упущенное. Еще трое... нет. Оставались еще двое и ребенок...

До того черное небо вдруг очистилось от облаков, и миллионы мерцающих звезд осветили своим скромным блеском округу.

Догнать... Мысли колотились, как птица в клетке, но Сигурд не сомневался, что один из беглецов – переодетая женщина... должна быть! А с ней и ребенок!

Сигурд обогнул огороженный дом, присмотрелся – пусто. Калитка затворена. Позади слышались шаги и тяжелое сопение. Он резко обернулся, занял оборонительную позицию, но, признав своих, опустил меч. Викингов было двое. Мгновенный обмен взглядами, и Эйнар произнес:

– Торгейду не свезло...

Херсир понимающе кивнул.

– Ты, – он указал на воина, – обыщи дом! Эйнар, за мной!

Они рванули вместе. Время... было упущено драгоценное время... Одна из калиток внезапно отворилась, и десятник среагировал молниеносно. Последовал удар щитом. Чье-то тело упало, и кожаные петли затянули калитку на место.

– Кто это? – изумился Эйнар своей реакцией.

Он осторожно отворил калитку и увидел лежащего отрока. Парень, выронив охотничью рогатину, лежал на снегу и постанывал, прижав руки к разбитому лицу.

– Вот змееныш! – вскипел Эйнар. – Хотел нас рогатиной пырнуть!

Он уже было занес меч, но херсир остановил его, перехватив руку.

– Не надо! А ты, – Сигурд ткнул мечом в юнца и сказал по-словенски, в надежде, что тот поймет, – даже не думай, коли живот твой тебе дорог!

Опять задержка, опять уходило время...

– Ворота!

– Что? – не понял десятник.

– Ну конечно ворота! Они пойдут туда! За мной!

«И сдалась тебе эта баба? Пусть она и княжна!» – херсир на бегу играл сам с собой в загадки. Но ответить он себе не мог. Инстинкт? Азарт? Что-то гнало его вперед. Сигурд, словно хищник, почуявший страх и запах крови добычи, теперь готов был гнаться до крайности, но поймать, заполучить жертву – законный трофей! Тем более, если прав насчет княжны – вот будет потеха для Нимоякке...

Они ускорились на последнем дыхании. Эйнар уже успел избавиться от мешавшего щита, как тут, рядом со стеной, мелькнули тени.

– Вот они, – остановившись, негромко сказал Сигурд.

Их было двое. Беглецы, плотно вжавшись в крепостную стену, крались вдоль нее, как ночные тати. До возделенных ворот оставалось не больше двадцати метров, и они уже были готовы к решающему броску к свободе.

– Стойте! – грозно приказал Сигурд по-словенски, выступая из-за укрытия.

Он выпрямился и отошел от дома. Его заметили. Одна фигура откинула плащ и опустила на снег малыша. Затем от группы отделилась тень и, обнажив меч, вышла вперед.

– Отойди! – также на языке новгородцев ответил незнакомец. – Или я убью тебя, клянусь Юмалом.

– Не говори гоп... – изрек херсир на непонятном для противника языке и поднял меч.

Позади беглецов он увидел Эйнара и, довольно кивнув, решительно двинулся на мерянского воина.

Они сошлись, обменялись всего двумя выпадами, когда место поединка огласилось женскими визгами. Мерянский воин дернулся, инстинктивно обернулся через плечо... миг, всего миг – и меч херсира рубанул поперек шеи. Сталь взлетала для нового удара, который прикончил его.

– Эйнар – потише!

Сигурд подошел к стене, возле которой десятник «упаковывал» женщину и ребенка. С их одинаково русых голов слетели шапки. У женщины были шикарные пышные волосы, которые теперь закрывали часть лица. Девочка лет пяти жалась к ноге матери.

– Будьте вы прокляты – псы! Чтоб вас сжег огонь Сварога⁵⁰! Ай, больно! Курва! – ругалась женщина на словенском.

Девчонка мотнула головой, отбрасывая волосы с лица, и херсир, даже при свете звезд, отметил ее красоту.

– Эйнар – не усердствуй! Это все же княгиня и княжна. Или я ошибаюсь?

Обе пленницы посмотрели на Сигурда испепеляюще яростным взглядом.

– Будь ты проклят! – старшая плюнула ему под ноги. – Сучье семя!

* * *

Сигурд с Эйнаром отконвоировали двух знатных беглянок в детинец, где к тому времени уже стихли звуки боя. И начались другие...

Азартное послевкусие битвы бурлило в жилах воинов, и они, рассредоточившись по всему детинцу, принялись пожинать плоды победы. Визги женщин, которых победители атаковали не менее яростно, чем мерянских воинов, перемежались со звуками разбитой посуды. Шумно хлопали двери кладовых, союзники тщательно обыскивали все углы и закоулки. На все на это накладывались стенания и оханье раненых. Впрочем, победители не особо заботились о судьбе раненых врагов, у большинства из них раны оказались смертельными, и их минуты были уже сочтены. Своих покалеченных товарищей и вепсы, и викинги собрали и бережно уложили в конюшне на сено. Лошади, почуяв кровь, тревожно ржали...

Во дворе горело множество факелов, сновали воины, с деловитой суетой сносившие добычу в одно место.

– Кятла, – херсир первым заметил выборника, – займись воротами. Их надо залатать!

– Какими? – утирая забрызганную кровью щеку, спросил вепс.

– Этими! – Сигурд указал на ворота детинца.

Хотя пробежка за беглянками по улицам вражеского града не принесла неожиданностей в виде внезапных нападений горожан, но Сигурд решил перестраховаться.

– Эйнар, баб в терем!

Десятник хищно сверкнул глазами.

– Стереги как свою мать! И чтобы не смел! Ты меня понял?!

Эйнар подавил огонь в глазах.

– Понял.

– Ульф!

Молодой шустрый десятник оглянулся и, узрев начальство, спешно подошел.

– Ульф, собери всех десятников!

Сигурд покрутился на месте. «Так, все так, – мыслил херсир, оглядывая суету во дворе, – хорошо хоть ничего не запалили...» При штурме и впрямь обошлось без поджогов, чему нельзя было не порадоваться. Ожидание длилось недолго...

– Так, все тут? – херсир заметил приближающихся десятников. Только двоих. – А где Свейн?

⁵⁰ Сварог – бог-кузнец, бог небесного огня.

– А вон, – подойдя, пробасил Магнус, – в конюшне... кончается уже...

– Жаль... – херсир продрался сквозь бороду, почесал подбородок. – А Ингвальд?

– Убит, – выдохнул Ульф. – Я видел...

«Ульф, Магнус... Эйнар с бабами в тереме и Кятла у ворот», – в уме пересчитал херсир своих десятников.

– Один примет их! Теперь о деле... – Сигурд снял шлем. – Из детинца ни ногой. Будем удерживать его. С градом разберемся поутру...

– Так там ворота без присмотра, – подал голос Ульф.

– Пусть меря проваливают, – ответил херсир, поняв, куда клонит десятник, – если захотят. Раненых перенесите в терем. А трупы... Всех наших вон туда, к сараю! А этих – туда! Дозоры на стены поставьте и следите в оба.

– Я видел Эйнара, с ним...

– Да, – подтвердил херсир, кивнув Ульфу. – Похоже это княжна и княгиня...

– У нас есть яшники, – Магнус отрешенно махнул рукой, – что с ними делать?

– Заприте где-нибудь.

– Там один сильно ругается... грозитя ярлом своим. В тереме мы его взяли.

– Ругается, говоришь?

– Ага...

– А ну давайте сюда – посмотрим, что за птица.

Пленного живо доставили пред ясные очи херсира.

– Так-так-так... – Сигурд оглядел седовласого и в меру упитанного мужчину. Приметил херсир и его одежды, хоть и рваные, но простому воину такие носить не с руки.

– Кто такой? – спросил Сигурд по-словенски.

– Нат эю... пряги...

– Ага, не понимаешь, стало быть. А так?! – херсир заехал пленнику в ухо. Мужик, широко растопырив руки (благо были не связаны), плюхнулся на снег.

– Повторяю вопрос – кто такой?!

Магнус дернул пленника и поставил на ноги.

– Нат эю...

Сигурд демонстративно отвел руку назад для удара – бац в другое ухо. На этот раз меря устоял.

– Дохола нат! Ерк... тьфу!

– Значит, будем кобениться, – херсир рывком извлек нож, шагнул вперед.

– Ну?! Кто такой?!

– Нянь ерькэ... тьфу!

Сигурд сунул острие ножа мужику в нос и резко рванул, располозовав правую ноздрю. Процедура не смертельная, но весьма болезненная. Да и кровища опять же...

– Ну?! Будешь говорить?!

– Уриста, – закрыв глаза и схватившись за нос, выпалил мужик.

– Ну вот, видишь. Рад, что мы нашли общий язык. А?

Уриста усиленно закивал головой, при этом подвывая, как раненый зверь.

– Не блажи! Тихо! А то вообще нос оттяпаю. Тебя в тереме взяли?

Уриста кивнул.

– Чего там делал?

– Нимоякке приказал стеречь терем...

– Ты что, воевода, что ли?

– Нет. Уй.

– Какой еще на хрен уй? – не понял Сигурд, хотя что-то знакомое было. – А-а-а, – он хлопнул себя по лбу и рассмеялся, – уй⁵¹ – понятно. Давай дальше. Ну? Кого стеречь?

⁵¹ Уй – дядя по матери.

– Вторуша, княгиня наша... с дочкой Млавой...
– Что еще? Казна Нимояккина где? Ну?! – херсир вскинул нож.
– Там, там, – Уриста поспешно закивал на терем, – в погребе... там все.
– Вот и хорошо. Магнус, забирай этого... Пусть покажет, где погреб, – Сигурд развернулся, чтобы уйти. – Если что, я в тереме.

Глава четырнадцатая На пороге славы

*Кто прыгает высоко,
У того смерть далеко...*

Сигурд влетел по лестнице как стрела... да хуже, как пуля, хоть и не ведали еще о пулях в этом веке. Ух, как его распирало! Сердце подпрыгнуло и застучало сильнее. Победа! Он это сделал. Тротва полностью в его руках. Ну почти... «Вот только бы дожждаться рассвета, – думал херсир про себя, – а там уже...» То, что в Тротве осталось достаточно народу, чтобы организовать хоть какое-то сопротивление, Сигурд не верил. Так, по мелочи... не отважатся. Вся дружина полегла в детинце и на стенах у ворот. Осталось только на семечки...

Херсир прошел в большой зал. Эйнар расстарался. На столах горело все, что могло гореть. И свечи, и лучины, и несколько глиняных светильников. Светло. Сам десятник восседал на широком стуле со спинкой и чего-то грыз, а дамы сидели на лавке вдоль стены. Капюшоны с их лиц были скинуты. И херсир мог в полной мере оценить пленниц.

– Так ты и есть Вторуша – жена Нимоякке? – спросил херсир.

Княгиня гордо вскинула голову и сверкнула зелеными очами.

– Да пошел ты...

При ярком свете он смог полностью оценить ее красоту. Статная, хорошо сложенная княгиня была еще молода. Навскидку ей можно было дать не более двадцати двух... ну двадцати трех лет.

– Ой, как нехорошо... – сокрушился военный начальник викингов, – княгиня, а ругаешься как дворовая девка.

– Ты не достоин большего. Шавка!

В душе дернулся демон, но Сигурд оборвал в себе желание... не пристало воину бить женщин. Тем более красивых.

– А это, стало быть, у нас Млава. Так-так... хорошо.

Млава вздрогнула и прижалась к матери. Девчонка была очень похожа на мать. Абсолютно славянская внешность, и ни намек на вепсского папашу. Русые косички, зеленые глаза, длинные ресницы, белая кожа...

– Мой муж убьет тебя! – выплонула Вторуша и презрительно сощурила глаза.

– Ой ли? – Сигурд сделал совершенно равнодушное лицо. – Это ему придется крепко постараться.

Жующий за столом Эйнар ехидно хмыкнул.

– Вот погоди уже! – женщина погрозила кулаком. – Прознает еще мой батюшка...

– Та-а-ак, – протянул Сигурд, – а кто у нас батюшка?

– Новгородский князь Гостомысл, – как приговор произнесла княгиня.

– Ба!

Десятник аж перестал жевать и медленно оторвался с сидалища, привстал.

– Ого...

Вторуша злобно фыркнула и отвернула голову. Дочка еще крепче прижалась к матери.

– Княгиня, ты мне тут давай не фыркай! – произнес херсир ледяным тоном. – Никто вас не обидит, клянусь Одином.

– Дяденька... куда вы нас? – неожиданно спросила Млава. Ее детский голосок

прозвучал едва слышно.

– Вам нечего бояться. Гостомысл выкупит вас, и поедете в Новгород.

– А батюшка?

– А это уж как получится...

Сигурд сказал и пожалел, в глазах княжны блеснули слезы.

* * *

Поспать удалось совсем немного, но Сигурд заставил себя встать. Выйдя на двор, он умылся снегом. Горизонт уже просветлялся, начинался следующий, не менее ответственный день.

Херсир буквально на ходу что-то съел и изловил Магнуса, который деловито перекатывался по внутреннему двору.

– Что нашли? – коротко спросил херсир.

– Один сундук... гривен нет. Так, мелочь... но есть пара хороших мечей, – тут Магнус немного просиял, – кольчуга есть и с десятков крепких щитов... шкуры есть лосиные. Пойди сам взгляни.

– Ладно, верю. Собирай дружину, пройдитеесь по граду!

– Понял, – десятник улыбнулся, мол, добычу собирать – это мы всегда.

Поднявшись на стену детинца, херсир обзрел то, что ему досталось. Он видел, как дружинники растекаются по немногочисленным улочкам мерянского града. Как они хозяйски входят в дома... Послышались первые женские визги, которые вскоре перекрылись жалобным мычанием коров и тревожными повизгиваниями поросят. Пару раз злобно тявкнули псы, а затем их предсмертные поскуливания растворились в общем хоре звуков.

Жителей, как мог видеть Сигурд, в граде почти не осталось. Ночью, пользуясь тем, что ворота не охранялись, меря покинули насиженное место. «Оно и к лучшему», – подумал херсир и сошел вниз. Долго задерживаться в Тротве резону не было, а посему Сигурд тут же развел бурную деятельность. Все имеющиеся лошади и сани были приспособлены под погрузку добычи, которую уже начали сносить во внутренний двор детинца. Викинги и союзные вепсы мели практически все, что попадалось на глаза. Мешки с зерном, отрезки ткани, кузнечные заготовки, бочонки с медом, меха и шкуры, одежду, кто-то умудрился даже ткацкий станок припереть... Ну и конечно, трофейное оружие было заботливо обернуто в дерюги и уложено на двух санях.

Скотина, имеющаяся во дворах жителей, тоже вся оказалась на детинце. Недолго думая, воины принялись колоть, потрошить, щипать туши живности. Часть тут же шла на костры, часть туш поливали водой. На морозе вода мгновенно схватывалась, образуя плотную глазурь. Затем туши укладывали на сани. Сигурд руководил погрузкой и озабоченно качал головой. Саней набиралось с добрую дюжину.

– М-да...

Херсир прикидывал, что с таким обозом передвигаться придется не бойко. Да еще дружинники набили походные мешки барахлом. Особенно старались союзнички. Вепсы тащили вообще все подряд, как будто это была уникальная возможность награть добра. Первая и последняя в жизни. Наклали по мешкам даже ложки... Справедливости ради надо отметить, что брали только новые ложки. Старыми и покусанными – брезговали. Эстеты, лемби им под хвост!

Сигурд решительно шагнул к саням и принялся за отсеивание.

– Ну куда ты тащишь эту бандуру? – херсир узрел двух вепсов, которые пытались пристроить на сани тяжеленную наковальню.

Они пыхтели, потели, но старались.

– Бросьте ее на...

– Так железо же... – растерянно ответил один по-словенски.

– Надо, – протянул другой.

– Я говорю – оставь! – Сигурд повысил голос, и оба вепса так поспешно бросили наковальню, что едва не угодили себе по ногам.

– Эй! А ну, чего тащишь? – херсир уже переключился на другого вепса.

– Одежду! – ответил боец, поправляя огромный тук на плече.

– А ну покаж!

Тук комом упал на снег.

– Так-так... – Сигурд покачал головой, – да тут одна рванина. Ну скажи ты мне, на кой тебе эта рвань?

– Одежду можно залатать, – запротестовал вепс, понимая своим хозяйским нутром, куда клонит начальник.

– Вот и вот – это хорошие порты... ну ладно, вот еще рубаха путная! Остальное выбрось! Ну? Выбрось, я сказал, иначе сам на горбу потащишь, и если отстанешь от дружины, меря из тебя веревок кожаных понаделают! Брось, говорю!

Сигурд проследил, чтобы парень избавился от ненужного хлама.

– Ну тупы-ы-ые! Епыр... Мать моя! Ну нахрена тебе пустая бочка?! – и тут Сигурд вскипел не на шутку.

Он подскочил к вепсу, оттолкнул его в сторону.

– Слушай меня все! Брать только самое ценное! Нам нужно спешить назад, в Уйболлу! Там наши парни в осаде, а вы тут как бабы тряпки собираете! – он так проорал, что под конец связки не выдержали и перешли на писк. – Все ясно?! Ульф! – Сигурд увидел десятника на крыльце терема. – Ульф! Давай сюда.

Десятник, почуяв неладное, метнулся к саням.

– Стой тут! Отвечашь за погрузку. Берем только самое ценное! Остальное в помойку. Понял?! Ну?!

– Ага... – Ульф, сдержанно улыбнувшись, кивнул, мол, все сделаем в лучшем виде.

Сигурд отошел в сторону, перевел дух. Чертовски захотелось покурить... И тут на глаза попался Кятла. Он жестом подозвал вепсского выборника.

– Кятла, сделай милость – объясни своим людям, что не надо хапать все подряд. Ты посмотри, чего они прут! Как мыши, все в нору!

Кятла обвел взглядом растущую кучу выбрасываемого Ульфом из саней барахла.

– Да-а-а-а...

– Вот тебе и да. Пойди и растолкуй своим!

Кятла понял, Кятла ушел выполнять, а Сигурд спокойно стоял в сторонке еще несколько минут, пока не увидел викингов, возвращающихся из града. Впереди важно шествовал Магнус, а вот позади его...

– Мать честная. И эти не лучше, – херсир с досады аж сплюнул.

Один из дружинников нес длинную лавку. Уверенно нес, целенаправленно, к саням, намереваясь ее там и пристроить. С виду лавка была новехонькая. И всего ценного было в этой деревянной лавке то, что имела она резные ножки. Видимо зимой мере делать было нефиг, вот он и строгал да вырезал, а этот жадина позарился.

– Охо-хо-хо, – вздохнул херсир, но вмешиваться не стал, решив поглядеть, как справится с поставленной задачей Ульф.

Десятник сразу преградил несуну дорогу, грудью встав на защиту саней. Но тот упирался, ругался и пытался обойти зануду-десятника и прорваться к саням. Наконец, Ульф кивнул в сторону Сигурда, и воин обреченно опустил голову. А потом размахнулся и забросил свой несостоявшийся трофей в сугроб под стену.

* * *

Как не торопил Сигурд, но день был потерян. Только под вечер обоз окончательно снарядили. Общими усилиями удалось немного сократить санный обоз. Экономия места высвободила двое саней. И херсир решил на одних разместить знатных пленниц, а на других

шестерых раненых.

Ворота детинца на ночь плотно затворились, Сигурд решил двинуться рано поутру. Еще раз проверив, все ли в порядке, херсир лично обошел посты и со спокойной совестью отправился почивать. По дороге, правда, зашел проведать пленниц. Но те уже спали, и, как доложила охрана, вполне сытые.

Он только лег, как в дверь бабахнули.

– Ну, кого там несет?

– Это я...

На пороге стоял Магнус.

– Сигурд, надо хоронить...

– Вот ведь, – херсир хлопнул себя по затылку, – совсем забыл.

Он действительно за всей суетой совершенно позабыл про убитых. И своих, и чужих... И если чужих еще можно было бросить, то свои требовали положенного погребения.

– Я знаю, что мы сделаем. Иди, Магнус... и спасибо, что напомнил. Завтра похороним воинов как должно. Иди.

Магнус, бурча что-то себе под нос, вышел, плотно притворив за собой дверь.

А наутро пропел чудом уцелевший тротвенский петух. И пел так жалобно, так проникновенно... Скучал, зная, по убиенным курам.

Первым делом Сигурд распорядился сложить большой поминальный костер. Воины быстро соорудили высокий помост из бревен и дров. Уложили павших товарищей. Союзная дружина при штурме Тротвы лишилась двадцати пяти человек. Четырнадцать вепских и одиннадцать воинов ярла Атли лежали на помосте при оружии и с богатыми дарами.

– Поджигай! – скомандовал херсир.

Как только пламя разгорелось, Сигурд дал сигнал выступать.

Обоз вышел вслед за дружиной. Как только вся союзная рать покинула град, в небо поднялось множество дымов. Сигурд велел спалить гнездо Нимоякке...

– Хороший у наших воинов поминальный костер, – пробасил над ухом Магнус, глядя, как пламя уже металось над крышами домов.

* * *

Дружина вышагивала бодро, а лица десятников сияли от восторга. Все они – Эйнар, Магнус и Ульф получили в качестве трофеев по кольчуге. И радости их не было предела. Не обидели и выборника вепсов. Херсир одарил его крепким кожаным доспехом с металлическими накладками и выдал добротный шлем. Кятла теперь, расправив плечи и выпятив грудь, вышагивал впереди своих воинов счастливый, как после бани.

Все селения по реке Сохе миновали беспрепятственно. Ни в одно заходить не стали, организуя ночевки в лесу на берегу. Как всегда далеко впереди находились дозорные под главенством Ульфа.

Два дня двигались ровно, и на третий Сигурд уже начал было прикидывать, сколько осталось до Уйболлы, как неожиданно прибежал запыхавшийся дозорный.

– Сигурд... Сигурд, на реке меря! – выпалил он.

– Далеко?

– Нет. За двумя поворотами реки... идут сюда.

– Много?

Парень сузил глаза.

– Полторы-две сотни!

– Ого, – херсир аж присвистнул.

– Идут открыто, без дозоров.

– Хорошо. Дуй обратно. Передай Ульфу, чтоб отходил.

Дозорный умчался, а Сигурд громко скомандовал колонне:

– Стой!

Лихо забегали мысли. Херсир быстро оглядывал реку, видневшийся впереди изгиб берега... А к нему уже спешили десятники.

– Так, худо дело, братцы. Кажись, Немоякке снялся из Буйры и прет на нас.

– Что-то долго собирался... – вставил Катля.

– Дозорные говорят – полторы, а то и две сотни шагает, – продолжил херсир вводить десятников в курс дела, – видно, не польстился Нимоякке на Уйболлу...

– Его упредили, – вмешался Эйнар, – говорил я тебе, херсир, зря тех парней отпустил...

– Не ной! – грубо ответил ему Магнус. – Встретим гостей как должно.

– А что ежели мера уже взяли Уйболлу?

– Кятла – захлопни пасть, – Эйнар нервно повел головой.

– Не каркай, в самом деле. Будем биться! – Магнус положил руку на рукоять меча.

– Другого выхода нет, – подвел итог Сигурд, – будем готовить встречу. Да-да... до Уйболлы тут еще с полдня ходу, так?

– Так, – причмокнул Кятла.

Сигурд отрицательно покачал головой.

– Не верю, чтоб Олафа можно было так просто скovyрнуть из Уйболлы. Вернее всего Нимоякке действительно прознал про нас, и теперь поспешает к Тротве.

Сигурд остановил взгляд на левом берегу. Он был достаточно пологим – сани загнать можно. А дальше виднеется небольшая полянка и лес.

– Вон там будем встречать гостей, – херсир указал на выбранное место. – Всё-всё, пошли! Разворачивай сани! Бегом!

Десятники быстро разбежались по колонне, подгоняя воинов. Слух о надвигающихся мера стремительно всколыхнул союзную рать. В считанные минуты колонна втянулась на берег.

– Коней распрячь – и в лес! Сани поперек поляны! В линию! Живо! Лучники за деревья! Живо! – Сигурд сыпал приказами, а сам все время поглядывал на реку. – Княгиню с княжной подальше в лес!

Время бежало...

– Сани шире ставь! Оглобли на соседние кидай. Вот так... чтоб не прошли.

Воины бегом исполняли приказы херсира. Саней аккуратно хватило перегородить всю небольшую полянку.

– Кятла! Ты со своими лучниками в схватку не лезь, пока не позову! Твое дело опустошить колчаны.

– Сделаем...

– Уж постарайся. И знаешь, что... – Сигурд оглядел сосны, – посади парочку лучников во-он на те суки.

Кятла проследил за рукой и одобрительно кивнул.

– Сделаем... Оттуда они у нас как на ладони будут.

– И еще... у тебя за спиной в лесочке бабы Нимояккины будут. Ты там приглядывай.

– Сделаем...

– Давай – действуй!

Херсир крутанулся на пятках – что еще?

– Эйнар, ты со своим десятком вон туда, в сторонку. Будешь нашим запасным... Эйнар, бегом!

– Понял.

– Магнус, наших всех за сани. Скъяльборг! Так... И смотрите мне, стоять крепко!

Наконец, на реке показались дозорные. Полтора десятка людей бежали из последних сил. Спотыкались, падали... впереди, постоянно оглядываясь, рысил Ульф.

– Скоро... скоро будут тут, – выпалил Ульф, тяжело привалившись на сани.

– Хорошо. Отводи людей в лес. Прикроешь лучников справа. Слева я Эйнара поставил. Сидите там до приказа.

– Да...

Сигурд выбежал вперед, почти к самой реке. Оглядел диспозицию своей дружины.
– Вроде все ладно сделали... и вовремя, – пробурчал себе под нос вождь похода.
Суэта построения прошла, и наступило холодное умиротворение. Восемьдесят четыре викинга и двадцать вепсов замерли в ожидании врага.

* * *

Хуже нет ждать и догонять... Но мера не заставили себя ожидать слишком долго. Вскоре до союзной рати долетели тревожные звуки. Скрипел снег под ногами. Все ближе, ближе... Вот фыркнула лошадь. А потом все стихло. Но лишь на миг, а затем раздались зычные команды, и напротив поляны, где засели викинги, появился передовой отряд мера в два десятка.

– Ага, разведка, – Сигурд скинул шубу. – На колено!

Его команду услышали, и вся дружина опустилась на одно колено. Теперь их было практически не видно из-за саней. Особенно если смотреть снизу вверх, с реки. Дозорные врага начали подъем на берег.

– А-А-А!! – Сигурд как ошпаренный прыгнул на сани. – Ну, чего встали, плешивые? Айда на раздачу! У нас как раз железо для вас поспело.

Противники встали как вкопанные, не веря такой наглости.

– А ну, Кятла! – во все горло крикнул херсир. – Угости-ка их!

Две стрелы пропели совсем рядом с Сигурдом. Один мерянский воин упал.

– А ну, подходи, паразиты!

Он вовремя спрыгнул на снег, так как сразу три ответные стрелы впились в сани.

– Мимо! – злорадствовал херсир. – Кто вас учил стрелять?! Ваши бабы?!

Немногочисленный авангард тут же ретировался, а еще через минуту Сигурд уже лицезрел все войско противника, выстраивающееся на льду для атаки.

– Ну вот – это дело! – произнес херсир и спрыгнул с саней. – Готовсь!

Хотя строем это назвать было трудно. Мерянские воины развернулись из походной колонны, кучно сгруппировались и теперь чего-то ждали.

– Ага... – Сигурд различил мелькавшую на низкорослой лошадке фигуру.

Фигура активно жестикулировала и что-то кричала.

– Нимоякке... – догадался херсир, и тут из толпы противника полетели стрелы.

Полетели обильно. Викинги и без команды успели вскинуть щиты вовремя. Десятки стрел впились в сани, в щиты, в тела... Послышались сдержанные стоны. Сигурд оглянулся.

– Минус двое... – сказал он себе, видя, как двоих раненых товарищи уносят ближе к лесу.

Вторая волна стрел оказалась результативнее. Еще пятеро воинов упало, но Сигурд уже не успел оценить ущерб, ибо накатила третья волна стрел.

И все же потери были слабоваты. Большинство стрел имело костяные наконечники...

Толпа мера дрогнула и, вслед за зычной командой своего князя, с места рванула вперед.

– Ближе... ближе, – процедил херсир сквозь зубы.

Вражеские десятки с разгону преодолели небольшой склон, влетели на берег...

– Кятла!!! – Сигурд надорвал связки.

Вепские лучники, засевающие за деревьями, дали дружный залп через головы викингов. И так как мерянские воины бежали, даже не думая прикрываться щитами, то стальные жала скосили почитай целый десяток. Еще залп, еще... Глаза херсира хищно прищурились – вепские лучники показали свое мастерство.

– Юмал!!!

Волна атакующих докатилась до саней.

– Один! – Сигурд вскинул меч и едва успел пригнуться.

Дружинники метнули сулицы. Сулицы остановили немногих. Мерянские воины, злобно рыча из под меховых масок, взлетели на сани. Это была их ошибка. На это

рассчитывал и Сигурд.

– Один!!!

И десятки мечей и секир, словно косою прошлись по ногам атакующих. Враги падали с подрубленными ногами, заполняя собой сани. Еще с десятков смелых запрыгнули и легли тут же. Их товарищам было уже невозможно забраться на сани – мешали трупы. Бой начался через баррикаду. Противники кололи друг друга копьями, тянулись мечами и секирами. Самые шустрые из меря пытались поднырнуть под оглоблями, но их, мгновенно настигали секиры. И вскоре под оглоблями уже нельзя было протиснуться из-за трупов. Сигурд, прикрываясь щитом, остервенело работал мечом в первом ряду. Рука уже начала уставать. Все же тянуться далеко, выпады получались на пределе. И тут двое акробатов буквально перелетели через сани и с визгом обрушились на херсира. Подобных выкрутасов Сигурд никак не ожидал. Он едва успел отступить на полшага и прикрыться щитом, когда два меховых комка сбили его с ног. Что-то с силой ткнуло его в бок, херсир дернулся, пытаясь сбросить врагов. А они, не переставая дико верещать, продолжали наносить удары. Сигурд извивался как змея, пытаясь щитом оттолкнуть этих бестий. Его меч в тесноте этих барахтаний оказался бесполезным. В другой бок впилось что-то холодное и острое.

– Сука! – херсир сумел откинуть одного из воинов и тут же от души приложил его щитом.

Второй противник, стоя на коленях, занес... Сигурд только сейчас заметил – это было длинное и тонкое шило. Именно они и прорывались сквозь кольчугу, именно их уколы он чувствовал... Херсир не успел сам поразить этого акробата.

– Кха! – раздался мощный выдох, и Магнус секирой расколол череп меря.

Тот, первый акробат еще барахтался справа от Сигурда, и херсир метнулся к нему. Ногой он выбил из его рук шило и ударами щита заколотил его голову в снег. Он бил до тех пор, пока череп не превратился в крошево, обильно перемешанное с мозгами и снегом.

– Магнус! Сигнал!

Десятник вскинул рог, и округа огласилась протяжным воем. Одновременно справа и слева атаковали засадные десятки викингов. А лучники вепсов, засевшие на деревьях, усилили нападение. Охотники союзников, ловко цепляясь ногами за массивные суки, клали свои стрелы точно в цель.

– Один!!!! – впереди своего десятка летел Ульф.

– Один!!! – с другой стороны спешил Эйнар, и глаза его горели яростью.

– Юмал! – клич меря потонул в напоре варягов.

– Один! – пробасил Магнус и первым рванул вперед.

Теперь пришел черед викингов преодолевать собственную баррикаду. Дружинники запрыгивали на сани, спотыкались, поскользывались на крови, падали... но упрямо лезли вперед. Вепсы Кятлы, опустошив свои колчаны, покинули свои укрытия и устремились на помощь союзникам.

– Юмал!!!!

– Один!!!

Саный ряд был с трудом преодолен, и натиск усилился. Меря, зажатые с трех сторон, стали откатываться назад. Их стремительно теснили, и вскоре кружащий поток тел, убивающий друг друга, развалился на мелкие очаги сопротивления. Меря огрызались с отчаяньем обреченных. Два или три десятка вырвались на лед, туда, где в окружении своих телохранителей гарцевал на коне сам Нимоякке. Сигурд видел, как быстро таяли последние группы защищающихся врагов. А князь, кажется, намерен был дать деру.

– Эйнар! Нимоякке! – херсир ткнул мечом в сторону реки.

Десятник проследил взглядом и мгновенно понимающе кивнул. Эйнар со своим десятком уже прорвался вперед и теперь первым выходил на лед. Меж тем князь мери уже развернул лошадь. Сигурд замер, как вкопанный.

– Бл... Ё! Коня! – и Сигурд рванул назад.

В боках покалывало и, кажется, через кольчугу просачивалась кровь... Но осматривать

себя тщательно не было времени. Мерянский князь уходил!

– Коня!!!

Он бегом преодолел расстояние до леса.

– Коня!

Как только он достиг первых сосен, ему навстречу выбежали коноводы. Сигурд вскочил на ближайшую лошадь. Держаться без седла было неудобно.

– Пошла! – дал он шенкелями, разгоняя неуклюжую обозную кобылу.

Следом за ним еще несколько вепсов вскочили на лошадей. Секунды, секунды... Он вылетел на лед реки, когда викинги и вепсы окружили последних меря, а почти у самого изгиба реки виднелись уходящие сани врага и Нимоякке. Сигурд поддал коняге жару и пустился в погоню.

– Пошла! Пошла! – он оглянулся, четверо вепсов неслись за ним. – Давай!

Он выжал все, что мог. Сани они догнали быстро. Мерянские возничие, увидав настигающих их всадников, на ходу попрыгали с саней и кинулись в лес. Их не преследовали.

– Давай! – Сигурд высылал кобылу вперед, но расстояние не сокращалось. Видимо у Нимоякке лошадь была порезвее.

– Один! – взмолился Сигурд.

И тут произошло чудо. То ли лошадь беглеца оступилась, то ли попала в трещину во льду, но животное дернулось и, издав громкое ржание, рухнуло на передние ноги. Сигурд еще раз подбодрил свою кобылу. Нимоякке успел ловко соскочить с седла, а скотина завалилась на бок, продолжая ржать. Херсир был уже близко. Вот-вот...

К чести мерянского князя, надо сказать, что он не ломанулся к берегу, дабы искать спасения в лесу. Нет. Нимоякке отошел от поверженной лошади на несколько шагов и спокойно извлек из ножен меч. Сигурд понял, что его ждут. Он сбавил темп уже хрипевшей кобыле и, не доезжая десяти шагов, остановился.

– Возвращайтесь, – приказал он вепсам, остановившимся подле.

Союзники зло оглядели вражеского князя, но послушаться не посмели. Херсир соскочил на лед.

– Сдавайся, – предложил он по-словенски, – сопротивление бесполезно. – И даже ухмыльнулся, подивившись, насколько банально-киношной вышла фраза.

– Ты мечом орудуешь так же хорошо, как своим поганым языком? – ответил князь, и Сигурд подивился второй раз, насколько чисто он говорил на языке новгородцев.

Дальнейшие препирания были бессмысленны, и херсир пошел на сближение. У них обоих не было щитов. Шлем имелся только у Нимоякке, свой Сигурд потерял в борьбе с воинами-акробатами.

Херсир атаковал сходу. Быстрый взмах сверху вниз... меч на долю секунды замер и тут же изменил направление, целя в бок. Князь уличил подвох и ловко отпрыгнул в сторону. В следующее мгновение Нимоякке сам нанес удар. Его выпад Сигурд парировал мечом, и свободной левой рукой произвел отменный крюк. Кулак угодил противнику в ухо, князь отпрянул, одновременно отмахиваясь мечом. Сигурд добавил ногой в колено, и хозяин Тротвы не устоял на льду. Он припал на колено, все еще пытаясь достать поединщика лезвием. Сигурд пнул еще раз, перехватил меч обоими руками и сделал широкий замах. Мерянский меч очередной раз пропел мимо, и херсир опустил клинок. Уже в последний момент он понял, что бьет в пустоту. Нимоякки из крайне неудобного положения буквально выскользнул из-под удара. Херсир по инерции провалился немного вперед, но было уже поздно. Меч князя рванул кольчугу, и боль обожгла правый бок.

– Ах ты...

Сигурд отскочил, поднял оружие для нового броска, и только тут его накрыла боль. В боку стало горячо и одновременно холодно. Тело само сжалось в комок.

– Плохо. Очень плохо, – изрек Нимоякке, в тот момент, когда его меч уже начал движение к смерти...

А Сигурд просто упал. Упал на колени, и лезвие пронеслось над головой. Он пропихнул свой клинок между ног Нимоякке и упер его в пах. Затем херсир изо всех сил дернул меч на себя, пропахав хозяйство князя.

– А-а-а... юу-юу-юу-ху! – какие-то непонятные тошнотворные звуки извлек из своего горла Нимоякке и, бросив меч, схватился за промежность.

– Гу-ху-йю... тво...ю-ю-ю... Ё!

Внезапно нытье мерянского князя прекратилось.

Белые... красные... немного даже сиреневые, а потом зеленые и еще голубые, и вновь белые круги, большие и малые растекались перед глазами. Они пульсировали, толкали друг друга, как будто бились за первенство. А потом Сигурда качнуло, и он медленно, словно во сне, стал заваливаться на бок. Последнее что он успел разглядеть сквозь разноцветные круги, это искаженную злобой гримасу мерянского князя и его руку с занесенным ножом... При этом звука почему-то не было...

* * *

Сигурд очнулся от осторожных прикосновений. Он открыл глаза, резкость навелась почти сразу. Перед ним склонились его десятники.

– Ну вот... – пробасил Магнус, – очнулся.

– Отойди, – прошипел Эйнар, – ранен он.

– Что я, не вижу?

– Дай посмотрю, – всунулся Свейн.

– О-о-ой, братцы, потише, – взмолился херсир.

Кто-то скинул свой плащ, и херсира бережно уложили на подстилку. Осторожно сняли кольчугу...

– Тихо. Не дергайся, – Свейн, как самый опытный из всех, принялся осматривать рану.

На теле вождя похода обнаружили два укола – следы от острого шила. И еще одна рваная рана. Кольчуга смягчила удар, и все же меч Нимоякке порвал защиту и даже поддоспешник.

– Ерунда... – успокаивал Свейн, – жить будешь...

– Ну, спасибо, что сказал, – натянув на лицо улыбку, ответил Сигурд, – а то я уже и не надеялся...

Рваную рану зажали и туго замотали, ровно как и места уколов.

– Давай на сани.

Сигурд не поверил своим глазам. Перед ним стоял Олаф.

– Ты-то как тут? А Уйболла?

Олаф широко улыбнулся.

– Так мы как узнали, что Нимоякке снялся, то сразу вслед за ним и двинули, – сдержанно улыбнулся десятник. – А в Уйболле все в порядке...

– Они как раз подоспели, – вставил Ульв, кивая на Олафа, – мы, правда, почти всех меря прижали, а тут они...

– Балабол...

– Где Нимоякке? – Сигурд жестом отстранил десятников.

– Да вон он!

Херсир уже и сам увидел лежащее рядом тело мерянского князя со стрелой в груди.

– Кто его?

– Так я и говорю, вовремя Олаф подошел... – опять начал Ульф, – он, собака, с ножом на тебя, а Олаф его стрелой...

– Ты бы не разговаривал, – Олаф положил руку на плечо херсиру.

– Что-то лихотит... – пролепетал херсир.

– Вот и молчи.

– Если я это... Уйболла... и с Буйрой разберись...

– Сделаем. В Буйре никого не осталось. Нимоякке всех сюда привел.
– В борг... Олаф, тогда в... в борг...
– Ну, чего стоим? – гаркнул седой Стейн, – давай его на сани. А то скоро стемнеет, а нам еще топать...

Часть Вторая Последняя Битва

*Но будет еще
Сильнейший из всех,
Имя его
Назвать я не смею.
Мало кто ведает,
Что свершится
Следом за битвой
Одина с волком.
(Из саги о Хюндле)*

Глава первая Потеря

*Да разве можно
Повторить сначала все?*

День отъезда выдался на удивление неровным. С утра шел мелкий снег, а к полудню небо прояснилось, и Сварожич⁵² одарил землю ярким светом. Морозило в меру, и вкупе с приятным солнечным огнем на душе становилось веселее.

Дружина руссов покидала насиженное место под Новгородом. Две недели князь выжидал, но ничего не переменилось. Гостомысл держал свое слово, и под стенами убежища руссов не появились словенские дружины. Вадим не хотел бежать, не престало князю бегать от врага. И если бы Гостомысл все же отважился, то лучше принять смерть тут, чем быть гонимой дичью. Вадиму хотелось верить, что он смог донести до новгородского князя смысл общей борьбы супротив варягов. Вадим выжидал, и он оказался прав. Повсему выходило, что Гостомысл внял его речам и более не помышлял о мести. Князь руссов, не теряя даром времени, готовился к дальнему походу. Две недели пролетели в упражнениях с конными десятками и, в конце концов, Вадим мог быть доволен. Дружинники практически идеально держали строй, дружно сокрушая мишени копейным ударом. Порадовали его и конные лучники. Их было всего трое – Вран, Сивояр и Хлуд. Хорошие, смелые и главное смекалистые парни. Теперь даже на крупной рыси они умудрялись из пяти стрел попадать три, а то и четыре раза, а это был огромный успех. Вадим был доволен.

Две недели отдыха пошли на пользу и изможденному Юски. Вепс отъелся, окреп и даже иногда упражнялся с лучниками. Немало времени князь проводил с другом. Им было что поведать друг другу в красочных подробностях...

Всеми сборами по хозяйству руководил воевода Бряг, который снаряжал скромный обоз из пяти саней. Воевода позаботился обо всем. И об оружии, и о снеди. Вот только бабы... Несколько бывших в имении женщин несколько смущали Вадима. Путь предстоял не близкий, да и опасный. Надо было проскочить по землям варягов и пройти мимо Альдегьюборга. А тут бабы... Две челядницы и еще три женки дружинников. Ну не отправлять же их в Новгород. Первым про то, кстати, намекнул Павел, но бабы, каким-то

⁵² Дажьдъбог – бог солнечного света, сын Сварога.

чудом прослышав про это, подняли такой хай, что Вадим коротко махнул рукой.

– Пускай едут. В случае чего, на сани их посадим. Найдешь, воевода, место на санях?

– Да этих, – Бряг кивнул на женщин, – парни на руках понесут...

– Лады...

Больше князю никто не докучал сборами.

Князь назначил отъезд на самый праздник Коляды. Логично полагая, что и в Новгороде, и в Альдегьюборге народ будет гулять, пировать, и что дружине руссов будет сподручнее без лишних глаз отправиться в путь. Да еще с учетом того, что праздники длятся не один день... Главное было пересечь Волхов и миновать земли Альдегьюборга.

Вадим гордо восседал на пегом жеребце, возглавляя тронувшуюся колонну. Князь был одет по-праздничному, в богатую кунью шубу, покрытую ярко-зеленым сукном. Тонкие золотые нити, вплетенные в узоры, покрывали сукно на рукавах, на груди, обхватывали шею и немного заходили назад. Под шубу Вадим надел кольчугу. На голове князя красовалась шапка с красным верхом, отороченная мехом.

Рядом с князем на каурой кобыле ехал Павел, чуть позади воевода Бряг при полном вооружении и Валуй. Бородач был отчего-то невесел. Его борода уперлась в грудь, а глаза избегали взгляда Вадима.

– Ты чего такой хмурной? – придержав жеребца, оборотился Вадим. – Валуй, что с тобой? Уж не захворал ли?

– Нет, не захворал...

– Так чего же?

– Может, любая у тебя в Новгороде осталась? – с ухмылкой спросил воевода.

Валуй вскинул голову так резко, что чуть шапка не слетела с головы. Он обжег Бряга взглядом, а потом обратился к Вадиму:

– Княже, слово у меня к тебе.

Вадим сбил шапку на затылок и удивленно посмотрел на товарища:

– Слово? Валяй!

– С глазу на глаз...

Павел, прислушивающийся к разговору, заметил, как насторожился Бряг и даже положил руку на рукоять меча.

– Отъедем, – предложил Вадим.

Они покинули главу колонны, свернув в сторону на пару десятков метров.

– Ну, говори?

Валуй замялся.

– Друже, – князь склонился и хлопнул бородача по плечу, – ты сам не свой.

– Мне надо остаться... не сердчай, княже...

– Что?

– Я не могу поехать с тобой. Мне надо в Новгород.

– Ха, – князь широко улыбнулся. – Так, значит, воевода прав – у тебя хоть⁵³ в граде?

– Нет, – отрезал Валуй. – Я новгородец, княже...

– Так я это знаю. Вот удивил!

– Я новгородец, – настырно повторил бородач, – я служу Гостомыслу и служу... – он осекся, – служил Звияге.

– Как? – Вадим дернул головой и убрал руку с плеча Валуя. – Как? Когда? Зачем? – брови князя сошлись у переносицы.

– Прости, княже, – чуть склонил голову бородач и тут же сдернул шапку. – Я не мог по-иному. Ты враг... Был врагом... мог быть врагом... Я...

– Постой! – Вадим резко оборвал его. – Постой!

Память быстро нащупала видение. «Сон! У меня же был сон! – воскликнул в душе

⁵³ Хоть – жена, любимая.

Вадим. – Человек, следящий за мной, был в этом сне. Звияга! Он докладывал ему... Стоп! Пашкин амулет! Он передал волхву Пашкин амулет».

– И как долго ты следил за мной?

Валуй виновато опустил голову.

– С первого дня...

– В дружине Боривоя?

– Да, княже. Сначала это был наказ самого Боривоя...

– А потом?

– Про тебя и твоих друзей прознал Звияга...

– Не может быть, Валуй... – князь покачал головой. Он был поражен.

– Мне жаль!

– М-м-м... подлое семя! – князь сжал зубы. Он слушал и не хотел верить.

– Я обязан волхву многим... – продолжил бородач, – моя жена умерла... он спас мою дочь от черной хвори. Я давно служу новгородским князьям... и Звияга просил глядеть за Боривоем, а потом и за тобой...

– Но как? Как ты ему давал знать? Ты же всегда... почти всегда был при мне.

– Не я один внимал словам Звияги... были и еще верные ему дружинники. И еще волхв могуч, он мог проникать во сны.

– М-да... – князь лишь подивился разветвленной сети волхва.

«Вот ведь, сволочь, устроил тайную полицию», – негодовал в душе Вадим.

– Ты слышал наш разговор со стариком?

– Да, – искренне признался Валуй. – Он назвал тебя сыном...

– И боярину Жирославу тоже ты сказал?

– Да, княже, я сказал. А уж он Звияге досказал.

Упоминание о волхве вновь напомнило князю руссов об амулете.

– Ты передавал амулет чудинов Звияге?

– Да, – при этих словах новгородец полез за пазуху, – но потом передумал...

Валуй протянул князю золотой знак.

– Возьми, княже, и передай Бару. Это его.

Вадим узнал этот знак бесконечности и быстро вырвал его из руки новгородца.

– Как же так, Валуй? – Вадим дернул повод, и жеребец стал нервно переступать с ноги на ногу, словно почуял нервозность всадника. – Ты лечил меня... можно сказать спас пару раз... спину мне прикрывал... да и побег мой... Эх, Валуй, мы же с тобой с одного котла ели, одних врагов крушили...

– Княже! – дружинник вскинул голову и глянул прямо в глаза Вадиму. – Я в твоей воле! Что хочешь со мной делай! Но я не мог иначе, моя дочь... он спас ее... Я в твоей воле, княже! Но знай, княже, если б была возможность все повторить, я, не раздумывая, снова пошел бы за тобой в сечу!

– Хватит! – остановил князь этот поток красноречия, несвойственный Валую. – Хватит! Замолчь! Ты был мне другом, Валуй, – Вадим сжал зубы и сузил глаза. Ему было больно, но он должен был это сказать. – Уходи... Поди прочь! Я не хочу тебя видеть...

Вадим резко развернул коня, дал ему шенкелями и, не оборачиваясь, погнал за уходящей дружиной.

Валуй провожал его долгим взглядом.

– Прости, княже... – едва слышно выдавил бородач и утер крохотную каплю со щеки.

Вновь пошел снег... почти с чистого неба.

* * *

Вадим быстро нагнал колонну и вновь занял место во главе ее.

– А куда это Валуй собрался? – по-москальски спросил Павел, оборотясь в седле.

– Вот. Возьми, – ответил Вадим, протягивая главе медвежьего рода амулет.

– О! Откуда?! Ты же говорил, что...

– От Валуя, – огрызнулся друг.

Князь руссов оглянулся. Вряд ли их слышали. Юски и воевода сами о чем-то переговаривались.

– Так куда же он...

– Паша! – Вадим чуть склонился к другу. – Валуи следил за нами с самого начала. Он служил Звияге.

– Как? – Павел от удивления открыл рот. – Не может быть.

– Может. Он сам мне только что признался.

– М-да...

Позади фыркнула лошадь.

– А Валуи? – спросил воевода.

– По делу я его отослал! – бросил Вадим. – В Новгород! Давай, воевода – подгоняй дружину!

Вадим ни с кем не хотел разговаривать. На душе было тошно. Эх, Валуи-Валуи...

Князь чувствовал, что закипает. Руки сжимали повод, хотелось что-то... чего-то... в морду бы ему...

Вадим разогнал жеребца и быстро вырвался вперед. Вот пролетело поле, кусты... Он гнал, припав к гриве коня, а мысли словно сошли с ума. Валуи-Валуи... Он ходил рядом, сколько раз выручал, врачевал раны, в бою спину прикрывал, да разве все упомнишь?! А оказалось, что не по своей воле. По воле господской приставлен был следить, докладывать... Мать честная!

На невысокий холмик жеребец влетел легко, играючи. Вадим узрел впереди лес и только тут охолонул. Ветер обжег не только голову, но и все тело. Он обернулся – так и есть. К нему уже спешили. Вадим сжал челюсти. «Что за жизнь, ни кому нельзя верить!»

Глава вторая Сон Гостомысла

*...Но я устал... устал до сроку,
И нету смысла, нету проку...*

Трудный день подходил к концу. Сегодня, в последний день веселья, князь позволил себе лишку. Брага на меду и травах была хороша – не оторваться. Отгремела шумная Коляда, от праздника осталась легкая истома и тяжесть от чревоугодия. Пирующие расходились, расплзались под затихающие звуки бубнов. Гостомysl гордо вскинул голову, обвел взглядом почти опустевшие столы. Князь был доволен – он стойко выдержал все тосты-здравницы и теперь покидал пир последним.

Чувствуя легкое опьянение, князь отправился почивать. Заботливо придерживаемый служкой, хозяин добрался до своей комнаты. Перво-наперво с него стянули сапоги, а дальше ему надоело мельтешение паренька перед глазами.

– Поди... – коротко распорядился князь, отпуская служку, – дальше я сам...

Небрежно сбросив одежду на скамью, Гостомysl устало повалился на постель. Окинул шкуру, но укрыться сил не хватило.

– Девки... мои девки, – пробурчал он себе под нос, – м-да... да... доченьки... аха-хо...

Он так и уснул, продолжая еще что-то шептать. Через несколько минут, услышав негромкое посапывание хозяина, паренек осторожно заглянул в опочивальню и на цыпочках прошел к ложу. Он заботливо укрыл князя теплой шкурой и, задув свечу, также на цыпочках вышел за дверь.

Князь спал крепко, казалось, его ничего не тревожит, а тяжесть дня и накопившаяся усталость сделали свое дело. Князь спал... и видел своих девочек.

Старшую – Олову – он еще при жизни своего отца отдал в земли кривичей, выдав ее

замуж местного князя, престарелого Олешу. Недолго Олова за мужем жила, помер вскорости престарелый Олеша. Так и не народила она детей. Пришлось отправить туда сына – Словена, который срубил крепкий град на берегу озера. Так и прозвали новый град – Словенск, в честь сына. Кривичи почитали его за князя, однако в сторону Новгорода глядели с завистью, оттого-то Боривой от них особо подмоги и не ждал. Да и как там было ждать, когда у кривичей своих забот невпроворот. Уж шибко соседи, воинственные латгалы⁵⁴ докучали рубежам князя Словена.

Среднюю – Вторушу, следом за старшей просватал мерянский князь Нимоякке. Молодой еще тогда был, горячий. Приехал свататься – аж светился весь. Мехов навез, меду... Не очень хотелось дочь отдавать, да союз этот чудинский род держал крепко, много раз выручал. Но Боривой настоял тогда, да и Вторуша глазами на женишка стреляла, только ресницы хлопали. Кабы не шубка тяжелая, того и гляди взлетела бы от счастья. Отдал. Как не отдать... Почитай уже лет шесть тому...

Умила... младшенькая... стрекоза... Шустрая, так и скачет юлой. Хотя давно уж с ляльками⁵⁵ не играет. Умила... Что ж, уже шестнадцатый годок пошел – пора. В самый раз бы и ее пристроить. Да кому отдашь-то?! Некому. Или...

Голос, как будто его голос, или чужой какой... нашептывал, ласкал – союзников тебе князь поболе бы, да верных, да крепких...

И то правда. А кто ныне из соседей в силу вошел? Вадим? Русы... Нет, ну не чудинам же опять девку отдавать – будет с них – хватит. Вадим? А что? Крепкий воин, и чует сердце, град свой вернет. Вадим... все бы ничего, но даже во сне губы князя скривились. Уж больно быстро этот Вадим выкрутился. Да и прежняя обида набивала оскомину, терзала. Род руссов... Давно словене перемешались с варягами пришлыми, уж никто и не помнит толком когда сие народилось. Руссы... были словене единокровные, а теперь, видишь – руссы. И поныне привечают они варягов заморских, дружбу водят... А сговорись они тогда еще и с Гутрумом, и быть бы беде неотвратной для Новгорода. Неугомонной затычкой торчало Белоозеро в делах новгородских, а ничего не попишешь... Вот и отец, Боривой тоже приступался, ан вон как все повернулось... Ах, как не хотелось Гостомыслу лицом повернуться к руссам, но выходило, что без них никак не одолеть варягов. А вышибить их с Волхова ох как надо!

Все вдруг оборвалось. И слова, и мысли далекие и близкие... улетучились... Новое видение захватило разум и увлекло...

Умила крепка, красива – она создана рожать героев! Из ее чрева произрастает огромное дерево. Растет – набирает силу, пускает корни... все глубже и глубже... крепко стоит то дерево – не свернешь! Вот оно достигло великой силы и накрыло весь град княжеский – Великий град. И пошло разрастаться дальше... И плодов на дереве этом многое множество – не счесть. Великое дерево... крепкое...

А люди, узрев плоды, кинулись к нему и стали срывать и вкушать. И радостно стало людям, и покойно.

А дерево росло дальше. И вот оно уже покрыло и дальние веси, и другие грады, и еще дальше на юг, на север, на восток и на запад... И все люди тех дальних неведомых земель ликут и тянутся к плодам, и достают их...

* * *

Князь проснулся внезапно, еще до первых петухов. Рассвет еще маячил далеко за

⁵⁴ Латгалы – населяли восточную часть современной Латвии по правому берегу Даугавы, на востоке граничили с кривичами.

⁵⁵ Ляля – игрушка.

стенами града, а Гостомысл был уже на ногах. Служка чуть не лишился дара речи, увидев на пороге одетого хозяина.

– Чего встал? – как ни в чем не бывало спросил князь. – А ну, неси квасу!

Испив холодного кваску, Гостомысл решительно вышел из терема – было срочное дело к волхвам.

Сон он помнил отчетливо, и его следовало немедленно истолковать...

Место верховного волхва занял спокойный и рассудительный Всесвет. Занял после убиенного Звияги, на совете, почти при полном единодушии, чего ранее не случалось и чего старики уже и не припомнят.

Сборы были коротки. Десяток дружинников во главе с самим воеводой быстро оседлали коней и двинулись. Поскрипывал под копытами снег, а в небе едва забрезжил рассвет. Путь был близок, всего-то до Волотова поля. Там, на краю дубравы, на холме и стояло главное поклонное место ильменских словен. Там же жили и волхвы во главе с самим Всесветом.

Князь не очень удивился, когда, войдя в скромное жилище старшего волхва, тот уже сидел и поджидал. Гостомысл едва склонил голову и положил на сундук гостинцы.

– Здрав будь, Всесвет.

– И тебе, княже, здравия.

– Дело у меня к тебе, мудрейший...

– Сядь, – спокойно ответил волхв, – чего зря ноги топтать. Знаю про твое дело – сон привиделся.

– Сон, – тряхнул головой князь, – думается мне, вещий тот сон.

– Может и так, – Всесвет почмокал старческим ртом, – рассказывай.

Гостомысл быстро изложил суть дела. Старик угрюмо покачал головой и прикрыл глаза.

– Ну, чего молчишь, старче? Говори – сон мой вещий?

– Вещий, княже... Вижу, что плод от Умилы принесет народу нашему благо и соседним родам тоже...

Князь не утерпел и хлопнул себя по ляжке.

– Ну что я говорил – вещий сон!

– Не спеши, – прервал его веселье волхв, – это еще не все... Плод ее чрева – это великий воин, слава наших предков и наших потомков. Верь, княже, боги не оставят тебя. От сына Умилы и от его сынов богаче станет вся земля. И прославят они княжения свои на многие лета.

– Главного-то, старче, я не понимаю – за кого дочь отдавать. От кого она понесет... от кого род продолжит?

– Не знаю, – честно признался старик, – про то в твоём сне ничего не было.

– Как же так?

– Не знаю...

Князь в задумчивости почесал правую бровь.

– За кого же отдавать?

– Не ведаю...

– Да что ты заладил, Всесвет, – Гостомысл вскочил, – не знаю, не ведаю...

– Истинно тебе говорю – не знаю, – как заговоренный повторял волхв, – это тебе решать.

– Мне?

– Тебе.

Князь вдруг просиял.

– Значит, воина великого родит?!

– Верно... так говорят боги, что послали тебе вещий сон.

– Мне решать... так-так... Ну, я уже решу!

Гостомысл повернулся на каблуках и, уже открывая дверь, бросил через плечо:

– Бывай, Всесвет! Спасибо!

* * *

Напасть пришла вскорости. Не успел князь как следует утвердиться в своем решении насчет младшенькой Умилы, как дурные вести проникли в Новгород. Варяги вторглись в пределы меря и принялись разорять земли князя Нимоякке. И пуще того, донесли соглядатаи, что вкупе с варягами шли дружины чудинских родов, принявших руку врага.

Гостомысл нервно закусил нижнюю губу. Первым порывом было срочно посылать к сыну, в земли кривичей, просить подмоги, да и самому собирать дружину. Пока зима, пока стоят реки, можно успеть собрать сильный кулак... Князь тяжело вздохнул. Поспешное решение – не лучший выход, вспомнил князь увещевания собственного отца. Прав был Боровой, надо искать дружбы с руссами.

– Эй! – раздраженно позвал князь.

Дверь быстро отворилась, и в дверном проеме показалось встревоженное лицо служки.

– Живо кликни ближних!

Лицо стремительно дернулось, и парнишка убег исполнять приказ.

Насчет Умилы князь больше не сомневался. Когда ему доложили, что ближние люди собрались и ждут, Гостомысл распорядился срочно снаряжать гонца. Пока слуги суетились, князь взял тонкую дощечку и вырезал на ней несколько черт и рез⁵⁶. Затем князь вышел во двор и, завернув дощечку с письменами в кожаный мешочек, подал гонцу.

– Ты должен успеть нагнать князя руссов. Запомни, его зовут Вадим. Стяг у него с трезубцем. Его дружина сейчас должна быть на землях боярина Жирослава. Запомнил?

Гонец кивнул.

– Передашь это только ему лично в руки и скажешь: дескать, князь Гостомысл ждет ответа. Останешься при руссах, пока князь Вадим не даст ответа. Запомнил?

Гонец понимающе качнул головой.

– Все. Скачи.

Гостомысл поворотился, дабы войти в терем, и тут сердце сжалось до боли – Вторуша! Его средняя дочь – как она там? Убережет ли Нимоякке жену?

Глава третья Черты и резы

Кто тебя осудит?

Коли ты ее не взял.

Кто тебя проводит?

На другую ты гадал...

По сию пору боярин Жирослав гостей не ждал, не чаял. Боярин безвылазно просиживал штаны в своей усадьбе, занятый ратными приготовлениями. Князь Гостомысл наказал ему готовить к весне ратников, и Жирослав, потужив о своей мощне, перечить князю не стал. В Раховке собралось до четырех десятков молодцов, коих боярин бесхитростно упражнял и готовил им снаряжение. К слову, тоже весьма скромное, ибо все хлопоты по сбору дружины легли на его карман, а мощну боярин привык беречь да приумножать.

Земли боярина вплотную примыкали к варяжским, с крепким боргом. Благо еще, что река разделяла порубежье. Но что та река для варягов? Оттого Жирослав был угрюм и невесел, что соберись северяне пришлые вдарить по новгородцам, то его селения первыми примут удар. А это разорение вчистую. И прежнему князю Боровой сказывал боярин, что,

⁵⁶ Черты и резы – предположительно первая руническая письменность славян. Факт весьма спорный, используется автором как литературный вымысел.

дескать, а не лучше ли с градом ихним торговать, а не ратиться. Но Боривой и слышать не желал. А ведь дело предлагал Жирослав, да и купцы новгородские от затяжной войны убытки терпели немалые. А варяги, что те, гутрумовские, что эти, плотно запечатали выход в озеро для новгородцев. Боярин, скрепя сердце, готовился к весне, к новому походу, а червь сомнения точил душу все больше. Трудно, ох, трудно сковырнуть северян из града...

Небесное колесо уже закатилось и сгнуло, когда боярина встревожили крики во дворе. Жирослав подхватил пояс с мечом, накинул шубу и на пороге столкнулся с главным своим тиуном⁵⁷.

– Ну?

– Идут... с факелами! – ответил тиун, утирая влажную бороду и тыча рукой в сторону ворот.

– Да кто?

– Неведомо, господине! Идут не таясь. Прямо к нам.

– А ну пошли.

Жирослав взошел по лестнице на стену. По открытому полю перед Раховкой вереницей двигались факелы, десятка два. Боярин слышал фыркание лошадей и легкий скрип снега.

– Ты чего, скотина, вылупился?! – рявкнул боярин на тиуна. – Живо всех на стену! Изготовиться!

Пока ратники, топоча, как кабаны, занимали оборону, незнакомцы остановились на расстоянии полета стрелы.

– О, гляди... – раздался голос на стене.

Но боярин уже и сам видел, как от вереницы отделились три факела, которые стали стремительно приближаться к воротам.

– Кто такие? – прокричал Жирослав, когда всадники осадил коней подле стены.

– Князь руссов Вадим, из гостей, от князя Новгородского Гостомысла. Просит у боярина Жирослава стол и кров!

Боярин нервно сглотнул. Вот уж действительно кого он никак не ожидал.

– Князь руссов? – громко переспросил Жирослав.

– Он самый! – ответил Вадим. – Или ты меня, боярин, не признал? – Три факела сдвинулись, ярче освещая фигуру князя. – В прошлый раз ты шибче думал! Такпустишь или как?

Несколько секунд боярин стоял, не шелохнувшись. Из гостей, от Гостомысла? Врет, или, может, вправду помирились они?

– От князя Гостомысла, стало быть? – все же решился спросить боярин.

– От него! Мир теперь промеж нас. Не сомневайся, боярин!

– Ну, коли так... – Жирослав кивнул воинам у ворот. – Открывайте!

Ворота нехотя отворились. Первым въехал Вадим, за ним Павел и Юски. Следом во внутренний двор въехали два десятка вершников во главе с воеводой Брягом, далее сани и пешие дружинники. Во дворе сразу стало ярко от факелов и тесно от гостей.

– О, я погляжу, вас много... – озадаченно произнес Жирослав.

– Не переживай, боярин, – Вадим прыгнул с седла. – Стеснить – стесним, но объедасть тебя не станем. Своих запасов вдоволь.

– Милости прошу, гости... – хозяин усадьбы на секунду замялся, но затем добавил: – дорогие. Чупай! – окликнул боярин кого-то из слуг. – Проследи за гостями, чтоб всего было в достатке!

– Сделаем, – Чупай с поклоном удалился, на ходу раздавая приказания, кому куда становиться, куда заводить лошадей, где распрягать сани.

– Прошу в дом, – ласково улыбнулся Жирослав.

⁵⁷ Тиун – управляющий хозяйством. Тиунов могло быть несколько, разделенных по обязанностям. Например: пахотный тиун, следивший за урожаем на селе. Или мастеровой тиун, ведавший ремеслами, конюшенный тиун и т. д.

Вадим чуть подотстал. Воевода, заметив взгляд князя, спешно подошел.

– Устроишь людей – подымись в терем и держи ухо востро, – шепнул Вадим воеводе.

Бряг хитро прищурил глаза и едва заметно кивнул головой, мол, обижаешь, княже...

Боярин, сопровождая гостей, первым поднялся на крыльцо. Почти перед самым его носом дверь распахнулась, едва не сбив боярина.

– Вадим! – радостный девичий голос пропел, словно соловей.

– Квета, – князь руссов отеснил Жирослава в сторону, широко распахивая объятия. – Квета, да тебя не узнать!

Девушка кинулась вперед... Она хотела с разбегу очутиться в этих объятиях, но сбоку раздалось нервное сопение отца. Соблюдая приличия, она позволила только взять себя за руки. Объятий не получилось...

– Вадим, я так рада, так рада...

– Квета...

– А где же Валуи? – девушка выглянула из-за плеча князя и окинула взором его спутников.

– Нет Валуя, – продолжая улыбаться, ответил Вадим, – в Новгороде он остался... дочь у него там...

– М-м...

– Пойдемте в дом, – подал голос боярин, зажатый у стены дверью. – Чего напрасно...

– Пойдем, Вадим, – Квета поманила князя за собой. – Я батюшке все-все рассказала...

И отчего Вадиму почудилось, что это ее все-все значило нечто большее...

– Как вы меня спасли от татей... от Бокула Шибайло, помнишь?

– Как не помнить – помню!

Гости проследовали в большой зал, где уже горели глиняные светильники и несколько толстых сальных свечей. Тут же, важная как пава, в зал вошла хозяйка. Высокая и статная, в синем платье, с аккуратно забранными волосами.

– Бажана... – заприметив супружницу, окликнул боярин.

Она подошла. При виде мачехи у Кветы скривились губки.

– Вот, – Жирослав указал на Вадима, – будем знакомы...

– Так вроде знакомы мы, в прошлый-то раз... – перебила его Бажана.

– Се князь руссов – Вадим Белозерский.

Женщина недоверчиво посмотрела на мужа, потом на Вадима, на Квету, что продолжала держать гостя за руку, и вновь на мужа.

– Князь руссов? – она тряхнула головой, и ее серебряные височные кольца⁵⁸ издали тонкий мелодичный звон.

– А что, Бажана, прям и не вериться тебе? – цокнув языком, спросил Вадим. Он не стал дожидаться ответа, а обернувшись к боярину, спросил. – А где ваш постреленыш... Ростислав, кажется...

– Так тут он, – поспешил заверить Жирослав, – сейчас кликну... пошлю за ним...

Краем глаза Вадим уловил движение Бажаны – «Ты смотри, как напряглась...»

– Прошу к столу, – хозяин усадьбы сделал гостеприимный жест. – Бажана... Квета...

Гости стали усаживаться. Жирослав тут же отослал дочь к себе. Девушка вспыхнула румянцем.

– Батюшка, а как же гости? Я хотела...

– После, – оборвал ее боярин.

Квета стрельнула глазами в сторону князя руссов. Вадим перехватил ее взгляд и ласково улыбнулся. Девушка, зардевшись пуще прежнего, чуть не приплясывая, выбежала из зала.

⁵⁸ Височные кольца – вид старинного украшения. Крепились, как правило, к обручу и могли достигать десятисантиметровой длины.

На стол расторопные слуги уже начали выставлять яства. А боярин увлек супругу за локоток и что-то усердно втолковывал ей в уголке. Их шептание продолжалось не более одной минуты, после чего женщина, недовольно фыркнув, удалилась из помещения.

* * *

В зал ворвались ароматы чеснока, и следом на столе появилось несколько жирных гусей, зажаренных до румяных корочек. Слуги внесли ковриги⁵⁹. Вадим, да и Павел, пребывая в этом времени, уже успели оценить местную кухню. Она была с виду простой, но четко бьющей в цель. В особенности друзьям нравился хлеб. Пшеница в здешних краях была роскошью, а вот рожь, ячмень и овес родились на славу. Муку еще не научились измельчать в пыль, и оттого хлеба часто запекали с попадающимися половинками зерен. Но именно этот факт придавал ковригам неповторимый вкус и приятную сытность.

Далее последовали разносолы...

В больших глиняных тарелках заманчиво расположились огурчики, источающие ароматы дуба, и капуста с яркими вкраплениями брусники и клюквы. Большие лопухи черных и белых груздей разместились на тарелках поменьше, обильно политые сметаной. Павел, восседавший рядом с Вадимом, толкнул друга локтем.

– Икра...

– Отлично, – согласился Вадим.

Слуги поставили рядом с князем руссов глубокую тарелку с бледно-желтой икрой.

Юски, едва пристав со своего места, бегло оценил сей деликатес и изрек со знанием дела:

– Щучья...

В довершение, на столе появились кружки и крынки с ароматной брагой. У гостей навернулись слюни...

– Рад видеть у себя в доме столь именитых гостей, – поднял боярин первый тост, когда слуги окончили сервировать стол. – Хочу выпить за здоровье князя руссов на многие лета.

– Ой ли, – чуть слышно вырвалось у Павла.

Жирослав, однако, не расслышал или сделал вид, что не расслышал. Он продолжил:

– На многие лета, чтоб мир стоял промеж Белоозером и Новгородом.

– Хорошо сказал! – подхватил тост Вадим. – Вот можешь, когда хочешь.

Дружно выпили.

– Угощайтесь... – боярин сделал широкий жест.

* * *

Лишь только три тоста прозвучали за столом в боярском тереме, когда в помещение вошел Радаслав. Он, коротко поприветствовав гостей, подошел к Жирославу и, склонившись над ухом, что-то зашептал.

– Больше двух говорят вслух, – отбросив на блюдо объеденную гусиную ножку, заметил князь руссов. – Что-то стряслось, боярин?

Вадим, верно, уловил беспокойство во взгляде хозяина.

– Гонец к тебе, княже... – боярин жестом отстранил Радаслава.

Пасынок отошел и, пройдя вдоль стола, занял место напротив гостей.

– Вон оно как... И от кого? – с интересом спросил Вадим.

– От господина нашего, князя Гостомысла.

– Вот тебе новость... – Павел отер рот от следов сметаны.

– Да уж... – протянул князь руссов. – Так чего ждешь – зови гонца!

⁵⁹ Ковриги – круглые хлеба.

– Радаслав, – воззвал боярин, отвлекая юношу от квашеной капусты. – Кликни гонца!

– Хорошо, отец.

Заинтригованные гости отложили чревоугодие...

Первым в дверь вошел воевода Бряг.

– Дозволь, княже, – в нарушение традиции обратился он не к хозяину дома, а к своему господину.

– Давай, воевода.

Бряг сделал шаг в сторону, пропуская вперед незнакомца.

– Се Улеб, княже. Гонец князя Гостомысла, – воевода жестом указал гонцу место.

Тот прошел пару шагов, поклонился. Дверь плотно притворилась за вошедшим следом Радаславом. Юноша бочком-бочком обошел гостей и уселся подле боярина. Он тут же накинудся на еду с таким видом, что все происходившее в зале его вообще не касается.

– С чем пожаловал? – спросил Вадим, глядя в глаза гонцу.

– Почерк⁶⁰ у меня к тебе, княже, – гонец вновь поклонился и полез за пазуху.

Юски нервно дернулся, опустил руку на рукоять ножа, но, заметив абсолютное спокойствие воеводы, возвратил ладони на стол. Улеб извлек из-под одежды кожаный футляр, развернул его. Бряг принял небольшую деревянную табличку и поднес князю.

– Так... Опа... Баар, глянь-ко, резы и черты, – Вадим показал письма друга.

– Забавные каракули, – вполголоса удивился Павел.

– Ага, забавные, – князь руссов понизил голос до шепота, – только я читать это не умею. Резы и черты вообще не существуют...

– Как так?

– А вот так. В институте говорили, что резы и черты недоказанный факт. Мы изучали только глаголицу и кириллицу⁶¹...

– Ну, пусть в вашем институте что угодно говорят, но эти черты с резами вот – на лицо. Они говорили на своем, на родном... И хотя переговаривались они тихо-тихо, все присутствующие поглядывали на них с настороженностью. А боярин Жирослав так и вовсе наострил уши.

Признаваться было не очень удобно, а надо, поэтому Вадим, повертев в руках почерк, спросил:

– Кто в грамоте силен?

Народ быстро переглянулся, но первым подал голос воевода.

– Дозволь, княже?

Вадим протянул ему послание. Бряг оправил бороду, взял почерк и долго изучал содержимое. Его губы беззвучно шевелились, вчитываясь в руны.

– Так ты умеешь читать, воевода? Что там? – князь отпил браги. – Ну?

Воевода обвел взглядом всех присутствующих.

– Княже, Гостомysl предлагает скрепить союз промеж вами женитьбой...

На лице Вадима расплылась улыбка.

– Хм... – он чуть запрокинул голову.

– Новгородский князь обещает тебе в жены свою младшую дочь Умилу.

При этих словах боярин Жирослав окаменел на несколько секунд. Потом, вдруг схватив кружку, вскочил и радостно провозгласил:

– Вот это радость...

– погоди, боярин! – прервал его Вадим. – Чего ты скачешь? Не решено еще... – он взглянул на гонца. – На словах, что велено передать?

⁶⁰ Почерк – здесь письма, грамота.

⁶¹ Глаголица – первая научно подтвержденная письменность славян. Кириллица – письменность, созданная Кириллом и Мефодием на основе глаголицы и греческого алфавита.

– Князь повелел дожидаться твоего ответа.
– Дожидайся, – покровительственно кивнул Вадим, мол, аудиенция окончена.
Улеб поклонился и вышел.
– Чего застыл, воевода? Проходи к столу.
Бряг тут же скинул тулуп...
– За это надо выпить, – предложил Павел. – Вот и тебя обженим, – и он хитро подмигнул другу.
– Не спеши... Но выпить надо!
Сладковатая брага приятно разлилась по телу, всколыхнув воображение. Хм, жениться...
– Боярин, а хороша ли у Гостомысла девка? – Вадим отодвинул блюдо и сложил локти на столе.
– Как есть – хороша! – отвечивал Жирослав.
– Сколько годков-то?
Боярин закатил очи, видимо, припоминая, подсчитывая...
– Шестнадцать уже...
– Ого, большая, – съязвил Павел.
– Верно, княже, боярин рассказывает, – подтвердил воевода, – я сам прошлой зимой видел ее в Новгороде. Красна девка.
«Ишь как разошлись, – отметил чуть захмелевший мозг князя. – Так и жужжат – надо брать!»
– А ты что скажешь, Юски?
– Шестнадцать лет – большая невеста, – почти философски начал вепс, – я свою Айникке в пятнадцать брал, и ничего...
– Боярин, глаза какие у нее, ведаешь ли?
Жирослав опять призадумался.
– Нет, княже, не упомяну...
– Ну вот, – протянул Вадим с таким видом, что не знание цвета глаз будущей невесты разом рушит все дело. – Ну вот... как же так, боярин? Глаза первое дело в жене!
– Кха, – весело прыснул Павел и в тон другу добавил: – в жене главное руки!
– У женщины должны быть крепкие ноги, – отхлебнув браги, вставил Юски, – чтобы она могла рожать здоровых детей!
– Да ну... – махнул рукой воевода, – не то, княже... В бабе главное жопа! Крепкий зад должен быть, чтобы сильных воинов нарожала!
– Точно – зад! – воскликнул Павел. – Про зад мы как-то и позабыли...
Гости разом прыснули со смеху.
– Тебе только крепких воинов подавай, воевода. Чтоб ты их сразу в дружину пристроил! – сквозь слезы смеха насилу высказал Павел.
– А чего? Место воина всегда в дружине!
– М-да... – разинул было рот Жирослав, но его перебил Вадим.
– Ладно, хватит ржать! Цыц тут мне! – Вадим сделал серьезное лицо. – Что вы тут похабщину развели... И не зад, а бедра! Все же про мою будущую невесту говорим! А может стать, и жену!
– Выпьем! – улучив подходящий момент, предложил Жирослав.
– Выпьем! – почти хором поддержали гости, к которым не преминул присоединиться и Радаслав.
Бряг зычно крикнул, опорожнив кружку досуха.
– Польза от свадьбы нашему делу великая, – сказал воевода, утирая рот.
– Точно. Тебе нужна жена. Вот возьмешь град, кто будет за хозяйством глядеть? – Павел озорно посмотрел на Вадима. – И опять же... ты уже давно без жены...
– Да уймись ты... – князь хлопнул друга по плечу.
– За дружбу! – неожиданно для всех выкрикнул боярский пасынок.

Только теперь гости заметили, что парень уже набрался. И когда только успел?

– Радаслав! – попытался было одернуть юношу Жирослав.

– Оставь, боярин, – пресек его князь руссов, – парень прав. За дружбу!

Кружки опустели и шумно водрузились на стол.

– Стало быть, она прямо красавица...

– Не сомневайся, княже, – пробасил воевода, – девица что надо...

Вадим перевел взгляд в сторону. В глазах товарищей он прочел явное одобрение.

– Разве мы нищие? Разве кощей⁶² какие? Негоже нам принимать предложение Гостомысла, покуда град свой не возвернем!

– Верно, княже, – в сердцах взмахнул кулаком воевода, – не сомневайся, отобьем Белоозеро!

– Точно! – поддержал друга Павел.

– Да, – мотнул головой Юски.

– А ну, кличьте гонца обратно! – повелел князь руссов.

Воевода поднялся, прошествовал к двери.

– Гонца к князю! – крикнул Бряг, отворив дверь.

Новгородский посыльный явился через пару минут. Гонец быстро утер рот, видимо, выдернули парня из-за стола.

– Значит так, – начал Вадим, – передашь господину своему, что, дескать, князь руссов весьма рад предложению. И что согласен, стало быть... Токмо свадьбе быть опосля того, как град свой возверну! О том сразу упрежу Гостомысла, с гонцом. Все ли запомнил?

– Запомнил, княже.

– Ступай!

Улеб откланялся, вышел.

– Вот это дело, – растянувшись в улыбке, изрек Павел.

– М-да... – поддакнул Юски.

– Дай сроку, княже, – пробасил воевода, – возвернем град наш!

– За победу! – воззвал Жирослав.

– За победу!

«Бух», – издала глухой звук упавшая голова Радаслава.

– Умаялся... – щелкнул языком Павел.

Глава четвертая Сирота

*Все не то...
Но я остался...
Остался жить!*

После долгого возлияния, боярин проводил гостей в опочивальни. Юски и Павлу досталась совсем небольшая, а Вадиму выделили отдельную, просторную...

Бряг, не желая оставаться в тереме, направился к дружине, шепнув на ходу князю:

– Я к дверям рынду⁶³ пришлю...

Вадим понимающе кивнул.

Сейчас князь, оставшись один, крепко зажмурился, отер лицо влажным полотенцем, пытаясь прогнать хмель. Хм, жениться...

У дверей послышались шаги. Вот они стихли, чуть слышно стукнули об пол ножны –

⁶² Кощей – раб, здесь – тощий, худой, бедный.

⁶³ Рында – телохранитель.

рында занял свое место.

Князь разделся, сел на ложе.

– Хм... Умила... жениться...

Он хотел было задуть свечу, как вновь услышал шевеление за дверью. И следом раздались приглушенные голоса. Вадим поднялся, подошел к двери, прислушался.

– Не можно... – раздался мужской голос.

– Я быстро. Пусти, – князь узнал голос Кветы.

– Боярышня, говорю – не можно...

Вадим нахмурил брови.

– И чего ее принесло? – спросил он в пустоту и тут же решил вмешаться в разговор за дверью. – Рында, пусти боярышню.

Секундное замешательство, и Вадим услышал, как тяжело отступил от дверей телохранитель.

Квета робко вошла и неслышно притворила за собой дверь. Вадим был удивлен, он никак не ожидал подобной смелости от боярской дочери.

– Квета, ты весьма поздно...

Она не дала ему договорить. Девушка так стремительно прильнула к нему, обхватив его за талию, что князь не успел воспрепятствовать. Квета нежно прижалась к нему, приложив голову к его груди.

– Чего ты хочешь?

– Разуть тебя⁶⁴...

– Да? – удивленно спросил Вадим, понимая, куда клонит дочь боярина.

Ее откровенность, признаться, несколько смутила.

– Да.

Ее глаза блестели, а лицо все светилось от близкого, как ей казалось, счастья.

– Нет. Прости, я не могу, – Вадим плавно отстранил девушку от себя. – Я не могу... Ты не ведаешь, что творишь.

Князь отступил на шаг.

– Ты же другому обещана... Что же Радаслав?

– А ну его... – боярышня грациозно взмахнула рукой, словно прогоняя морок, – не люб он мне. Я про то и батюшке сказала.

– А он? – Вадим намеренно пытался увести разговор в сторону и вновь чуть отступил назад.

– Пустое это... Радаславу и Бажане именье батюшкино надобно, вот они про свадьбу и думают...

– Ну?

– Да, Вадюшка, – она подошла, – батюшка и так его за пасынка держит... вот усыновит его, и будем им усадьба с селами...

Князь только подивился рассудительности дочери Жирослава.

– А тебе, что же, все равно?

– У меня приданное уже и так есть... что мне усадьба...

– Ой, Квета...

Девушка подошла вплотную, еще шаг...

– Квета! – наигранно грозно предупредил ее Вадим.

– Любый мой... – казалось, она не слышит его. Квета положила руку ему на плечо и снова прильнула к груди. – Любый мой...

«Девка сошла с ума, – про себя покачал головой Вадим, – я же не железный...» И, как назло, она тихонько всхлипнула.

– Любый... Вадимушка, ты побрезгуешь мной – да? Ты теперь князь, а я...

⁶⁴ Разуть тебя – свадебный обряд. Невеста, в первую брачную ночь, должна снять с жениха сапоги

– Квета, только не надо рюмить⁶⁵.
– Хорошо, не буду, – она тут же утерла слезы. – А ты не прогонишь? Не гони меня, Вадюшка...

Князь вновь отстранил ее от себя, обошел и сел на ложе.
– Ну, Квета... – он хлопнул себя ладонью по лбу, – ну ты даешь, однако...
– Что, Вадюшка? – она вспорхнула и плавно опустилась рядом.
– Вообще-то это женихи к невестам сватаются, а не наоборот.
– Я знаю. Пусть...
– Ох, Квета, прознает отец, быть тебе битой!
– Ну и пусть...
– Как это ну и пусть! – он посмотрел ей в глаза, а она уже склонила голову, готовая припасть к его плечу. – Позора не оберешься.

– Да какой же в том позор, – девушка остановила падение своей головы всего в паре сантиметров от его плеча. – Ты же князь, нет в том позора. Ты каждую помани... А я? Люб ты мне, Вадимушка, не как князь, как муж люб! Я это еще тогда поняла... когда ты спас меня от бродников.

«О-о-о, – протянул беззвучно Вадим, – понятно! Девка нашла себе героя и спешит отблагодарить за спасение. Влюбилась, ага...»

Горячее дыхание Кветы опалило лицо Вадима. Она так красиво дышала! Так дышала, что грудь в такт дыханию натягивала ткань платья и опускала, натягивала и опускала... От нее приятно пахло травами, а пухлые, чуть приоткрытые губки манили, манили... А глаза...

– Стоп! – решительно произнес Вадим.

А она решительно прильнула к его губам. Целоваться она не умела. Так откуда бы ей? Но князь не отстранил ее почему-то... Вначале Вадим скромничал, почти смутился, а Квета так и норовила использовать все свое обаяние и неумелое владение языком. Руки князя, почти против его воли, заключили стройное девичье тело в крепкие объятия. Поцелуи стали более откровенными, Вадима словно невидимая сила качнула в сторону, и он повалился на ложе, увлекая за собой Квету...

* * *

Боярин решил навестить дочь, извиниться... Он искренне любил ее, желал счастья. Вон и Радаслава ей уготовал в мужья, чтоб добро нажитое воедино осталось. Квета противилась этому замужеству, и боярин про то знал. Строптивя дочка не в меру, вся в мать. Своеволие ее, поди, вон уже чуть до худого не довело. Кабы не этот Вадим... князь руссов, стало быть... едва ли жива-здоровая возвернулась. А Бажана...

Жирослав при воспоминании о жене сморщил нос, а потом оттаял и улыбнулся уголком губ. Мила ему была Бажана, ох, мила. Где еще сыскать такую красавицу?

– М-да, – вслух поддакнул боярин своим мыслям и вспомнил, как последний раз был с женой.

Жирослав подошел к девичьей, ради приличия стукнул пару раз и тихонько приоткрыл дверь.

– Дочка, спишь?

Он часто вот так заходил к ней пожелать доброй ночи. Что-то неисполненное гложит душу боярина. А ведь он обещал жене беречь Квету. Но что? Что-то упустил, сделал не так...

– Дочка?

В комнате было темно, а Квета не отвечала. Боярин проследовал к ложу – пусто.

– Кветушка...

Он устало опустился на скамью подле ее постели, и тут его как молнией прошило.

⁶⁵ Рюмить – плакать.

– Сбежала!

Жирослав рывком вскочил, но другая мысль перекрыла предыдущую. Не теряя времени, боярин вышел из девичьей. Он прошел по темному коридору, миновал лестницу, что вела вниз, и чуть было не напоролся на меч.

– Потихе, дядя, – не громко, но четко прозвучал голос рынды в темноте.

– Ты чего это... – боярин замер.

– Кто такой? Чего шастаешь? – так же негромко спросил рында, не убирая меч.

– Ты сдурел, – цыкнул хозяин дома, придя в себя от неожиданной встречи. – Я боярин Жирослав.

– Да хоть волхв с Волотова поля. Князь поживает. Шел бы ты, боярин, спать.

– Ну... так я и не к нему вовсе... Дочь моя Квета не проходила ли? Не ведал?

Сердцем, отцовским сердцем почуял боярин неладное. Рында на пару секунд замялся с ответом, и это только укрепило Жирослава в догадке.

– Не проходила, – наконец ответил воин. – Я князя стерегу, а не девок.

– Молодец, – похвалил боярин телохранителя, – хорошо несешь службу. Молодец.

Жирослав резко развернулся и пошел прочь от дверей княжеской опочивальни. На душе скребли кошки, а в сердце буянил медведь. Боярин спустился вниз, в кладовую. С превеликим трудом он нашел свечу и зажег ее. Взор Жирослава упал на ряд крынок, запечатанных воском. Схватив одну из них, он рывком содрал печать и опрокинул содержимое себе в рот. Он пил, пил, и сладковатая брага наполняла сердце еще большей тревогой. Боярин крикнул в кулак и осел на скамью.

– Вот девка... – он сплюнул себе под ноги и допил крынку до конца. – Едрить ее в... М-да!

Вторую крынку он смаковал дольше. Голова, наполненная мыслями и хмелем, чуть закружилась.

– Князь, как же... честь оказал. Эх, Радаслав-Радаслав... ну что же... ха, вот Бажана нытье устроит, едрить ее через полено...

Боярин пошарил взглядом по полкам – ничего съестного не обнаружилось.

– Ладно, – он махнул рукой и вновь отпил браги. – Коли так... уже. Ну, Квета, ну заноза! Ха-ха, обохотила князя – дура! А коли князь откажется? Пошто ему новгородская девка-боярышня, когда ему Гостомысл свою Умилу обещал. Нет, ну дура девка!

Третью крынку он не допил... Глаза стали слипаться, и одна только одна мысль заела душу – «Только бы не понесла...» Впрочем, боярин понимал, что и это, случись оно так, ничего бы не меняло. Если бы боги судили, и Квета понесла бы от князя, то это скорее гордость, чем позор.

Жирослав уронил голову на руки. Сальная свеча дрогнула и упала на стол...

* * *

Они спали сладко. Крепко обнявшись. Квета, раскидав по подушке свои светло-русые волосы, тихонько посапывала на груди у Вадима.

Князь вдруг повел носом. Пахнуло дымом. Вадим дернул головой – принялся. Печной дым он знал хорошо. В этом времени печи были везде и повсюду, а как без них? Ни обогреться, ни пищу приготовить. Но это дым был другой...

Вадим, еще не до конца доверяя своему обонянию, осторожно высвободил руку, потихоньку встал с ложа, оделся. Толкнув дверь, открыть ее не смог, видно, рында надежно подпер ее своим телом. Однако телохранитель от толчка тут же сбросил дремоту.

– Княже...

– Тихо, не шуми, – Вадим вышел в коридор. Запах дыма здесь ощущался явственней. – Чуешь?

Воин повел носом.

– Чую! Кажись горелым тянет... Никак пожар...

– Тихо ты, не каркай!

Князь решительно зашагал по коридору. У лестницы, ведущей вниз, дыма было уже заметно больше. Они прошли несколько ступеней вниз, когда пламя, одолев преграду, вырвалось наружу.

– Пожар! – вскрикнул рында.

– Наших подымай – бегом!

Рында сиганул через перила и, оглашая еще сонный терем криками «Пожар!», вырвался на двор. Князь отступил назад. Огонь, получив приток свежего воздуха, метнулся вверх и в следующую секунду принялся облизывать нижние ступени лестницы.

– Квета! – мысль обожгла душу, и Вадим стремительно кинулся назад.

– Квета! – князь ворвался в опочивальню, как ураган. – Одевайся!

– Что? – вяло протянула девушка, едва оторвав голову от подушки.

– Горим! Одевайся!

– Как?

– Ох, мать! Горим, говорю – пожар!

Наконец до нее дошел смысл.

– Ой, боженьки, – пискнула Квета и стала поспешно натягивать одежду.

– Ратуйте, люди! Горим! – во дворе уже началась суeta.

– Квета – пошли!

К нижней лестнице уже было нельзя, там властвовал огонь. Вадим вспомнил о крыльце.

– Пошли!

Снаружи, на второй, господский этаж вела широкая крытая лестница – крыльцо, туда и направился Вадим. Почти одновременно открылись две двери, и князь чуть не налетел на одну из них.

– Вадим!

– Паша, Юски – уходим!

– Квета! – позади раздался гневный голос Бажаны.

Женщина стояла в шубе, накинутой поверх исподнего. В руках у нее горела свеча.

– Ты решила огоньку поддать! – обернувшись и приметив Бажану, заметил Вадим. – А ну все за мной!

– Квета! – мачеха чуть не притопнула ногой. То ли она что заподозрила по растрепанному виду девушки, то ли ничего не понимала в происходившем...

– Пожар в доме! – резко бросила Квета в лицо мачехи. – А где батюшка?

– Радаслав! – визгливо вскрикнула Бажана и тут же кинулась в опочивальню сына.

– Блин... все – пошли, – князь дернул Квету, и они устремились к крыльцу.

Они стрелой достигли двери, Вадим пинком открыл ее.

– Выходим-выходим! – князь бросил взор на двор. Заметил Бряга и еще с десятков своих дружинников, которые уже суетились у колодца.

Все четверо дружно сбежали вниз.

– Бряг – давай в цепочку от колодца...

В это время пламя, пробив себе дорогу, вырвалось через узкие оконца... почти беззвучно лопнули пузыри... Терем горел пока только с одной стороны, но хорошо просушенные венцы схватились лихо, и пламя устремилось прямо по стене вверх.

Боярская челядь высыпала во двор с криками и воплями.

– Горим!

– Ой, люди! – заголосили бабы.

Кого-то сшибли в давке, упало ведро, окатив одного из дружинников ледяной водой, послышался крепкий мат...

– Лейте на стену! – скомандовал Вадим.

В это время призывно заржали лошади, почуяв неладное. Конюшня находилась в опасной близости от разрастающегося пожара.

– Конюшня! – князь уже было и сам хотел пристроиться в цепочку, но его одернула

Квета.

– Вадимушка! Там отец!

Князь глянул на пламя, которое уже начало подбираться к крыше.

– Умоляю, Вадимушка...

– Отойди подальше! Паша, убери всех баб отсюда!

– Отошли! Все отошли! – тут же повысив голос, орал на вопящих женщин Павел.

Однако не все челядники оказались слабы на нервы. Некоторые, схватив ведра, принялись помогать мужчинам.

– Ах ты, черт... – Вадим рывком преодолел лестницу и вбежал в терем.

Едкий дым заволок все пространство. Вадим не сделал и пары шагов, когда ему пришлось припасть к полу. Быстро перебирая конечностями, князь на четвереньках добрался до опочивальни боярина. Дым мешал видеть, глаза начинали слезиться...

– Жирослав! Бажана! Радаслав!

Почти на ощупь он исследовал комнату – пусто. Вдохнув последний раз, он вскочил и вылетел на крыльцо. Первым рядом оказался Павел.

– Дыши... дыши, – приговаривал друг, похлопывая Вадима по спине.

– Боярин... не выходил? – откашливаясь, спросил князь.

– Нет.

– Дай воды.

Павел унесся. Принес ведро.

– Лей!

Глава медвежьего рода окатил друга с головы. Вадим успел на лету схватить пару глотков.

– Я пошел... Готовь еще ведро.

Набрав полные легкие, князь с ходу проскочил по коридору. Дым стал еще плотнее, еще более едким. Нашупал дверь...

– Боярин! Бажана...

Несколько секунд у него ушло на поиски – пусто. Вадим натянул мокрую рубаху на лицо, прикрыв и рот и нос. Глаза начинали нещадно слезиться... Огонь, взобравшись на второй этаж, расправил крылья и упорно полз вперед.

– Жирослав...

Он вновь пробежал по коридору, вырвался на воздух.

– Паша... лей!

– Вадя, туда больше нельзя! Я тебя не...

Друг не дослушал. Он в третий раз метнулся в горящий терем. Над головой жалобно простонали балки, послышал треск, а потом Вадим услышал писк... женский.

– Бажана!

Последние несколько метров дались с превеликим трудом. Вадим не выдержал и буквально рухнул на колени. Еще метр – и князь наткнулся на распахнутую дверь. Это, должно быть, была его спальня, где они с Кветой... Поперек входа лежало тело. Глаза слезились, почти ничего не было видно. Вадим протянул руку, нащупал грудь...

– Бажана...

Князь одной рукой схватил ее за плечо, другой за волосы и потянул. Сдвинуть боярыню оказалось совсем не просто. Вадим напрягся, со стоном рванул тело на себя... пару сантиметров – не больше. «Да что ж такое!» – выругался про себя князь и вновь приложил усилия.

Дышать становилось невыносимо. Влажная ткань не спасала. Вадим завалился на тело женщины, пытаясь нащупать ее руки, дабы было удобнее тянуть. Рука! Женщина крепко сжимала руку... Вадим провел ладонью по лицу и не ощутил бороды.

– Радаслав!

Юноша был без сознания. Князь пытался разжать их смертельную хватку. Он отогнул один, второй палец... дым иссушил ткань и теперь едкий газ проникал в легкие. Голова

закружилась... он отогнул еще один палец Радаслава... Тошнотворный ком подступил к горлу, а голову словно кто-то с силой толкнул вперед, и Вадим, потеряв сознание, уткнулся в тело Бажаны...

* * *

– Вадим... Вадим... – слабый голос звучал, как в тумане... как в едком дыму.

– Вадя!

– Княже...

Голоса разом смолкли, наступила блаженная тишина. Почти райская... где-то даже защебетали пташки.

Князь открыл глаза. Сначала белесая пелена не желала отступить, он с трудом видел неясные очертания...

– Княже...

– Вадя!

Глаза чесались, хотелось дотянуться до них и протереть, но руки отчего-то не слушались. Он почувствовал на лице влажную тряпицу. Его заботливо обтерли.

– Княже, испей, – он узнал голос Бряга.

Ссохшиеся губы нащупали прохладный край кружки. Он жадно выпил квасу. Зрение практически полностью восстановилось. Вадим огляделся. Паша, Юски, Бряг... он услышал приглушенные всхлипывания.

– Кто там рюмит? Квета?

– Я здесь, Ва... княже, – она не решилась называть его при всех по имени.

Вадим поднял руку, ладонью провел по мокрой щеке.

– Опять ты рюмишь...

– Батюшка вот... и тебя чуть... – Квета склонилась к князю и зарыдала.

Павел обнял девушку за плечи и отвел в сторону.

– Кто меня вытащил-то?

– Юски, – ответил Павел, – он как почуял... рванул так, что не угнаться было...

– Да что я, – махнул рукой вепс, – вон и Баар тоже за мной сиганул.

– Больно тяжел ты, Вадя, – посетовал глава медвежьего рода.

– Живой, главное, – тряхнул головой воевода.

Князь зашелся в приступе кашля. Ему помогли повернуться, и несколько секунд он откашливался, сплевывая мокроту на пол. В глазах побежали круги...

– Что боярин? – выдавил из себя Вадим и сам подивился тонкости своего голоса.

– Нашли... – над ним склонился воевода, и князь наконец-то смог различить его черты, – внизу нашли его, княже... терем почитай весь сгорел. Боярина токмо по перстню и опознали... погорел сильно... одни кости...

Вадим хотел что-то ответить, но горло вновь сковал спазм, подступил кашель. Ему подсобили приподняться, и князь еще долго откашливался, а под конец его стошнило... Горло горело.

– Пить...

Ему поднесли теплого молока с медом...

– Бажана?

– И боярыня, и Радаслав... – многозначительно изрек Юски.

– Вадя, мы тебя-то насилу выволокли, а за ними уже не успели, – выпалил Павел.

– Еще кто?

Воевода уловил, куда клонит князь, и первым ответил:

– Наши все целы, из челяди боярской только одного бревном пришибло.

– А-а-а... – простонал князь, – добро...

– Ты поспи, Вадя, – Павел кивнул товарищам, мол, все на выход, – поспи.

– Квета.

Девушка, шмыгая носом, кинулась на зов.
– Квета... ты уж прости меня...
– Что ты, Вадюшка, что ты...
Юски, Павел и Бряг переглянулись.
– Видишь, как все вышло... сирота ты теперь, – князь устало прикрыл веки, – прости...
– Вадюшка! – она дернула его за рукав. – Вадюшка!
Князь никак не реагировал на ее торможения.
– Вадя! – почуяв неладное, рядом с ложем на колени бухнулся Павел и попытался нащупать пульс на руке друга. – Нету!
– Ах ты! – взревел воевода.
Юски решительно отстранил боярышню и приложил ухо к груди больного.
– Юмал! Он не дышит!
– О-с-и-р-о-т-и-и-и-и-л ты меня пошто... Вадюшка! – взвыла Квета, схватив себя за волосы.
Она завалилась на пол и, продолжая причитать, рвала на себе волосы...

Глава пятая Пробуждение

*От чего же мир не весел?
Потерял ли он чего?*

Пробуждение было чудовищным. Холод пронзал все тело, охлаждал кровь. Мелкие и крупные мурашки, перебегая по коже, причиняли легкий зуд. Был только один плюс – в голове прояснилось.

Он резко открыл глаза, но не увидел ничего. Темень была плотной, словно в гробу. Паническая мысль о гробе мгновенно привела в действие замершие функции мозга.

– О-о-о-о! – протяжно взвыл Вадим. – О-о-о-о! М-м-м...

Звуки не желали сплетаться в слова, благо мычание получалось достаточно громкое.

– Эй! Хей!

Призывы не помогали, в ответ тишина. Он попробовал пошевелиться. С трудом, но удалось. От долгого возлежания конечности затекли. Князь оторвал свое застывшее тело от лежака, и, не спеша, приподнялся. Руки-ноги были определенно целы. Вадим сел, огляделся. Нет, ничего, хотя и глаза уже привыкли к темноте. Кругом ровный, непроницаемый черный квадрат Малевича. Тьфу!

– Эй! Е-е... есть кто?

Чудо! Язык наконец очухался и прорвал сквозь зубы первые слова.

– Есть кто?

Тишина. «Ирий⁶⁶? – спросил он себя. – Не похоже... Мрачновато...»

Вадим осторожно спустил сначала одну ногу – надавил. Так, вроде стоит. После вторую ногу – надавил. Хорошо. Затем он решился встать. Его качнуло... вовремя уперся руками о ложе, устоял. Так, тихонько... чуть вперед, шаг... другой. Тело еще слушалось плохо, ощущалась тяжесть. От напряжения аж немного вспотел. Но это быстро прошло, и снова вернулся холод, и даже больше... Из угла явно тянуло. Князь, шаркая ногами, подошел, поводил в темноте рукой. Так и есть. Легкий, едва заметный ветерок охлаждал ладонь. Вентиляция! Рука опустилась вниз...

– Йе! Лед!

Сомнений не было – это был самый настоящий лед. И это могло означать только одно...

⁶⁶ Ирий – в славянской мифологии – рай.

– Ледник... – Вадим приложил руку к сердцу.

Только теперь он принялся изучать свое тело, вернее, то, во что оно было одето. Шуба! С меховой оторочкой – вот что давило на плечи и мешало двигаться! Однако шуба была распахнута, и под ней он нащупал рубаху. Почесал лоб – шапка, меховая...

– Фу ты – приодели, стало быть, – язык повернулся вполне ловко. – Это что же я, в леднике?

Тут сомнений быть не могло. Князь умер! Да здравствует князь!

– Вот черт... как же это?

Вадим присел на жесткое ложе, задумался. То, что это был не рай и не ад – однозначно. И то, что он, Вадим Хлопин, князь всея руссов – жив, тоже являлось неоспоримым. Слава богам! Стоп! «Чердак» вскипел, проявляя в памяти знакомые слова: «Ты будешь жить столько, сколько пожелаешь сам! Меня зовут Вадим Старый – ведаешь, почему?».

– Опаньки! Приехали! – его голос прозвучал четко и громко, даже лед затрещал.

И тут в памяти все встало на свои места. Пожар, дым, его беготня в поисках боярина... Бажана, Радаслав, которых он не смог сдвинуть с места. Потом его вытащили. Вытащили с надеждой, а он возьми и помри! Или притворись, что помер! Нет, нет. Получается, точно помер...

«Только я умереть не могу. Ну, старик – угодил!» – он вновь вспомнил про Вадима Старого, который усыновил и дал путевку в жизнь. И теперь от этой путевки одни хлопоты...

«Стало быть, похороны на носу... а я тут... а там мужики-то и не знают! И Пашка там, наверное, с ума сходит».

Задачака имела быстрое решение. Коли его, как тушку, чтоб не протух, до поры до времени упрятали в ледник, значит, дверь-то была. Вопрос – где? Вадим начал поиски. Нашел стену и принялся методично ее прощупывать. Есть! Лестница. Ну конечно, ведь должна была быть лестница. Ледники на Руси строили глубоко, где лед мог не таять до лета. Неспешно переступая, Вадим поднялся наверх. Дверь! Все как положено – косяк, ручка... Дверь была подогнана плотно, ни единой щелки. Вадим решительно ее толкнул. Радоваться рано – заперто. Мысли проносились со скоростью электрического разряда, будоража мозг. Ведь ни абы кого в леднике держат, а князя, стало быть, могли и охрану приставить. Сразу заметят – подмогнут. Вадим выдохнул, откинул полы шубы и врезал ногой про двери. Врезал крепко, как учили на секции рукопашного боя. И еще разок! Дверь поддалась, ну и третий раз... Яркий свет мгновенно ослепил. Князь прикрыл глаза рукой и тут же был оглушен диким криком.

– Ай! Ай-яй-яй!!! – тянул женский голос, способный поразить и Ла Скалу.

Несколько секунд князь хлопал глазами, привыкая к дневному свету. Затем он решительно переступил высокий порог и оказался перед воином с выпученными глазами. Молодой дружинник молча стоял, широко раскрыв рот и разведя руки в стороны. В правой он держал копье. Держал-держал, а потом пальцы сами разжались, и боевой инструмент тихо упал на снег.

– Где воевода? – огорошил его вопросом Вадим.

Женский визг стих, перейдя на всхлипывания.

– А... у-у... э-э... ка... ка... – ничего членораздельного боец из себя выдавить не смог.

– Что ка-ка? Где воевода? – переспросил князь и тут же махнул рукой. – Эх, братец, как тебя...

Вадим оглядел участок двора, куда вывела его дверь из ледника. Всхлипывающая баба сидел на снегу и пялилась на воскресшего князя. Рядом с ней валялось перевернутое ведро.

– Чур⁶⁷ меня!

⁶⁷ Чур – в славянской мифологии божество. Значение спорно. Чур – межа, граница, деление. Например: Чур, мое! Переступить через чур! Или от пращур, в этом случае чур – дух предков, ограждающий от напастей. Чур меня – защити!

Князь заметил еще двоих челядников, что стояли у поленницы и глазели на недавнего покойника.

Вадим обошел дружинника, а тот, крутясь вокруг собственной оси, не смел поворачиваться к воскресшему спиной.

– Чур меня!

Князь не прошел и десяти шагов, как к нему уже со всех сторон спешили люди.

– Вадя!

– Княже?!

– Паша! Бряг!

Воевода чуть замаялся, а Павел пулей кинулся к другу. Пока они обнимались, князь узрел и удивленного Юски.

– Вадя – живой! – Павел разжал объятия и немного отстранился. – О, как от тебя холодом веет!

– Так в леднике не жарко...

– А мы ведь тебя завтра хотели того... – Павел едва не прослезился и вновь припал к другу.

– Ладно. Будет тебе... Жив ведь я.

– Нет, ну как же... – Павел продолжал похлопывать друга по плечам, – с ума сойти – ты ведь не дышал, и пульса не было... и пальцы синели – я же видел. Ой, Вадя! Это было реально... очень реально!

– А я как граф Монте-Кристо... вообще, Паш, давай потом. Смотри, народ волнуется.

Их обступили. Почитай вся дружина и вся челядь сбежалась на крики и возгласы. Были тут и ратники боярина Жирослава, что не менее других поражались появлению князя руссов.

– Князь?!

– Не может быть...

– Князь!

– Князь-то живой!

– О боги!

– Кудеса, да и только!

– О-о-о!

– Да...

Дружинники смотрели непонимающе, а челядь кружила вокруг, разглядывая, присматриваясь и не веря до конца.

– Княже... – подошел воевода и низко поклонился, – не серчай, княже. Думали мы, что карачун тебе...

– Брось, Бряг, – Вадим подошел к воеводе и положил ему руку на плечо. – Живой я. Так боги судили.

Князь сделал ударение на *боги*. Ему казалось, что это многое объяснит. На все воля богов.

Глаза Бряга оттаяли, просияли – кажись, подействовало.

– Велика в тебе сила, княже. За тебя боги!

– Юмал любит тебя, князь руссов! – радостно изрек подошедший Юски.

Вадим широко улыбнулся, сразу всем. Первыми пришли в себя дружинники. Их лица разгладились, повеселели.

– Слава князю!

– Слава!

Самые смелые тянули к Вадиму руки и норовили пощупать, убедиться.

– Качай князя!

– Ур-р-а-а-а!

Они подхватили Вадима, и давай подкидывать на радостях. Качали долго, весело, со смехом...

– Ой, братцы... – улыбаясь, проговорил Вадим, – укачали...

Князь вдруг почувствовал прилив сил, а организм подал свой знак. В животе призывно заурчало.

– Поминки-то чай, поди, уже готовы, – Вадим подмигнул Паше, – пошли! А то есть охота-а-а!

* * *

Стол был накрыт в дружинном доме, где жили ратники боярина. Вадим забыл обо всем – накинудся на еду.

– Славно подготовились, – хвалил князь с набитым ртом.

– Старались, – ответил Павел.

– Ой! – Вадим щелкнул пальцами. – Вот ведь я... А где Квета?

С лица друга тут же спала улыбка.

– Плоха девка, – шепотом ответил Павел, – совсем плоха... Ты бы слышал, как она голосила, когда мы тебя мертвяком признали. А как мы тебя в ледник отнесли да стали к тризне готовиться, так она совсем того... Забилась в клетушке и рыдает. То стонет, то рыдает...

– Почитай все волосы с себя посрывала, – сочувственно добавил Юски.

Вадим отложил еду, перестал жевать.

– Жаль девку...

Дружинники веселились, часто поднимали здравницы, но князь как будто не слышал их. Лишь иногда он вяло откликался на тосты. Павел, Юски и воевода часто переглядывались друг с другом и косились на Вадима.

Наконец, Бряг не вытерпел и прервал пир.

– Кончай трапезничать! – зычно скомандовал он. – Князь устал.

Дружинники понимающе загалдели и стали подыматься из-за стола. Через несколько минут изба опустела. Остались только ближние.

– Вадя, – Павел тронул князя за рукав, – ну будет тебе... Жив ведь остался.

– Что делать будем? Как мыслите? – спросил Вадим.

– Так надо выступать...

– Обожди, воевода, – перебил Юски. Он, кажется, смекнул, что князь сейчас не об этом думает. – Княже, нам Квету с собой брать не с руки. Впереди земли варяжские... у них там заставы, а ну как сеча! Боярышне лучше дома остаться... тут и челядь, и ратники боярские.

Вадим испытующе посмотрел на вепса. Ох, не того он ждал.

– Вадя, ну верно! Куда мы с ней? – поддержал Павел. – Ей покой сейчас нужен. Тут баб полно, они за ней присмотрят.

– Тяжело девке... – удрученно протянул воевода, – в дороге хуже... Пусть остается, княже. Хворая она совсем...

– Хм-м, – закрутив головой, промычал князь и разом махнул кружку пива. – Ладно, где она?

Не дожидаясь ответа, он встал.

– Пойду, посмотрю на нее...

– Я провожу, – вызвался Павел.

Они подошли к небольшой избушке, что стояла на задворках усадьбы.

– Почему боярышню в такую халупу определили? – удивился Вадим.

– Так она сама... – пожал плечами Павел.

Друзья вошли внутрь. В избе, на столе горел одинокий светильник. В углу – пышущая жаром печь.

– Квета... – тихо позвал князь.

Рядом с печкой послышалось движение, сопение...

– Квета! – Вадим увидел девушку. – Квета.

Князь склонился и попытался поднять ее.

– Квета это я – Вадим.

Боярышня смотрела на него отрешенным взглядом. Ему с трудом удалось оторвать ее от пола и усадить на скамью у крохотного стола. Квета уставилась куда-то вниз, на уровень его живота.

– Квета, это я – Вадим. Ты слышишь меня?

Девушка услышала голос, но голову не поднимала. «Совсем пришибло девку», – горестно подумалось Вадиму. Он аккуратно приобнял ее. Она послушно положила голову ему на плечо.

– Квета, – ласково продолжил князь, – Квета, ты уж прости меня. Видишь, как оно все вышло. Зря я приехал...

– Батюшка... – тихо позвала Квета, – я слышу... батюшка...

Князь склонился, поцеловал ее в лоб. Что он мог сделать еще? Он не знал. Слов не было, одни эмоции...

Так они и сидели молча. Вадим начал немного раскачиваться, словно пытаясь убаюкать боярышню. А она и впрямь уснула у него на плече.

Дверь тихонько скрипнула, и в избу вошла женщина.

– Тс-с-с, – Вадим приложил палец к губам.

Женщина понимающе кивнула, подошла.

– Иди, княже. Я сама управлюсь. Иди.

Он помог женщине уложить Квету на постель, склонился и поцеловал в губы спящую... «Боже, как она изменилась, – Вадим почему-то именно сейчас заметил, как исказились черты ее лица. – Боже...» Он едва не выпалил это вслух, но вовремя спохватился и решительно вышел из избы.

– Уф, – он шумно втянул морозный воздух.

Невдалеке стояли Бряг и Павел. Князь подошел к ним.

– Назавтра поутру выходим. Воевода – готовь людей. И еще... собери-ка мне боярских ратников, хочу с ними потолковать.

* * *

Ратники покойного боярина Жирослава выстроились в две линии, перегородив почти весь двор. Естественно, собралась и челядь, которая жалась по углам и с любопытством взирала на происходящее.

Вадим быстро счел ратников. Получилось сорок два человека.

– Вы теперь остались без хозяина, – без долгих вступлений начал князь. – Вы вольны поступать по своему усмотрению. Но! Боярышню не можно оставлять без охраны. Боярышня князю новгородскому не в службе! Посему и вас ей много непотребно. Предлагаю! У кого семьи тут или прочие оказии – новую роту⁶⁸ держите перед боярышней. И смотрите! – Вадим погрозил кулаком. – Чтоб службу несли тут исправно! А кто засиделся – приму к себе в дружину! Оборужу, коли у кого своего нету.

Начался легкий гвалт. Ратники принялись наперебой что-то обсуждать.

– Тихо! – воззвал князь. – Тихо! Опося обмозгуете! Кто решиться, к воеводе моему подойдете! Выступаем наутро! Все! Разойтись!

Глава шестая Общий сбор

*Мы вместе с тобою
Пройдем этот путь...*

⁶⁸ Рота – клятва.

Желающих служить под рукой князя руссов набралось три десятка. Чуть солнце разбавило робкими проблесками темноту, дружина тронулась в путь. Вадим с Павлом выехали последними. Князь успел проститься с Кветой. Хотя прощание вышло однобокое. Девушка по-прежнему прибывала в прострации. У Вадима кошки скребли на душе, а Павел сочувственно молчал. Так и ехали в конце колонны.

Один лишь воевода Бряг не скрывал своей радости – одним махом дружина увеличилась вдвое, за счет новых ратников. Теперь почитай без малого восемь десятков в строю – сила.

Самым опасным участком считалась река. Место открытое, и варяги могли иметь на реке дозоры. Вражеский борг от греха оставили в стороне, перейдя по льду Волхова верстах в десяти ниже по течению. Затем повернули на север, а там уже вскорости пошли знакомые леса. Знакомые для Юски. Вепс занял место во главе колонны, уверенно направляя движение рати. Через три дня, под восторженные крики вепсов, въехали в Каргийоки. Казалось все, от мала до велика, высыпали из домов встречать Баара. Без малого два месяца отсутствовал дома глава медвежьего рода. Люди радовались, ликовали... Среди толпы Вадим углядел Уллу. Она стояла сама не своя и не сводила глаз с улыбающегося Павла. Их встреча была на удивление теплой, даже больше... «Обжился Пашка, – про себя подумал Вадим, – любовь-морковь...»

С дороги всех прибывших накупали в жарко натопленных банях. А потом... Два дня пировали гости вместе с медвежьим родом. Нойда Капс толкал речи за весь род, а Вадим отвечал за всех руссов. Время от времени расходился и Павел, выдавая перлы, от которых заливались смехом даже псы во дворе.

На третий день, только поправились – и опять в баню, сгонять хмель, освежать тело и дух. После чего Каргийоки практически вымер. Народ отсыпался. Однако потехе час...

– Я знаю, Пашка, твоим сильно досталось за последние полгода... – первым начал Вадим.

Они вдвоем с другом, без лишних глаз, сидели за столом, попивая земляничный квас.

– Но просить больше некого, – продолжил Вадим, – сам знаешь.

– М-да... – протянул Павел, – воинов-то у меня осталось всего ничего... десятков пять, не больше. Это если всех выгрести, и от соседей тоже. И то половина молодежь.

– Ну, так сколько дашь?

– Всех не могу. Старейшины не дадут. Это последняя надежда рода...

Вадим кивнул, мол, понял.

– Может, их добычей поманить? Я поделюсь – не жалко!

Павел сжал руки в замок, хрустнул суставами.

– Может и так...

– Десяток дашь?

– Угу, – Павел сжал губы, – может два. И сам с тобой пойду.

– Да ты только вернись.

– И что? Я тебя одного не пущу. Чтоб опять мучиться, убили тебя, не убили...

– Паша, – Вадим оборвал речь друга жестом. – Спокойно. Меня, похоже, нельзя убить. Нет, вернее – можно, но ненадолго. Ты же сам видел...

– Это твой приемный папаша тебе наплел? Да? Так один раз получилось, а на другой может не свести.

– Ладно, – Вадим махнул рукой, – если еще с провизией поможешь, вообще вах будет!

– Поскребем.

– А давай твоих вепсов дружно на охоту спровадим. Они же у тебя охотники знатные! И моих орлов заодно приспособим. Медведей, кабанов пошукаем...

– Хорошо, – согласился глава рода, – скажу Юски, он уладит дело.

– Вот и добро...

– Договорились.

Как там в песне пелось...

– Деревья в белых полушалках объаты все январским сном... – Вадим напевал себе под нос, когда прилично растянувшаяся дружина с обозом покинула Каргийоки.

Собственно, уже лютень⁶⁹ на носу, а там уже и до масленицы не далече. Дел предстояло много, Вадим хотел поспеть до весны, добраться до Белоозера. Надо еще найти всех сидевших по лесам руссов, собрать их в кулак, да этим кулаком постучать в ворота града.

– А я все жду и жду кого-то, приговоренный у окна... – князь обернулся, – вот привязалась.

– Что? – не расслышал ехавший рядом Павел.

– Да песня привязалась!

– А-а...

Князь оглядел колонну. Павел, как и обещал, снарядил пять саней с провизией. Всеобщая охота, устроенная по наводке Вадима, длилась чуть нее целую седмицу. Зверья набили – жуть. Трех медведей подняли с лежки, четырех лосей, пять кабанов, а зайцев дюжины три. Ну и рыбаки постарались... С едой, стало быть, пока был полный порядок. Собственно, и с вепскими охотниками-добровольцами тоже. Прознав про добычу, что обещал Вадим, набралось аж три десятка жаждущих. И что больше всего радовало князя, так это то, что почитай все вепсы имели луки.

– Мы им такое устроим! Ух! – взбодрился воевода, пересчитывая новоприбывших.

Да и Вадим был в приподнятом настроении. В совокупности его рать теперь насчитывала сто семь человек. Теперь было с чем развернуться. По предварительным агентурным данным, от убиенного Худоты, да и от того же воеводы князь знал, что в Белоозере варягов засело не более сотни. Ну, плюс-минус...

Теперь самое главное на повестке дня добраться до рубежей Руси и кинуть боевой клич. Должны еще ратники собраться, которые до поры до времени отсиживались по явкам. Партизаны, блин...

Дни тянулись в размышлениях. И еще в новых неожиданных, но приятных встречах. Грешным делом Вадим считал, что места будут дикие, ну или почти... Однако он вскоре убедился в своем заблуждении. Вначале двигались по реке Сясь, берега которой были на удивление пусты. И это было странно. Река-то широкая... Однако, верст через пятьдесят от Каргийоки обнаружилось довольно большое поселение. Знакомство с родичами Вадим доверил вепсам, которые быстро сошлись с родом лисицы. Да сошлись так, что целый десяток воинов изъявил желание присоединиться к походу.

Двинулись дальше... река Сясь сделала резкий поворот, где в нее впадала более мелкая река Тихая. Тут жил род озерной чайки. Хотя никаких озер поблизости не наблюдалось. Вепсы и тут нашли общий язык с дальними соседями, и к отряду князя присоединилась еще дюжина молодых и активных.

Река Тихая, шириной метров сорок, часто петляла, но выбора-то особенно не было. Все же по льду передвигаться намного веселей, чем продираться сквозь буреломы и буераки. Тихая полностью оправдывала свое название, ибо была абсолютно безжизненна. Они отмахали не мене ста верст, так и не встретив селений.

А вот уже дальше... Вадим почесывал руки, прикидывая, сколько еще шустрых парней можно навербовать, но фортуна дала сбой...

В конце шестого дня река вывела на берег большого озера и вот тут они впервые встретились с белоглазыми чудинами. Собственно, это были тоже вепсы, насколько мог

⁶⁹ Лютень – февраль.

понять Вадим из разговора с ними Юски. Но эти парни были белокуры и белоглазы. Маленькие и юркие... К гостям они отнеслись настороженно и в селение не позвали. Хотя за пару ножей указали путь и проводили до границы с соседним родом. А там опять белоглазые, и опять два ножа...

По землям чуди заволочской, как прозвал их Вадим, двигались дней десять. Заволочская... м-да... Вадим примечал путь движения, авось пригодиться. И там, где река Тихая обрывалась, пришлось пробираться по лесам, да лесам. Все краешком, благо лес иногда расступался, а местами переходил в широкие сосновые боры. И все же с санями намучались...

И только через двадцать верст вышли на другую реку. Вот тебе и волок, коли летом на судах идти. А чудины эти и есть живущие за волоком. Чудь заволочская... В общем-то это была не его придумка. Вадим знал это из институтского курса.

На вторую седмицу движения прижали морозы. И как ни кутались, как ни палили по ночам жаркие костры, а без обмороженных не обошлось. Человек пять разместили на санях, ибо сильно поморозили ноги. А в довершение всего – пала одна лошадь.

Еще несколько раз сворачивали, когда река обрывалась и тонким замерзшим ручейком пряталась в болоте. Тогда шли по лесам, что сгубило еще одну лошадь. Коняга попала ногой в трухлявый пенек и сломала ногу. Сани пришлось бросить, а лошадь съесть. Никто из руссов этого пути не ведал, включая и самого воеводу.

– Так, княже, мы завсегда по Онеге шли. А там через Свирь на Нево-озеро... а там уже и Волхов...

– Понятно, – кивнул князь. – Путь известный...

Про северный проторенный путь через Свирь и Онегу воевода говорил еще в Каргийоки. И даже настаивал... Но Вадим, проявив упорство, настоял на южном варианте. И хотя этот путь был и длиннее, и менее известен, однако князь предпочел его, выложив свои аргументы. Во-первых, враг, если он будет извещен о приближении руссов, будет ждать их именно со стороны Онеги. Во-вторых, по Свири жили именно те рода чудинов, что приняв руку варягов, стерегли рубежи, а значит, пришлось бы продираться с боем. И в-третьих, на южном направлении можно было сыскать союзников из вольных чудиных родов. И не только вольных, но и из тех, кто точит зуб на алчных варягов. Вадим вполне дружил с географией, полагая, что она будет не сильно отличаться от современной. Ведь даже по этому, южному направлению, почитай весь путь по рекам.

Морозы не отпускали, и князь стал беспокоиться за свою новообразованную кавалерию. Два десятка вершников берегли больше коней, чем себя. Теплые попоны хоть как-то помогали...

– Должна быть река, должна... – твердил себе князь руссов.

Он уже начал терять терпение, как к нему явился дозор и сообщил радостную весть.

– Река, княже.

– Ну, что я говорил!

– Да уж... – просиял глазами закутанный по самый нос Павел.

Они вышли на узкую речушку, которая, правда, через десяток верст заметно прибавила в достоинстве. Пройдя еще с десяток верст и выйдя из-за поворота реки, дозор обнаружил людей.

Еще один род белоглазых встретил их на удивление тепло. Чудины радушно приняли гостей, и Вадим решил задержаться в гостеприимном роде барсука на пару дней. Тем более что эти чудины, считай, жили на порубежье, ибо дальше начинались земли руссов. Собственно, и воевода Бряг успел про этих бравых рябят кое-что порассказать. Вадим прикинул – и так, и так получалось, что все свежие новости не должны были миновать барсучий род. Да и цель была близка. К тому же, выяснилось, что род был довольно большой и мог похвастаться наличием нескольких селений и тремя сотнями воинов. От удивления князь аж присвистнул.

– Ого... – Вадим ласково улыбнулся Пилте – главе местного рода.

– Да-а-а, – довольный собой, ответил чудин, – только у меня тут в Райде сотня воинов.
– А что из града приходили до вас? – спросил князь.
– Выхода с прошлой зимы мы не давали, – твердо отвечал глава рода, а потом многозначительно добавил: – Слабы нынче варяги...

Вадим поспрошал еще Пилту и окончательно уразумел для себя, что тут уже было известно о смене власти в Альдегьюборге и о пропаже ярла Гутрума и его брата Бьярни. Ну а когда князь руссов все подтвердил и подробно рассказал Пилте, что это собственно они (тут он кивнул на Павла) уgomонили Гутрума, глава барсучьего рода просиял как весеннее солнышко и закатил пир.

– Хвала Юмалу! – чуть не подпрыгнул Пилта. – Вы храбрые воины! Я рад видеть у себя дома тебя, князь руссов, и тебя, глава медвежьего рода!

Вадим с Павлом выдюжили почти до самого конца... Хмель все же срубил князя, хотя и одним из последних на пиру. Павел сдался чуть раньше...

Пробуждение было не из приятных. Голова болела, а во рту стояла сухость пустыни.

– Князь! Баар! – воззвал Пилта, завидев друзей. – Ждем вас!

И чудин широким жестом указал на стол, мол, поправиться надо. Лицо Вадима исказила недовольная гримаса.

– Я решил идти с вами на град! – широко улыбаясь, продолжил Пилта. – Выпьем!

Вадим подошел и тоже попытался улыбнуться в ответ.

– Сколько воинов поведешь с собой, славный Пилта?

Глава чудинов протянул князю кружку.

– А всех!

Выпили, и в голове тут же прояснилось. И не столько от пива, сколько от слов Пилты.

– Три сотни? – не поверил Павел.

– Три сотни! – подтвердил чудин, и они снова выпили.

А потом закусили и вновь выпили...

* * *

Глава барсучьего рода на следующий день развел бурную деятельность. Собирал обоз, лично руководил погрузкой продуктов и снаряжения. Проверял готовность воинов, заглядывал в кузницу, где пара кряжистых мастеров ковала наконечники для стрел и сулиц. Пилта озабочился и изготовлением новых щитов. На этом настоял Вадим, узнав, что у воинов чудинов плохо обстоят дела с защитой.

Суэта продолжалась еще два дня, и только на третий, рано поутру крепко увеличенная союзная рать выступила из Райды.

– А молодец «барсук», – изрек Вадим вполголоса.

– Ага... Пилта – хороший мужик! – согласился Павел. – Три сотни воинов. Ого-го!

Князь руссов гордо восседал во главе колонны и уже предвкушал скорую победу. Дружина, благодаря удачному союзу с «барсуками», теперь простиралась до четырех сотен...

– Это что теперь у нас? – вслух размышлял Павел.

– Так... м-м... четыреста двадцать два человека, вместе с нами, – ответил Вадим.

– Ну, осталось еще твоих по лесам собрать – и тогда держись варяги...

Выглянуло солнце, и на душе стало совсем хорошо. А от ощущения скорой развязки сердце пылало в груди.

Впереди, арьергардом следовали «барсуки». Передвигались по льду реки Хойты, которая, по словам Пилты, должна вывести их напрямик на Белоозеро. А там уже по озеру подняться на север – и будет стольный град руссов.

– Дня через три будем на месте, – уточнил Пилта.

«Барсуки» уверенно вели дружину вперед по своей земле, при этом, совершенно не опасаясь врага.

– Варяги из града давно не кажут здесь носа...

– Все же пусть твои парни будут повнимательнее, – ответил князь главе «барсуков», резонно полагая, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

И все же один вопрос не давал князю покоя – как собрать оставшихся руссов. Вадим подозвал воеводу. Бряг нагнал князя и пристроил свою лошадь рядом.

– Как мыслишь, где могут быть наши?

Воевода грустно вздохнул и отрешенно махнул головой.

– Понятно... – в тон его настроению изрек князь.

Вырвавшись на просторы заснеженного озера, дружина зашагала веселей. Вадим отбросил размышления по поводу изыскания остальных руссов и решил, не теряя времени, двигаться прямо под стены града. В конце концов, четыре с лишним сотни бойцов придавали большую уверенность.

– Все равно северные поселения руссов за градом расположены, – пересказывал князь другу слова воеводы, – так что, пока мы будем телиться, варяги могут выдумать какую-нибудь каку. Так что будем брать град сходу. А там уже шум пойдет, наши парни прознают и сами подтянутся.

– Резонно... – согласился Павел.

– А то!

Как не спешили ратники на храбрые дела, но погода резко внесла свои коррективы. На второй день пути по озеру, закружила пурга, да все сильнее...

Вадим приказал свернуть в сторону берега и укрыться в лесу. Дружина едва успела достичь первых деревьев, как боги сошли с ума. Завертелись вихри, с противным и нудным завыванием, а снега было так много, что в двух метрах не видно было ни зги.

В этой белой карусели возникшие поспешили, и несколько саней сбившись в кучу, позацеплялись оглоблями. Сквозь буранный вой слышались крики и брань ратников. Протяжно стонали деревья под напором ветра. Встревоженные кони, не переставая, ржали, норовя вырваться...

Ветер крепчал.

Наконец общими усилиями растащили сани, и люди, дабы укрыться от непогоды, стали группироваться по двое-трое, прикрываясь плащами, шкурами, щитами...

Вадим вместе с Павлом и Юски устроились подле саней. Положив щиты, уселись на них и накрылись плащами. Оставалось только молить богов и ждать, когда эта бесноватая метель прекратит свое веселье.

* * *

Порывы яростного беснования окончились только под утро. Еще с час вяло покружило, а затем прыснуло солнце, и последние пушинки не спеша упали на землю.

Выбравшись из-под плаща одним из первых, князь обозрел дружину. Сотни маленьких холмиков начали колыхаться, сбрасывая снег. В стороне, плотной группой стояли кони, по брюхо в снегу, но и они тоже начали бурно мутузить ногами, пытаясь выбраться. А самые ретивые коняги уже тянулись к веткам, норовя позавтракать хвоей.

– Кончай ночевать! – раздался зычный голос воеводы.

Бряг деловито обошел все сотни, на ходу раздавая приказы. Лагерь быстро пришел в движение, а еще через час на многочисленных кострах уже висели котлы, в которых булькала размазня, или, как это теперь называют – кулеш. Хотя этого слова еще народ не знал, но Вадим именно так именовал это варево из горохового толокна и сала. Над лагерем повисли дурманящие ароматы сала, чеснока, лука и, естественно, распаренного гороха. В желудке у Павла протяжно взвыл охотничий рог.

– Ого! – подивился Вадим такому звучному призыву.

– А чё ого?! Со вчерашнего дня не жрамши, – Павел надавил руками на живот.

– Ну, так сейчас наворачстаем...

Вскоре кулеш был готов, и все принялись навестывать, так что весь лес огласил бодрый стук деревянных ложек. Четку выбивали такую, что даже все местные дятлы примолкли, и, прислушиваясь, крутили головами в поисках незваных конкурентов.

Вскорости обед был окончен, и, запрягши сани, дружина потянулась на лед озера.

– Княже!

Вадим, проводив взглядом удаляющихся в дозор конников, обернулся. К нему спешил глава «барсуков».

– Княже! Фу... – Пятла немного отдышался, – княже, у меня двое пропали...

– Как?

– Ушли по нужде... люди видели... Теперь ищем!

– Стой! – прокричал Вадим.

Воевода, услышав и увидев поднятую руку князя, повторил приказ. Колонна замерла.

– Давай, Пятла – ищите! Не могли они далеко уйти.

Суета с поисками продолжалась недолго. Князь оказался прав – далеко они не ушли. Обоих потеряшек нашли подле большого камня, раскопав сугроб... Вепсы, крепко обнявшись, сидели на снегу. Их души едва не забрал Великий Юмал. Окоченевших бедолаг насилу растерли и привели в чувство. Пришлось их устроить на санях.

– Фух, – глава барсучьего рода отдышался и доложил об исполнении. – Все, княже... жить будут.

– Добро. Сколько до Белоозера осталось?

– Если споро пойдем, то к вечеру, княже...

– Добро! – Вадим кивнул и дал отмашку на движение.

* * *

Весь остаток светлого дня были на марше. И только когда солнце, влекомое богами на аркане, стало клониться к черте, появились дозорные. Трое всадников скакали по льду, обильно поднимая за собой снежную порошу. Первым неся Вран. Он-то и подскочил к Вадиму.

– Княже! Княже, там наши град штурмуют!

– Какие наши? Какой град? – опешил Вадим.

– Наши, руссы! – гарцевал чернявый воин перед строем. – Там Марун, Надей, Останец и оба Олафссона с ними – Карл и Свен!

– Прекратить мельтешить! – рявкнул Вадим на разгоряченного дозорного. – Стой! – И поднял руку.

– Стой! Стой... – пробежало по колонне.

Дружина остановилась.

– Уймись! – скомандовал князь, видя, как не просто Врану справиться с лошастью, которая, словно юла, крутилась вокруг собственной оси. – Толком говори – в чем дело.

Вершник, наконец, унял прыть, и свою, и коня.

– Так я говорю, княже... Наши ратью подступили ко граду... по лестницам лезут...

Вадим повернул голову. К ним уже спешил озабоченный Бряг.

– Слышь, воевода, – окликнул его Вадим, – там уже без нас, кажись, все решается...

– Что?

– Воевода, – Вран чуть заметно кивнул, – град штурмуют...

– Кто?

– Марун, Останец, Надей... с ними Карл и Свен! Я сам их видел. Признали меня! Поспешать надо, княже! У них народу маловато – не сдюжат! – дозорный заерзал в седле.

– Вот те раз... – удивленно хмыкнул за спиной Павел, и это тут же вывело Вадима из короткого раздумья.

– Так! Воевода, бери всех вершников и стрелой под град. Штурм остановить! Людей собрать воедино! Найти место под общий лагерь! Вершников вокруг града в дозоры, чтоб

мышь не проскочила! Как прибуду, сразу всех сотников ко мне!

– Сделаю, княже, – поклонился воевода и резко развернул лошадь.

Еще секунда, и Бряг во главе конного десятка умчался к Белоозеру.

– Ты смотри, какие они шустрые... – цокнув языком, обронил Вадим.

– Молодцы! – тут же встрял Павел. – Пока мы тут валандались, они тебе град чуть не на блюдечке поднесли.

– Рано радуешься, – князь оборвал довольную улыбку друга. – Они запросто могли за подмогой послать. У них среди чудинов местных есть обожатели.

– Ну-у это бабка надвое сказала...

– Всякое может стать.

Глава седьмая Возвращение града

Кипело отвагой

Бесстрашное сердце...

– Нет, ну ты посмотри, – князь вскинул руку, указывая на лагерь руссов, – устроились. Молодцы!

– А костров-то... – воскликнул Павел, – тут народу не меньше сотни!

К лагерю, устроенному руссами у стен града, подходили уже затемно. И теперь о нем можно было судить только по горящим во множестве кострам. Ветер подул в сторону колонны и принес с собой запах горячей пищи.

Впереди Вадим увидел внушительную процессию. Человек двадцать с факелами.

– Здрав будь, князь руссов! – как иерихонская труба проревел голос статного воина.

– Мы рады приветствовать тебя, князь Вадим! – подключился второй, чуть ниже ростом.

– Слава богам! – выступил вперед третий воин.

Все трое почтено склонили голову.

– О! Так ты и есть славный князь Вадим?! – пропел зычный сбоку.

Вадим повернул голову, окинул говорившего оценивающим взглядом – рыжая борода заплетена в тугую косу и перехвачена кожаным шнурком. И акцент...

– Смотри, Карл! Это наш князь! – рыжий подтолкнул соседа локтем.

– Вадим, значит... хм... Ну, не знаю, Свен, может, он и князь! – второй был как две капли воды похож на рыжего. С такой же косой, с такими же хитроватыми глазами.

Вадим спрыгнул с лошади и в два шага оказался подле викингов.

– Я князь руссов, – глядя прямо в глаза одному из них, спокойно изрек Вадим, – а если это кого-то не устраивает, то он может засунуть свое мнение себе в зад!

Молча, без единого вздоха, стоящий сбоку Свен, взмахнул рукой... Князь, в последний момент, краем глаза уловил движение и нагнулся вперед. Кулак прошел мимо, а вот голова Вадима вломила Карлу в подбородок. Викинг отлетел назад, а князь уже развернулся и атаковал Свена.

Из толпы вылетали возгласы, но вмешаться никто не посмел. Только Павел, узрев сие наглое покушение на друга, в миг соскочил с коня и хотел было кинуться в драку, но воевода, оказавшийся рядом, пресек эту попытку, ухватив главу медвежьего рода за рукав.

– Стой. Смотри, – тихо прошептал Бряг.

И Павел, удивленно зыркнув на воеводу, перевел взгляд на рукопашную схватку. Тем временем Вадим перехватил вновь летящий кулак Свена и ударом ноги в колено сложил крепкого викинга пополам.

– Князь! – громко проревел только что поднявшийся Карл. – Здрав будь, князь руссов!

Викинг стоял, потирая рукой ушибленную челюсть.

– Точно, брат! – подал голос из-за спины князя, поднимающийся со снега Свен. –

Точно! Ошибки быть не может! – он поднялся и широко улыбнулся. – Здрав будь, храбрый князь руссов!

Вадим удивленно развел руками.

– Ну, вы даете, Олафссоны! Вы мне тут что? Проверку устроили!

Вадим посмотрел на одного, на другого, а потом сам решил пошутить.

– Ах, я вас сейчас, сучьи дети! – он рывком вырвал меч из ножен и кинулся вперед.

Олафссоны были парнями не робкого десятка, но, видимо, не ожидали от князя такой реакции на свою выходку. Поэтому они ловко уклонились и забежали за спины гогочущих товарищей.

– Князь!

– Князь, охолонь!

– У-у-у, я вас! Шутники!

Вадим резко остановился перед строем русичей и, еще раз взмахнув мечем, изрек.

– Посмейте мне еще раз так! Балагуры тетеряшные!

– Марун, княже, сын Юша, – ответил воин с трубным голосом на вопросительный взгляд Вадима.

Князь вложил меч в ножны и протянул руку.

– Слышал про тебя, Марун, – князь оглядел могучего воина. – Воевода сказывал, воец ты знатный!

– Слукавил воевода, – улыбнулся Марун, – лучший у нас Одинец.

Русич кивнул направо.

– Одинец, княже, – поклонился воин.

– А что же по отцу не называешься?

Вадим заметил, как Одинец скосил взгляд куда-то в сторону.

– Сын, – услышал князь сдержанный бас воеводы за спиной.

– О как! – Вадим сделал удивленные глаза. – Что ж, воевода крепкий у тебя, парень! Выходит, ты собрал рать на приступ града? – Вадим вновь обратился к Одицу.

– Нет, княже, – отвечивал сын Бряга, – это у нас Надей затеял.

– Надей, княже, сын Стропа, – представился рус.

– Чего же воинов мало собрали? – пожимая руку Надею, спросил князь. – Нешто оскудела земля руссов?

– Сотня и три десятка тут, под стенами, княже, – четко отрапортовал Надей. – Еще четыре десятка вокруг града стоят дозорами. Варяги пытались за подмогой к чудам посылать. Дозоры их пресекли.

– Ай, молодцы! – похвалил Вадим.

Лица с виду суровых воинов расплылись в улыбки. Только сейчас князь заметил, что лучшим воинам руссов, как о них говорили, вряд ли можно было дать больше двадцати пяти лет. «Хотя по нынешним временам это уже солидный возраст», – подумалось князю. И волей-неволей он прикидывал и сопоставлял их возраст и опыт со своими.

– Готов твой шатер, княже, – Вадим услышал голос воеводы и обернулся.

– Добро. Пошли.

Союзная дружина втянулась в лагерь, и тут сразу стало не протолкнуться. Люди бурно приветствовали друг друга. Они обнимались, оглашая округу проклятиями в адрес врага. Вот теперь, мол, мы им покажем кузькину мать!

* * *

– Много, говоришь? – переспросил Кнуд Дьярвссон стоящих на стене наблюдателей.

– Точно. С санями пришли! – быстро ответил низкорослый Рegin и толкнул локтем соседа.

– Сотни три, не меньше! – тут же выпалил воин с рваной бородой.

– Откуда их принесло? – Кнуд продолжал разглядывать шумный лагерь осаждающих.

Противник устраивался, не таясь. Множество ярко горящих костров и факелов прекрасно освещали пространство.

Наконец, наместник оттолкнулся от стены и, повернувшись, бегло оглядел суету внутри борга. Внезапно закончившийся только что штурм, принес дружине варягов немало хлопот...

Их обложили еще вчера. Наместник ярла Гутрума сразу же выслал гонцов в соседний чудинский род, в верности которого Кнуд не сомневался. Но и без этого Кнуд Дьярвссон был уверен в своих силах. За крепостной стеной у него было восемь десятков викингов и четыре десятка чудинов. Этого должно было хватить.

Кнуд прекрасно видел, как руссы устраивали лагерь и рубили в лесу лестницы. А сегодня, когда они пошли на штурм, он верно оценил их количество – около сотни. Меткость его лучников несколько охладила пыль руссов, и все же им удалось добраться до стен. Враги начали карабкаться по лестницам. В ход пошли камни, бревна и кипяток... Но вдруг, внезапно, штурм прекратился, и атакующие резко отхлынули от стен. Кнуд воздал хвалу Могучему Одину и Тору.

Его радость длилась недолго. Боги загнали огненный шар в другой мир, и тут Кнуд услышал звуки рогов. Еще через несколько минут вереница факелов заставила его встревожиться. Сомнений у наместника не осталось, к осаждающим подошла подмога. Тут было над чем задуматься...

Кнуд Дьярвссон обозрел внутренний двор. Викинги уносили со стен раненых и убитых. Робкая надежда шевельнулась в груди наместника – потери с их стороны были невелики.

И как в подтверждение его слов, по лестнице вбежал херсир Хрут по прозвищу Губа.

– Хёвдинг, – он обратился к Кнуду, прилепывая заячьей губой, – шесть убито у чудинов и восемь ранено....

– Что у наших?

– Мари убит! Остальные целы!

– Хорошо.

Вот и весь счет. Кнуд сдвинул брови. Все равно получалось, что его сотне теперь предстоит отбиваться от четырех сотен руссов. Хотя еще оставалась надежда, что его гонцы проскочат и приведут чудинов. А это пять десятков... Робкая, но надежда...

– Регин, – позвал хёвдинг, – усилить стражу на стенах!

Низкорослый викинг кивнул, мол, оно и понятно.

– Пошли! – скомандовал Кнуд херсиру.

И они, вместе с губастым Хрутом, сошли со стены.

А в лагере руссов постепенно становилось тихо...

* * *

Едва забрезжил рассвет, лагерь союзников пришел в движение. Кнуд Дьярвссон, хёвдинг и наместник Белоозера, уже стоял на стене. В том, что руссы сегодня предпримут решающий штурм, не было никаких сомнений. Ожидание длилось недолго...

Из лагеря противника выехали три всадника. У одного из них в руках трепыхалась грязно-белая тряпица, которой он то и дело помахивал. Вершники неспеша, шагом подъехали на полет стрелы.

– Не стреляйте! – раздался мощный бас. – У нас вам гостинец!

Они еще помедлили, а затем вновь пустили коней шагом. В них не стреляли, и руссы вскоре оказались под самыми стенами.

– Чего там? – твякнул нервный голос со стены.

– Гостинец от нашего князя!

На стене зашумели...

– Кидай веревку! Принимай гостинец! – пробасил русс и стал отстегивать от седла мешок.

Он соскочил с коня и привязал мешок к спущенной со стены веревки.

– Принимай!

Как только веревка с гостинцем поползла вверх, всадники развернулись и на рысях направились к лагерю.

– Что там? – взглядом указав на мешок, спросил Кнуд Дьярвссон.

– Сейчас... – пробурчал себе под нос Регин.

Он не стал возиться с веревками, а просто перерезал их ножом. Из мешка посыпались головы.

– Проклятье! Забодай вас Хейдрун⁷⁰! – взревел хёвдинг, узнав головы своих гонцов.

Впрочем, и многие стоявшие рядом викинги тоже признали останки своих неудачливых товарищей.

– Чудины не придут...

– Помощи не будет... – раздался тревожный шепот.

– Заткните глотки! – протрубил Кнуд и носком сапога отбросил пустой мешок. – Нас им так просто не взять! Все на стены! Приготовиться!

Хёвдинг вернул еще пару крепких родных выражений, придав воинам нужное ускорение. Викинги быстро рассредоточивались по стенам, занимая отведенные места. Кнуд Дьярвссон, нахмурившись, как в день поминовения любимой тещи, двинулся к надвратной башне. Наступал день последней песни... И Кнуд Дьярвссон, хёвдинг ярла Гутрума, был к этому готов. Он посмотрел вверх. Солнце начало свой разгон, и день обещался быть на славу. Вот только...

Протяжно пропел рог, на краю лагеря руссов взметнулся красный стяг с золотым трезубцем и быстро поплыл в сторону града. Кнуд, стоя на верхней площадке воротной башни, быстро припал к стене, сощурился и стал разглядывать новых гостей.

– Кого это еще там несет?

То, что это не штурм, было очевидно. От лагеря, к боргу, ходко, на рысях шли пять всадников. Один из них, гордо вскинув голову, держал стяг руссов. Рядом с ним на вороном коне скакал воин в кольчуге, без шлема, в меховой шапке с красным верхом. Именно этот воин и привлек внимание хёвдинга. Ближе... ближе, и Кнуд разглядел окладистую русую бороду и длинные волосы, ниспадавшие на плечи из-под шапки. Красный плащ всадника хлопал крыльями... ближе, ближе... он словно летел на этих крыльях. Никто из пяти воинов руссов не кричал, не приветствовал. Они рысили молча. И даже здесь, на стене, стало тихо. Викинги, затаив дыхание, следили, как стяг с трезубцем замер перед самыми воротами.

– Кто главный? – отчетливо и громко спросил воин в красном плаще по-словенски.

Кнуд немного помедлил, а потом подал голос:

– Кнуд Дьярвссон!

Русый воин поискал взглядом говорившего.

– Покажись, Кнуд Дьярвссон! С тобой хочу говорить я – Вадим, князь руссов!

Хёвдинг большим пальцем правой руки провел под нижней губой, а затем всей ладонью расправил бороду. Он немного знал язык словен и руссов и ответил:

– Ты не похож на Вадима Старого! Ты не князь руссов!

– Ой ли! – назвавшийся князем руссов, чуть привстал в стременах. – Я сын Вадима Старого и поручкой тому моя дружина! – при этих словах русс сделал широкий жест, указывая на свой лагерь.

Кнуд хмыкнул и спросил:

– Чего хочешь?

– Лучше бы ты спросил, чего я не хочу? – русс сделал паузу. – А не хочу я крови! Слишком много ее было пролито... Слушай меня, Кнуд Дьярвссон! И вы все слушайте! Подмоги у вас не будет! Ярл Гутрум вам боле не господин!

⁷⁰ Хейдрун – священная коза.

С этими словами говоривший извлек из-под плаща помятый шлем с бронзовыми накладками.

– Ваш ярл Гутрум убит! Вот его шлем! Узнаете?

Хёвдинг нервно сглотнул. То, что ярл с прошлого лета не давал о себе знать, это беспокоило не только его, но и всю дружину. Кнуд прикидывал и так, и сяк, решив, что как только реки откроются, он сам поедет в Альдегьюборг. Но тут...

– Забодай вас Хейдрун! – Дьярвссон в сердцах влупил кулаком по бревну. – Чтоб тебя...

– Я не хочу крови! Это мой град по праву! – продолжил вещать князь руссов. – Все, кто хочет, могут свободно покинуть град! Вы вольны в своих действиях! И клянусь, я не стану мстить и чинить препятствия. Уходите!

– Забодай тебя Хейдрун...

– Даю вам время до полудня!

Князь развернул коня и зарысил обратно. Вершники руссов последовали за ним. А Кнуд не сводил глаз с красного полотнища с золотым трезубцем. Вот стяг руссов дрогнул и поплыл вслед за князем.

Хёвдинг поднял голову. Солнце, набирая разгон, катилось к зениту. Резко подул ветер, ударил по глазам, и Кнуд зажмурился. Но, видимо, поздно, что-то больно кольнуло зрачок.

– Чтоб тебя... – ругаясь, хёвдинг пытался проморгаться.

* * *

Первыми подняли бучу чудины. Они собрались во внутреннем дворе и, погорланив несколько минут, гуртом двинулись к воротам.

Тут-то их и узрел Кнуд. По решительным лицам чудинов хёвдинг быстро сообразил, что парни готовы на все.

– Куда это собрались? – грозно спросил Кнуд.

Чудины загудели. Вперед вышел их старший – Кату.

– Мы уходить! Ярла убит... ярла не придет! – с акцентом, на словенском ответил чудин.

– Кату! Вы что, с ума посходили! – хёвдинг сделал шаг вперед. – Кому вы поверили? Если выйдете за ворота, руссы всех перебьют. Кату, верни людей на стены!

– Не говори! Мои воины не будут биться за тебя! – Кату ткнул пальцем в сторону викинга. – Мы уходить!

За спиной Кнуда гроыхнули щиты. Воротная стража сомкнула строй.

– Забодай тебя Хейдрун, Кату! Я не выпущу вас за стены!

Строй чудинов заколыхался. Послышался шелест извлекаемых клинков и буханье щитов.

– Отойди! – Кату сдвинул шапку на затылок. Его лицо налилось краской. – Отойди! Мы уходить!

Хёвдинг посмотрел на стену. Там его лучники, правильно оценив ситуацию, наложили стрелы на тетиву.

– Кату! Добром прошу! – Кнуд решил сделать последнюю попытку остановить союзников. Он понял обе руки вверх, ладонями к чудинам. – Руссы обманут вас! Там, за воротами, вас ждет смерть! Вы клялись богами, что будете служить Гутруму.

– Он мертв! – выплюнул старший чудин. – Нет Гурма, нет клятвы! Юмал судил!

– Кату...

И тут дров в костер подкинул прилетевший из-за стены протяжный возглас на чудинском:

– Тягалажетэ⁷¹!!!

⁷¹ Тягалажет – местный, земляк.

Чудины встrepенулись, напрягли слух.

– Эй, тягалажетэ! Бонату линд! Тойка... Эи калма!⁷²

Они словно ждали этого призыва.

– Юмал!!! – проревели почти три десятка глоток, и чудины ринулись на ворота.

Кнуд успел отпрянуть в сторону и отбежать к стене. По щитам чудинов забарабанили стрелы, но они ломились вперед, не замечая потерь. Воротная стража, состоящая всего из восьми человек, была буквально раздавлена. Викинги один раз успели взмахнуть мечами, когда их подмяла ярость детей Юмала. Расправившись со сторожей, чудины принялись сбрасывать тяжелое бревно, что держало створки ворот.

– Хрут! Регин! – взревел хёвдинг, выхватывая меч. – Все ко мне! Один!

Викинги откликнулись на призыв, и во главе с херсиром Хрутом стали спешно спускаться со стены. На этом участке стены их было мало, всего три десятка, но они сумели организовать контратаку.

– Один! – возвал Кнуд к Водителю дружин и первым понесся к воротам.

Но бревно уже пало на землю, и левая створка ворот поползла в сторону.

– Один!!! – вскипели викинги.

Викинги на бегу сумели сплотить строй и мощным тараном ударили своих бывших союзников. Они врезались в строй воинов Кату и принялись изливать свою ярость. Их можно было понять. Дело чести умереть в бою. Мечта каждого воина встретить смерть с оружием в руках, а эти презренные чудины бегут с поля боя, наплевав на честь. Ишь ты, хотели покинуть борг!

– Руби их!

И завертелось...

Послышались стоны, лязг оружия и треск ломающихся щитов. Звонко встречалась сталь со сталью, в поисках плоти. Буц! Железо крошило шлемы. Чпмок! Копье пронзало чье-то тело. Хрусть! Меч колот череп. Кхей! И двуручная секира дробила кости... Кровь бывших союзников смешалась...

– Один!

– Юмал!

– Сука!

– Кха!

* * *

– Обалдеть! – воскликнул Вадим и скосился на друга. – Ты смотри-ка, ворота поплыли!

– Сдаются, – высказал робкое предположение Павел.

– Не знаю... хотелось бы...

– Решили перевыполнить план и сдаться до обеда, – хихикнул глава медвежьего рода.

– Смотри-смотри... выбегают, – князь руссов привстал в стременах.

– Кажись вепсы!

– Точно. Это ты, Паш, ловко придумал, поманить их.

– Смотри!

– Что-то не тоё!

Еще через несколько минут стало очевидно, что вепсы прорываются с боем. Даже сюда, в лагерь, долетали отдельные крики.

– Княже, – воевода едва удерживал коня на месте, – ворота открыты! В самый бы раз вдарить!

– Вершников вперед! Остальные бегом! – быстро сориентировался Вадим и дал своему

⁷² Дословно – Эй, земляки! Бросайте крепость! Выходите... Нет смерти!

жеребцу шенкелями. – Вперед! За Русь!

Два десятка, у него было всего два десятка конных, но он решил рискнуть. Теперь главное прорваться в ворота, пока варяги не успели их захлопнуть.

– Вперед!

Красный с золотым трезубцем стяг развернулся на ветру. Вадим перевел коня в галоп, увлекая всех за собой. Князь оглянулся – хорошо идут!

Выбежавшие из града вепсы, завидев несущиеся десятки, побросав щиты, разлетелись в стороны. Вершники промчались мимо, выбивая из-под копыт утоптаный снег вместе с клочками земли.

– За Русь!

Близко... еще чуть-чуть... До обидного близко, но створка ворот стала закрываться.

– Вперед! – прокричал Вадим, надрывая горло.

От так лягнул своего жеребца, что тот, обезумев, рванулся стрелой. Вот створка замкнулась, но Вадим, не тормозя разгона, летел, летел... Лишь за полметра он резко осадил скакуна, и тот, встав на дыбы, чуть не скинул седока. С великим трудом Вадим удержался в седле, а взбешенный конь от души заехал передними копытами в створ ворот.

– Бляха, как в сказке! – вырвалось у князя.

Ворота, чуть скрипнув на петлях, поддались. Совсем немного, но все же... Силой Вадим заставил коня рвануть вперед, и тот головой, грудью, словно мышь в щель, влез в прореху. И тут же сзади налетели отставшие вершники. Грудью коней они накнулись на ворота. Кто-то из дружинников прыгнул и принялся толкать. В образовавшуюся щель влетела стрела, и один из руссов упал!

– Давай! – немедленно прокричал Павел. – Толкай!

Вадим первым протиснулся вперед. Вот прошел весь корпус коня... князь увидел противника слева. Взмах! Викинг принял удар на щит, и тут же справа двуручная секира разворотила жеребцу морду. Он дико, до дрожи, заржал и получил еще раз. Конь стал заваливаться, но Вадим успел убрать ноги из стремян. Он бросился на обидчика своего скакуна. Перед глазами князя мелькнуло лезвие секиры, а в следующее мгновение Вадим достал викинга мечом в предплечье. Рука опустила секиру, и князь добавил еще. На этот раз в ключицу. Упрямый варяг не падал, а пытался одной рукой произвести замах. Третий удар мечом смял усиленный кожаный шлем, и череп северянина не выдержал.

– Вперед!

Легкая задержка у ворот и, наконец, вершники прорвались на открытое пространство за воротами.

– Вран! Сивояр! Хлуд! – князь подозвал своих конных лучников. – Стены!

Лучники поняли и принялись ссаживать врага со стен.

– Паха! – окликнул друга Вадим. – Держи улицу!

Викинги контратаковали вяло. Всего полтора десятка навалились на вершников. Руссы крутились на конях, рубили, рубили... минута, две – и напор иссяк. На площади перед воротами остались только трупы.

– Русь!!! – пехота ворвалась в гостеприимно распахнутые ворота града.

– Русь!!!

Пешцы ворвались и тут же растеклись по стенам, по улочкам, выискивая и добывая оставшихся врагов. Превосходство союзников в численности было подавляющим. Вадим вложил меч в ножны. Князь более не сомневался.

– Паха! Град наш!

А град наполнился победным многоголосьем.

– Ру-у-у-у-у-у-у-у!!!

Глава восьмая

Новая жизнь

Ликование с припрыжками на улицах, праздничный пир с дудками и одним мелким мордобоем, остались позади. Недельку народ предавался буйному веселью, до тех пор, пока хмельные вены града не высохли до капли. Когда иссяк поток пива, браги и медовухи, люди отжали то, что еще можно было употребить и, наконец, наступило похмельное затишье. Град притих...

Конечно, прежде, чем придаваться разгулу, Вадим лично проследил, чтобы всех павших похоронили... предали погребальному огню. Град удалось взять малой кровью. Дружина руссов недосчиталась одиннадцати воинов, а союзные чудины потеряли двадцать восемь человек. Почитай все потери чудинов пришлось на дружину Пятлы. Рьяно рванул ввысь огонь, унося души павших с богатыми дарами Одину и Юмалу, под звуки двуязычных песен.

И только после Вадим осмотрел все погреб и закрома. Ведь было страсть как интересно, что варяги успели нажить да сховать по темным углам. В поисках участвовали только руссы во главе с воеводой, который хорошо знал все закоулки. Бряг уверенно провел князя сразу к нужному месту. Вернее, к трем нужным местам. Первое – оружейная. Тут нашлись и мечи со щитами, и копья с рогатинами, и секиры с топорами, и шлемы, и даже брони из толстой кожи. Вот кольчуг не было...

Второе – погреб, где было немало зерна, овощей, мяса и браги. И третье – кладовая с двумя большими сундуками, парой бочек и большой вешалой под потолком. А радости было! В сундуках-то побрякушки с камнями, да серебро в гривнах⁷³, да ткани и целых двадцать пять золотых солидов⁷⁴. А в бочках – воск, а на вешалах меха – и лисьи, и волчьи, и куньи, и заячьи, и бобровые, и даже одна шикарная медвежья шкура.

– Ого, – присвистнул тогда князь, оглядев богатства. – Будем жить!

Вадима очень заинтересовали византийские монеты.

– А ну, посветите, – он взял солид, и когда воевода с Павлом наклонили факелы, принялся читать надписи. – Так... Михаил, ага... Феофилос... – Феофил, стало быть.

– Вадим, и что это? – спросил Павел и тут же сам ответил: – Императоры, что ли?

– Угу, – буркнул князь, продолжая крутить в руках монеты.

– А почему два имени?

– Феофан... Феофан... Ага! Эврика!

– Ну и что? – Павел в тот момент возвел очи горе, явно не понимая, куда клонит друг.

Вадим тогда покосился на воеводу.

– Давай потом. Бряг, поставь на двери крепкие запоры, и лучше с замками. Ключи мне отдашь. А то ключницы у меня пока нет.

А вот потом уже пошел пир горой...

* * *

И вот, наконец, люди умаялись...

Еще день ушел на баню и огуречный рассол, после чего Вадим решительно приступил к делам. Первый вопрос встал о численности имеющегося населения. Еще во время загула князь обратил внимание, что горожан что-то подозрительно мало. И в основном бабы, дети и старики.

– Неужели все сбежали? – обратился князь с мучившим его вопросом к воеводе.

– Почитай все, кто успел, дали плеча, княже, – с горечью ответил Бряг. – Кто по

⁷³ Серебро в гривнах – в слитках, бруски, весом около 200 г.

⁷⁴ Солид – золотая византийская монета, весом 4,2–4,5 г.

выселкам да по дальним весям, кто еще дальше, на Онегу подался...

– Есть и такие?

– Как не быть, княже, – вздохнул воевода, – и при осаде мно-о-ого народу полегло. Да и погорел град тогда... Вот и стоит теперь наш град почти пустой.

– Остались самые смелые... – пробурчал себе под нос Павел.

На следующее утро князь решил впервые объехать теперь уже полностью его град.

Начал князь с детинца, ибо таковой имел место быть в стольном граде. Собственно, основная часть пировального веселья происходила именно в детинце, а точнее – в тереме, но тщательно осмотреть его у Вадима времени не нашлось. Недосуг было...

Вадим в сопровождении Павла принялся по-хозяйски исследовать собственный – вот именно – собственный терем! Двухэтажное рубленое здание с высоким крыльцом было, мягко говоря, не первой свежести. Нижние венцы нуждались в срочной замене. Крыша тоже требовала трудов...

Первый этаж был почти полностью в распоряжении челяди, как и большая кухня, кладовые и прочие хозяйственные помещения. Выяснилось, что челядь тут же и живет. Второй этаж имел четыре отдельных помещения. Большой зал, где, собственно, и пировал князь все эти дни. К слову, это помещение не отапливалось. Был еще малый зал – думный, как назвал его воевода. Тут размещался княжий стол – широкий стул с высокой резной спинкой и подлокотниками. Правда, спинка была треснута, а один, правый подлокотник вырван, что называется, с корнем. Вдоль стен стояли широкие лавки.

– М-да... – Вадим обвел взглядом зал, – стульчик надо бы заменить.

Две остывшие комнаты служили опочивальнями. Подразумевалось, вернее, как было при бывшем князе, одна опочивальня принадлежала князю, другая княгине. Вадим задерживаться в опочивальнях не стал. Он и без того уже все тут изучил, именно тут ведь и ночевал. Поначалу он пытался отыскать хоть что-то от приемного отца. Но, после длительного пребывания здесь варягов, никаких следов прежних хозяев не обнаружилось. А жаль...

Окончив осмотр терема, перешли к изучению всего имеющегося в детинце.

– Но терем все же надо подновить, – озабоченно изрек Павел.

– Да ладно! – Вадим еще раз окинул взглядом черный терем. – Походу не латать надо, а новый строить!

– Ну, тебе с бугра виднее.

Сам детинец представлял собой четкий квадрат пятьдесят на пятьдесят метров. Этот факт князь выявил практическим способом, измерив вместе с Павлом детинец шагами.

– Не плохо... – кивнул князь другу, – совсем не плохо. А что у нас там?

– А там, княже, дружинная изба, – подсказал воевода, вызвавшийся проводить экскурсию.

Длиннющая изба с низкой, покрытой дерном крышей заменяла собой почти целую стену детинца, ибо была шесть на тридцать метров. Князь вошел внутрь, огляделся. Эта гигантская изба, естественно, имела перерубы⁷⁵, которые разделяли общее помещение на три большие части. Дверей между ними не было, а были арочные проемы. По центру избы тянулись столы и лавки, а вдоль стен стояли сундуки, которые служили дружинникам и постелью, и кладовой. Отапливалась воинская изба тремя очагами, дым от которых выходил в отдушки на крыше.

Дальше от дружинного дома, в сторону ворот, шла рубленая стена, и на углу располагалась кузница. В другую сторону тоже стена и баня. Напротив дружинного дома тянулся длинный ряд построек – конюшня, хлев с живностью для княжеского стола и дровяник. Справа и слева от ворот – избы для челяди. Оружейную и казну, что находились в

⁷⁵ Переруб – пятая стена в избе.

одной избе и справа примыкали к терему, осматривать не стали. Вадим поправил связку ключей на поясе – казна и оружейная были на крепких запорах.

– Ну что, воевода, теперь осмотрим град, – предложил князь.

Им вывели оседланных коней, и они продолжили знакомство с Белоозером. Итак, Белоозеро, что еще во время штурма подметил Вадим, имело форму большого круга! Чуть сплюснутого... эллипс не эллипс, овал не овал... В общем, где-то так. Диаметр этого образования был равен примерно тремстам метрам. Плюс-минус... Стены рублены. Двое ворот. Южные, через которые и был осуществлен прорыв, гордо именовались княжескими. Сиречь центральные, они же северные, назывались торговыми, ибо смотрели в сторону найденного торгового пути через Онегу, Невое-озеро и реку Волхов до самого Новгорода и далее до Низовских земель. Ворота ничем друг от друга не отличались. Имели и одинаковую ширину, и двухстворчатую конструкцию. И там и там имелись надвратные башни с верхней открытой площадкой. Более башен град не имел.

Проезжая по довольно широким улицам Белоозера, Вадим отметил, что уцелевшие хозяйства – добротные, дома просторные, сосед от соседа чинно отделен забором.

– Четыре улицы, с десятков переулков и пара тупиков, – загибая пальцы, вслух считал Павел. – Это тебе не Каргийоки.

– А чего? – Вадим хитро подмигнул. – Давай мы и из твоего Каргийоки град сделаем?

– Ага... легко сказать... У меня народу раз-два и обчелся. А мужиков так и вообще... – Павел махнул рукой. – А и тебе тут еще делов. Половина города-то погорело.

– М-да... – князь стиснул зубы.

Белоозеро значительно пострадало во время нападения варягов. Это Вадим знал еще со слов приемного отца, старого князя.

– А чего варяги град не отстраивали? – Вадим повернулся в седле к воеводе.

– Так им зачем? – хмыкнул Бряг. – Вона стены подлатали... детинец укрепили... остальное ни к чему им.

– Понятно. Айда, вокруг града проедем.

Они выехали через княжеские ворота. Про то, что при граде был небольшой посад, Вадим уже знал не только по рассказам. Еще перед атакой града Вадим лично лицезрел то, что от него осталось. Вернее, ничего не осталось. Все избы были давно раскатаны варягами, а те немногие сараи, что еще оставались, разобрали руссы для осадного лагеря.

– То-то на штурм шли, как по полю...

– Что? – спросил Павел.

– Нормально все. А там что? – Вадим указал в сторону.

– Так, пристанище, – ответил воевода, проследив за рукой князя.

– Ага... пристань...

– И сарайчики, – поддакнул Павел.

Подъехав поближе, они обнаружили с десятков копошившихся подле сараев руссов во главе с обоими Олафссонами.

– Что тут у вас? – подбоченься, спросил Вадим.

Первым подбежал Карл.

– Драккары, княже!

– Два драккара! – это подскочил Свен.

– А ну, показывайте, – князь покинул седло.

Пройдя в длинный сарай, он действительно увидел две варяжские ладьи с вытянутыми змеиными мордами. Суда стояли на деревянных колодах.

– Вот это подарок! – восхитился князь и принялся пристально изучать находку.

– Их надо просмолить...

– Весел маловато...

– У этого мачту заменить...

– Вот тут рум⁷⁶ треснул...

– Ага... а паруса мы еще не смотрели...

Братья Олафссоны, перебивая друг друга, докладывали князю о техническом состоянии драккаров. Вадим, улыбаясь краем губ, поглядывал на этих доморощенных мореплавателей, а те так и скакали от счастья.

– Княже, каждый из них, – Карл хлопнул ладонью по борту, – может взять по сорок воинов.

– А там, – Свен ткнул куда-то в угол сарая, – еще лодки рыбарей есть и сети!

– Тоже хорошо, – князь кивнул. – Ну что ж, теперь пойдемте на пристань глянем.

Пристань оказалась не такой уж и большой. Деревянные сваи держали настил из струганного тонкомера, и пристать к этому чуду могли только три ладьи одновременно.

– Плохо, – покачал головой князь, – очень плохо. Маловато пристанище для торгового града.

– Княже, – воевода, уловив печальные нотки в его голосе, выступил вперед, – у нас вон там торг на берегу был. Где река Белая в озеро впадает. Там и пристанище большое было... Только, когда варяги приступили... пожечь пришлось, вместе с ладьями.

– Это вы погорячились.

– Так мы... это... Князь приказал.

– А тут что было? – вставил свой вопрос Павел.

– А это пристанище для рыбарей было... они тут и жили, на посадке.

– А что, там место хорошее, – Вадим разглядывал бывшее торжище. – Так-так...

Он еще несколько минут созерцал окрестности и белую пустыню замершего озера.

– Все, я понял. По коням. Посмотрим еще северную сторону. А вы – Карл, Свен! Проверьте тут все хорошенько и на сарай запор поставьте.

Олафссоны кивнули. Кони только начали движение, как Вадим нахмурился, что-то припомнив. Он резко остановил коня, развернулся.

– Карл, Свен!

Обрусевшие варяги подошли.

– Я все хотел спросить... Вон, воевода мне про вашего отца рассказывал, про Олафа... он где?

Парни потупили взоры.

– Княже, – тихо подал голос Бряг, – я уже прознал про Олафа...

– И что?

– Наш отец... умер в прошлом году, – ответил Карл и посмотрел в глаза князю.

И Вадим понял их грусть. Старик не дожил до возвращения законного владельца града и умер в своей постели, а не с мечом в руках, мстя за прошлое поруганье. Эх...

– Вы закончили дело отца! – изрек Вадим, не сводя взора с братьев. – Он гордится вами, глядя на вас из Вальхаллы.

* * *

Северная часть посада уцелела практически полностью. И Вадим скрупулезно пересчитал все имеющиеся дома. Их набралось двадцать три штуки, правда, больше половины из них были заколочены – двери, калитки, ворота...

– М-да... не хватает только таблички «Все ушли на фронт».

– Что? – не понял воевода незнакомую речь.

– Куда все делись, – переходя на словенский, спросил князь.

– Да кто где.

– И чего же варяги не лазали по брошенным избам?

⁷⁶ Рум – скамья гребца.

– А чего тут брать-то, княже... ежели только лавки да столы.
Солнце медленно, но верно уходило к краю.
– Ладно, на сегодня хватит, – Вадим повернул коня к воротам.
– Пора бы и пожрать... – напомнил он главе медвежьего рода, разворачиваясь вслед за другом.

Вернувшись в терем, прошли в трапезную, где стол был уже накрыт. Сели. Вскоре подошли и ближние...

Вадим, на устроенном на следующий день после штурма пиру, объявил, что за особые заслуги перед Отечеством приближает к своей царственной... княжеской особе: Маруна Юшановича, Останца Бряговича, Надею Строповича, а также Карла и Свена Олафссонов. Последним Вадим все же погрозил кулаком при воспоминании о том, какую эти балагуры устроили встречу князю. Ох, и выпито тогда было... за честь, за славу, за победу!

Вместе с ближними людьми явился и Пятла – союзный глава «барсуков». И Вадим тут же вспомнил о своем обещании.

– Пятла, я уже распорядился, – начал князь, когда чудин сел за стол, – воевода выделит вам вашу долю добычи и даст саней сколько потребуется.

Сидевший рядом с князем Бряг, кивнул в подтверждение.

– Благодарю тебя, княже, – Пятла приподнялся, поклонился. – Нам уже пора возвращаться. Завтра вот и хотели...

– Добро. Хорошую службу сослужили твои люди Белоозеру, я того не забуду! За дружбу!

– За дружбу!

– Эх, други мои...

Князь встал, поднял кружку, следом вскочили и гости. Выпили...

* * *

Отвечерили настолько плотно, что сразу разморило и потянуло в сон. Насилу добравшись до опочивальни, Вадим плюхнулся на ложе и почти мгновенно уснул. Павел устроился в соседнем помещении и тоже давал храпака.

Глава медвежьего рода спал крепко и грезил о женщине. Вначале это была Улла, законная жена в этой до чертиков надоевшей историчности. И эта мысль о надоевшей действительности перебила грезы о белолицей супруге. И правда, надоело! Павел протяжно всхрапнул, перевернулся на другой бок. Мысль не прошла. Крепкий якорь с тяжелой цепью упал в душу и тянул назад, домой... в свое время. Хотелось теплого унитаза и туалетной бумаги. Мечталось о зубной пасте. Потом вдруг пригрезился шоколад и бутылка водки. Но бутылку водки подхватили чьи-то руки и унесли. Нет. Вот изящная женская спина и длинные волосы... Она обернулась... Настя! Настенька... Его невеста обернулась, прижимая к груди бутылку водки. Она долго смотрела на него, а потом поманила рукой. Поманила... и доигралась! Запотевшая бутылка выскочила из девичих рук и разбилась о бетонный пол. Павел вздрогнул, сглотнул, но так и не проснулся.

А князю руссов снились чертежи и карты старинных городов и зданий в этих городах. Мысли работали весьма конструктивно, в деловом ритме. Хотелось что-то изменить, устроить, переустроить... Дневные впечатления мелькали разнообразными картинками. И, прежде всего, мучило практически тотальное отсутствие населения. Руссы рассеялись по дальним весям, и теперь предстояло их собрать заново. Но это полбеды. Прознает народ про возвращение князя, сам потянется. Главное, как не допустить разорения земель впредь? То, что беспокойные северяне еще не раз заявятся в гости, Вадим знал из реальной истории. И не всегда эти гости будут только купцами. Викингу что воевать, что торговать, только подпоясаться. Делов-то! Превращение из купца в воина у них происходило на удивление легко и быстро.

Так, так... Ну, перво-наперво надо стены укреплять. А лучше возвести еще одну рядом

с первой, метра через два-три в стороне, и между ними земли да камней накидать. Во! – получится. До такого тут еще не скоро додумаются. И пару башен можно возвести, и ров с валом учредить на всякий случай. Вот, ежели все это соорудить, то с парой сотен крепких парней можно держать оборону хоть до паучьей пасхи. Ага... погребов тут маловато. Надо добротные большие погреба сообразить, а то как же осаду держать, голодными? И еще колодцев поболее нарыть. А то даже в домах у горожан один колодец на два дома – непорядок. Издать указ, чтоб в каждом хозяйстве был свой колодец. Колодец! Ну да! Етить! Это ж и с пожарами бороться сподручнее. Стоп! Пожары! Видел он несколько спаленных хозяйств и в самом граде, и на посаде. Правда, погорело все еще пару лет назад, когда варяги град штурмовали. Но все же... Етить! Тут ведь камней вокруг – завались! Чего же народ не строится капитально, а все дерево, дерево? Надо уточнить и поставить задачу!

Вадим аж подпрыгнул и тут же проснулся.

– Ё, – князь почесал лоб, – главное, не забыть бы...

Он встал с ложа. Одеваться не пришлось, вчера уснул как есть, в одеяниях. Посему быстро засунул ноги в сапоги и решительно двинул к другу – хотелось срочно все обмозговать. У порога дернулся рында.

– Яробор, сыщи-ка мне воеводу. Да живо. Стой!

Рында замер.

– Чудины ушли ли?

– Так еще затемно собрались, княже. Рано-рано. Их воевода и спроводил.

– Добро. Ну давай, дуй за воеводой.

– Щас, княже...

Вадим влетел в соседнюю опочивальню.

– Вставай, лежебока!

– А? Что? – Павел поднял голову.

– Вставай, говорю! Утро на дворе. Дело есть. Государево!

– Да тьфу на тебя.

Павел нехотя открыл глаза, сел, потирая брови.

– Ну что за шухер?

– Все-все. Хорошо телиться! Айда в думную.

– Не-е-е, – запротивился глава медвежьего рода. – Там ведь не топят, а тут тепло-о-о, – он сладко потянулся.

– Ничего. Скорее в себя придешь. Я уже и воеводу позвал. Надевай шубу, и пошли!

– Ну-у-у ты и зануда, – Павел тяжело поднялся, а Вадим тут же накиннул на него тяжелую шубу. – А завтрак?

– Потом-потом. Пошли, – решительно скомандовал князь.

Только вошли думную, как появился рында, глянул из-за двери и, убедившись, что князь уже здесь, пропустил воеводу.

– Проходи, воевода – садись, – Вадим сделал широкий жест.

В думной столов было не предусмотрено, а стояли только лавки вдоль стен. Вадим же разместился на княжеском стуле, а Бряг сел подле Павла.

– Так, воевода, а скажи-ка мне, в нашем граде каменщики есть? – с ходу начал Вадим.

Бряг удивленно поднял брови.

– Это кто ж такие, княже?

– Мастерские, что могут из камня избы складывать, – уточнил князь.

– Нет. Не слыхал я про то, княже. Не кладут у нас избы из камня...

– Жаль. А надо бы...

– Да где ж их взять-то... плотников вот, княже, сколько надобно, сыщем, но вот этих камешников....

– Каменщиков, – поправил, продолжающий зевать, Павел.

– Во-во... этих отродясь не было.

– Так, – Вадим поднялся с места и принялся разгуливать.

– Вадя... – Павел осекся и, покосившись на воеводу, продолжил, сохраняя субординацию, – княже, ты толком скажи, чего собрал-то?

– Так... вот что. Будем из камня строить!

– Что? – Павел с интересом подался вперед.

– Терем хочу каменный. А то этот скоро развалится, – Вадим топнул по полу, и половицы противно скрипнули.

– Ба! – воевода аж руками всплеснул.

– Вот тебе и ба! Да, и еще кое-что... Яробор!

Дверь мгновенно отворилась, на пороге возник рында.

– Маруна, Останца, Надея и Карла со Свеном стрелой ко мне! Стой! И еще три... нет, четыре ведра песка сюда и три тарелки с водой!

Яробор, сделав удивленное лицо, на миг застыл.

– Чего замер? Яробор – быстро!

Рында, плотно прикрыв дверь, исчез.

– Чудинов по добру ли проводил? – обратился князь к Брягу.

– По добру, княже. Они свою долю добычи взяли... Кхм, – воевода кашлянул в кулак. – Свой сани нагрузили, да я им еще трое дал.

– Чего взяли?

– Так все больше железо, княже.

По хитрому выражению лица воеводы Вадим понял, что тот недоговаривает.

– А что, серебра не просили? Ведь общая добыча.

– Ну, на кой оно им, княже. А нам град подымать...

– Ой, лукавишь, воевода, – Вадим погрозил пальцем, – чай, поди, не сказал Пятле про серебро.

– Сказал.

– А он?

– Отговорил я его, княже. Ну на кой оно ему? А я ему и мечей дал, и почти все брони отдал, и шлемов два десятка, и бочку воска... и поднос серебряный...

– Во! – хихикнул Павел. – А поднос зачем?

– Как же... он начищен, что и лик свой видать... вот Пятла и позарился... Доволен уехал, княже, не сомневайся.

– Ладно, – князь махнул рукой, – коли доволен уехал – хорошо.

– Как есть, доволен, княже. И еще, – Бряг провел пальцем по густой брови, – на дворе два десятка чудинов ждут...

– А чего они там топчутся?

– Так, княже, дозволения просить... Трое в дружину просятся, а остальные поселиться в граде восхотели.

– Тю... – выдохнул Павел.

– Это очень хорошее тю! – Вадим подмигнул обоими глазами по очереди. – Коли те трое молодцы, ты их спытай! А остальные пушай селятся. У нас и избы найдутся пустые, и бабы вдовы. Верно ли, воевода?

– Верно, княже. Все так.

Дверь отворилась, и руссы гурьбой втянулись в зал.

– Звал, княже? – за всех спросил Одинец.

– Звал-звал. Заходите. Садитесь.

Пока ближние рассаживались, Вадим думал, с чего начать. Мыслей было так много, что голова чуть не кружилась. «Блин, вот ведь, – иголки кололись в мозг, – целое княжество... Эх, партия – дай порулить!»

Ход мыслей прервал рында, который опять просунулся в дверной проем.

– Песок, княже.

– Давай.

Яробор широко распахнул дверь, пропуская челядь. Как и просил Вадим, ему принесли

три полных ведра песка и три большие тарелки с водой. Правда, пока несли, расплескали.

Князь взмахнул рукой, челядь стремительно удалилась. Руссы недоуменно поглядели на ведра: мол, чего это князь, кулички лепить собрался?

– Так, други мои, – немного растягивая слова, начал Вадим, – хочу карту княжества нашего увидеть...

– Чего? – не понял воевода.

– Рубежи княжества нашего...

– А-а-а...

– Берите ведра – высыпайте на пол. Так... хорошо... Весь песок – это и будет княжество. Значит, вот тут Бело-озеро, вот тут, на север, Онега-озеро, их соединяет река Белая, – князь принялся расставлять тарелки с водой, – а вот тут, на запад, Нево-озеро. Так?

Руссы дружно закивали головами.

– Хорошо... вот тут, – Вадим снял свою шапку, – наш град. И еще... вот здесь река Свирь, что соединяет Онегу и Нево-озеро, – князь прочертил пальцем глубокую борозду в песке, – вот это река Волхов... Теперь покажите мне, где какие селения и веси есть.

Воины встали, закружили вокруг песчаной карты – изучали.

– Так, чтобы вам было легче, – Вадим снял шапку с Павла, – покажите, где вы дружинку собирали... ну, где таились, перед тем как ко граду приступить.

– Дозволь, княже, – Одинец взял шапку, – вот тут, княже, сидели. Лагерем встали.

Вадим проследил за полетом головного убора, который лег аккурат, где Свирь впадала в Онегу.

– Далеко забрались...

– Вот тут село Нарозово, – невдалеке от града положил шапку Марун.

– Сколько дворов?

– Дворов-то с десяток, только пустые стоят, княже.

Вадим кивнул.

– Так давайте сначала с живыми весями разберемся.

– Ну-у-у, – задумчиво протянул Надей, комкая шапку в руках, – вот тут... нет. Вот тут Коровье поле. – Шапка легла подле Нарозово.

Руссы в такт закивали.

– Сколько дворов?

Надей пожал плечами, закрыл глаза, припоминая.

– Шесть или восемь, княже.

– Хорошо. Дальше.

– Ежили вона туда, к Онеге, то тут, на берегу сразу две веси стоят. В одной руссы живут, в иной чудины, – воевода накрыл шапкой берег озера. – Наша-то Озерное прозывается, у рубарей там дворов с десяток будет. А чудинская – Немь... у них всего три двора.

– Княже! – гордо вскинув голову, изрек Карл. – Вот здесь князем Вадимом Старым моему отцу была вотчина дадена, – упавшая шапка накрыла часть берега Онеги между рекой Свирь и рыбацкой деревней Озерной. – Только этот проклятый Гутрум сжег нашу усадьбу!

Кулаки Олафссона сжались.

– Но мы начали отстраиваться заново... на новом месте... жаль, отец не увидит...

– Поможем! – князь положил руку на плечо Карла. – Вот только... – Вадим на пару секунд призадумался. – Отставить!

Руссы переглянулись.

– Карл и Свен Олафссоны, – эпически произнес князь, – дарую вам земли от вашей усадьбы и до реки Свирь.

– Благодарю, княже, – единым выдохом ответили братья.

– Только вот что, – Вадим сделал решительное лицо, – в том месте, где вы уже начали возводить усадьбу, будет село ваше. А вот тут, – князь ткнул в устье Свири, – борг поставим крепкий, чтоб реку стеречь от гостей незваных. Да! Предлагаю не просто усадьбу, а борг

заложить.

– Ого! – восторженно изрек воевода, – Целый борг!

– Да, борг. И назовем мы его – Русборг!

– Клянусь Одним, это здорово! – воскликнул Карл.

– Да-а... – восторженно изрек воевода, – место правильное, княже. Я еще твоему отцу про то твердил... да все руки не доходили.

– Зато теперь дойдут. Быть боргу... в смысле граду! Хотя ладно, пусть будет борг-крепость.

Руссы дружно закивали, мол, княже, как скажешь.

– Карл, – Свен толкнул брата локтем, – подле нас еще Локтево есть, – и Свен, скомкав свою шапку, пристроил ее невдалеке от усадьбы. – Дворов там с дюжину, княже.

– А у вас самих-то, сколько людей? – спросил Вадим.

– Четыре десятка и еще восемь, – отчеканил старший Олафссон.

– Людьями поможем. Сам поеду с вами. Борг нам позарез в этом месте нужен. А на месте вашей усадьбы будет село Олафово, в честь вашего отца! И еще, дарю вам один из захваченных драккаров.

– О, княже... – братья чуть не полезли целоваться.

– Отставить! Я этого не люблю. И еще. Вы сами-то ладьи строить умеете?

– Нашего отца звали Корабельщик... – почти обиженно ответил Свен.

– Вот и ладно! Поручаю вам организовать в Русборге строительство ладей. Верфь, стало быть... Каких и сколько – обсудим позже.

– Верфь?

– Да. Всем запомнить это слово. Там, где будем строить ладьи – верфь! А теперь показывайте, какие рода чудинские при прежнем князе руку его держали.

Воевода уверенно согнулся над картой.

– По Свири, княже, волчий род обитает.

– Волки! – сквозь зубы процедил старший Олафссон. – От них одни беды, княже. Они выход давали, а как варяги подошли, не единого воина не прислали.

– Сжечь их! – поддержала брата Свен.

– Тр-р-р... тормозите! Сжечь всегда успеем! – Вадим оглядел реку Свирь. – Получается, этот волчий род чуть не половину реки держит... сколько у них воинов?

– Сотни четыре! – ответил Бряг.

– Ого! – Павел аж присвистнул. – С ними воевать накладно, однако...

– Так мыслю, други, – князь расправил плечи, – отправим к ним гонца. И пусть гонец передаст им, чтобы лучшие воины их послами ехали к нам. Дескать, князь дружбу предлагает и мир рядить, ибо варягов мы побили, и более их не предвидится.

– Могут не поехать, – предположил Марун, и его поддержали и остальные руссы.

– Поедут! Куда им деваться...

Бряг внимательно посмотрел на князя.

– Ой, чую, княже, задумал ты что-то?

– Задумал. Но это после.

Тут совещание было прервано появлением рынды.

– Княже, стол накрыт.

– Да уж... – блаженно протянул Павел, – пора бы и перекусить.

– Добро, – Вадим, разогнувшись, оторвался от карты. – Сейчас за стол, а потом продолжим. Дел у нас еще уйма.

И князь первым двинулся к выходу.

– Ну, ты ввернул им знания иностранных словечек. Ха – верфь, – склонившись на ухо другу, прошептал Павел.

– Нормально, – отбрыкнулся Вадим, – пусть привыкают.

Глава девятая

Обустройство княжества

*Нам путь пройти помогут боги,
А если глухи будут к нам они,
То все равно! Нам не пристало
Сворачивать от самого начала!*

У него внутри все кипело – быстрее, быстрее... Мысли проносились с ураганной быстротой. И каждая из них пыталась главенствовать над другой. Идей было слишком много. И ими следовало немедленно поделиться с товарищами и воплотить в жизнь. Стоп! Вот только определиться, какая важнее. Что-то нетерпеливое колотилось в груди и грызло мозг. Вперед! Настал ответственный момент. Теперь штурвал в твоих руках. И то верно, не каждый день выпадает счастье порулить целым княжеством. Да еще и историческим... в какой-то мере...

После обеда Вадим звал всех обратно в думную. Руссы расселись чинно и принялись глазами пожирать начальство.

– Итак, – князь сделал многозначительную паузу, – меня более всего тревожит, что народу у нас маловато...

– Так ведь кто где, княже, – подал голос воевода.

– Вот именно! – Вадим поднял указательный палец. – Надлежит тебе, воевода, гонцов слать. Пускай народ в град созывают. Дома свои назад обживают, а коли у кого хозяйство было, да погорело, то князь дает пособу⁷⁷ во всем.

– Добро, княже, – Бряг кивнул, – завтра же и разошлю гонцов.

– И не забудь про «волков». К ним тоже зашли гонца.

– Сделаю, княже...

– Кто у нас еще есть?

– Род лесного орла, на закат от града, – Одинец показал рукой на карте, – между Белоозером и Онегой, княже.

– Большой род?

– Много их воинов погибло в битве с варягами. В прошлом году они откочевали далеко на восход, княже.

– Воевода, – Вадим нашел глаза Бряга, – снарядить гонцов. Найти род лесного орла... и передать, что их земли теперь свободны. А лучше пошли кого из...

Князь не успел договорить.

– Я пойду. Дозволь, княже, – вперед выступил сын воеводы.

– Поезжай, Одинец. И чтоб эти чудины непременно вернулись назад. Нам данники нужны, а не голая земля.

Павел посмотрел на друга и, поджав губы, качнул головой, мол, ну ты даешь! А Вадим продолжал фонтанировать идеями и раздавать поручения.

– С родами чуждинскими все ли?

– Все, княже, – за всех ответил Надей.

– Вот и ладно. Теперь вот что – главное! Надо град в порядок привести. Стены новить да укреплять. Есть у меня задумка...

И князь обсказал свою мысль. Дескать, перед старой стеной выстроить новую, почти вплотную, а между стенами, стало быть, камней да земли накидать.

– Трудно ворогу, ежели он приступит ко граду, будет оную стену перепрыгнуть. И порушить трудно. А еще башни поставим. На восход, на заход, и по сторонам от ворот, – Вадим закончил свое выступление.

Руссы от удивления, широко разинули рты да глаза выпучили.

⁷⁷ Пособа – помощь.

– Ну, княже, – первым пришел в себя Бряг, – ну, голова!

Вадим отмахнулся.

– Пока снега стоят, будем лес рубить и на санях свозить... вот Надею сие и поручим. И нечего стесняться – пусть и дружинники делом займутся. А по весне камни будем свозить в град, для стены и для терема.

Тут руссы и вовсе потеряли дар речи и пожирали князя восторженными взглядами. Вадиму даже показалось, что они сейчас рванут с места и примутся его обнимать и, что хуже всего, целовать. По старинному русскому...

– Вот так! – решительно изрек князь, выставив ладонь вперед, на всякий случай пресекая вспышки несанкционированного обжимания. – Коли не сыщем каменщиков, сам покажу, как надо. И не смотрите так на меня. Я знаю, что говорю.

– Ну...

– У-у-у...

– Апр...

Все изумленные возгласы тут же стихли, когда князь сердито сдвинул брови.

– А тебе, Марун, – князь сделал шаг ближе, – поручаю отстроить торговое пристанище, взамен погорелого. И чтоб ладей на десять было! И торг там же сподобься.

– Так купцы наши кто живота лишился, кто в Новгород подался, кто по лесам сидит, – угрюмо пробасил воевода.

– О как! До самого Новгорода добёгли! Ты про то не сказывал!

– Княже...

– Ладно, – Вадим напустил на себя серьезность, – раньше надо было... Я бы этих купчинов с собой прихватил.

Князь прошелся вдоль руссов, немного остыл.

– Лешак с ними! Ты, Марун, делай, как я велел, а купцы сами не дураки если, то должны прознать про град наш освобожденный – глядишь и потянутся. Хотя стоп!

Вадим сел на свое место и рукой дал знак садиться.

– Стоп, – повторил он, – у нас же с Гостомыслом стовор насчет его дочери. Точно, насчет Умилы! Воевода, надо слать послов с гостинцами. Кого пошлем?

– У нас борг...

– Нам строить, – в один голос ответили Олафссоны с таким видом, что выбор должен был пасть именно на них.

– Княже, – Бряг решительно поднялся с места, – не сердчай, княже, но не дело это, сейчас послов слать. Дел у нас в княжестве вона сколько... сколько ты всего обсказал да велел. Да и весна скоро... Хорошо бы на ладьях пойти.

– А как же борг на Волхове? – возразил Карл. – Нам там не пройти.

– Молодец, воевода, – похвалил князь. – Сделаем так. Как лед уйдет, готовим большое посольство на ладьях. Идем в Новгород. А в борг варяжский с дарами войдем, мол, купцы мы. Товаров с собой возьмем. Купцов они не станут забижать. Купцы им товары и мыто⁷⁸ платят. Только прежде ты, воевода, все же не забудь про волчий род, а то нам с боем придется по Свири прорываться.

– Помню, княже, – ответил Бряг, делая вид, что негоже ему два раза повторять.

– Княже, – подал голос Свен Олафссон, – у нас в порубе⁷⁹ девять варягов сидят... я с ними говорил...

– Успел уже, – процедил сквозь зубы Карл.

– Успел! Что с ними делать-то, княже?

– Да башку им срубить – и вся недолга! – воевода влепил кулаком по своей коленке.

⁷⁸ Мыто – сбор, налог за право проезда.

⁷⁹ Поруб – темница.

– Камень на шею – и под лед, – предложил Марун. – Дюже в омуте сомы жирные будут.

– Они хорошие воины. Я говорил с ними... – начал было Свен, но его заглушил всеобщий ропот.

– Ну тебя... нашел, чего...

– В воду их...

– У, морды!

– Тихо! – повысил голос князь. – Что за моду взяли горланить! Чую, Свен дело хочет сказать. Тихо всем. Говори, Свен.

– Так я и говорю, княже. Надо их в дружину взять.

– Еще чего... – Карл сверкнул зубами.

– Тихо!

– Княже, я говорил с ними. У них нет теперь ярла, им не за кого биться.

Вадим призадумался, ковыряя в памяти все исторические познания о нравах викингов.

– А Свен дело говорит. Нет для них в том поруки чести. Они стояли крепко за ярла. А коли ярл их убит, то они свободны от клятв. Воевода! Покажешь их потом мне. Коли не лукавят – возьмем в дружину.

Павел склонился и прошептал князю на ухо:

– Еще плюс девять...

– А то, – и уже для всех добавил: – Воины нам очень нужны.

Сидели допоздна – обсуждали. Идей было хоть отбавляй, и не все они исходили от князя. Сами руссы озаботились вопросами о бедующем урожае, вернее, посевной. Где взять зерна? Вадим мысленно уже пожурил себя, что он, дескать, все про войну. А есть-то тоже надо! Дружину кормить надо, где столько корма взять? Опять кавалерию завел, а лошадки на сене одном шибко бегать не будут. Им ячмень надобен. К слову, о вершниках – князь постоянно держал зарубку в памяти. Уж больно хотелось увеличить численность. Тут тебе и мобильность, и сила натиска. Да и разгуляться есть где. Опять же, по тем же рекам зимой, а под Новгородом поля широкие. М-да...

Так, о зерне... Спорили до хрипоты. Конечно, князь первым делом предложил опустошить амбары, захваченные у варягов. Пусть там и немного было зерна, но все же... Самый радикальный метод, озвученный Олафссонами, отвергли. Парни предлагали пройтись по чудинам, да и отобрать.

– Не годится! – резко обрубил Вадим. – Будем зерно у чудинов скупать. А отбирать нельзя. Негоже княжение мне начинать с брани. Пушнина есть, железо есть, да и серебро. Будем скупать, менять... Воевода, ты мне купца бы какого срочно нашел. Да чтоб верного.

– Есть, княже, один... – и Бряг кивнул в сторону Надея. – Строп купцом был.

– Так чего же ты молчал? – спросил князь у русса. – Чего же про отца молчал?

– Давно это было, – ответил Надей, – отец, как варяги пришли, не торгует, да и не чем. Да и стар он... только если брат...

– Отца и брата ко мне. Найдем, на что им у чудинов зерно менять. Как брата зовут?

– Живор, княже...

– Во, и имя подходящее. Пусть Строп его и научит да проследит по первости. Решено!

Не обошли стороной руссы и вопрос о мастеровых. Нужны были и кузницы, и гончары. Но кузнецы – прежде всего. Оно и понятно...

Договорились до того, что князь предложил выделить в граде целую улицу под кузнецов и назвать Кузнечной.

– Вот как в Новгороде, – заметил Вадим, – мастеровые своими улицами живут. И кожевельники, и кузницы, и гончары, и прочие...

– Только нам еще вече не хватало... – пробурчал воевода.

– А что, нету? – Вадим удивился.

– Откуда, – в ответ поразился Бряг, – батюшка твой, князь Вадим Старый это дело присек да-авным-давно-о-о. Чего, говорит, глотки драть да кулаками махать. Так и живем!

– Да хорошо живем, – встрял Марун, – укладу⁸⁰ больше...

– А мы, вон, варягов сковырнули! – оскалился Надей. – А новгородцы все ляссы-балясы⁸¹ точат, вот им варяги и мнут бока!

– Пустобрехи... – поддакнул Свен.

– Но-но! – князь осек победоносные шапкозакидательские порывы. – Варяги сильны. И в борге их поболее засело, нежели тут.

– И еще прийти могут из-за моря...

– Что?

– А?

Все дружно поворотились и уставились на бурчащего себе под нос главу медвежьего рода.

– Что ты сказал? – князь тронул друга за плечо.

– Ага... за морем варягов полно, говорю. Набегут на поживу, вот тогда и ау! – и тут неожиданно Павел перешел на непонятный руссам язык. – Вадя, надо тебе в загранкомандировку собираться. А чё! Это мысль! Там ведь этих викингов пруд пруди. Ты же сам говорил. А чего им без дела болтаться. Тащи всех сюда. Только не сильно наглых...

– А то их потом самих придется прижимать.

– Во-во. В дружину к сильному князю... ну, ярлу, в смысле, не зазорно им пойти. Так?

– Истинно, Паша.

– Ну вот. Воинов набрать можно сколько хошь!

– Други мои! – князь обратился к руссам. – Вот Баар дело предлагает...

Поведав им слова Павла, Вадим пристально оглядел ближних. Руссы молчали – переваривали.

– Наш отец – викинг! – гордо заявил Карл. – Но мы руссы!

Вадим улыбнулся.

– Ай, молодец, как сказал!

– Все варяги жаждут земли. Она у нас есть! Так пусть же их мечи лучше служат нам, чем ярлу Альдегьюборга! – резюмировал Вадим, про себя отметив, что надо будет Карла со Свеном к делу подключить. Они-то быстрее общий язык найдут с бывшими земляками. То, что Олафссоны преданны княжеству до конца, в том Вадим не сомневался.

– На том и порешим. Как сподобится время, пойдем на север.

* * *

Разошлись за полночь. Казалось, успели обсудить все... или почти все. Князь отпустил всех, кроме Павла, и устало потянулся.

– Пойдем спать, что ли? – Павел широко зевнул.

– Ну...

– Постой-ка, ты не сказал... ну что там с монетами этими.

– Солиды. Да, Пашка. Это солиды. И по всему видать – византийских императоров, Михаила и его сына Феофила.

– И что?

– А вот что! Правили они вначале вместе. В начале девятого века. Точно не скажу, но примерно в районе восьмьсот тридцатого года. А потом Феофил один правил. Батюшка его преставился. Так вот, этот император сидел на троне до сороковых годов того же девятого века.

– Тебе все временные рамки нашего заточения беспокоят? А мне вот честно – плевать.

⁸⁰ Уклад – порядок.

⁸¹ Лясы, ляскать – *точить зубы*, зубоскалить. Балясы – шутки, льстивые речи.

Чувствую себя, как в компьютерной игре. Походы, квесты... только выкл. никак не сделать.

– Да перестань канючить. Датировка очень важна!

– Да по...

– Надо ведь было нам сюда звездануться, надо будет и обратно...

– Кому надо-то? – Павел вскочил со скамьи. – Кому, Вадя? Ни имен, ни паролей, ни явок нет! Вон Елена Константиновна всю жизнь здесь провела, и что? С ее-то талантами так и не смогла вариант возврата сообразить. А у меня сердце не на месте – понимаешь, Вадя?! Я тут по истории бегая, топчу, можно сказать, учебник, мечом махаю, а у меня там Настя пропадает...

– Не переживай ты так. Никуда она не денется, – попытался успокоить друга Вадим.

– Ага, не денется. Я вот с армии вернулся, а она уже того... брюхата, как в песне поется. Так? Да ну тебя!

– Паша...

– Вадя...

– Баар...

– Товарищ князь!

– Прекратить панику!

– Вадя, мы тут уже полгода! А сколько времени там могло пройти, ты знаешь?

Вадим пожал плечами. Признаться честно, он как-то про время и не думал.

– Вот то-то и оно! Я ведь тоже книжки умные читал... время может идти не равномерно...

– Так то ж фантастика!

– Ха, – Павел наигранно улыбнулся, – а то, что мы тут, разве не фантастика?!

– Ну что, теперь и не жить?!

– Да жить, конечно. Вот только чем дольше живем, тем дальше от дома... Эх!

– Ну, в самом деле, господин Соколов – прекращай!

– Ты как хочешь, а я, наверное, в Каргийоки поеду. Пора мне.

Вадим хотел было остановить друга, даже слова уже подобрал, но потом вдруг передумал. «И то верно, пускай едет. Там Улла и пацан маленький, глядишь, отвлекут его».

– Может, выпьем? – вслух предложил Вадим, видя, что не мешало бы друга немного рязрядить.

– Давай, – махнув рукой, Павел плюхнулся на скамью.

* * *

Выпили они в меру, но все равно голова наутро немного побаливала. Видно, брага была не свежей. Вот и живот у Павла прихватило...

Прекрасное морозное утро с чистым небом и ярким солнечным светом радовало глаз. Три десятка вепсов из медвежьего рода, во главе с самим Бааром собрались во внутреннем дворе детинца, готовые отправиться домой. Двое саней с припасами и добычей, накрытые дерюгами, стояли уже подле ворот, а кони нетерпеливо перебирали ногами. Вепсы щурились от солнечного света, весело переговаривались, то и дело поправляя дорожные калиты. Именно в них сейчас хранилась особенно ценная добыча, еще с вечера поделенная между всеми. Кто сховал на самый низ калиты отрез ткани для любимой, кто набрал целую горсть наконечников для стрел, а кто бронзовые накладки для ремня... В общем, дружина медвежьего рода выглядела весьма довольной. И смотрели они орлами, мол, не зря в поход сходили.

– Это тебе, – Вадим протянул туго перевязанный сверток.

– Что там? – Павел принял сверток, покрутил в руках. – Тяжелый...

– Немного серебра, кольца, перстни... в общем, твоя доля.

– Так уже, – Павел кивнул на сани, – там добра хватает.

– Паша, надо. Серебро лишним не бывает, тем более тут оно в страшном дефиците. И

еще... ты пойдешь через «барсуков», поговори там с Пятлой...

– Насчет чего?

– У тебя же мужиков в роду почти не осталось, а вдов полно...

– А-а-а, – протянул Павел, – понимаю. Разумно.

– Ну, вот и ладненько. Давай прощаться.

Они крепко обнялись.

– По лету увидимся, – Вадим пожал другу руку. – На свадьбе. А потом, может, махнем за море.

– Все с тобой понятно, – махнул рукой глава медвежьего рода, – Петр Первый ты доморощенный...

– А что плохого? – возмутился Вадим.

– Да все нормально, – тут Павел весело подмигнул. – Может, я у себя в Каргийоки тоже чего грандиозного замучу!

Позади громко скрипнул снег. Друзья обернулись.

– Вот, – Юски протянул руку, – попрощаться с тобой, князь, хочу.

– А давай, – Вадим хлопнул ладонью. – Ты там присмотри мне за Бааром, – шепнул князь на ухо вепсу, пока они обнимались.

– Обижает, княже...

– Чего вы там шушукаетесь? – Павел склонился было вперед.

– Прощаемся... Все. Поехали! – скомандовал Вадим.

– Пока.

– До скорого...

Павел с Юски прошествовали к своим воинам и забрались на подведенных кобыл. Вепсы окружили сани, и вся дружина медленно покинула детинец.

Вадим взобрался на стену и провожал союзников взглядом, пока те не прошли городские ворота.

– Все, – выдохнул Вадим и едва заметно вздрогнул от движения сбоку. – Воевода, блин! Чего крадешься?!

– Так я не крадусь...

– Ладно. Давай – чего там у тебя?

– Гонцы к чудинским родам убёгли, княже. Как ты велел.

Глава десятая Заботы

До чего жить интересно, что спать некогда!

Хотелось успеть многое. Как-то все и сразу. Конечно, Вадим понимал, что это скорее мечты, и невозможно объять необъятное. Да и народ, в сущности, в эту эпоху был неторопливый. Жизнь размеренно текла по установленному порядку. А ему хотелось быстрее. Но всегда есть НО!

Самым масштабным делом – рубкой леса для строительства – он занялся в первую очередь. А леса требовалось много. Опять же, зимняя заготовка, оно куда как лучше.

На валке было задействовано все мужское население града, включая дружинников. Елки и сосны свозили и складывали в одном месте, для дальнейшей сортировки. Наладил князь и лесопильню, для чего кузнецы отковали длинные и широкие пилы. Несколько таких полотен скреплялись рукоятями и крепко обматывались веревкой – получался остов. А между пилами ставили деревянные размычки такой толщины, которой хотели получить доски. Работали таким остовом вчетвером. Бревно клали на большие козлы, и одна пара забиралась наверх, а вторая тянула снизу. Вжик-вжик... Не быстро, но надежно. Доски получались на славу. Стало быть, прикрепил Вадим к пилораме сразу шестерых мужиков. Четверо пилили, а двое катали лес и складировали готовую продукцию. С привлечением

рабочей силы стал закономерный вопрос об оплате. И это касалось не только лесопильщиков и лесорубов, но также и плотников, кузнецов, а в будущем и каменщиков. Строго установленного денежного обращения не было, да и откуда ему взяться-то? Серебра по стране кот наревел. Вся торговля строилась на мене. Мед меняли на зерно, пушнину на железо, лен на воск, и так далее, кто во что горазд. Серебро использовалось редко, для очень крупных сделок. На одну гривну серебра можно было купить отменную кольчугу или стадо коров в десять голов. Но серебро было только у князя, а простые смертные обходились без него. Вадим подошел с оным вопросом к всеведущему воеводе.

– А где серебро берете? Добыча своя есть? – в лоб спросил князь.

– Нету, княже, у нас серебра. Отродясь не было. Князь наш прежний пытался вести торг с Новгородом, но потом рассорились мы с ними.

– Плохо.

– Один раз к нам только купец заморский с югов приезжал... Но это ух когда было.

– Араб, что ли?

– Да леший его знает, княже. Лицом смугл, мы уж думали язва у него какая. А на башку рушник⁸² намотан... И по нашему ни бум-бум...

– А как вы с ним торговали?

– Так как... Мы ему товары на торгу разложили, а он ходил, пыхтел да пальцами тыкал, что ему надобно. Выбрал, а уж потом мы у него товар выбирали...

– А чего он брал-то?

– Меха пушные брал, куны, стало быть... Почитай все забрал, ну еще меду бочонка три взял. И более ничего... Да, еще, паразит, на девок наших пальцем тычил, мол, продайте. Но мы ему дулю быстро наvertели!

Первоначальную идею чеканить свои монеты Вадим отбросил за ненужностью. Во-первых, своих запасов серебра было мало. В граде взяли всего двадцать гривен. Плюс побрякушки серебряные. Был еще мешок с казной Гутрума...

– Ох ты... – князь щелкнул пальцами. – Про мешок-то я и забыл...

И верно, мешок с казной Гутрума остался в схроне, на заимке, где жил Вадим Старый. «Ничего, – махнул рукой князь, – будет время – заберу».

Но всего этого даже вкупе не хватило бы для полноценного оборота. Ну и, во-вторых, постоянного притока серебра тоже не было и пока не ожидалось. С Новгородом торговать, так Альдегьюборг поперек горла. По Волхову не проскочишь. А на заезжих купцов надежды никакой. Да и где их взять-то? Вот и получалось, что... Стоп!

– А сколько можно купить на одну гривну пушнины?

– Ну-у-у, – задумчиво протянул воевода, – это смотря что... коли белок, то с полтьмы⁸³, а ежели кун, то четыре десятка можно сторговать... Да ты меня пошто пытаешь, княже. Это тебе лучше у Стропа-купца спрашивать. Вон Надей за ним поехал...

– Ладно. Ступай!

Отпустив Бряга, Вадим принялся вспоминать курс истории.

– Куна... куна серебра... гривна серебра...

Все это было как-то призрачно... или память подводила... Все равно, что-то надо придумывать, это Вадим решил твердо. С меновой торговлей одна тягомотина, дюже сие неудобно. Вон пахарю надобно лошадь купить, а скотнику за лошадь подавай пушнину, и что? Пахарь идет к охотнику и пытается выменять у него зерно на куны. А это ж сколько надо охотников обойти, чтоб нужное количество набрать.

– М-да...

И все же, как ни крути, а дело упиралось в куны. Опять же араб тот приезжал, и все

⁸² Рушник – полотенце.

⁸³ Тьма – тысяча.

куны скупил. Стало быть, куна она и есть самое надежное средство. Свое окончательное решение Вадим отложил до разговора с отцом Надея. Тот купец опытный, уму-разуму научит.

* * *

– Куны, княже, оно завсегда вернее. И к любому товару подступиться можно, коли куны ладную головку да хвост имеют, – купец Строп уже не один час поучал князя.

Вадиму сразу приглянулся этот степенный мужик. Невысокий и седой как лунь. Глубокий старик по нынешним меркам. Купец три зимы тому назад шагнул за пятидесятилетнюю черту.

– А то, что купцы не едут, твоя правда, княже, – говорил он спокойно, не повышая голос, – новгородцы и рады бы, да как варягов обойдешь? А через Новгород и в земли кривичей путь есть и далее к латгалам и куршам⁸⁴... Оттуда же, княже, можно возить алатырь⁸⁵. Камень сей цветом златен или сребровиден бывает. А еще сказывают, что горюч сей камень, и дым от него злых духов гонит. Про то и наш жрец Злотояр сказывал...

– Злотояр? – удивился Вадим. – Никто не про него не упоминал.

– А чего тут сказывать, княже. Был Злотояр да сплыл.

– Куда ж делся-то? Ведь не иголка – человек!

– Неведомо, княже. Во время штурма был при княже, а потом... неведомо, княже.

– Ясно. Давай дальше про купцов.

– Так вот, – Строп отпил квасу, – купцы из-за моря студеного⁸⁶, кои град варяжский минуют, нехотя идут в Новгород. Гутрум нет-нет да забирает купцов... Крут нравом-то...

– Так нет теперь того Гутрума, – вставил князь, – да и к нам чего не ходят?

– Так ходили, пока Гутрум князя нашего не побил... Хотя нет, – старик напрягся. – Напраслину сказал. Была ладья прошлым летом... Но купцы ли то, или кто еще, не знаю, княже...

– Понятно.

– Вот... так что тебе, княже, управиться бы с градом их на Волхове... А у меня есть пару знакомцев в Новгороде, можно было бы ладьи снарядить.

– Верно говоришь.

– А до времени только с чудинами торг и вести... Они охотники знатные, у них завсегда куны хорошие. Да и другие в избытке – сохатого, волчьи, лисьи... Можно и с меря торговать, но они дюже с чудинами нашими не в любви...

– Да леший с ними. Они же с нами будут торговать, а не с вепс... не с чудинами.

– Оно так... у меря тоже кун много должно быть. Леса там хорошие. А у меря железа мало, они все костью норовят бить. Вот и выгода, княже. У нас в болотах сырец есть, можно железо плавить да им торговать.

– Я слышал, что железо у варягов лучше, чем наше.

– Опять твоя правда, княже. Токма для меря и наше железо за пряник. А вот коли удастся варяжских купцов приманить, то их железо себе надобно оставлять. Для дружины мечи делать.

– Думал, про то, – Вадим сдвинул брови. – Хочу снарядить ладьи за море, к варягам, с товарами, путь проложить да их в гости зазвать. Пусть ходят к нам.

– Это ежели на Волхове да Нево-озере перестанут разбойничать.

⁸⁴ Латгалы, курши – прибалтийские племена.

⁸⁵ Алатырь, ентарь – янтарь.

⁸⁶ Студеное море, или Варяжское – Балтийское море.

– Уйдем, раз надо... И с боргом ихним посчитаемся.
Купец одобрительно кивнул.

– А серебро, Строп, только ли от купцов с юга?

– От них, княже. У нас прежний князь искал-искал, да не нашел руды серебряной. И у новгородцев нету, и у кривичей нету... Токмо от купцов и остается. Давно, я еще отроком был, отец мне сказывал, что к Ильменю купцы цареградские заплывали.

– Цареградские?

– Ромеями назывались... вот, стало быть. Но товар у них – упаси Сварог. Ткани – за один отрез чуть не сани кун требовали.

– Вот жлобы! – князь не сдержался и выругался по-москальски.

– Что?

– Ничего. Продолжай.

– Яхонты⁸⁷ еще привозили – красные и лазоревые, но то нам без надобности. Кубки злаченные да блюда серебряные – те тоже... – купец махнул рукой, – вот токмо вина у них сладкие.

– А потом, что же не заезжали цареградские гости?

– Не ведаю, княже. Может, и приезжали, а может, и нет.

«Должны были приезжать», – мысленно убеждал себя князь, вспоминая про солиды, в казне града найденные.

– А соль? – спросил Вадим.

Давно его уже интересовал данный вопрос. Соль, почитай, стратегический продукт в девятом веке. Да и потом тоже. Не зря же происходили соляные бунты. Вон оно как – целые бунты народ поднимал, коли соль кончалась, и жрать становилось не любо!

– Вот оно верно, княже, ты подметил. Соль – это наш товар, – тут старик согнулся, наклонился вперед и зашептал заговорщицки. – Соль мы искали с твоим отцом. Да тут варяги... Но я прошлым летом нашел!

– Где?

– Подле Онеги-озера, княже, есть разлога, а там соль. Разлог тот под землю уходит, а там ручей дорогу пробил. Расширить можно и в пещеру спуститься – там соль. Верно, княже. Много соли.

– А раньше же как?

– У Бело-озера тоже был солоняк, княже. Мы там и брали. Но годков так... – купец прикрыл глаза, – почитай уже десять тому озеро затопило берег. Неглубоко было... Мы поначалу наострили рыбарей нырять, а потом уже вода стала размывать соль. А потом паводок великий приключился, и вовсе смыло солоняк. Вот князь и повелел новое место искать.

– Это дивно, что ты нашел солоняк. Надо будет солеварню поставить.

– Да, княже. Соль там крупная, – Строп показал кулак, – дробить надо.

– Ничего, лишь бы ее там много было.

– Хватает, – протянул купец с таким видом, будто он нашел залежи всей соли мира. – Мы еще утрем нос новгородцам.

– А у них есть соль?

Строп сделал хитрые глаза, понимая, куда клонит князь.

– Есть, княже. Но у них черная...

– Как так?

– Черная, княже, а когда серая. Тьфу, а не соль. Землей воняет.

– А у нас?

– У нас белая, княже. Лучшая соль. А новгородской токмо шкуры солонить!

– И чудины, стало быть, у новгородцев солью запасаются?

⁸⁷ Яхонт – красный рубин, яхонт лазоревый или синий – сапфир.

– Так, княже. Только у них...

Вадим довольно улыбнулся. И было отчего. Белозерское княжество получило глобальный по тем временам источник дохода. И главное – бесперебойный. А куда ж ты без соли. Она и в пищу нужна, и кожевельникам, и охотникам, и мясникам.

– Ты сына привез? – спросил князь.

– Привез, княже. Дождается.

– Хорошо. Ставлю тебя, Строп, главным... – князь задумался, выдумывая должность для грамотного купца. – Главным купцом княжества. – Ничего лучше в голову не пришло. – Будешь торг с соседями налаживать и других купцов наших уму-разуму учить. Знаю, что скажешь, что стар и все такое... Так и знай, отказа не приму. Вижу, силы в тебе еще есть! Посему принимайся за дело. И начни с сына. Он тебе заменой станет. Учи споро. Даю тебе сроку две седмицы. Потом доложишь, с чего начнем и, главное, с кем торг вести! Все, что нужно для торго и солеварни, дам.

– Люди нужны, княже...

– Найдем людей!

Купец удивленно глянул на князя.

– Не сомневайся, купец. Барышами не обижу. В накладе не останешься. Вот тебе мое, княжеское слово. А сейчас зови сына, гляну на него. Как звать-то?

– Живор, княже.

– Ах да... – Вадим тут же вспомнил, что уже слышал это имя. – Давай, зови Живора.

* * *

Зима повернула на лето. Дела крутились, как в казино. В смысле казна таяла... Княжеские биричи⁸⁸ проехали все вдоль и поперек, созывая людей в град. На работу, на жилье. И народ потек. Вначале князь только дивился. Один пришел сам с собой, другой с семьей осмелился, третий со всей родней, а потом...

Шли и руссы, что сидели по выселкам да лесным заимкам, прятались до поры, опасаясь варягов пришлых. А теперь потянулись на княжий позыв. Шли и чудины. Робко, недоверчиво шли... Но и они вскоре уразумели выгоды.

В конце месяца не осталось в граде свободных изб, ни за стенами, ни на посаде. И пуще того, пришлось князю заготовленную древесину пускать на домостроение. Ввиду нехватки спальных мест решил Вадим заново отстраивать южную часть посада. А там ведь не только избы да бани надо возводить, а и сараи, и овины, и риги – все то, без чего нельзя прожить на своем хозяйстве. И умаялся князь в конец, голова пошла кругом.

– Так более нельзя, – пожаловался Вадим воеводе, – я уже всех не упомню... Кому чего надобно...

– Нельзя, княже, казну даром раздавать, – по-отечески пожурил Бряг, – надобен уклад.

– Сам знаю... вот давай, сыщи мне человека грамотного, да чтоб резы и черты мог выводить. Одним словом, тиун княжеский позарез нужен.

– Сыщем, княже.

И воевода сыскал, и быстро.

– Вот, княже, нашел тебе тиуна справного. От сердца отрываю. Удалом кличут, – представил воевода крепкого и рослого руса.

– Что так от сердца? – изумился Вадим.

– Борты у меня, княже, в лесу припрятаны были до поры... – признался Бряг. – Стерег Удал мне их. Да как стерег! Пять бочек меду напас! О как!

Вадим оглядел предложенную кандидатуру. «Смотрит прямо, глаз не отводит, – примечал князь, – хм... что ж – надо брать».

⁸⁸ Биричи – глашатаи, гонцы.

– Добро, воевода. Коли все верно говоришь... Семья есть? – спросил Вадим у будущего тиуна.

– Есть, княже. Жена и три девки... а сын у тебя в дружине.

Вадим вопросительно глянул на воеводу.

– Вран, княже, сын его.

– Ага. Что ж, хорошего парня воспитал – хвалю. Видел твоего Врана в деле! Орел!

– Благодарствуй, княже, на добром слове.

– Девки-то у тебя малы?

– Да как малы, княже... Старшей семнадцать, средней пятнадцать, младшенькой четырнадцать уже...

– Ого, невесты!

Удал пожал плечами.

– Погодим еще, княже...

– Ну, как знаешь. А то смотри – у меня полна дружина женихов, – и князь подмигнул воеводе.

– За этим дело не станет, княже, – улыбаясь, ответил Бряг.

– А теперь за дело. Пошли, тиун, я тебе тут все покажу да ключи вручу. Потом семью перевезешь, воевода лошадей и сани даст. Жить будешь в детинце, я покажу.

* * *

И вздохнул князь с облегчением. Тиун попался расторопный и деловитый. Везде поспевал, мотался целыми днями верхом туда-сюда. Вадиму только и оставалось, что поручения раздавать.

Семью Удала разместили в отдельном просторном доме. Вадим не поскупился и выдал тиуну на новоселье муки, льняной ткани, да и височные кольца подарил всем девкам. Визгу было... радости, прям до слез. Тут немногословный Удал чуть сам не прослезился и низко кланялся.

– Ты мне это брось! – рявкнул князь с оттенком явной обиды. – Не люблю этого! Чуть поклонился – и хорош!

Чуть поклонился... Вадим уже не раз переваривал эту фразу, сказанную им неоднократно своим подчиненным. Странно. Он князь, и тут так заведено. Переделать обычаи совсем – не получится, в чужой монастырь со своим пивом не ходят. Но уж и падать до земли тоже как-то... Коробило его. А вот чуть – можно. Не демократию же разводить. Нет, конечно.

Дела пошли с тиуном в гору. И, что немаловажно, тиун по настоянию Вадима вел строгий учет, что, кому, когда и на какой срок было ссужено из княжеской казны. Вадим, помяная слова воеводы, что казну разбазаривать негоже, лично проинструктировал Удала. Нет, конечно, Вадим не собирался кабалить людей процентами и прочим бредом, но порядок есть порядок. Взял – отдал, а лучше отработал. А то ведь по доброте душевной князь сколько всего пораздал...

Переселенцам, прежде всего, нужны были элементарные вещи – еда, инструменты, хозяйство поднимать, да ткань, чтоб портов нашить. Серебро-то их вообще не интересовало. Однако вскоре вопрос стал о скотине в частности и о провизии в целом. Нет, ну кое-какой приток был из деревень и весей. Но их самих, этих деревень да весей было раз два и обчелся, и они не могли обеспечить весь град. Тем более который все рос и рос... это радостно, но...

Вадим поставил боевую задачу перед Удалом. Так сказать, первое ответственное задание.

– Сам понимаешь, тащи все, что найдется, – напутствовал Вадим тиуна, – а то тут у нас скоро жрать будет нечего. Коровы, козы, свиньи – на разведение. Одним слово – все! Платить будем прямо на месте, в граде. Надо будет, и серебром рассчитаемся.

– Понял, княже. А еще зерно...

– И зерно, и муку – конечно. И всякие там овощи.

Мука! Вот про что забыл князь. Мельницы-то и не было. Мололи зерно вручную, большими жерновами, сделанными из камня. Но они были одни на весь град, и в личном княжеском распоряжении. К слову, найденное в закромах зерно именно на них и перемололи.

Были и поменьше жернова, князь лично видел. Две деревянные колоды с набитыми лесенкой металлическими пластинами. Такие, почитай, были в каждой семье. Каждый заботился о себе сам. Достал, купил, вырастил, обменял – хорошо, а нет, так нет. Помол в деревянных жерновах получался крупный. Для хлебов не гоже, а вот для пива и браги в самый раз. Каменные жернова мололи мельче, но все равно мука получалась крупноватой.

– Итак, мельница... – Вадим прикидывал варианты. – Так, можно ветряную... видел я тут подходящий холмик у Белого озера, там и ветер всегда с озера будет. А можно на реке поставить... Будет княжеское предприятие! Или два? Решено – будем ставить две мельницы – и на ветру, и на воде.

– Дело говоришь, княже.

– Ё, пля... ну, воевода! Я когда-нибудь снесу тебе башку! Опять подкрадываешься? – осерчал князь, вгоняя полуобнаженный меч обратно в ножны.

– Да не крался я, княже. Что я, тать какой?

– Тать-тать, – передразнил его Вадим, – твою мать...

– Не серчай, княже... не хотел.

– Ладно. Дело есть. Холм у озера в стороне... как, ты говорил, называется?

– Козье...

– Что так?

– Так коз туда гоняют... трава там сочная...

– В общем, засылай туда парней, пусть чистят снег, будем мельницу ставить.

– Сделаем.

– И вот что еще... Про Злоторя ничего не скажешь?

Воевода вздохнул и пожал плечами.

– Пропал волхв...

– Вот ты тоже воевода... богов ни разу не боишься. Я тут уже месяц, а ты меня доселе никак на капище не отведешь.

– Так что, петухов готовить?

– Готовь. И меду, и зерна... Далеко ли?

– Да нет, близко. В дубраве, за полем...

– Ну и славно. Завтра и поедем.

* * *

Шесть их было – Сварог, Дажьбог, Перун⁸⁹, Велес⁹⁰, Лада⁹¹ и Макошь⁹².

Деревянные идолы-кумиры стояли большим кругом, в центре которого находился огромный плоский камень – требище. Поляна, где находилось капище, заботливо окруженная дубами, выглядела покинутой. Боги стояли, занесенные снегом, и вокруг едва угадывались давнишние следы человека. А вот звериных следов было вдоволь. Вадим и Бряг положили приношение на жертвенный камень.

⁸⁹ Перун – бог войны. Повелитель грома и молний.

⁹⁰ Велес – покровитель домашних животных.

⁹¹ Лада – богиня весны.

⁹² Макошь – женское начало, богиня плодородия, брака и родов.

Затем князь обошел капище по кругу, отметив, что идола вырезаны очень искусно. Усы, глаза, огненное колесо с шестью лучами, рушник даже...

– Найти бы надо волхва, – изрек Вадим, – если не Злоторя, так другого.

– Сыщем, княже, – боголепно поклонившись богам, ответил воевода.

– И снег тут, что ли, почистите... а то по колено, ни пройти, ни проехать...

Воевода провел князя в сторону от капища шагов на сто, где обнаружилось покинутое жилище волхва. Низенький сруб, заваленный снегом, под которым едва угадывалась крыша, покрытая дерном. Сбоку навес с рядами покосившихся полениц, и опять следы зверья.

– М-да... – покачал головой Вадим, – уныло... А чего же богов в граде не ставили?

– Спокон веку тут стоят, княже, – ответил Бряг, – место тихое...

– Едем, воевода, нечего здесь горевать... Найдем волхва – лепо⁹³ будет.

Незадолго до полудня князь вернулся в град и вновь погрузился в дела...

* * *

А град строился, посад тоже. Лес с каждым днем все прибывал, лесопилка пилила, строгала, сушила. Там же Вадим распорядился сразу и мебель делать. Ну, лавки, столы, сундуки – это понятно. Но князь собственноручно начертил на снегу рисунок своих задумок. А задумал он шкафы бельевые, кресла с резными спинками и табуреты. Ничего подобного тут не ведали. И вообще мебель была скудная, сделанная топором на коленке. Дюже Вадиму это не нравилось. «Нужен быт!» – решил князь и приступил к производству. Плотники переняли умение быстро и взялись за выполнение княжеского заказа, хоть и качали головой. Мол, чудное задумал князь. А князь не унимался и приставал с вопросами.

– А чем ткани красите? А можно ли ими дерево покрасить?

Нашлись и опытные красильщики. Негляд и Новожея – муж и жена. Славилась они свои составами. Люди сказывали, что краска их с рубах долго не сходит. Вадим целую седмицу экспериментировал с супругами, кудесил над красками. И в итоге они получили стойкий темно-коричневый цвет, который ровно ложился на сухое дерево. За смекалку и труды Вадим выделил красильщикам подарки из казны. Негляду – небольшую шейную серебряную гривну, а Новожею серебряные же височные кольца. Рады они были до невозможности, чуть не кинулись князю руки целовать. Но Вадим вовремя пресек этот душевный порыв верноподданных чувств.

Первый готовый шкаф, с дверками и даже с полочками, вызвал фурор и дикий восторг у баб. Мебель пошла в ход!

И еще кровати, ложе, стало быть, задумал князь, а то народ спит на нарах каких-то...

Производственный процесс резко прервало появление воеводы.

– Княже, гонцы возвратились. Тебя ожидают.

– Идем.

Взмокшие гонцы ожидали князя в тереме. Вадим, не мешкая, прошел в думную, за ним воевода и гонцы.

– Ну? – нетерпеливо спросил князь.

Гонцы переглянулись, видимо, решая, кому начать первому.

– Род волка, княже, обещался прислать послов, – начал тот, что повыше. – Сказали, что сразу после Масленицы придут. Лучших людей обещали прислать.

– Добро.

– Чудины из рода лесного орла, княже, собираются вернуться на прежние земли, княже, – поведал второй гонец. – И готовы, как один, встать под твою руку, княже.

– Ай, хорошо. Ай, молодцы, – порадовался князь. – Молодцы же, воевода?

– Как есть, молодцы, княже.

⁹³ Лепо – красиво.

– Спасибо, уважили. А теперь ступайте к кухаркам. Пусть вас накормят.
Как только дверь за гонцами плотно прикрылась, Вадим сказал Брягу:
– Думаю, воевода, послов от рода волка следует проучить, чтоб опосля весь род их проникся. Думаю сделать так...

Глава одиннадцатая Веселье

*Ах, полетела душа
И закружилась, спеша,
В хороводе затей...*

Вадим принял послов от волчьего рода весьма радушно. По случаю был закачен пир, где пиво лилось рекой, а столы два раза меняли, ибо те не выдерживали огромного количества яств.

Князь руссов принял дары от чудинов. Ему преподнесли полные сани пушнины. Но и Вадим не остался в долгу и одарил послов серебряными кубками. И, чтобы окончательно помутился разум диких соседей, вручил им две золотые византийские монеты. Чудины, как и ожидалось, пришли в полный восторг от богатства и щедрости княжеской, и едва не стали молиться на блестящие кругляшки солидов. Но это был «пряник».

На следующий день жарко натопленная баня гостеприимно распахнула свои объятия, и послов повели париться. Как стало известно князю, данный чудинский род был на диво диковат и банями не злоупотреблял. Вернее, не знал оных напрочь. То ли они брезговали чистотой, то или им что нашептал Юмал, но факт оставался фактом. Хоть дорога от терема до бани и была коротка, но поразила чудинов до крайности. Во внутреннем дворе детинца Вадим неожиданно устроил экзекуцию. К столбам и дыбам были привязаны обнаженные люди с чудинской наружностью, а каты⁹⁴ вовсю обхаживали их. Кого хлестали розгами, кому выкручивали руки, кому приятно щекотал пятки огонь, а кого и вовсе с нежностью окунали в студеную воду. Визги, пiski и крики стояли такие, что закладывало уши, а все собаки града так жалобно подвывали, что послы аж прослезились.

– За что же их так? – спросил дородный чудин, главный в посольстве.

– А-а-а, – протянул воевода, безразлично махнув рукой, – это охальники⁹⁵ и тати...

– Из какого рода? – уточнил посол, безошибочно признав в испытуемых своих одноплеменников.

– Из рода озерной чайки, – не меняя равнодушного тона, отвечал Бряг, – они князю нашему поперек слово молвили...

– О! – ужаснулся посол, а вместе с ним и все остальные чудины.

– Да. Пустое... всего и делов-то. Сотню князь приказал изрубить, весь (Весь – небольшое поселение) сжечь, а этих, – воевода кивнул на двор, – князь спытать решил... да медленно, чтоб другим перечить слову княжескому неповадно было.

– Крут князь-то...

– Да нет. Что ты, Окута?! Князь у нас – о-го-го! Щедр! Сам же видел. А эти враги несмышленные перечить вздумали...

– У-у-у-у, – чуть не в один голос выдохнули послы.

Их похмельные мозги здорово напряглись. А истошные крики не умолкали, и даже более того, усиливались. В воздухе повис противный запах горелого человеческого мяса. Двоих послов тут же стошнило.

⁹⁴ Кат – палач.

⁹⁵ Охальник – нахал, озорник.

– О, да я вижу, вы совсем умаялись, – улыбнулся Бряг. – Ну, пойдемте-ка попаримся. Душу отведем!

И воевода чуть не силой утащил послов париться. Чудинов подразвезло так, что раздевать их пришлось слугам. Их затолкали в парилку, поддали пару и с огромными вениками в руках к ним ввалились трое здоровенных детин.

– А ну, послы, лягай на полки! – приказным тоном изрек самый рослый банщик.

Чудины было принялись протестовать, но парни, не слушая писков протеста, силой уложили послов. И тут началось...

Банщики работали, как мельница в бурю. Их руки, вооруженные вениками, летали, будто молнии. И уследить было не возможно. Сначала прошлись березовыми, затем еловыми и под гонец дубовыми. Чудины лежали красные, как вареные раки. А руссы продолжали усердствовать.

– А ну лягай на спину! Да руки убери! Не бойсь – не отобью! А ну...

Веники звонко работали по пузам, выбивая остатки хмеля. Один молодой и шустрый посол норовил сбежать. Он юркнул между ног банщиков, но его поймали цепкие руки и водрузили на место.

– Не балуй!

Вся листва облетела с веников, и все пятеро послов, кажись, не дышали.

– Ушат!

Ледяная вода вмиг вернула сознание.

– Все! – лаконично подвел итог старший банщик, и послы, почуяв слабинку, стрелой вылетели в предбанник.

А там уже стоял накрытый стол, за которым чинно восседал воевода. Запотевшие крынки с квасом так и манили к себе. Послы суетливо расселись и жадно накупились на холодный квас.

– Уф...

– Ой.

– Ух, хорошо...

– Юмал...

Бряг выждал момент, сдвинул брови и серьезно спросил.

– Ну что, Окута, как мыслишь, будет твой род руку нашего князя держать?

Главный посол икнул, нервно сглотнул и ответил.

– Будет.

* * *

Послы чудинского волчьего рода уехали ободренные подарками. Вадим искренне надеялся, что этот род теперь будет держать свое слово, и оттого ходил в приподнятом настроении.

Вскорости его настроение и уверенность многократно усилились – пришел санный обоз от волчьего рода.

– Это чего? – вначале не поверил своим глазам князь, увидев, как в ворота детинца вползают десять... одиннадцать... тринадцать саней.

– Выход, княже, – вскинув голову, гордо изрек воевода.

– Пойдем глянем!

Тут же появился Удал. Вадим махнул рукой тиуну.

– Пошли!

Князь сдержал расплывающуюся улыбку, принял серьезный вид и обошел сани. Чудины расстарались и привезли несколько десятков мешков очищенного зерна, десять мешков вяленой рыбы, пять бочек меду, бочонок коровьего масла, три больших круга воска, по

штуке⁹⁶ льняной и шерстяной некрашеной ткани, ну и, конечно, пушнина. Глаза разбегались от великолепных хвостов и головок. Вадим оглядел все. Потрогал-пощупал-попробовал.

– Хорош выход, княже, – заметил тиун Удал.

– Да-а-а, – протянул Бряг.

– Добро, – князь довольно качнул головой. – Разгружайте, и спроси, Удал, у них, может, им чего надо. Топоры, железо или чего там...

Тиун Удал кивнул и живо принялся за дело. Вскоре сани опустели.

* * *

А на следующий день Вадим стал участником праздника. Время летело в суете, и он как-то уже позабыл, что наступил немаловажный славянский праздник день Велеса. Град огласили шумные хороводы. Народ кропил водой скотину, прогоняя коровью смерть, кропил да приговаривал:

*– Велес, скотий бог!
Дай счастья на гладких телушек,
На толстых бычков,
Чтоб со двора шли – играли,
А с поля шли – скакали.*

Затем по избам бегала повещалка⁹⁷ с криками: «Пора унять лихость коровью». Забегала она и в детинец, после чего все бабы-челядницы принялись омыwać руки. Утирались бабы рушником, который носила при себе повещалка. Потом она громко проорала, чтобы, значит, мужики сидели по домам.

– Это что, игрища такие? – спросил князь у тиуна, услышав и увидев, как нагло повещалка загоняет всех мужиков в избы.

– Уклад такой, княже. Пойдем в терем.

– Вот те раз... – всплеснул руками Вадим, но противиться не стал. Обряд есть обряд.

А со двора уже разносился дикий голос повещалки.

– Ай! Ай-йй-йй!

Затем раздались удары, и Вадим не утерпел. Они приоткрыл дверь и с высокого крыльца терема стал лицезреть, как повещалка деревянной колотушкой наяживала по сковороде. Она направилась к воротам, а бабы, вооружившись серпами, ухватами, вениками и дубинами, потянулись за ней.

– Куда они? – спросил князь.

– Так сейчас повещалке хомут наденут, княже, и в рало запрягут...

– Да ну...

– Она должна трижды опахать град, чтоб от напастей оградить.

– Вон оно чего...

– А бабы следом пойдут. Будут в колотушки бить и лучины жечь. Отгонять, стало быть, Морену⁹⁸.

– Град обойти – это у них надолго. А потом что?

⁹⁶ Штука ткани – моток, рулон ткани, ровно такого размера, который выходит из станка. Примерно 70/90 см шириной и до 6 метров длиной.

⁹⁷ Повещалка – выборная женщина. В этот день она выполняет ритуальные функции волхва.

⁹⁸ Морена (Морана, Мара, Маржана, Мора) – общеславянская богиня плодородия и жатвы, олицетворявшая также смерть, приносящая мор. Имеет некоторое сходство с Костромой – богиней весны и плодородия.

– А потом, княже – обрядовый бой.

– Вот это любо! – размечтался Вадим, представляя себе, что бой будет именно бабий. Интересно девки пляшут...

Ритуальный поединок происходил на берегу Боло-озера. Народу собралось, почитай весь град – выстроились широким кругом. Князь стоял в окружении воеводы, тиуна, Надея, Маруна и Останца. Вот появился ряженный Велес. В лохматой шкуре, в личине и с копьём в руке. С диким криком откуда-то из толпы вылетела Морена и накинулась на Велеса.

– Бей!

– Бей ее, Велес!

– Сшиби рог с зимы!

– Сшиби...

Люди кричали, улюлюкали, подбадривая Велеса. Ряженные долго кружили вокруг друг друга, приплясывали, наносили шуточные удары. Наконец, Велес изловчился и копьём сшиб рог с головы Морены. «Богиня» заверещала, упала и принялась кататься по снегу. Велес не замедлил пронзить ее копьём.

– Ага!

– Так тебе!

– Будешь знать...

Толпа взорвалась ликованием. А князь бурно захлопал в ладоши – представление понравилось.

Вечером в тереме отпраздновали победу Велеса скромным пиром. Выпили всего один бочонок браги...

* * *

Но это был не финал. Где-то князь подозревал, что день Велеса должен быть аккурат перед Масленицей. Собственно, так оно и вышло, ибо на следующий день...

– А пусть прыгают, – махнул рукой Вадим и потребовал к себе тиуна.

С утра и почти до полудня они сидели в думной и обсуждали хозяйские дела. Бревна, доски, веревки, кузницы, камни, мельницы... а где пасеку ставить? Надо конюшней нормально заняться. Жеребец есть подходящий? О-о-о! Будем разводить!

Лишь после обеда князь, опять же вместе с тиуном, направился на берег озера, где и разгорелось финальное действо. Несколько костров жарко горели, согревая хороводы. Девки пели, парни прыгали, кто-то прямо тут из бочки разливал брагу, чуть в стороне кто-то кого-то игриво мутузил...

Вадим стоял в сторонке и наблюдал. Вскоре подошел воевода с двумя дружинниками, при полном параде и при оружии. Князь вопросов не задавал, мол, и так понятно – служивые блюдут порядок.

Вдруг раздался радостный визг, и двое парней на большом шесте вынесли чучело зимы. Еще несколько мужиков спешно кинулись запаливать сложенную поленицу дров.

– Уходи, зима – надоела...

Парни с чучелом Морены замерли. В центр, к разгорающемуся костру вышла повешалка с большим ковшом в руках. Она замерла подле костра и, поклонившись на все четыре стороны, приложилась к ковшу с сурьей⁹⁹. Пила она аккуратно...

– Не пролила бы... – шепотом изрек Бряг, поедая глазами повешалку.

– А то что? – спросил князь.

– Не уйдет зима... – тихо ответил воевода.

– А-а-а...

Вадиму все это было в диковинку. Конечно, в свое время он этих Маслениц видал-

⁹⁹ Сурья – медовуха.

перевидал, и даже находил что-то общее между «теперь» и «потом». Но все же это празднество забавно переплеталось с днем Велеса или Комоедицей¹⁰⁰, и при этом все накладывалось еще на культ Косторомы¹⁰¹. М-да...

Вещалка осушила емкость, не пролив ни капли.

– Прощай, Масленица! – воскликнула женщина, и парни тут же кинули чучело в огонь.

– Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

– Куды дым, туды блин, туды Масленка!

– Ой! Морена загорела, всем людям надоела!

Народ хором выкрикивал прибаутки. Князю на миг показалось, что он очутился на шумном стадионе.

– Бр-р... – Вадим потрянул головой.

– Княже?

– Все хорошо... А прыгать когда будут?

– Так сейчас пойдет потеха, – улыбнулся Удал.

И потеха пошла. Народ стал набегать к большому костру и кидать туда мусор, солому, старые вещи. Люди жгли ненужный хлам, освобождались для нового витка жизни. Вадим хмыкнул, мол, не знал такого обычая. А тем временем, как по волшебству, возникли столы, а на них высокие стопки блинов, а в мисках меды, сыры, сметана, масло, икра... Но люди не спешили накинуться на яства. Вперед вышла повешалка с ухватом в руке.

– Где медведь? Люди добрые, – она поклонилась, – не видели ли вы лесного господина?

– Не-е...

– Нет...

Руссы дружно замотали головами.

– А не в берлоге ли он сидит? – продолжала вопрошать повешалка. – Не ведаете ли, где его берлога?

– Не-е-е...

– Откуда нам знать?!

– Чего пристала?!

– Не-е-е...

– Вижу! – воскликнула женщина, – вижу его берлогу. Вон она!

Люди проследили за ее рукой. В стороне от костров и столов Вадим разглядел большой сугроб.

– Там он! – радостно взвизгнула повешалка и с ухватом наперевес побежала к сугробу.

Народ уразумев, что сейчас будет ого-го, кинулся к костру, где догорало чучело Морены. Парни похватили головешки и ну догонять повешалку. А та уже прыгала вокруг сугроба.

– Вставай, косолапый! Хватит бока мять!

Парни принялись размахивать головнями и подначивать повешалку.

– Громче!

– Он глухой!

– Ха-ха-ха...

А девицы, задорно смеясь, образовали широкий хоровод и с песнями двинулись посолонь. Князя обуяло любопытство, и он двинулся к хороводу. Оказалось, что сугроб сверху скрыт и привален валежником. Среди веток проступало массивное бурое тело.

– А ну, девки, кто смелый? – крикнул один из парней. – Сигай в берлогу!

– Э-ге-гей, – с присвистом поддержала затею повешалка.

Отчаянная нашлась быстро. Дородная деваха, подобрав полы шубки, стала забираться

¹⁰⁰ Комоедица – день пробуждения медведя. Медведь – в данном случае олицетворение бога Велеса.

¹⁰¹ Кострома – тоже обряд Масленицы.

на сугроб.

- Ай да девка! – ухмыльнулся князь. – Если в берлоге и впрямь медведь – ему карачун.
- Убьет, – хихикнул Удал.
- Берем в дружину! – утерев бороду, крикнул воевода.

Меж тем отважная девица взобралась наверх и, недолго думая, свалилась на валежник. Послышал хруст ломающихся веток и дикий рык медведя. Сугроб пришел в движение – началась борьба. Через несколько секунд деваха вылетела из берлоги, и народ весело ахнул. В руках у нее был приличный клочок шерсти.

- Ну, что я говорил? – смеясь в голос, изрек князь. – Она его голыми руками...
- Молодец, Велуша! – захлопали в ладоши подружки!
- Беги, девка! – повешалка вскинула ухват.

Огромный шерстяной комок вылетел наружу и покатился по снегу. Затем медведь с трудом поднялся и стал затравленно озираться по сторонам.

- Не отдам, не отдам!
- Велуша дразнила зверя вырванным клочком. Медведь кинулся за обидчицей.
- Беги, Велуша!
- Живее!
- Ой!

Но она не шибко извивалась – лесной господин нагнал девушку и крепко схватил. Медведь ревел, Велуша верещала. Они катались по снегу, молотя друг друга по бокам. Наконец, бурый совладал с могучей охотницей и, уложив ее лицом в снег, оседлал. Народ ахнул и затаил дыхание. И вдруг ряженный соскочил с Велуши и помог ей подняться.

- Ай, девка, молодец! Разбудила меня!
- Пойдем, косолапый, попробуешь блинов! – громко предложила повешалка.

Как по команде народ устремился к столам. Когда к столам подошел Вадим, люди расступились, давая место, но особо не смутились от присутствия князя. И он был этому только рад.

Незаметно солнце остыло и склонилось к горизонту. Но с наступлением сумерек веселье лишь разгорелось. Костров прибавилось, появились и факелы. Парни похватили из толпы девок – и айда сигать через костры.

- Гори-гори ясно...
- Ясно, – изрек князь и, узрев симпатичную румяную большегрудую... большеглазую девушку, кинулся к ней.

Он поспел как раз вовремя, ибо сразу двое парней нацелились на эту королеву красоты. Вадим первый схватил ее за руку.

- Ой, – пискнула она, но упираться не стала.

Вадим прижал девушку к себе и страстно поцеловал в губы, тем самым обозначив свои права. Эх, понеслась...

Затем они прыгали через костры, водили со всеми хороводы, пили брагу, ели блины с сиговой икрой, пели песни и под конец далеко за полночь угомонились в княжеской опочивальне...

* * *

Расслабление длилось недолго. Вскорости прибыл гонец от новгородского князя и передал слова Гостомысла. Что, дескать, он собирает и посылает под крепкой охраной дочь свою, Умилу, в град Вадимов. И что в травень¹⁰² месяц, как и было условлено, он отправит княжну навстречу жениху. Однако Гостомysl просит свадьбу отложить, ибо сам желает

¹⁰² Травень – месяц май.

принять участие в торжестве. Это может устроиться после взятия варяжского борга, к которому и должны приступить союзники в конце травня месяца. И ежели князь руссов на том стоит, то пусть через гонца шлет свое слово.

– Вот оно как, – проговорил Вадим, когда гонца проводили за дверь.

– В травень, княже... – начал было воевода, но князь перебил его.

– Ишь, хитрый лис! – Вадим откинулся на спинку кресла. – Что удумал, а? Надёжу¹⁰³ хочет. Это, стало быть, он нам невесту шлет, а со свадьбой погодить просит. Так-так... В заложники Умилу отдает... коли мы совладаем с ярлом варяжским, тут и пир горой, а ежели нет, то Гостомысл и назад сдаст.

– Не посмеет, – подал голос Останец, тоже присутствующий на приеме гонца, по праву ближнего человека, ровно, как и Марун и Надей. Но те пока молчали, нахмутив брови. Не было в думной только братьев Олафссонов, которые постоянно пропадали на Свири, по заданию княжескому возводя борг и верфь.

– Не посмеет, – повторил Останец, – слово княжеское крепко!

– Ой ли... – хмыкнул Марун, – сколько пакостей было от новгородцев...

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – заметил Надей.

– Ага... – Вадим сложил руки на груди, – а кто старое забудет, то два...

– Если верить князю новгородскому, то крепкую рать он собирает, – решительно молвил Бряг. – Вон и кривичи в этот раз собираются...

– Ладно, – князь поднял руки, пресекая дальнейшие препирательства, – выход невелик. Слово дадено. И его, и мое. Посему... Посему готовь, воевода, дружину. Шли гонцов к чудинам нашим, будем собираться. Пойдем до друга моего в Каргийоки, а там встретим Умилу и двинем на варягов.

Руссы облегченно вздохнули, мол, решение принято, будем действовать.

– Надо поторопить Карла со Свеном. Времени мало, а нам бы еще пару ладей не помешало заиметь.

– Верно, княже, – поддержал воевода. – Только все едино нам на ладьях всем не уйти.

– Это ничего. Основную рать ты берегом поведешь. А ладьи нужны, опять харчи везти и все такое... Вот вам мое слово. Останец и Надей при тебе, воевода, останутся в пособу, а Маруна отправим к Олафссонам.

Марун молча кивнул.

– Вот только...

– Ну что, Бряг, договаривай, – князь заметил заминку воеводы.

– Княже, снегу много... воды много будет. Пешая рать по берегу не пройдет. Не лучше ли червень¹⁰⁴ обождать?

– Дело говорит воевода, княже. Коли берега зальет, то ходу не будет, – согласился Надей.

– Хм... – Вадим призадумался. – Будь по-вашему. Порешим – червень дожидаться и сухости. Да. И кликнете мне Удала.

Через минуту на позыв явился тиун, поклонился.

– Так, Удал, собирай всех, кто не у дел и отправляй на Свирь. Все, что есть, доски на лесопилке, грузы на сани – и туда же. А работу лесопилки усилить... как хочешь, а нужны еще доски, и сухие! Если еще что... вон, Марун подскажет. Все, зовите гонца для ответного слова!

Часть третья

¹⁰³ Надёжа – тут гарантии.

¹⁰⁴ Червень – июнь.

Последняя Битва

*Все, что было до этого мига,
Словно сон пронеслось... что теперь?
И, устав от изматывающего крика,
Молча делаю шаг я за дверь!*

Глава первая Свадебный поезд

*В сердце праздник,
А на душе печаль...*

День у князя новгородского не задался с самого начала. Хотя куда уж там... Солнце-то взошло над миром как обычно, а вот дальше уже пошло все не так...

Первыми расстроили князя петухи. Эти сволочи проспали нужное время и принялись горланить не с первыми лучами солнца, как полагается добропорядочным петухам, а когда светило уже приподнялось над Волховом. Однако, не придав сему факту особого значения, князь стремительно поднялся с ложа. Служка, чутко спавший за дверью, робко постучал...

Гостомысл умылся, облачился в зеленую рубаху, надел такие же зеленые порты и, сев на скамью, протянул службе ноги, мол, на – натягивай сапоги. И тут случилось... Его любимые короткие сапоги коричневой кожи не налезали! Князь сурово сдвинул брови:

– Пересушил, стервец! – рявкнул он на парня. – Чего смотришь – подавай другие!

Другие пришли в пору, и Гостомысл, отблагодарив службу звонкой оплеухой, встал и вышел из терема.

Во дворе обширного хозяйства деловито сновала челядь и мужского, и женского пола. Они живо перемещались туда-сюда, хлопоча по хозяйским делам, и так юрко у них это получалось, что у князя поначалу аж зарябило в глазах. «Молодцы, – подумалось князю, – блюдут!» И тут снова...

Надо же было такому приключиться, что на глаза новгородскому господину попался Улеб – младший тиун. И все бы ничего, кабы тиун не был пьян. Ну как, собственно, пьян? В стельку! Абсолютно. Князь хотел было открыть рот для низвержения благоверного гнева, как Улеб, оперевшись одной рукой о стенку княжьей кладовой, сделал весьма мокрое и непотребное дело. Гостомысл так опешил, что не сразу нашелся, что сказать наглецу...

– Ах ты, жабий потрох! – взревел хозяин. – С утра, сука, нализался, – и, обернувшись к дружинникам, что несли караул у дверей терема, приказал: – в поруб мерзавца! Да всыпьте ему там хорошенько.

Воины кинулись исполнять волю господина, но один вдруг остановился на полпути и спросил:

– А сколько всыпать-то, княже?!

– Покуда не протрезвеет!

– Ага... – кивнул дружинник и побежал догонять товарища, в уме прикидывая, сколько же плетей должно хватить.

В обязанности несчастного Улеба входил надлежащий присмотр за княжескими продуктовыми запасами. Ведал он и бражным погребом. А вчерась аккурат новая брага поспела на меду, ух и сладкая...

Инцидент с пьянящим тиуном словно дал невидимый толчок всему остальному, ибо дальше больше...

Потом князь решил обойти свои закрома-кладовые, но ключей от запоров не оказалось. Улебу всыпали еще парочку плетей, дабы освежить память – не помогло. Вывод был не утешительный, ключи этот стерво потерял! Принялись искать всеми имеющимися силами. По двору, буквально на коленках, ползало три дюжины челядников и челядниц, а еще

дюжина перерывала все помещения, куда даже теоретически мог спяну забрести тиун. И, наконец, свершилось – нашли. Тяжелая связка ключей обнаружилась... Вот только как князю-то сказать?! В общем, обнаружались ключи в отхожей яме. Случайно заглянули, так, на всякий случай. А случай тот в виде массивного кольца и торчал из... Хорошо еще по ночам подмораживает, а то утопла бы связка – поди ищи тогда. Связку отмыли, отчистили и натерли мятой. Благоухающая связка легла в ладонь Гостомысла. Князь сдвинул брови.

– В корзину с мятой, княже, упала... – виновато уклоняя взор, ответил служка.

Князь начал именно с бражного погреба, что-то ему подсказывало, что там не все ладно. Чувство его не подвело. Узрев свое разорение в виде опустевшей бочки с брагой, он пришел в ярость. И Улебу вдогонку всыпали еще с добрый десяток плетей. Хотя к тому времени это его заботило весьма незначительно...

* * *

Отобедав, князь по старинному обычаю отправился было почивать... Но и тут его ждало разочарование. Прибыл гонец и спешно просился на доклад к господину. Гостомысл, немного поворчав себе под нос, все же принял гонца, тем более что новости должны были быть из-под варяжского борга.

Внимательно выслушав короткий отчет гонца, князь отпустил его и призадумался. «Варяги смолят лады, – размышлял князь, – не к добру...» Посидев в одиночестве некоторое время, Гостомысл пришел к единственному правильному, как ему казалось, выводу – враги готовятся к походу. «Однако, пока лед по Волхову не пройдет – рано, – продолжал прикидывать варианты князь, – покуда травень не приступит да льды не прогонит, не спустить им лады. Но сей день и недалек, посему и не долго ждать придется...»

Солнце грело совсем по-весеннему, брезги¹⁰⁵ с каждым новым днем становились все теплее. Хотя снег еще сошел не весь, наступивший кветень¹⁰⁶ радовал и согревал душу, вот если бы только не приготовления варягов...

Поразмыслив, князь ближних людей собирать покуда не стал, решив обождать новых вестей. Да и дергать их понапрасну какой смысл? А может, варяги не на Новгород сбираются, а что, если на Белоозеро вдарят? Паскудная мыслишка прокралась в мозг князя и зажужжала, как назойливая муха. Нет. Князь отмахнулся рукой. Не стоило помышлять об этом. Вадим – друг ему теперь, теперь Новгород и Белоозеро заодно должны быть! Вместе и врага бить сподручнее. Гостомысл еще раз отмахнулся от предательской мысли и, решив, что время послеобеденного отдыха миновало, кликнул служку. Парень явился тут же, из-за двери, где и спал, словно пес, на овчине у порога, сторожа покой господина.

– Кликни мне воеводу, – распорядился князь.

Паренек умчался выполнять приказ. Через несколько минут князь уловил тяжелые шаги по коридору, а еще через секунду и тревожный бас воеводы...

– Да иди ты... охламон тетеряшный!

– Кого бранишь, Явор? Вести есть ли от Нимоякке? – князь не утерпел и сам вышел из комнаты.

– От Нимоякке, княже, не слуху, ни духу. Гонцов не шлет... А у нас тут...

– Ну, что еще?

– Да вот, княже, – пробасил воевода, – какое паскудство вышло...

– Да не тяни ты!

– Курбат издох...

– Как издох? – удивленно поднял брови князь. – Когда?

¹⁰⁵ Брезг – рассвет.

¹⁰⁶ Кветень – апрель.

– Теперича вон... только что псарь орал на весь двор...

– С чего бы это статься?

– Так ты сам, княже, его спытай... вон он, на крыльце рюмит, аки баба!

Стиснув зубы, князь стрелой вылетел на крыльцо, плечом задев воеводу. Явор пожал могучими раменами¹⁰⁷ и последовал за господином.

– Ну-у-у-у?! – угрожающе протянул князь, зависнув над содрогающимся на ступеньках псарем.

Услышав позади себя голос хозяина, мужик вскочил, повернулся красным от горя лицом.

– Не уберегли... княже, прости... прости нас... Курбат-то издох, скотина...

– Сам ты скот полоротый! Как вышло? – и, не дожидаясь ответа, скомандовал: – а ну пошли – глянем!

Гостомысл первым оказался у дверей своей обширной псарни. Дюже любил новгородский господин это занятие – охоту с псами на медведя. Забава сия была личной придумкой князя, оттого и гордостью...

Еще по малолетству, когда отец впервые взял его с собой на охоту, узрел тогда юный княжич, что псы чудинские дюже злы на зверя лесного. Гоняли косолапого и поднимали его с лежки – только держись! Ни разу не давали сбою. Окружат бурого и держат в кольце, покуда люди с рогатинами не поспеют. Вот тогда-то и пришла княжичу мысль использовать собак до конца. Чтобы, значит, не токмо держали медведя, но и сами нападали и убивали. После княжич долго возился со своей идеей. Подобрал толковых псарей из чудинов, да и своих ильменских приучил, и завел себе стаю охотников на лесного хозяина. Батюшка-то, бывший князь Боривой, не шибко жаловал сию затею, при случае нет-нет да выговаривал сынку за пустопорожность, за убиение времени. А жизнь-то вон как коротка. И прав оказался князь... коротка... прибрали боги Боривоя. Ну, так ведь с честью прибрали – в бою с ворогом.

А как стал Гостомысл сам князем, то вволю разошелся, да так, что и за бурым теперь приходилось аж за тридцать верст скакать. А в округе Новгорода почитай всех медведей перевел. Народ, правда, даже кланялся князю за заботу, мол, одолели мишки, в ночи уж и по деревням шабрились. Порой какую бабу иль девку в лесу подомнут... и сожрут. И дались ведь медведям эти бабы?!

Ну, стало быть, помог князь людишкам....

– Курбат, – ласково позвал князь, – Курбатушка...

В дальнем углу, сбившись в плотную кучу, не громко, но жалобно скулили суки, а щенки, не понимая, что к чему, вертелись подле них, весело поигрывая хвостами.

Гостомысл опустил на одно колено возле тела пса. Почивший вожак стаи, наилучший кабель всех новгородских земель, медвежья гроза и отец отменных щенят, лежал на сенной подстилке с закрытыми глазами и едва приоткрытой пастью. Кончик языка торчал из пасти, протиснутый сквозь зубы.

– Курбатушка...

Князь провел рукой по лоснящейся чистотой шерсти... бело-серая, местами с черными полосками шерсть приятно обволокла руку князя...

– А чего же он... не старый ведь еще, – подлил масла в огонь воевода, – ведь и десяти годков нету еще...

Псарь стоял позади князя и трясся, как лист на ветру.

– Курб... Ты! – Гостомысл резко обернулся, встал. – Ты! – он ткнул пальцем в псара, – Кудрой – раззява! От чего он издох?!

– Не ведаю... княже... только заходил к нему, был здоров... а тут пошел подстилку менять, а он это... карачун ему...

¹⁰⁷ Рамена – плечи от шеи до локтя.

– Тебе бы карачун, окаянный! Ну надо же... лучшего пса проморгать, у-у-ух, – князь замахнулся и что было силы въехал Кудрою в ухо.

Псарь повалился наземь. Князь хотел было добавить ему ногой, но тот ловко увернулся.

– Помилуй, господине, – ухватившись за быстро красневшее ухо, взмолился мужик, – не казни... у нас от Курбата щени есть... хорошие щени, княже... Быстряк и Колос...

– Да-а-а, чтоб ты и их проворонил?! Пшел вон с глаз моих!

От праведного гнева хозяина в углу враз перестали причитать суки. Почти все они, не сговариваясь, уткнулись мордами в подстилку и затихли, напряженно поглядывая на хозяина снизу вверх. Щенкам тоже передалась печаль положения и они, повторяя позу своих матерей, пристроились рядом и угомонились.

– Пшел прочь! – повторил князь свой приговор.

Кудрой отполз в сторону, вскочил и метнулся к двери.

– И чтоб я тебя больше не видел подле псарни! – кулаком погрозил ему вслед Гостомысл.

– Нет, ну надо же... – воевода, почесывая густую бороду, смотрел на бездыханного Курбата, – и не пожил-то совсем...

«Вон у меня в дружине две коняги захромали – вот это беда, – про себя подумал Явор, – а тут псина, тьфу ты...» Воевода недолюбливал пристрастие князя к охоте с псами, уж больно много тот уделял времени забаве этой. А ему, воеводе, казалось, что дружина требует большего догляда – опять же коняги вон захромали...

– Ох, да...

– Замолчь! – рявкнул князь, – ты еще будешь тут...

Молчание длилось несколько мгновений, а затем Гостомысл кинул прощальный взгляд на любимца и повернулся к выходу.

– Будем хоронить, – отрезал он, проходя мимо воеводы.

Явор громко сглотнул, в предвкушении...

– Бражного не будет! – отрезал князь, мгновенно пресекая мечтания воеводы.

– Понятно, – согласился Явор, – горе-то какое...

* * *

Похоронив любимого пса, князь все же нарушил свое слово на предмет бражных излишеств. Под конец он так растрогался, что позволил-таки и себе, ну и воеводе заодно, пару кружечек хмельной медовой браги. Ведь ее еще вдоволь было припасено, несмотря на утреннее разорение погреба тиуном...

Не к добру упомянутый Улеб вызвал на лице князя недобрый оскал.

– Улеб-то, прощелыга, в порубе ли? – отрывнув, спросил Гостомысл.

– А то как же, княже... – ответил воевода, допив кружку и со стуком водрузив ее на стол, – где же ему, окаянному, быть-то? В порубе сидит...

– Поутру гоните взащей... – еще раз икнув, продолжил князь. – Поздей!

На зов явился крепкий мужичонка средних лет, с редкой бородкой и ярко выраженной чудинской наружностью – главный тиун всего княжеского хозяйства.

– Я здесь, господине, – отозвался тиун.

– Поздей, на завтра – с брезгом этого... – лицезрев перед своими ясными очами своего хозяйственника, проговорил князь, – этого бражника Улеба, гнать в дальнюю весь...

– Хорошо, господине.

– В какую весь, сам решай, но чтоб я его более в граде своем не видел. Понял ли?!

– Понял, господине, как не понять, – с поклоном ответил Поздей.

– Чтоб никогда не видел...

Исполнительный тиун еще раз поклонился и вышел из трапезной. Князь мог не сомневаться – все будет выполнено как надо.

Еще одна, последняя кружка опустела перед Гостомыслом, и он резко провел рукой над столом, мол, все – хватит. Воевода молча согласился, крикнул от выпитого в кулак и первым поднялся со своего места.

Разошлись, и князь отправился почивать. Служка быстро разоблачил господина, и Гостомысл блаженно растянулся на ложе. Тяжелые веки сомкнулись, дремота взяла вверх, хотя...

Спал князь тревожно. Все время ворочался. Буйный на горе день давил сознание, мешал... Иногда сквозь сон всплывали мысли... или это сон продирался сквозь мысли? И оттого становилось еще тревожнее. В тумане морока князь видел то лик дочери, то щиты варягов, то...

Гонец еще четыре седмицы тому назад прибежал от Вадима Белозерского с радостной вестью – руссы возвели себе град. Крепко, стало быть, встали на берегах Бело-озера. А вслед за гонцом через несколько дней и сваты приехали. Все по укладу, чинно. Подарков навезли, речи хвалебные говорили... Умила от тех речей аж зарделась. М-да, пора девке – пора.

И теперь князь руссов ждет невесту в своих землях. По первости Гостомысл и сам был в растерянности. Дочь-то обещал, а как ее до града руссов доставить, коли варяги Волхов стерегут? Но подсказку сам Вадим прислал через послов. Дескать, пусть невестин поезд¹⁰⁸ на ладьях по Волхову вначале идет. Не доходя до борга вражеского, на сушу встанут, где их проводят верные чудины до реки Съяси. А там уже на ладьях жениха через Онегу-озеро – и до града княжеского. А ежели боги споведят, то и сам князь Вадим придет княжну на Волхове встречать. Это ежели успеет дружину собрать да к походу изготовить. На том Гостомысл и порешил – только охрану надо крепкую, и нянек снарядить.

– Надо снарядить... – пробурчал князь и тут же проснулся.

Он сел на ложе, тряхнул головой.

– Сразу и пошлю... как реки лед прогонят... уже скоро. Да... – и тут новгородский господин вспомнил о точных сроках, на которых настаивали послы руссов. Вадим передавал, чтоб, дескать, княжну по началу червения отправляли. – Да-да... А там уже вкупе с Вадимом вдарим по варягам... – поразмыслив вслух, Гостомысл крикнул служку: – Эй, одеваться!

* * *

На первую седмицу червения три груженные ладьи стояли у пристани Новгорода, на Волхове. День выдался, хвала богам, солнце веселилось само и веселило людей. Множество народу вышло поглазеть на свадебный поезд Умилы да проводить княжну в дальнюю дорогу. Мужики вполголоса деловито обсуждали ладьи, вооружение дружинников и их количество.

– Не мало ли князь воинов дал?

– Да куда там... Три ладьи – ого!

– Чего ого?! Ладьи-то малые, дурья башка. На каждом по дюжине воинов всего.

– Почти четыре десятка.

– Да брось! Их же там еще чудины поджидать будут.

– Маловата сила...

– Ага, была сила, пока мать срать носила!

– Га-га...

– Ой, чует мое сердце...

– Не каркай, Борун! Вечно язык твой, что помело! Метет туда-сюда... тьфу!

– Верно, тебе говорю!

– Да иди ты!

¹⁰⁸ Поезд – караван.

– Чу, князь с дочерью прощается, гляди!
Послышались бабские всхлипывания.
– Ишь, рюмить принялись. Будто своих девок провожают.
Князь крепко обнял дочь. Умила прильнула к груди отца.
– Батюшка...
– Макошь не оставь тебя, доченька. Поезжай смело. Вадим славный воин. Люб он тебе будет.
– Ой, батюшка...
– Поезжай, – Гостомysl поцеловал ее в лоб.
К княжне тут же подошли две няньки и, приговаривая что-то ласковое, повели на ладью.

Дружинники оттолкнули суда от пристани и заняли свои места на румах. Вот весла взлетели вверх, замерли и полетели в воду. Все три ладьи дружно, одна за другой, начали разбег. На передней, зорко оглядывая берега, шел воевода Явор. Ладья невесты находилась в центре поезда.

Миновав град, ладьи поставили паруса и, поймав ветер, споро побежали по реке...

* * *

Весь день они продвигались по Волхову, а с приближением сумерек Явор дал команду пристать к берегу. Воевода разрешил разводить костры и готовить пищу. Крепкие дозоры разошлись по берегу, стеречь покой лагеря.

Княжне сходить берег без нужды Явор запретил, и она вместе с двумя няньками оставалась в палатке на ладье.

аНебо быстро опустело и сделалось мрачным. Умила долго лежали, заботливо укутанная в теплые плащи и мечтала... вернее, силилась представить себе нареченного жениха. Она не заметила, как уснула, и сон не принес ей разгадки.

Утром ладьи так тихо отчалили, что княжна и не проснулась. Солнце ласково грело, а попутный ветер облегчал задачу гребцам.

Умила вышла из палатки только к полудню и подставила свежему ветерку лицо. Дружинники притихли. Вода, берега, лес и долетающий гомон птиц... Она долго созерцала округу, и все ей было интересно. Княжна еще ни разу не выбиралась так далеко из родного града.

День поспешал, и к вечеру порывы угасли, и дружинникам пришлось поработать веслами. Воевода, узрев удобное место, дал команду причаливать.

В эту ночь было удивительно тепло и тихо...

* * *

С первыми брезгами поезд двинулся дальше. Вскоре они миновали последнюю новгородскую весь, и Явор заметно насторожился. До варяжского борга оставалось не так далеко, и он вскоре рассчитывал встретить дозоры чудинов, что должны были ждать в условленном месте.

– Держи ближе к берегу, – Явор обернулся к рулевому, – вон на тот холм правь.

Ладьи свернули и ушли от середины реки. Не доходя до берега всего двадцати метров, ведущая ладья вдруг налетела на препятствие.

– Бревно! – загудели на носу.

– Чтоб вас! Куда глядели?! – воевода уже спешил, на ходу раздавая всем на пироги. – Раззявы. Пустобрехи! Где были ваши зенки?!

А под ногами уже хлюпала вода.

– Три доски рвануло!

– Где?

- Вон, смотри...
- Потонем!
- Чтоб вас водяной проглотил! Чего замерли?! Гребите к берегу.
- Воевода – вода!
- Да вижу я... Гребите!

А берег ожил. Прибрежные кусты, притопленные водой, вдруг расступились, и показались два черных корпуса с хищными головами чудищ. Их заметили не сразу. Новгородцы, занятые своей суетой, пропустил миг атаки. А драккары, покинув свои убежища, уже развернулись... До ладей новгородцев оставалось всего три-четыре корпуса.

- Варяги!
- Где?
- Перун тебя...
- Варяги!!!
- Ах ты... – воевода до боли сжал зубы. Сердце кольнуло – попали!
- К бою!
- Щиты!

Несколько стрел, как приветствие, как крепкое рукопожатие впились в борта, а следующие уже поражали воинов.

- К берегу!
- Шедшая второй ладья с княжной полетела к спасительному берегу.
- Валуй! – прокричал воевода. – Уходите берегом. Там чудины! Мы задержим!

Ладья воеводы оседала на глазах, и это заметили нападавшие. Драккары резко изменили направление и накинулись на остальных. Варяги разделились. Один драккар ловко проскочил мимо ладей новгородцев и устремился к берегу. Второй же пошел на abordаж. Явор метался по своему гибнущему судну...

- Гребите!

И ладья, нахлебавшаяся воды и глубоко осевшая, едва сдвинулась с места. Еще взмах веслами...

- Сигай за борт! – скомандовал Явор и, первым скинув кольчугу, бросился в Волхов.
- Благо до берега было уже рядом.
- Я не умею плавать!
- И я...

Не все дружинники последовали примеру воеводы. Те, кто не умел плавать, проявили робость. Кто-то пытался их уговаривать.

- Держись, дурень, за меня...
- Поплыли...
- Эх!

Барахтанье и ругань потерпевших кораблекрушение тут же заглушились криками и лязгом боя – abordаж начался. Выбравшись на берег, Явор первым делом оглядел место высадки Умилиной ладьи. Там тоже шел бой. Драккар нагнал беглецов и теперь два судна, уткнувшись мордами в берег, стояли, плотно прижавшись друг к другу. Викинги яростно атаковали, новгородцы решительно защищались.

– Должен был успеть... – уговаривал себя воевода, спеша к месту битвы. – Валуй должен был успеть...

Явор кинулся в сечу, не дожидаясь пока вся его команда с потонувшей ладьи выберется на берег. Мокрые дружинники с ходу атаковали варягов. Битва кипела не только на судах, но и на берегу...

* * *

Воевода держался крепко. Последний десяток плотно обступил своего командира и медленно отступал к лесу, отбиваясь от наседавших варягов. Новгородцы сжатым кулаком,

выстроив круг, огрызались до последнего. А последним был воевода. Он знал, что Валуи успел увести княжну, и теперь каждое мгновение удаляло Умилу от опасности.

Явор отступился и, запнувшись о тело павшего товарища, тяжело повалился наземь. Странно, но его никто не спешил добивать.

– Кто ты? – Явор услышал над собой чей-то голос.

Новгородец, опираясь на меч, поднялся на одно колено.

– Воевода новгородский! – с одышкой, но гордо изрек Явор.

– Вставай, воевода, – все так же по-словенски предложил варяг.

Явор встал и оглядел собеседника. Крепкий воин в кольчуге и шлеме стоял, опустив щит. Только его меч продолжал смотреть в живот новгородцу. За его спиной, тяжело дыша после сечи, толпились с десятков воинов.

– Имя-то у тебя есть, воевода?

– Явор.

Незнакомец снял шлем и отдал подскочившему дружиннику. Щит он просто отбросил.

– Меня зовут Сигурд. Я хёвдинг ярла Атли... в общем, я тоже воевода, – спокойно представился варяг. – Ну что, воевода, сдаешься, или...

– Или... – процедил сквозь зубы Явор и поднял меч.

Сигурд замахнулся и сделал шаг вперед. Воевода поставил блок, но варяг не стал бить. Он выбросил левую руку и ухватил воеводу за локоть, блокировав его правую руку. Варяг с силой толкнул, и Явор оказался боком к врагу. Вот только сейчас последовал удар! Лезвие легко порвало кожаную рубаху новгородца и разорвало мышцы. Воевода попытался сделать разворот, но его меч разрубил пустоту, противника там уже не было.

– Воевода!

Новгородец повернул голову на позыв и тут же получил удар в шею. Явор смежил веки... а потом они широко раскрылись, и глаза воеводы нереально выкатились из глазниц. Из перерубленной шеи хлынула кровь, без брызг и фонтанов. Кровь залила шею, грудь, стекла на живот... И Явор – воевода новгородского князя Гостомысла, упал к ногам варяга.

Сигурд кинул беглый взгляд на тело поверженного противника, а затем рывкнул на дружинников.

– Ну, чего встали?! Баб я буду догонять?!

Глава вторая Ярл Сигурд

Твоя слава, воин, опережает тебя.

Вот и лето. Отчего Сигурд жаждал именно этого? Быть может, потому, что зима выдалась на диву крепкой и на погоду, и на приключения. От приключений, кстати, кривилась улыбка и нет-нет да поднывали раны. А про осень вообще вспоминать не хотелось. Как попал сюда, как его почти убили... потом плен и погреб. Ярл Гутрум, штурм борта, побег... и новый ярл... ярл Атли. Ах, Вемунд!

Сказителя он тоже припоминал частенько, особенно последнюю встречу на пиру. И его тревожные слова.

– Не люби... – пролепетал себе под нос херсир.

Все это казалось нелепо, противоречиво... Да и что тут думать? Любовь...

...Из похода на меря его доставили в борт в бреду и горячке. Рана загноилась. Зашили криво-косо... Херсир всю дорогу метался на санях под толстыми шкурами. Иногда орал на непонятном языке, и викинги косились на походного вождя с опаской. Стали даже шептаться, что Один призывает храброго воина к себе. Два раза ему клали в ладонь меч... но он не умер. Уже в Альдегьюборге он пришел в себя и потребовал – баню! Олаф вместе с сыновьями пропарил товарища, и тут Сигурд принялся настаивать:

– Режьте жилы! Чего смотрите? Надо шить заново...

Осторожно раскрыли рану, тщательно убрали гной.

– Мочу давайте! Лучше ребенка...

Он не придумал ничего иного.

– У стряпухи дитё есть, – сообразил Трюгви, – говорят, от нашего Ульфа...

– Брешут, – отмахнулся Олаф.

Товарищи изловчились и раздобыли мочу младенца. Дезинфекция прошла обильно и весьма успешно, после чего Олаф долго и старательно зашивал рану. Швы толстым слоем покрыли барсучьим жиром.

– До свадьбы заживет, – утирая пот со лба, изрек Олаф.

«Ну вот, – подумал Сигурд, – и этот туда же...»

Хворь отступала нехотя, язвы заживали долго. Швы, сделанные Олафом, слава богам, прижились и эта рана потихоньку-полегоньку давала жить. А вот два укола тонким шилом – напротив. И ведь плевое дело – укол. Две маленькие дырочки в мясе, ан нет. Зудят и зудят.

Месяц ушел у херсира на лечение и реабилитацию. Попустил он и проводы зимы, и пиры, и даже девок пропустил. А то, что девки были, Сигурд и слышал, и видел. Но все объяснил Олаф. Девки были местные – чудиинские, из соседних родов, что дружбу вели с Атли. Завезли, стало быть, девок, как товар.

– А что княгиня с княжной? – спросил херсир.

Он как-то поначалу и забыл про них.

– А что им будет. Живут, – ответил Олаф, но херсир уловил в его голосе что-то...

– Живут?

– Хорошо живут... у ярла.

– Ага... – Сигурд сел на лавку.

– Мы тебя когда везли, – Олаф сделал многозначительную паузу, – ты имя ее повторял.

– Кого?

– Вторуши.

– Да иди ты...

И викинг тогда ушел, а Сигурд думал – и с чего бы ему имя княгини повторять. Вторуша... хм... забавное славянское имя – стало быть, вторая по рождению.

* * *

Вот оно и лето. Хотя тепло стало уже в конце мая. Волхов вскрылся поздно, и только к середине все того же мая вешняя вода спала.

Херсир чувствовал себя превосходно. Тело затянуло раны, и молодой организм набрал прежнюю силу. Ярл, вызвав к себе Сигурда, был многословен и щедр не в меру. Новый шерстяной плащ, ремень с серебряными накладками и три отменных куньих шкурки перекочевали в закрома победителя мерянского князя Нимоякке. И еще... Атли выстроил во внутреннем дворе борга всю дружину и торжественно провозгласил, что, мол, отныне Сигурд больше не херсир, а хёвдинг.

– Слава хёвдингу! – в тот день дружина порвала глотки от частых криков и упиалась на пиру.

Жить бы да радоваться! Вторуша... Сигурд опять поймал себя за язык. Особенно после бани, когда, испив холодного пива, он сидел на лавке и нежился на солнце. Вторуша...

– Вот привязалась, – Сигурд отпил из кружки.

Второй или третий раз накатывала эта сентиментальность. Он не часто, но видел княгиню, вместе с дочерью прогуливавшуюся у западной стены. А он стоял и смотрел. Что в ней было такого? Хёвдинг не знал. И пуще того, стала ему зеленоглазая княгиня сниться. И так снилась, и так снилась.... А еще смех этот дурацкий все время доносился откуда-то. Или не смех то был, а крик. И не властен был Сигурд в своем сне... Вторуша... А один раз она приснилась ему рядом с кикиморой. Вот тут-то и не стерпел хёвдинг.

Однажды вечером он набрался смелости и пошел в терем. Он уже знал, в какой его

части жила Вторуша с дочерью. При них почти неотлучно находилась старая бабка. И бабку эту он знал. Потеря – так ее звали – Сигурд не раз, до этого, видел ее в борге.

Сигурд стукнул кулаком в дверь и, досчитав до пяти, вошел. Княгиня сидела на ложе, перебирала какие-то тряпки, девчушка играла с тряпичной куклой, а Потеря протирала стол. Три глиняных светильника давали много света.

– Пойди-ка, бабка, погуляй с Милавой. Щенков ей покажи. У конюшни сука наша вывела их с лежки. Пойдите, гляньте.

– Ярл не велел... Изменил!!!!

– Иди, старая, говорю... мне с княгиней поговорить надо.

– Атли мне...

Хёвдинг подошел ближе, в упор глянул в бесцветные глаза Потери.

– Пойдите, гляньте щеней.

Милава услышав грозные речи викинга, выронила куклу и уставилась на дядю.

– Ступайте, – спокойным голосом изрекла княгиня. – Милавушка, сходи с бабушкой на двор, там щеночки...

– Малые?

– Малые, – кивнула Вторуша. – Поди.

– Ой, – обрадовалось девчушка, – бабушка Потерюшка, побежали...

Милаву споро одели, и бабка, что-то ворча себе под нос, вывела княжну на вечернюю прогулку.

– Зачем пришел? – строго спросила княгиня.

Сигурд бесцеремонно разглядывал княгиню. Она сидела, сложив руки на коленях, с прямой спиной и аккуратно забранными волосами. Длинные ресницы медленно, словно нарочно, игриво прикрыли ее зеленые глаза. Прикрыли... открыли...

– Ярл захаживает?

– Проверяет. Мы его яшники.

– Я не о том, – отмахнулся хёвдинг и сел на край ложа.

– Не пойму я...

– Ходит или нет?

– Ты, верно, сдурел.

– Ты сама сказала – вы его яшники, – Сигурд вздохнул.

– Твоими трудами.

– Моими. Так ходит или нет?

– Зачем тебе мои муки, воин?

– Меня Сигурдом зовут...

– Я знаю... это ты убил моего мужа.

– Это был честный поединок.

Вторуша опустила глаза, отвернула голову.

– Уходи. Ваш Атли обещал, что скоро...

– Что я обещал?

Дверь лихо отворилась, и вошел ярл. Следом за ним втянулся... вернее, впереди него влетел в комнату хмельной перегар.

– Вот не думал, что у меня хёвдинг ходок по бабам! – единственный глаз Атли хитро подмигнул.

– Я не... – Сигурд вскочил.

– Да ладно тебе. Баба она справная, – ярл присел рядом с княгиней и приобнял ее за талию, – чего бы не попользовать.

Лицо хёвдинга аж передернулось, свело левую скулу со шрамом.

– Будешь?! – с вызовов спросил ярл, все ближе притягивая Вторушу к себе.

Княгиня уперлась руками в его грудь.

– Пес! Тьфу!

– О! Видишь, она еще брыкается. Ха-ха... Ну, – Атли хлопнул ее по бедру.

- Ярл! – Сигурд моментально вспыхнул. – Отпусти ее! За нее выкуп...
- Какой выкуп? Я не посылал гонца... – с этими словами он полез целоваться.
- Пойди прочь... тать!
- Ух ты какая...

Секунда длилась невероятно долго. Хёвдинг впал в ступор. Секунда... Затем он сделал шаг вперед и буквально вырвал женщину и объятий Атли.

– Не тронь!

– Что?

– На!

Кулак хёвдинга вломил в глаз, ярл отлетел к стене. А Сигурд был уже рядом.

– На!

Второй удар пришелся в этот же глаз! Вот верно люди говорят, что снаряд два раза в одну воронку не попадает... а сразу – три!!! И третий раз – туда же. Атли хоть и был крепким мужиком, но от последнего удара крепко приложился о стену.

– Пух... – легкие выпустили последний воздух, и ярл осел на пол.

Сигурд глубоко вдохнул и шумно выдохнул.

– Ты как?

– Х-х... хорошо, – женщина одернула платье. – А с ним теперь что? Ты его не зашиб?

«Вот бабы, – подумал хёвдинг, – он чуть не того, а она...»

– А ничего. Проспится, завтра и разберемся, – вслух изрек он и принялся поднимать бесчувственного ярла.

* * *

Очухался хозяин Альдегьюборга рано поутру. Лицо горело, глаз почти не видел. Красивый, фиолетово-черный фингал закупорил единственное око ярла и плавно стек вниз, на щеку. Память мгновенно вернула вчерашнюю сцену... И Атли взревел от своего поражения. Махнув кружку квасу, Атли учинил поиски виноватого. Однако они длились недолго, так как хёвдинг сам явился к терему. У крыльца-то они и столкнулись.

– Ага, – проревел ярл, – это ты!

– Я, – стараясь соблюдать спокойствие, ответил Сигурд.

– Ты ударил своего ярла из-за этой паршивой хольмгардской сучки? Клянусь Митгардом, ты мне ответишь.

– Когда угодно, – равнодушно бросил хёвдинг. – Только ты глаз намажь чем-нибудь, а то и меча своего не увидишь.

– Ты... ты... – ярл был в шаге от того, чтобы прямо сейчас кинуться на обидчика. Но он вовремя остановился.

Вокруг были дружинники, а это свидетели. Вызов брошен – вызов принят, но прямо сейчас начинать его не пристало. Хольмганг требовал обстоятельного подхода.

– Через три дня, – сквозь зубы процедил Атли, – через три, клянусь Одином!

– Дай слово, что ты не тронешь княгиню и княжну. Ссора из-за них у нас с тобой... дай слово, ярл!

Атли покрутил головой. Дружинники по-прежнему наблюдали за происходящим.

– Даю слово.

– Клянись.

Ярл медлил.

– Клянись, ярл!

– Клянусь Одином и своим мечом.

Сигурд, довольный, кивнул. Он взял с Атли самую крепкую клятву, которая только могла быть. Вряд ли тот нарушит слово, данное именем Водителя Дружин, да еще и на мече.

На том будущие поединщики разошлись.

– Ой, дурак ты, Сигурд, – сокрушался Олаф на следующее утро, навестив товарища. –

Самого Косого вызвал.

- Это не я его, а он...
- Все равно дурак.
- Мне что, надо было дать себя убить?
- Из-за бабы... из-за чужой, тьфу!
- Олаф, не рви душу! Я не знаю, как так вышло.
- Я и говорю – дурак.
- Да тьфу на тебя.

И надо же было тому случиться, что вдруг вернулась лодка из дозора. Дозорные узрели три ладьи хольмгардцев. Ярл уже успел нализаться... вернее, поставить на лицо компресс, посему хёвдинг принял решение сам. Он собрал полсотни воинов и, погрузившись на два драккара, вышел встречать гостей. Уже темнело, когда Сигурд приметил удобное место для засады.

- Давай бревно притопим, – предложил Олаф, – да заострим...
- Ай да башка! – восхитился хёвдинг смекалке викинга. – Действуй!

* * *

Бой был окончен. Последние новгородцы пали, отчаянно защищая своего воеводу и прикрывая отход женщин. Сигурд видел, как с одной из ладей, как только она уткнулась в берег, выскочило с десятков воинов и мелькнули три женских платья.

- И вот теперь воевода был повержен, и хёвдинг обернулся к своим дружинникам.
- Ну, чего встали?! Баб я буду догонять?!

И варяги рванули к ближайшему леску, где скрылись беглецы. Сигурд остался на берегу и принялся изучать содержимое захваченных ладей. Трофеи обещались быть богатыми...

Викинги собрали своих павших товарищей и снесли их на драккары. Две уцелевшие новгородские ладьи после тщательного досмотра были взяты на буксир. Хёвдинг уже начал было волноваться, как из леса появилось двое воинов. Они бежали, закинув щиты за спину, и постоянно оглядывались, как будто за ними гнался Великий Змей. Вид у ребят был потрепанный. В душе у хёвдинга шевельнулась тревога. Сигурд спрыгнул с ладьи на берег.

- Ну, что там?! – почти прокричал он.
- Засада там, Сигурд, – промямлил один из вернувшихся, тяжело дыша.
- Руссы! – вставил второй и тяжело осел на траву.
- Какие на хрен руссы?!
- Руссы! Они кричали – Русь!
- Да что вы, белены обожрались? Какие, к лешему, руссы?! Много?
- Сотня, не меньше... там еще и чудины.
- Что творится, Олаф! Ты глянь, руссы!

Хёвдинг негодовал. Мысли унеслись в сторону и выдернули из памяти надежду. Ту надежду, которая поселилась в его сердце. Сигурд искренне начинал считать, что руссы – варяги, а варяги тут только они, в борге. И что далекая история сделает нужный поворот и скоро ИХ будут назвать руссы! А тут, оказывается, уже есть какие-то руссы?

– Мы почти догнали... четверых изрубили, – все еще приходя в себя, повествовал викинг, – а тут со всех сторон полетели стрелы...

– Мы даже за мечи не успели похвататься... – поддакнул второй, – наших всех положили. Только мы и ушли...

– Так – уходим, – резко подвел итог хёвдинг. – их может быть больше, и не ровен час на борг враги пойдут.

* * *

Вернувшись с трофеями в борг, Сигурд все обсказал ярлу. Тот почесал свой все еще

заплывший глаз.

– Пусть только сунутся... – процедил Атли. – А ты чего стоишь? Иди. Завтра – хольмганг.

– У тебя еще глаз не про...

– Иди! Не твоя забота!

Сигурд пожал плечами и вышел. По дороге он решил заглянуть к княгине.

– Тук-тук, – в голос постучал он в дверь.

Дверь открыла бабка Потеря.

– Чего надо?

– Пусти, – хёвдинг заглянул через нее в опочивальню. Княгиня и княжна играли на ложе.

– А не пущу, – уперев руки в бока, твердо ответила бабка.

– Это еще что такое? – Сигурд надвинулся вперед, решив силой ворваться в комнату.

– Не можно!

Тут он заметил, как Вторуша поднялась и быстро оказалась рядом. Она мягко отстранила бабку и нежно глянула в глаза хёвдингу.

– Ступай, Сигурд, – ее ладонь легла ему на грудь. – Ступай, Милаве надо спать...

– Вот-вот, – поддакнула Потеря, и даже погрозила пальцем.

– Потерушка, пойдی к дочери, – ласково попросила княгиня.

Бабка одарила хёвдинга жестким взглядом, но повиновалась.

– Ступай, – ладонь Вторуши чуть заметно толкнула в грудь. – Боги услышат меня, – она до предела понизила голос. – Завтра...

* * *

И завтра его не обмануло...

Круг из дружинников образовался довольно быстро. Воины, выставив перед собой разукрашенные щиты, ждали появления главных героев. Сигурд вышел первым, обнаженным по пояс. Без шлема, в руках только меч и щит. Даже ноги босы. Не заставил себя ждать и ярл. Тоже без обуви, в одних кожаных портах, меч и щит. Хёвдинг сразу отметил, что Атли каким-то чудом удалось за ночь полностью открыть себе глаз. Теперь его синяк смотрелся не так эффектно. В довершении ко всему ярл избавился от повязки, что прикрывала его изуродованный глаз. Шрам и пустая глазница производили устрашающее зрелище, но только не для Сигурда. Он и сам мог похвастаться отменным шрамом на левой щеке. Противники смерили друг друга презрительными взглядами, и началось...

– Один, – воинственных выдох пробежал по рядам дружинников.

Атли пошел крупными шагами вперед, а Сигурд вообще разогнался и сделал прыжок, достойный любого гепарда. Почти полтора метра вверх, и девяносто килограммов тела, помноженные на скорость, обрушились на ярла. Атли только и успел поднять щит, как хёвдинг наскочил на него. Ярл не устоял и рухнул. Сигурд очутился верхом на противнике. Ударить мечом мешал щит. Тогда хёвдинг, вскочил, подпрыгнул и пятками угодил в живот ярлу. Послышалось болезненное рычание. Отскок. Сигурд занес меч. Бить лежачего было против правил хольмганга. Секунда... еще секунда – и Атли, уперев щит в землю, попытался подняться. Как только обе его ноги более или менее твердо встали на землю, хёвдинг вновь атаковал. Сигурд рубанул клинком сверху вниз. Щит ярла принял удар. Еще взмах, на этот раз вбок. Щит Атли сместился... но, вместо меча, хёвдинг использовал щит. Окованным торцом он задел край вражеского щита. Удар прошел вскользь и угодил в челюсть Атли. И тут же последовал бросок клинка. Лезвие частично оскальпировало владельца борга и срезало правое ухо. Кровь стала обильно заливать лицо...

– Один! – воскликнул кто-то из дружинников.

Меч вспорхнул еще раз – удар. Атли выронил щит. Перерубленная ключица обозначилась глубокой раной.

– Пха... – вырвалось из уст хёвдинга.

Последний удар в голову довершил поражение ярла. Сигурд инстинктивно отскочил на шаг назад. Единственный глаз Атли залила кровь... меч упал, а руки, слово плети, дернулись вверх, к голове... они остановились на уровне груди и бессильно рухнули вниз. Тело Атли последовало за ними...

– Один!!! – дружина ликовала. Сегодня в Вальхалле будет радость. Храбрый воин – ярл Атли станет пировать за одним столом с Одноглазым.

– Один!!!

Напряжение, пусть и короткого боя, сказалось для хёвдинга резкой болью в боку. Он тяжело вышел из круга. А воины ликовали так, словно гибель их ярла и не смерть вовсе, а радостный праздник. Все правильно... все честно, и он победил. Сердце вдруг сжалось, и в нос ударил запах болота. Сигурд напрягся, обернулся вокруг себя. Он уже был готов увидеть лицо кикиморы. Но нет. Только бородатые лица варягов.

– Это великий поединок! – подошедший Олаф протянул руку.

– Знаю... – устало ответил Сигурд. – Распорядись о поминальном костре...

– Конечно. Все сделаем. Он был славным ярлом.

– Да уж...

* * *

Сигурд пришел проводить своего поединщика. Драккар, набитый хворостом и дарами, стоял у пристани борга. Воины на щитах внесли тело Атли и уложили на настил. Ярл лежал в полном комплекте. С мечом, в кольчуге и шлеме. У его ног разместился новенький щит.

Дружинники выстроились в несколько рядов. Сигурду поднесли факел. И эта была заслуженная честь.

– Слава ярлу Атли! – воскликнул хёвдинг и бросил факел на хворост.

Как только сушняк занялся, еще несколько факелов упало на драккар. Пламя жадно охватило хворост и принялось поедать сухие доски обшивки.

– Толкай! – Олаф подал команду.

Два десятка воинов легко оттолкнули судно. Воды Волхова подхватили объятый пламенем драккар и понесли. Сначала он шел вдоль берега, а затем течение поволокло ладью ближе к середине.

– Один!!! – дружина провожала ярла громкими возгласами и ударами оружия по щитам.

– Один!

Закатное солнце красиво окрасило горизонт, и горящий драккар просто обалденно смотрелся на этом фоне. Именно так думал Сигурд...

* * *

Утром хёвдинга разбудили Олаф и Трюггви. Отец и сын без стука вошли и принялись тормошить Сигурда.

– Вставай.

– Хватит спать.

– Чего? Хм... Чего приперлись, – хёвдинг едва продрал глаза.

– Вставай, дело есть.

– Ё... не могли подождать?

Сигурд сел на ложе и вопросительно уставился на товарищей.

– Ну?

– После того, как ты ушел с тризны...

– Ну? – Сигурд все еще потирал глаза.

– Да обожди ты нукать! Так вот... значит, парни выбрали тебя ярлом, – Олаф, наконец,

закончил новость.

– Не может быть... – хёвдинг потрянул головой, словно прогоняя наваждение.

– Клянусь Одним, – подтвердил Трюггви. – Все дали тебе голос.

– Ой, дайте умыться, – взмолился Сигурд, – нельзя так человека пугать.

Он, не слушая их восторженное бормотание, вышел во двор, намереваясь умыться.

– Слава ярлу Сигурду!!!

– Мать моя... – Сигурд от испуга схватился за сердце. – Вы чего орете?

– Слава ярлу Сигурду!!! – вся дружина стояла стройными рядами и продолжала скандировать. – Слава ярлу Сигурду!!!

И будто в усиление своих верноподданнических чувств, воины принялись молотить мечами и секирами по щитам. Буханье стояло почище, чем вчера на похоронах Атли.

– Слава ярлу...

Сигурд вскинул обе руки.

– Тихо! Да тихо вы! Эй! Хорош горланить!

– Слава ярлу Сигурду!

– Да понял я. Понял!

– Слава ярлу...

Наконец его услышали. Бряцанье и возгласы умолкли.

– Ну, наорались?

– Слава... – чья-то запоздалая реакция позабавила Сигурда.

– Вот ведь... – хёвдинг набрал побольше воздуха в легкие. – Спасибо, други мои, за честь! – он чуть склонил перед ними голову. – Признаться, не ожидал! – слукавил Сигурд. Где-то глубоко-глубоко внутри сидел червячок тщеславия и грыз совесть. – Не ожидал...

– Ты дело говори! – раздался чей-то нетерпеливый выкрик.

– Да! Согласен, или чего?

– Говори, Сигурд.

– Да дайте ему сказать!

Сигурд широко улыбнулся.

– Ну, разве можно отказать таким храбрым парням, как вы?! Чтоб вас кабан порвал! Я согласен!

– Один... Тьфу! Сигурд!!!

– Слава ярлу!

– Слава Сигурду!

Новоиспеченный ярл поднял глаза и увидел на крыльце терема Вторушу. Она стояла и смотрела на него. Сигурду показалось, будто она улыбается ему. Сдержанно, лишь краешком губ. Но улыбается!

Глава третья Мечта моя...

Любовь нечаянно нагрянет...

Лагерь руссов и вепсов из медвежьего рода был установлен далеко от берега Волхова. Удалось уйти не менее чем на десять верст. Выбрав обширную поляну, остановились. Закипела работа. Воины разводили костры устанавливали палатки и шалаши. Вот тут-то Вадим и подошел к невесте.

– Сударыня, ты прекрасна. Я даже не мог себе представить, что такая девушка обещана мне в жены, хотя мне и говорили о твоей, княжна, красоте, – выпалил Вадим и сам чуть за голову не схватился от своего красноречия.

Девушка и половины не поняла из столь громоздкой речи и заметно смутилась.

– Князь, я рада видеть тебя.

– Ты, верно, устала с дороги. А тут еще эти варяги...

– Я не испугалась, – вдруг вскинув гордо голову, заявила невеста.

– О да! – воскликнул князь, вспоминая, как впервые узрел ее, растрепанную от долгого бега по лесу. И все же она держалась молодцом. – Я и не сомневаюсь в этом!

Её отвели в отдельную, просторную палатку, где княжна и ее спутницы могли передохнуть и привести себя в порядок. На завтра им предстоял долгий путь. Вадим объявил об отходе в Каргийоки.

Князь руссов сегодня встретил не только свою невесту, но и старого... хм... Теперь он не стал бы называть его другом.

...Валуй бежал последним, постоянно оборачивался. Его кожаный доспех был изодран, с головы слетел шлем. Вадим ждал в условленном месте, в версте от вынужденной высадки новгородцев. Руссы незадолго до этого вышли на берег и заняли позицию – ждали. И тут сюрприз. Бегущие женщины, а следом десятков воинов... И Валуй... Бородача князь признал сразу.

– Бряг, готовь лучников, – приказал Вадим, правильно оценив ситуацию.

Он первым вышел навстречу и поднял руку. Беглецы на миг замерли, но потом, заметив стяг, с которым из кустов вышел Останец, рванули пуще прежнего. Князь принял княжну в широкие объятия. И вовремя. На берегу показались преследователи. Сильно отставший Валуй споткнулся. Еще трое новгородцев, заметив падение товарища, поворотили за ним. Варяги, еще не видя засады руссов, налетели на четверку новгородцев.

– Бряг! – прокричал князь, передавая свою невесту нянькам.

Воевода узрел избиение союзников и махнул рукой. Несколько стрел удачно сразили врагов.

– Русь! – Вадим выхватил меч и бросился вперед.

– Юмал! – подхватил Павел и во главе своего десятка поддержал атаку.

Они налетели и быстро смяли немногочисленных викингов. Так быстро, что Вадиму не досталось ни одного врага.

– Валуй! – князь заметил лежащего бородача.

Новгородец распластался на траве, широко раскинув руки. Его голова была вся в крови.

– Валуй...

Вадим перевернул тело и ахнул. Лица не было, лишь кровавая каша из плоти и костей. Нижняя челюсть с редкими зубами отвисла и висела на порванных мышцах.

– Валуй... – князь тяжело вздохнул.

Он был зол на него, ведь Валуй предал... а вот сейчас князю стало жаль его. По настоящему, по-человечески... жаль...

Рядом лежали и трое других новгородцев, все же варяги успели их порубить. Вадим оглядел поле скоротечного боя – двенадцать викингов лежали тут же.

– Двое ушли! – доложил Бряг.

– Да пес с ними! Убитых новгородцев забрать – и быстро уходим!

* * *

Наутро, с первыми рассветными позывами лагерь стали сворачивать. Для удобства передвижения Вадим отдал своего жеребца Умиле. И теперь она, свесив ножки на одну сторону, ехала во главе дружины. Князь шествовал рядом. Он часто поглядывал на нее и довольно мило улыбался, когда их взгляды встречались. Путь до реки Сьяси занял весь следующий день.

К вечеру они вышли на берег, где их ждали три ладьи. Вадим распорядился ночевать тут. Князь лично справился о здоровье невесты, зайдя в ее палатку. Чтобы соблюсти все приличия, короткий разговор между ними состоялся при няньках, которые смиренно сидели в углу и вышивали. Или делали вид, что заняты делом, а сами, наострив уши, ловили каждое слово обрученных, и в особенности жесты князя. В конце Вадим позволил себе взять Умилу за руку. Княжна руку не отдернула – контакт был налажен. Но няньки напряглись, и

князь быстро исправился – для первого раза достаточно. Он учтиво распрощался и, кажется, заметил, как Умила смотрела на него. Как-то по-другому. Теплее, что ли...

Вадим находил княжну не просто красивой, а очень красивой. Срочно захотелось хм... жениться. В смысле обряд, пир и все такое...

* * *

Ладьи проскочили широкую Сясь и вышли в озеро. Вадим вглядывался в берега, где-то тут, почти год назад они и приземлились.

– Кажется во-о-он там, – протянул Павел, угадав мысли друга.

– М-да...

– Ты давно мне не рассказывал.

– О чем?

– Ну, про свои видения...

– Так не было больше, – вздохнул Вадим, – как отрезало.

– Вот те раз...

– Вот те два!

– Ладно, – Павел облокотился на борт. – А ты ее любишь?

– Не знаю, – честно признался друг, – но девка красивая.

– Красивая...

– У тебя Улла тоже... вот родить бы тебе парня!

– Ай...

– Не айкай! На каком она месяце?

– Так уже на пятом.

– Вот, – многозначительно изрек Вадим, подняв палец.

– Я Настино лицо стал забывать, – с грустью продолжил Павел, – вспоминаю-вспоминаю... Когда расплывчато что-то, а когда и вообще ничего.

– М-да...

За разговорами долетели до земли медвежьего рода. Еще год назад сгоревшая на берегу озера весь была почти полностью отстроена. Копиярве теперь могло похвастаться пятью новыми дворами.

Здесь они и смогли передохнуть. Дальше их ждала дорога – водный путь до самого града.

Вадим весь вечер провел с Павлом, обсуждая дальнейшие действия. В скорости предстоял большой поход на варяжский борг.

– Наш последний и решающий...

– Паша, ты сильно не усердствуй, – Вадим подвинулся поближе к костру. – Народу у тебя мало, так что, коли выставишь пару десятков, уже будет хлеб. И без того, вон, Гостомысл чуть не тысячу воинов собрал, да и я с пять сотен, кажется, набираю. Умила сказала, что ее отец получил от нас известие... Я ему после Масленицы еще гонца отправлял, чтобы поход отложить...

– Да. Ты говорил. Ладей хочешь успеть понастроить, молодежь обучить и все такое...

– Во-во!

– В этот раз раскатаем варягов, как блин!

– Твоими бы устами... А то в прошлый раз мы обгадились на ровном месте.

– Да уж...

Они расстались около полуночи. Глава медвежьего рода отправился в Каргийоки, а Вадим, пройдясь вдоль берега, наконец успокоил свои мысли и пошел спать.

* * *

По прибытию в град Умила была поражена, очарована, приведена в полный восторг!

От строящегося града, от шумного посада, от торга на берегу Бело-озера.

– Как у нас в Новгороде, – сравнила княжна увиденное.

– А у вас в граде тоже терем каменный? – спросил Вадим.

– Нет.

Каменные двухэтажные хоромы были для девушки непривычны. Терем был большой и просторный.

– Мой дом – твой дом, – ласково улыбаясь, пригласил князь Умилу на прогулку по терему и детинцу.

Еще при строительстве Вадим учел многое. Жилые комнаты были отделаны деревом. Умиле это понравилось. В дереве дышится легче. Предусмотрел князь и окна. Пусть узкие, как бойницы, и затянутые пузырем, но все же свет пробивался вовнутрь. Лестницы пологие, и печи! Печи с дымоходами, сиречь по белому. Умила аж ахнула. Такого дива дивного она не видала. По всем градам и весям топились по-черному. А тут такое!

– Еще не все, княжна, – Вадим хитро подмигнул невесте и провел ее в отхожее место, которое он гордо именовал сортиром.

– Как? – переспросила девушка.

– Сортир, – медленно, по буквам повторил князь. – Заходи.

И они вошли. Вадим, как мог, объяснил плотникам и каменщикам, что требуется – и вот оно очередное чудо – унитаз! Воплощенная мечта культурного человека. Шедевр из камня и доски.

– Вот смотри, княжна, как удобно, – и Вадим уселся на свое творение. – И не надо в позе орла зависать.

Умила сдержанно улыбнулась, но по всему было видно, что диковина пришлась ей по за... по сердцу.

А потом, жених отвел невесту в опочивальню, специально приготовленную для нее. Чистенькие домотканые дорожки тоже были ноу-хау князя. Странно, он считал, что такие штуки уже делают, а оказалось...

Оказалось, что Вадим поставил большую избу и отвел ее под ткацкую. Шесть женщин трудились там каждый день, выдавая князю нужную продукцию. И платил князь работницам тканями – сами попросили. К слову эта задумка толкнула другую – выращивание льна. Нет, лен тут и до него производили, но теперь это был промышленный масштаб. По скоромным подсчетам Вадима льна в этом году он посеял гектаров сорок, не меньше.

– Проходи, Умила, садись, – Вадим указал на ложе, а две няньки, которые были уже тут, недовольно шмыгнули носами. Но жених, мысленно послав их куда подальше, продолжал обихаживать невесту.

– Ну как – удобно?

– Да, – весело пискнула Умила, прыгая на ложе, но потом вдруг спохватилась и, устыдившись своих мыслей, притихла.

А потом князь показал и другую мебель – шкаф под вещи, лавки с резными спинками и столик с резными ножками.

Окончив осмотр опочивальни, Вадим хлопнул в ладоши, и из-за двери появились двое отроков.

– Прими в дар, Умила. Так сказать, свадебный подарок.

Длиннополая норковая шуба легла на плечи княжны. Няньки ахнули, да и собственно Умила расплылась в улыбке.

«Класс! – в душе ликовал князь, глядя на красоту невесты. – А теперь контрольный...»

И преподнес девушке роскошные серебряные височные кольца и перстенок...

Выходил Вадим от княжны веселым и гордым, с твердым чувством, что дело сладиться.

* * *

Месяц пролетел в заботах и хлопотах. Вадим собирал дружину в поход. Обучал

молодежь, готовил припасы и снаряжение. Братья Олафссоны рапортовали о трех новых ладьях. Теперь флот руссов мог похвастаться шестью боевыми судами. А это, почитай, две с лишним сотни воинов можно было погрузить. Пришел отзыв от барсучьего рода. Старейшина Пилта дал согласие на поход и выставил две сотни бойцов. Волчий род тоже не противился, от него шло полторы сотни. По весне вернувшийся с кочевий род лесного орла не мог похвастаться многолюдьем, но и они собрали восемь десятков. Вадим в уме складывал свои силы, и получалось, что с дружиной руссов, коих набралось до двух сотен, князь сможет повести в поход шестьсот с лишним человек.

За десять дней до назначенной даты, с князем приключилось несчастье. Прямо у крыльца терема он не удачно спрыгнул с лошади, споткнулся и грохнулся на спину. И откуда там взялся этот камушек? Боль пронзила спину...

Кто-то рядом вскрикнул... Вадим попытался приподняться.

– Князь! – он узнал голос невесты.

Умила стрелой метнулась вперед, опустилась рядом.

– Что, Вадюшка? Как ты так?

Князь хлопал глазами и думал: «вон оно как – Вадюшка!».

– Чего встали?! – Умила вскочила и, повысив голос, стала сыпать приказы. – Воины! Кладите щиты! Осторожно. Вадюшка... Кладите князя! Так. Тихо! Несите. Сватава – воды и мази быстро! Несите.

– Куда нести-то, княжна? – спросил дружинник.

– За мной несите!

Вадим лежал на щитах, стиснув зубы. Боль не проходила.

– Порог – тихо!

Умила умчалась вперед, а воины аккуратно внесли князя в терем.

– Сюда несите! – Вадим услышал ее голос и понял, что несут его в ее опочивальню.

Его доставили, неспешно положили на ложе.

– Всем выйти! – скомандовала Умила. – Вадюшка... Очень больно?

– Ага... – процедил сквозь зубы князь.

Он попробовал пошевелить ногами, руками, кажись, все цело.

– Лежи. Не шевелись, – обе ручки княжны уперлись в его грудь.

Тут же появились няньки с теплой водой, мазями, горшками, отварами, чистыми тряпками...

– Помогите мне.

Втроем они осторожно перевернули князя на живот. Впрочем, Вадим ощутил, что боль притупилась. Ему задрали рубаху.

– Подите! – изрекла княжна, прогоняя няnek.

– Умилушка, как же? – чуть не в один голос запротестовали женщины.

– Подите! Я сама управлюсь, – настойчиво повторила Умила.

Няньки неохотно подчинились.

– Сейчас, Вадюшка...

Она ощупала спину и, убедившись, что все кости целы, обмыла теплой водой и обильно намазала спину мазью.

– Вот, хорошо... Лежи, не переворачивайся.

Она натянула ему рубашку и нежно погладила по спине.

– Как же ты меня напугал, Вадюшка, – ее голова опустилась ему на плечо, – любимый мой...

Вадим почти не дышал – вот оно! Сердце сжалось, захотелось глубоко вздохнуть и крикнуть от счастья. От боли в спине не осталось и следа.

– Что ты? – Умила подняла голову. – Лежи. Не шевелись.

– Я смогу... сам.

Он перевернулся. Княжна быстро утерла глаза, как будто стеснялась своих слез.

– Пошто рюмишь, хоть моя? – он запустил руку в ее густые волосы. – Все хорошо...

все хорошо. Умилушка...

Вторая рука пошла вверх. Их взгляды встретились.

– Вадюшка...

– Умилушка... – он больше не мог бороться. Вадим притянул невесту к себе.

– Вадюшка...

Их губы опасно приблизились...

В голове Вадима почему-то застучала знакомая по прошлой жизни мелодия: *Батюшке не скажемся, матушке не скажемся, братьям непутевым не догнать меня...*

А за окном веселая птаха, звонко чирикнув, вспорхнула с ветки. Она подлетела к другой птахе и закружила вокруг нее в озорном танце любви.

* * *

Как порядочный мужчина, он обязан был жениться. Собственно, он был не против, очень даже не против. Умила, совершенно не стесняясь, на следующее же утро появилась перед народом, в мужнем наряде¹⁰⁹.

Именно этот наряд красноречивее ее счастливого лица говорил всем, что они с князем теперь муж и жена. А кто осудит?

– Княгиня, – с почтением поклоном, первым обратился к ней воевода, делая ударение на новый статус бывшей невесты, – по добру ли у князя здоровье?

– По добру, воевода. Ушибся он, но не шибко. Скоро выйдет. Просил в думной ближних созвать.

Бряг улыбнулся в бороду.

– Ближние бояре уже ждут, княгиня, – он еще раз оглядел вышивку на платье Умилы, – велели кланяться.

Княгиня чуть склонила голову в ответ.

– Передай и мой поклон, воевода. Ждите, князь скоро будет.

И княгиня прошествовала на кухню, дабы первый раз выдать кухаркам наказы и тем самым утвердить свое новое положение. Теперь она в доме Хозяйка!

* * *

Вадим вошел в думную, едва заметно прихрамывая, но довольный, как барсук, поймавший лису. Бояре встали, поклонились. Князь занял стол, обвел товарищей взглядом.

– Воевода, ты мне волхва сыскал ли? Давно прошу.

– С этим и шел поутру к тебе, княже... – Бряг сделал паузу. – Нашелся волхв, сам Злоторя.

– Во как! И где же пропадал?

– На Онеге, княже, в скиту был... богов молил за град наш.

– Ну молодец, коли молил...

– Не один ведь пришел, княже. С полсотни людей с ним разных, – продолжал доклад воевода. – И наши, и чудины есть... и бабы.

Последнее слово Бряг выделил особо. Вадим понял, кивнул. М-да... с женщинами в граде пока было туговато. А князь уже разработал и внедрил демографическую программу. Стало быть, всем молодоженам по новой люльке, ложу и шкафу с мебельного производства выделялось. Да еще отрез ткани, да зерна али муки. А еще князь повелел всех бабок-повитух на строгий учет взять и следить, чтоб детей новорожденных в чистоте принимали. За умерших новорожденных князь обещал сыск учинять и наказывать нерадивых повитух, чтоб

¹⁰⁹ Мужний наряд – женское платье, понёва с вышивкой засеянного поля. Ромб ил квадрат, поделенный на малые четыре квадрата, в центре каждого несколько вышитых точек.

другим неповадно было. В целом программа работала, особенно если учесть, что времена-то были языческие, и мужики, коли могли прокормить, брали по две-три жены. Но то было скорее редкость, чем правило. Так и жили...

– Хорошо, – еще раз кивнул Вадим, – после – сразу давай волхва сюда. А теперь, что у нас с ратными делами.

Бояре держали слово по очереди. Воевода доложил, что дружина полностью готова. Щиты у всех, кожаные доспехи тоже. У всех конных кольчуги, мечи и копья. Останец поддержал отца и вставил, что стрел запасли вдоволь, у каждого лучника по четыре тула¹¹⁰ запасных стрел.

Марун отрапортовал, что припасы собраны: вяленое и сырое мясо, копченая рыба, мука, горох, лук и даже мёд.

Надей поведал князю, что в бочонках припасены жиры медвежьи и барсучьи, а также засушены травы и коренья, взято с собой много чистых холстин. Стало быть, к врачеванию ран все готово.

Карл и Свен Олафссоны поднялись разом и четко выпалили, что ладьи готовы, просмолены, весла запасные есть, ровно как и запасные паруса. Веревки, канаты, скобы, топоры – все уже свезено на суда.

– Добро, – подытожил князь, обведя всех долгим взглядом. – А теперь, други мои, радостная новость. – Вадим встал. Бояре тоже. – Объявляю, что Умила, дочь новгородского князя Гостомысла, жена мне теперь.

Ах, что тут началось. Бояре как дети малые запрыгали, закружили вокруг князя. Только воевода, сохраняя степенность, стоял в сторонке и улыбался. Вадима едва не схватили на руки, но он решительно сие пресек.

– Стоп. Хватит... Знаете, не люблю! На пиру напляшетесь.

– Уж мы, княже, пир устроим!

– Ого-го!

– Ладно-ладно... устроят они! Ишь! – князь игриво пригрозил им пальцем. – Дюже питиём не увлекаться. Поход скоро. Все. Все свободны. И пока есть время, все дела проверить и перепроверить! Воевода, давай волхва.

* * *

Старичок оказался интересный. С порога Злоторяр сдержанно поклонился и прошел на указанное князем место. Сел. Вадим оглядел гостя. С виду волхв как волхв – старик с длинными седыми волосами, на лбу перехваченными узорной тесьмой. Длиннополый некрашенный балахон и посох резной с головой сокола.

Вадим открыл было рот, чтобы начать знакомство, но Злоторяр сам повел речь.

– Многих лет тебе, князь Вадим, сын Вадима.

– И тебе здравия...

– Знаю позыв твой. Девку в жены ты взял ночью этой. Так?

Вадим кивнул, а сам подумал: «Вот, блин, прям допрос».

– Я все сделаю, – продолжил волхв, – обряд завтра проведем, я уготовлю место... Умила будет тебе хорошей женой.

– А я хорошим мужем... – вставил князь.

– Не знаю, княже, как сложится, – откровенно ответил Злоторяр. – Вижу битву на в твоих очах...

– Так на врага идем, отец¹¹¹.

¹¹⁰ Тул – колчан.

¹¹¹ Отец – почтительное обращение к волхвам.

– И это знаю. Посему и обряд надобно провести, негоже девку так брать, без укладу.

– Вено¹¹² я посылал с гонцами, если ты об этом.

– Это мне без надобности...

Волхв умолк, уставившись на свой посох. Пару секунд длилось молчание, и вдруг Злоторяр просиял ликом.

– Сын у тебя будет, княже.

– Вот уж дудки! Вадим Старый говорил, что... А ты знаешь его тайну? Про деторождение?

Злоторяр улыбнулся.

– Не верь всему, что слышишь. У прежнего князя Вадима был сын.

– Как? Ни фиги себе...

– Что ты сказал? – изумился волхв странным речам.

– Я говорю, дивно сие. Он мне сказывал, что... Хорошо, а куда же он делся?

– В день, когда враги подступили ко граду, сын князя погиб.

– А я...

Волхв вновь перебил Вадима.

– Ты сын князя Вадима Старого. Он так решил. Так решили боги!

– Ладно, спорить не будем, – примирительно произнес князь. – Ни к чему сие. Но вот еще – как насчет смерти? Старый говорил, что...

– Все мы смертны, лишь боги над нами вечны. Вижу, княже, твою муку. Убить тебя трудно, сила в тебе сидит от рода нашего. Трудно, но можно... А то, что при пожаре было, то морок, княже, а не смерть за тобой приходила.

– Вот ведь! – Вадим в сердцах стукнул по ручке стула. – Знал, что подвох в словах Старого будет! Ох, знал ведь...

– Не гневи богов, юный князь. Вадим Старый взял свое, а твое еще впереди! Мне пора, – волхв неожиданно поднялся. – Завтра к полудню проведем обряд на капище – не забудь.

– Да уж куда там...

* * *

Обряд пролетел для Вадима незаметно.

Умила стояла нарядно одетая, гости тоже разрядились, и, когда вещал Злоторяр, все гордо приосанились. Волхв кружил среди идолов, среди гостей, что-то колдовал, а у князя все как в тумане. Голова была забита воспоминаниями о старом князе, что так легко уступил ему свое место. Опять, в который раз что-то не срасталось. И оттого становилось тревожно. Не любил Вадим непонятки.

Потом девки пели обрядовые песни. Новобрачных посыпали зерном, мазали медом. Затем они возложили на жертвенник подношение строгим богам. После Умила кланялась Макоши и другим богам. И в довершение теперь уже мужу и жене вручили огромный каравай на рушнике, от которого они по очереди откусили. И вновь песни...

Так, в хороводе игривых девок, что мелькали разноцветными лоскутами и венками, вся процессия пешком добралась до града.

А там, в каменном тереме, в огромном зале на первом этаже уже стояли столы с яствами. Вадим почувствовал голод и, подхватив жену, занял главное место. Гости расселись и...

Толком поесть новобрачным не дали. Три тоста, быстрый перекус – и гости принялись улюлюкать и провожать их в опочивальню, с шутками и прибаутками. Главный смысл которых сводился к одному – идите, мол, задайте жару и княжича на радость всему

¹¹² Вено – выкуп за невесту.

княжеству заделайте!

– Ура!!!

Одинец выхватил меч, положил его на плечо и прошествовал к супругам.

– Просим вас, – с поклоном сказал боярин, сделав широкий жест рукой, мол, вставайте – пошли.

Их с песнями проводили до опочивальни, а Одинец с обнаженным мечом так и застыл у дверей. Стало быть, покой их охранять.

– Чего это они? – растерянно спросил Вадим, когда жена усадила его на стул.

– Обряд, Вадюшка, так надо, – она спешно стянула с мужа сапоги.

– А до ночи нельзя обождать?

– Обряд, Вадюшка, так надо... – повторила Умила, снимая одежду с супруга.

– Ну раз надо...

– Обряд, Вадюшка... – и она разделась сама.

Глава четвертая Сокрушая врагов

Этот взмах подобен крыльям смерти...

Целую седмицу Вадим был окружен заботой и вниманием жены. Умила ворковала на ушко, говорила о любви и все такое... Князь отвечал, поражая супругу витиеватостью изречений. Ибо на радостях Вадим умудрялся вплетать в разговор и стихи, и философские мысли далеких, еще не родившихся грамотеев. Княгиня быстро прибрала к рукам все хозяйство мужа, в рамках своей, так сказать, компетенции. Ложки, плошки, припасы, уборка... Челядь с появлением хозяйки заметно оживилась. Летала и исполняла быстро. Одним словом – Умила показала мужу, что она способная и деятельная хозяйка.

Но разлука была неизбежна, и Умила в день отправки дружины пребывала в понуром состоянии. Но при этом почти целый день не отходила от мужа ни на шаг. Он в оружейку, она за ним, он в кузницу, она туда же, князь на конюшню, а княгиня уже там, он в сортир...

– Ну, родная, – покачал головой Вадим, – так же нельзя.

Естественно, провожать она пришла и на пристань, где на волнах озера покачивались шесть новеньких ладей.

– Возвращайся скорее, любимый мой, – она встала на цыпочки и потянулась к нему.

Вадим поцеловал жену.

– Ну все-все, только не рюмить. Я скоро.

А Умила посмотрела на него так, словно он не на битву собрался, а налево. Вадима так и подмывало сказать: «Дорогая, я на войну, там женщин не будет». А она бы ему: «Обещаешь?!».

Князь улыбнулся своим мыслям и еще крепче прижал к груди жену.

– Ну все, родная. Пора.

Он запрыгнул на борт ладьи и помахал рукой.

Пристань была полна народом. Люди пришли проводить своих близких. Князь дал сигнал, взыграла дудка, и воины живо убрали концы. Весла оттолкнули корпуса судов от пристанища и...

Женские всхлипывания, рыдания и порхающие платочки провожали руссов в поход... «Да... – подумал Вадим, – в общем-то, все как обычно».

– Пум-пурум, пум-пурум, пум-пупу-рурум... – и князь забарабанил пальцами по борту, выбивая мотив прощание славянки.

* * *

Вадим с двумя сотнями руссов шел на ладьях, а пешая рать двигалась следом вдоль

берега. Они поднялись до Онеги, свернули на Свирь, и по ней, как по проспекту, оказались в Неве-озере. Пройдя по озеру, встали на ночевку подле Копиярве, где к ним присоединился Павел с тремя десятками воинов.

Поутру ладьи двинулись дальше. Однако погода стала портиться. Издалека потянулись темные облака.

– Быть грозе... – заметил Павел.

– До Волхова бы успеть – мечтательно произнес Вадим, глядя на приближение ненастья.

Суда руссов уже подходили к Волхову, когда от берега отделились четыре драккара и на полных парусах устремились на них. Небо, уже частично затянутое мраком, не пропускало солнечный свет. Момент для атаки выбран был весьма удачно.

– И что еще за наглость, – удивленно изрек Вадим и приказал трубить в дудки.

Ладьи развернулись носом к противнику.

– Варяги, княже, – вглядываясь в полосатые паруса, уточнил Одинец.

– Сам вижу! Лучники!

Расстояние быстро сокращалось и вот уже враги смогли обменяться стрелами.

– Навались! – прокричал князь руссов.

Он был намерен решить дело абордажем, так или иначе, но численный перевес был на его стороне. Варяги, не замечая этого очевидного факта, упрямо перли вперед. Над озером прокатился первый раскат грома.

Неожиданно дракары разошлись в стороны, разделившись по два. Они обогнули передовые ладьи руссов и устремились к двум задним, которые заметно отстали. Там, гребцам, видимо, не хватало сноровки. Вадим видел, как к его ладьям прилепились драккары, плотно обступив с обеих сторон.

– Поворачивай! Поворачивай! – кричал князь, видя, что они проскочили слишком далеко.

Наконец, маневр был закончен, они развернулись и споро пошли на выручку товарищам.

– Один!!! – летело над озером.

– Русь!

– Навались! – князь надел шлем, поднял щит. – Навались!

Бух! Тяжелые борта ладей с разгону впечатались в черные корпуса варягов.

– Ты не лезь! – князь остановил жестом друга. – Помогай лучниками!

Павел состроил гримасу, но возражать не стал.

– Русь! – надорвал глотку Вадим и, выхватив меч, сиганул на вражеский борт.

За ним последовали остальные дружинники. Князь сходу, не глядя, приложил викинга щитом, а второго угостил по кожаному шлему.

– Русь!

Рядом мелькнула секира. Вадим присел, и лезвие пронеслось мимо. Позади раздался возглас... Князь щитом сбил варяга с ног и пяткой съездил по морде. Добивать не стал, за спиной свои – позаботятся. Вскочив на рум, Вадим оглядел драккар. Массированная атака его дружинников оттеснила противников к мачте, где те, сжавшись в кулак, сдерживали натиск руссов.

– Русь!

– Один!

– Бабах! – ответило небо очередным ударом богов.

Среди викингов Вадим заметил рослого бойца в шлеме с полумаской и в кольчуге. Воин что-то кричал, раздавая команды. Вадим определил в нем главного.

– Русь! – гаркнул князь и ринулся к мачте.

Высоко подняв щиты, руссы навалились на варягов и теснили. В тесноте было весьма затруднительно орудовать секирами и мечами, и в ход пошли ножи, кулаки, зубы...

– Один!

– Русь!

Вадим щитом достал предводителя варягов, угодив тому в шлем. Воин качнулся, но устоял.

– Твою мать!

Князь не ожидал услышать это выражение на языке двадцать первого века. Вадим замер с занесенным мечом... и тут же схлопотал по шлему. Меч прошел вскользь, но, соскочив со шлема, угодил еще и по плечу.

– Сука! – выдохнул Вадим, и его меч ответил ударом.

Викинг подставил щит, но это уже не помогло. Одинец, бывший рядом с князем, навалился и вышвырнул северянина за борт. Взгляд Вадима вновь упал на главного у врагов. Тот в перекошенной ударом маске продолжал отчаянно рубиться. На глазах князя он срубил Маруна.

– Вот гад! Навались! Русь!

Еще напор, рывок... И вот Вадим рядом с целью. Он узнал его. Узнал глазами, нутром...

– Сигурд?!

Человек в полумаске остановил полет своего меча.

– Вадим?!

Руссы откинули варягов в стороны, так что перед Вадимом и Сигурдом образовалось небольшое пространство. Замешательство длилось всего секунду.

– Ты пришел забрать ее?! – выплюнул ярл.

– Что? Кого?

Но Сигурд уже не слушал. Вадим принял удар на щит и с силой оттолкнул.

– Угомонись!

Второй удар и третий слились в один. Сначала ребро щита пролетело над ухом, князь едва успел увернуться, а затем уже меч рванул кольчугу. Несколько колец порвалось...

– Ах ты, вражина! – вскипел Вадим и сам перешел в контратаку.

Их мечи встретились, противно лязгнул металл, выбивая снопы искр. Павел с ладьи видел, как бывшие товарищи сошлись в поединке. Ему неудержимо захотелось кинуться туда, где Вадим и Сигурд собрались поубивать друг друга.

– Один!!! – взревел Сигурд.

И великий предводитель дружин услышал его. Из нависшей тучи ударила огненная стрела и поразила мачту драккара, она мгновенно вспыхнула, словно сухая спичка. Льяной парус стал быстрой жертвой огня, а затем полыхающий зверь как безумный накинудся на румы и просмоленные доски бортов. Ему хватило всего нескольких секунд, чтоб полностью завладеть деревом. Вадим моментально потерял противника из виду. На корабле начался хаос. Кругом метались и орали охваченные пламенем люди, а огонь, словно почувствовав легкую добычу, гонялся по судну и пожирал все кругом. Павел уже заткнул нос – от тошнотворного запаха горелого человеческого мяса становилось не по себе. Вдобавок ко всему полыхнули конопляные канаты, и удушливый дурманящий туман стал заволакивать драккар.

– Один!!!

Хорошо просмоленное судно горело жарко, грозя изжарить абсолютно всех, кто находился на борту. Вот только...

Убийственное море огня почему-то не трогало только троих. Оно щадило Сигурда, обошло стороной Вадима и Павла. Так казалось со стороны, но эти трое ощущали огонь на себе, чувствовали, что и они тоже горят.

– Сигурд! – Вадим искал противника взглядом – Сигурд!!!

– Один! – раздалось где-то совсем рядом, но огонь и дым мешали видеть.

И на этот раз бог услышал призывную мольбу... Мир вздрогнул и словно раскололся, медленно поплыл в сторону... А затем ослепительно-яркий солнечный луч пробился сквозь мрачный занавес и озарил своим светом... музыку...

Звуки вцепились в уши и проникли в мозг...

В следующее мгновение огромная волна вздыбилась и понеслась, накрывая всю вселенную...

Глава Пятая Мы Дома

*Дыши полной грудью.
Ты дома, сынок.*

Почувствовав шлепок и боль, Павел вынырнул на поверхность. Продолжая барахтаться, он выплюнул жидкость, попавшую в рот и неожиданно для себя уперся ногами в дно. Юноша выпрямился – вода едва доходила до середины груди. Он быстрыми движениями протер глаза, освобождая их от влаги, и дико завертел головой. Было солнечно, хотя от залива тянул свежий ветерок.

– Ёллы-пукки, мать честная! – оглядевшись, воскликнул Павел.

И тут же рядом с ним вынырнул Вадим.

– Вадя!

– Тут я, тут, – отплевываясь, ответил князь руссов, – сам как?

– Нормально!

Вадим нащупал дно – встал. В руке был меч, он поднял его над водой и не поверил, что сохранил при падении.

– А вон и Сигурд! – прокричал Павел.

Когда глаза князя увидели друга, тот стоял с вытянутой рукой, указывая куда-то за его спину.

– Сигурд!

Вадим обернулся. Варяжский ярл с поднятым над головой мечом шел прямо на него. Князь руссов сделал пару шагов назад и тут над его головой раздался чей-то голос:

– Смотрите! Тут трое, кажись нажрались и решили того... утопиться!

– Ага!

– Точняк!

– Га-га-га...

Смеялись весело и задорно. Вадим поднял голову и обомлел – укрепленный камнем высокий берег, ограда, а за ней господа в исторических прикидах и говорящие на отменном москальском языке.

– Как водица, купальщики?! Не холодно?

– Не простудитесь ненароком.

А дальше он увидел до боли знакомую башню Святого Олафа и другие строения Выборгского замка. Играла музыка, шумел народ, по мосту сбоку громыхали машины.

– Еханий бабай...

Его удивление резко прервали.

– А этот смотри-ка – прет, как танк!

И только тут Вадим вспомнил о Сигурде, который был уже почти рядом, с занесенным для удара мечом. Казалось, Сигурд не замечал ничего и никого кроме князя руссов. В голове горела одна мысль – убить!

Вадим резко провел вертикально поставленной ладонью по поверхности воды, и целый фонтан брызг устремился в лицо нападавшему.

– Хорош! Порезвились, Андрюха!

То ли вода была слишком мокрая, освежающая, то ли призыв Вадима так подействовал (он никогда раньше не называл его Андрюха), но Сигурд замер. Его взгляд уперся в недавнего врага, а затем глаза дрогнули и поплыли вверх. Сомнений не осталось – он увидел то, что секунду назад увидел сам Вадим – Выборгский замок во всей красе. Мозг Сигурда

впал в ступор, медленно поглощая увиденную картину.

– Вадя! – Павел тоже был уже рядом, – Что с ним?

– Шок...

Сигурд еще некоторое время ошарашено лицезрел высокую башню, а затем и вовсе запрокинув голову проорал:

– Один! Не-е-е-ет!!! Нет!

– Да, Сигурд, да, – спокойно ответил ему Вадим, дождавшись, когда его крик потонет в городском шуме, – мы дома.

– Господа, – официально обратился Павел к невольным зрителям их купания, – а не подскажите ли, что тут происходит?

Ему ответил дружный хохот, а потом дребезжащий от смеха девичий голос произнес:

– Пить надо меньше, фестиваль у нас. А у вас что?

Павел оглядел себя, Вадима и Сигурда. Их более чем исторические наряды говорили сами за себя.

– У нас, по-видимому, тоже... фестиваль...

– Вот и славно, – слегка уняв улыбку, продолжила девушка, – выбирайтесь из воды. Ребята, чего стоите – помогите им.

– Ага.

– Щас поможем.

– Это надо было в воду забраться.

– Ну... еще и в прикидах...

– И с мечами...

– Ха-ха...

– Вот чудачки. Давай руку – помогу.

Их по-очереди вытянули на берег.

– Ну и видок у вас...

– Нормально, – за всех ответил Вадим.

– А ты чего такой смурной? – спросила девушка Сигурда, поднявшегося на берег последним.

– Отстань, – не очень вежливо огрызнулся недавний ярл Альдегьюборга и отвернулся в сторону.

– Но-но, ты потише, – вперед выступил крупный парень с длинными волосами, – не надо обижать нашу Алёну!

Вадим хотел вмешаться, он уже открыл было рот, чтобы предотвратить накал страстей, но не успел. Сигурд метнулся к девичьему заступнику и ухватил парня за горло. Он проделал это так быстро, что никто не успел среагировать.

– Что ты там вякнул, сопля зеленая? – рявкнул Сигурд, едва не забрызгав парня слюной.

Руки сжались сильнее, лицо парня покраснело и, естественно, он не смог выдать ни звука. Зато Алена, испуганно взвизгнув, отскочила в сторону, чуть не плача.

– Ну?! – поторопил взбешенный варяжский ярл.

– Сигурд, отпусти его! – приказным тоном изрек Вадим, делая шаг вперед, и рука белоозерского князя потянулась к мечу.

Ярл повернул голову на голос. Его глаза источали столько ненависти, что, наверное, хватило бы на весь этот бренный мир. Но Вадиму стало отчего-то жаль своего бывшего товарища. Он прекрасно понимал, что это перемещение нисколько не радует Сигурда. Кем он будет здесь, в двадцать первом веке – инженером? Учителем? Президентом?! А там он – ярл.

Ярл – это звучит гордо... даже слишком гордо...

– Отпусти парня! – повторил свое требование Вадим.

– Что, князь, радуешься?! Домой возвратился?! – Сигурд неожиданно отпустил парня, – нашли-таки дорожку обратно? А ты! – он посмотрел на Павла. – Чего стоишь?! Поспешай к

своей Настеньке под титьку! Чего тебе там, – он картинно махнул головой, – не хватало?!

– Тебя, – на удивление спокойно отреагировал Павел, – тебя не хватало. Только не такого, как сейчас, а нормального Андрея.

– Да сожри вас Гарм!!! Вместе с потрохами! Вот и катились бы вдвоем. Я-то вам, зачем сдался?! Мне и там было хорошо! – он ткнул пальцем куда-то вверх. – Слышите меня?! По буквам – Х-О-Р-О-Ш-О!!!

Схваченный и почти удушенный Сигурдом парень начал приходить в себя. Он отрывисто кашлял, чихал и пытался растереть руками шею. Стоящие вокруг фестивальщики, затаив дыхание, слушали их диалог, и по их глазам было очевидно, что они мало чего понимают из происходящего. Однако следили за действием явно с любопытством.

– Угомонись, наконец! – пытаюсь отрезвить ярла, изрек Вадим.

– Лично я хотел вернуться – да! Но как это вышло, я не знаю, – вновь вмешался Павел, – это случайно...

– Да идите вы... Все! – Сигурд обреченно махнул рукой, резко отвернулся и зашагал вглубь замка, оставляя после себя мокрые следы.

– Чего это сейчас было? – рассеянно спросил один из свидетелей происшествия.

– Это долго... – качнув головой, ответил Вадим.

* * *

Они постояли в молчании несколько секунд. «Удушенный» парень вконец пришел в себя и даже уже пытался искать глазами обидчика и изрыгал на его голову проклятья, обещая отомстить.

– Остынь, – безэмоционально порекомендовал ему Вадим, – не стоит...

Но и друзья потерпевшего тоже отлично понимали всю бесперспективность затеи, а потому поспешили успокоить парня.

– Мужики, вы бы дали нам обсохнуть, – попросил Вадим и, не дожидаясь реакции, принялся стягивать с себя мокрую рубаху.

– В самом деле... действительно, ребята – пойдете, – подала голос Алёна и, обратившись к Павлу, добавила: – наш клуб вон там стоит, два больших шатра, видите?

– Ага, – кивнул Павел.

– Приходите.

– Обязательно. Спасибо.

Девушке удалось увлечь всю компанию, и они удалились, о чем-то загадочно перешептываясь. Напоследок Вадим краем уха уловил конец фразы:

– А вы видели, какие у них мечи...

Друзья взглядом проводили зевак, продолжая обнажаться. Павел первым заметил слева пару раскидистых кустов.

– Давай там, что ли?

– Пошли...

Предварительно отжав вещи, они аккуратно развесили их на ветках.

– Вещи-то еще ладно – просохнут, а вот сапоги...

– Да не беда, Паш, как-нибудь...

Они уселись подле кустов, призадумались.

– С корабля да прям на бал, – первым нарушил короткое молчание Вадим.

– Да уж... – протянул друг, разглядывая зеленоватые воды канала, – как думаешь, этот куда направился?

– Сигурд? Не знаю.

– Расстроился парень...

– А что делать? – Вадим передернул плечами, – такова жисть!

– Нет, все равно интересно, куда он перво-наперво настрополился?

– Да домой, конечно. Мать-то помнит – не забыл. Она, поди, извелась уже...

– Так, а нам куда ж теперь?

– Так тоже по домам, Паш. А куда еще? По домам.

– Ага... по домам, – и Павел вдруг отчетливо представил себе заплаканное лицо Насти, которое мгновенно сменилось грустными глазами Уллы. Как она там?

– Вопросов будет – закачаешься, – Вадим почесал затылок.

– Да уж... вот как я все Насте объясню.

– А ты ей правду расскажи.

– Ага, и в этот же день поеду в «дурку»... прямой дорогой!

– Да брось ты...

– А что брось, Вадя? Вот ты бы поверил? Ладно-ладно... ты бы поверил, а вот она ни за что не поверит. Нет... правду говорить нельзя – это сразу больничка, эх...

– Ну тогда не знаю... придумай что-нибудь...

– Ага, придумай, легко сказать...

И тут произошло то, чего ни кто из них ну никак не мог себе представить.

– Паша!!! – душераздирающий крик радости содрогнул округу, – Пашенька!!!!

Друзья молниеносно обернулись.

– Настя?! – Павел не поверил своим глазам. – Ты-то как здесь?!

– Начинай придумывать отмазку, – шепнул другу Вадим.

А девушка уже бежала, заливаясь слезами радости.

– Я знала... знала, что найду тебя!

– Но как? – Павел вскочил на ноги.

Настя с разбегу кинулась на вновь обретенного жениха.

– Я знала, знала, – как замороженная повторяла она, крепко обвив его руками за шею.

– Настя... Настенька, успокойся, – Павел нежно поцеловал ее дрожащие губки, – не надо, все хорошо.

Вадим так залюбовался этой трогательной сценой, что и не заметил, как сбоку появились еще двое в тусклых цивилизованных костюмах.

– Добрый день.

Вадим обернулся на голос и машинально вскинул руку к ножнам.

– А вот этого, простите – не надо, – сказал один из них.

Краем глаза Вадим уловил, что картина встречи влюбленных еще продолжается. Они, поглощенные друг другом, пока не замечали новоявленный гостей.

– А вы, собственно, кто?

– Капитан милиции, Иванов Александр Данилович. А это, – он кивнул на коллегу, – лейтенант Бобров.

– А можно ваши удостоверения?

– Пожалуйста, – в один голос ответили милиционеры и распахнули «ксивы».

– Понятно.

– А вы кто? – наконец-то их заметил Павел.

– Паша, это товарищи милиционеры.

Павел сделал удивленные глаза, но его одернула невеста и что-то принялась нашептывать ему на ухо.

– Так, а что вам, собственно, угодно? – задал Вадим главный вопрос, уже поднявшись с земли.

– Ничего особенного. Видите ли... мне было поручено ваше дело...

– Какое дело?

– Дело о вашем исчезновении.

– А-а-а, это, – догадался Вадим, – тогда ясно.

– Мы, конечно, очень рады, – продолжил Александр Данилович, – что вы все же нашлись. Хотя не скрою, я был искренне удивлен.

– И чему?

– Ну как? Год спустя, и на том же самом месте... почти в то же самое время.

Фестиваль, опять же...

– Бывает... – Вадим безразлично пожал плечами.

– А я предупреждал Анастасию, что если вы живы, то...

– Прошу вас, Александр Данилович – не надо, – взмолилась девушка и в ее покрасневших глазах, вновь заблестели слезы.

– Хорошо, об этом после. Так что – пойдете, и вы нам все по порядку расскажете. Что? Где? Когда?

– Ну, раз надо... – Вадим принялся одеваться. Павел последовал его примеру.

Одеваясь, они оба думали об одном и том же – как же чертовски трудно, почти невероятно будет объяснить им, рассказать всю правду.

– Кстати, – капитан хлопнул в ладоши, – вас же было трое. А где же еще один?

Друзья переглянулись и одновременно пожали плечами...

* * *

Капитан попросил подождать в сторонке и не расходиться. Друзья и Настя устроились на бревне подле башни Святого Олафа.

– Настёна, а нет у тебя попить чего, – ласково попросил Павел.

– Нету. Ой, я сейчас, – и девушка умчалась к торговцам.

– В сущности, мы ничего такого не сделали, – вздохнул Павел, проводив невесту долгим взглядом.

– Ну, как сказать... – Вадим повернулся к другу, – как сказать...

– Нет, правда, Вадя, к чему все это было?

– Ты же раньше не интересовался историей.

– Да я так, к слову... Хотя знаешь, мне интересно. Именно сейчас, когда нам удалось вернуться. Блин, Вадя я спать не буду. Какого черта мы делали в этом учебнике истории? Если глобально мыслить...

– Ну, – Вадим развел руками, – я, конечно, не могу объяснить всего... Но кажется, что нам все же удалось кое-что сделать.

– И что, хотелось бы знать?

– Детей!

– Детей?

Друзья переглянулись и одновременно засмеялись.

– Ты только... ха-ха... ой, Насте не говори, – взмолился Павел.

– Ага... Ты не поверишь... – едва сдерживаясь от смеха, проговорил Вадим, – не поверишь... ха, если узнаешь... ой, не могу... как я наказал жене назвать сына...

Эпилог

*Мне будет вместо жизни
Память о тебе...*

В конце февраля, точно в срок, Умила, дочь новгородского князя Гостомысла родила сына. Родила крепкого и здорового. Радоваться бы ей, что подарила князю наследника, а она горевала. Горевала, что недолго длилось ее супружеское счастье. Едва успели отгреметь свадебные пиры, и вот она ни вдова, ни жена. Тела князя так и не нашли. Его ладья сгорела...

Его искали, питая надежду, что, быть может, князь успел выпрыгнуть, смог выплыть. Ах, он был в кольчуге... Но он мог... мог...

Дружинники осмотрели берега, все ручьи и затоны, но нет. Не нашли они своего князя, не нашли...

К волхву посылала Умила, да и не раз сама ходила на капище, просила, умоляла, но тщетно. Не знал Злотояр ничего или не хотел говорить, а может, и в самом деле боги не видели судьбы ее мужа.

Она долго не соглашалась надевать поминальное платье. Но прошло время, и надела Умила траур, и оплакала мужа. Горько оплакала. Слезы текли по щекам, обжигали. Щемило сердце от горя. Боль, боль, нескончаемая боль... и не было ей радости в том, что ушел ее муж, ушел, как подобает воину в битве с врагом. И говорили ей, что срубил князь в той сечи самого ярла варяжского. Но разве от этого легче? Разве уймется печаль, даже зная, что дружина люто отомстила за гибель князя? Разве станет меньше рана, от того что этот ненавистный борг варяжский разрушен, испепелен, а все враги утонули в своей собственной крови? Как не думать о милом? И что теперь? Одна забота – сын! Его сын.

– Как, княгиня, наречешь сына? – спросил седой волхв.

– Ты сам знаешь!

– Знаю... на то воля богов.

– Пусть так! Я не стану перечить воле богов, тем более что и муж мой... – она осеклась, опустила глаза.

– Знаю, – тихо изрек Злотояр, – знаю...

– Пусть так, – повторила Умила.

– Тогда выйди к людям, княгиня, покажи им сына. Дружина желает видеть юного княжича.

Женщина медлила. Она ладонью вытерла слезы и глубоко вздохнула.

– Идем...

Укутав ребенка, она взяла его на руки и подошла к двери.

– Не тревожься, княгиня, – почти ей на ухо прошептал старик, – смелее, они ждут.

Княгиня совладала со своими чувствами, горделиво вскинула голову, и волхв толкнул дверь. Яркий солнечный свет на миг ослепил ее, она зажмурилась... ей показалось, что она видит его. Муж ласково улыбается и одобрительно покачивает головой...

Выйдя на высокое крыльцо терема, Умила обвела взглядом двор. Дружинники, бояре, челядь, еще какие-то люди...

– Се князь ваш – Рюрик! – она протянула сверток вперед и немного наклонила, чтобы все могли увидеть румяное личико ребенка.

– Слава! – громко крикнул кто-то из воинов.

– Слава князю!! – его тут же поддержали десятки голосов. – Слава!

– Слава Рюрику!!!

– Слава князю!

Рюрик, она назвала его так, как просил муж. Очень просил. Ему так предсказал Злотояр...

Рюрик...

Но это уже совсем другая история, и как знать, может быть, именно тут начинается самое интересное.

Рюрик?!